VI 4/27

J 26/227
B.3

ПУТЕШЕСТВІЕ

АНТІОХІЙСКАГО ПАТРІАРХА МАКАРІЯ

ВЪ РОССІЮ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА,

описанное его сыномъ, архидіакономъ

Павломъ Алеппскимъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АРАБСКАГО

Г. Муркоса.

(По рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

(Москва).

НЧЗ
Т2

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1898.

Изъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1898 г.

2007051400

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Настоящій, третій выпускъ обнимаетъ первые $2^1/_2$ мѣсяца пребыванія патріарха Макарія въ Москвѣ, со 2 февраля по 15 апрѣля 1655 г., и содержитъ, по обыкновенію, массу разнообразнѣйшихъ и интересныхъ разсказовъ и описаній, собранныхъ любознательнымъ и неутомимымъ Павломъ Алеппскимъ.

При сличеніи арабскаго текста съ англійскимъ переводомъ оказалось (какъ это было и въ предыдущихъ выпускахъ), что англійскій переводчикъ сдѣлалъ мѣстами значительные пропуски, а именно, опустилъ служеніе въ недѣлю мясопустную (стр. 41—43), разсказы о пріемѣ грузинской царицы Елены и ея сына (стр. 86—87), о крещеніи касимовскаго царевича и польскаго пана (стр. 87—93), описаніе Успенскаго и другихъ кремлевскихъ соборовъ, Ивановской колокольни и приготовленій къ отливкѣ огромнаго колокола (стр. 97—114) и наконецъ служеніе въ Великую субботу (стр. 194—196).

Обстоятельное описаніе Успенскаго собора, доселѣ остававшееся неизвѣстнымъ, имѣетъ, безспорно, весьма немаловажное значеніе для отечественной археологіи. Оно относится къ 1655 г., слѣдовательно, ко времени вскорѣ послѣ того, какъ Успенскій соборъ былъ роскошно поновленъ стараніями патріарха Никона [1], и является прекраснымъ дополненіемъ къ дошедшимъ до насъ четыремъ описямъ Успенскаго собора [2], изъ коихъ первая относится къ началу царствованія Михаила Ѳеодоровича,

---

[1] Снегиревъ („Памятники Московской древности“, стр. 4) говоритъ объ этомъ: „при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, (соборъ) возобновленъ и святолѣпно украшенъ и въ 1652 г. сент. 9 освященъ былъ Никономъ, который, какъ самъ свидѣтельствуетъ въ грамотѣ своей, „построилъ многія священныя вещи Государевымъ жалованьемъ и своимъ келейнымъ избыткомъ““.

[2] Онѣ напечатаны въ „Русской Истор. Библіотекѣ“, издав. Археогр. Комиссіею (СПб., 1876 г. Т. III).

вторая—къ 1627 г., третья—къ 1638 г. и четвертая—къ 1710 г. Описаніе Павла Алеппскаго есть единственное въ своемъ родѣ; тщетно было бы искать подобнаго въ запискахъ другихъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVI и XVII вв.: какъ иновѣрцы, они не допускались въ наши храмы. Мы не нашли его и въ путешествіи православнаго и, подобно Павлу Алеппскому, духовнаго лица, Арсенія, архіепископа Элассонскаго, который пріѣзжалъ въ Москву въ 1588 г. вмѣстѣ съ Константинопольскимъ патріархомъ Іереміей.

Англійскій переводчикъ, противъ своего обыкновенія, не дѣлаетъ указанія на пропускъ этого описанія тамъ, гдѣ оно вставлено въ нашей рукописи, а именно, при разсказѣ о служеніи въ воскресенье сыропуста; но ранѣе, среди описанія служенія въ четвергъ на масленицѣ, онъ дѣлаетъ въ сноскѣ замѣтку о томъ, что опускаетъ подробное описаніе служенія на тринадцати страницахъ in folio, какъ не представляющее, по его мнѣнію, интереса для читателей. Мы полагаемъ, что англійскій переводчикъ ошибся, недостаточно внимательно просмотрѣвъ опущенный имъ отдѣлъ: навѣрно, въ немъ содержалось описаніе соборовъ, Ивановской колокольни и отливки колокола, только листы эти, очевидно, перепутаны въ Лондонской рукописи и попали не на надлежащее мѣсто, ибо конецъ опущеннаго Бельфуромъ описанія у него имѣется въ переводѣ (т. II, стр. 29), и именно тамъ же, гдѣ и въ нашей рукописи, но, страннымъ образомъ, начинается такими словами: „Возвращаемся. Число ступеней этой колокольни“ и пр., хотя раньше ни однимъ словомъ о колокольнѣ не упоминается. Переводчикъ какъ будто и не замѣтилъ этой несообразности.

Что касается свѣдѣній, сообщаемыхъ Павломъ Алеппскимъ объ отливкѣ огромнаго колокола, которой онъ былъ очевидцемъ съ начала до конца работъ, то они представляютъ исторію его въ совершенно новомъ видѣ. Свои замѣчанія по этому поводу мы помѣстимъ въ четвертомъ выпускѣ нашего перевода, гдѣ авторъ доканчиваетъ свой разсказъ о колоколѣ описаніемъ его отливки и поднятія.

Въ этотъ выпускъ вошло и все, напечанное нами раньше въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Русскомъ Обозрѣніи“, гдѣ нашъ переводъ печатается съ значительными пропусками; въ полномъ же видѣ издается только въ Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію.

КНИГА VII.

Москва.

Глава I.

Москва.—Въѣздъ патріарха въ столицу. Остановка и пребываніе его въ монастырѣ свв. Аѳанасія и Кирилла въ Кремлѣ.

Въ день Срѣтенія мы въѣхали въ городъ Москву. Сначала мы вступили чрезъ земляной валъ и большой ровъ, окружающіе городъ; потомъ въѣхали во вторую, каменную стѣну, которую соорудилъ дѣдъ теперешняго царя, Ѳеодоръ, коимъ насыпанъ также и земляной валъ. Окружность вала 30 верстъ; онъ снабженъ кругомъ деревянными башнями и воротами. Вторая же, каменная стѣна имѣетъ въ окружности семь верстъ. Затѣмъ мы вступили въ третью окружную стѣну, также изъ камня и кирпича, а потомъ въ четвертую, называемую крѣпостью. Она совсѣмъ неприступна, съ весьма глубокимъ рвомъ, по краямъ котораго идутъ двѣ стѣны и за которыми еще двѣ стѣны съ башнями и многочисленными бойницами. Эта крѣпость, составляющая дворецъ царя, [1] имѣетъ по окружности пять воротъ; въ каждыхъ воротахъ нѣсколько дверей изъ чистаго желѣза, а посрединѣ рѣшетчатая желѣзная дверь, которую поднимаютъ и опускаютъ посредствомъ машинъ. Всѣ бойницы въ стѣнахъ этого города имѣютъ наклонъ къ землѣ, такъ чтобы можно было стрѣлять въ землю, и потому никакъ нельзя ни скрыться подъ стѣной, ни приблизиться къ ней, ибо бойницы весьма многочисленны.

---

[1] Авторъ описываетъ Кремль.

По въѣздѣ нашемъ (въ Кремль) чрезъ царскія ворота, насъ помѣстили въ каменномъ монастырѣ, что близъ нихъ, мѣстѣ остановки патріарховъ; онъ во имя свв. Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ и другого Кирилла, извѣстнаго подъ именемъ Бѣлозерскаго, изъ ихъ новыхъ святыхъ.[1] Когда мы въѣхали въ городъ, наши сердца разрывались и мы много плакали при видѣ большинства домовъ, лишенныхъ обитателей, и улицъ, наводящихъ страхъ своимъ безлюдіемъ—дѣйствіе бывшей тогда сильной моровой язвы. Нашъ владыка патріархъ благословлялъ людей направо и налѣво, я же, архидіаконъ, вмѣстѣ съ архимандритомъ сидѣли, по обычаю, сзади у угловъ саней. Пріѣхавъ на мѣсто, мы пали ницъ и возблагодарили со многимъ славословіемъ Всевышняго Бога, Который даровалъ намъ милость и благоволилъ намъ увидѣть этотъ великій градъ, столицу, новый Римъ, городъ церквей и монастырей, славный во всемъ мірѣ, о коемъ мы разскажемъ, описывая его красоты, въ своемъ мѣстѣ. Съ нашей души спала великая забота и мы много радовались; да и какъ могло быть иначе, когда мы, стремясь сюда, цѣлые три года безъ десяти дней странствуемъ среди опасностей, страховъ и трудовъ неописуемыхъ? Теперь же благодаримъ Бога вторично и молимъ Его, чтобы Онъ, какъ привелъ насъ сюда цѣлыми и невредимыми, такъ же облегчилъ намъ и возвращеніе въ свою страну обогащенными и далъ намъ увидѣть свои родныя мѣста.

Возвращаемся. Къ намъ были приставлены отъ царя драгоманы для разговора и другіе люди для исполненія нашихъ порученій. Нашему владыкѣ патріарху назначалось съ царской кухни и царскаго стола ежедневно, во-первыхъ, хлѣбъ, затѣмъ рыба для четырехъ сортовъ кушанья, икра и много напитковъ: вишневая вода темнокрасная и свѣтлая, желтоватая, и большіе кувшины меда; для насъ же и служителей, кромѣ меда, доставлялся ежедневно большой боченокъ кваса, то-есть напитка изъ ржи и варенаго ячменя съ опьяняющимъ хмелемъ.

Знай, что ни архіереи, ни вообще монахи отнюдь не пьютъ водки явно: на нихъ наложенъ запретъ отъ патріарха, и когда найдутъ кого пьянымъ, то бросаютъ въ тюрьму, бьютъ кнутомъ или выставляютъ на позоръ, ибо питье водки—поступокъ гнусный, можетъ быть хуже прелюбодѣянія. Но торговцамъ, архіерейскимъ служителямъ и родственникамъ назначается по двѣ рюмки ежедневно.

---

[1] Кирилловское подворье находилось въ Кремлѣ, влѣво отъ Спасскихъ воротъ, противъ Вознесенскаго монастыря.

Переводчики учили насъ всѣмъ принятымъ порядкамъ, и кромѣ нихъ рѣшительно никто къ намъ не являлся, ибо существуетъ обычай, что до тѣхъ поръ, пока архіерей или архимандритъ не представится царю и не будетъ допущенъ къ рукѣ, ни самъ онъ не выходитъ изъ дому, ни къ нему никто не приходитъ, такъ что и мы совсѣмъ не могли выходить изъ дому. Таковъ обычай. Нашъ владыка патріархъ никогда не снималъ съ себя мантіи и панагіи, и никто даже изъ переводчиковъ не входилъ къ нему иначе, какъ послѣ доклада привратника, чтобы предупредить; тогда мы надѣвали на владыку мантію—посохъ же висѣлъ подлѣ него — и тотъ человѣкъ входилъ. Таковъ уставъ не только у архіереевъ, но и у настоятелей монастырей, ибо и они никогда не снимаютъ съ себя мантіи и клобука, даже за столомъ, и мірянинъ отнюдь не можетъ видѣть ихъ безъ мантіи.

Тутъ-то мы вступили на путь усилій для перенесенія трудовъ, стояній и бдѣній, на путь самообузданія, совершенства и благонравія, почтительнаго страха и молчанія. Что касается шутокъ и смѣха, то мы стали имъ совершенно чужды, ибо коварные московиты подсматривали и наблюдали за нами и обо всемъ, что замѣчали у насъ хорошаго или дурного, доносили царю и патріарху. Поэтому мы строго слѣдили за собой, не по доброй волѣ, а по нуждѣ, и противъ желанія вели себя по образу жизни святыхъ. Богъ да избавитъ и освободитъ насъ отъ нихъ!

Глава II.

Москва.—Возвращеніе патріарха Никона. Торжественный въѣздъ царя.

Въ субботу, 3 февраля, на другой день нашего пріѣзда, прибылъ въ свои палаты киръ Никонъ, патріархъ московскій, послѣ того какъ онъ съ августа мѣсяца находился въ отсутствіи въ степяхъ и лѣсахъ, изъ боязни чумы. Онъ поѣхалъ потомъ съ царицей къ царю въ Вязьму, куда тотъ возвратился изъ страны ляховъ и гдѣ остался, проведя здѣсь праздники Рождества и Крещенія. Долгое его пребываніе тамъ имѣло ту цѣль, чтобы совершенно исчезли слѣды моровой язвы въ столицѣ, гдѣ она продолжалась до Рождества. Мы очень обрадовались пріѣзду патріарха: это была первая пріятная вѣсть и радость послѣ заботъ и большой тоски. Стали приходить, одно за другимъ, извѣстія о скоромъ прибытіи царя. Въ пятницу вечеромъ, 9-го февраля, возвратилась въ свой дворецъ царица.

Въ субботу утромъ, 10 февраля, бояре и войска, по ихъ чинамъ, приготовились для встрѣчи царя, такъ какъ онъ провелъ эту ночь въ одномъ изъ своихъ дворцовъ, въ 5 верстахъ отъ

города. Въ этотъ день, рано поутру, царь, вставши, прибылъ въ монастырь во имя св. Андрея Стратилата, что близъ города, гдѣ слушалъ молебствіе. По выходѣ его оттуда, загремѣли всѣ колокола, ибо то мѣсто близко къ городу. Тогда вышелъ патріархъ въ облаченіи и митрѣ, поддерживаемый и окруженный, по ихъ обычаю, дьяконами; передъ нимъ священники въ облаченіяхъ несли хоругви, кресты и многочисленныя иконы; позади него шли архіепископъ рязанскій и четыре архимандрита въ облаченіхъ и митрахъ; тутъ были всѣ городскіе священники; одинъ изъ діаконовъ несъ подлѣ него крестъ на блюдѣ. Всѣ двинулись и встрѣтили царя у Земляного вала. Нашъ владыка патріархъ желалъ видѣть въѣздъ царя, но это было невозможно, пока онъ не послалъ испросить разрѣшенія у министра. Мы сѣли въ одной изъ келлій монастыря, гдѣ проживали, и смотрѣли тайно на торжественное шествіе и толпу изъ оконъ, выходящихъ на царскую (главную) улицу. Городскіе торговцы, купцы и ремесленники вышли для встрѣчи царя съ подарками: съ хлѣбомъ, по ихъ обычаю, съ посеребреннымі и позолоченными иконами, съ сороками соболей и позолоченными чашами. Показались въ шествіи государственные чины и войско. Вотъ описаніе ихъ процессіи. Сначала несли знамя и подлѣ него два барабана, въ которые били; за нимъ шло войско въ три ровныхъ ряда, въ ознаменованіе св. Троицы. Если знамя было бѣлое, то всѣ ратники, за нимъ слѣдовавшіе, были въ бѣломъ; если синее, то и ратники за нимъ въ синемъ, и точно также, если оно было красное, зеленое, розовое и всякихъ другихъ цвѣтовъ. Порядокъ былъ удивительный: всѣ, какъ пѣшіе, такъ и конные, двигались въ три ряда, въ честь св. Троицы. Всѣ знамена были новыя, сдѣланныя царемъ предъ отправленіемъ въ походъ. Эти чудесныя, огромныя знамена приводятъ въ удивленіе зрителя своею красотой, исполненіемъ изображеній на нихъ и позолотой. Первое знамя имѣетъ изображеніе Успенія Владычицы, ибо великая церковь этого города, она же патріаршая, освящена во имя Успенія Богородицы; изображеніе сдѣлано съ двухъ сторонъ. Это хоругвь той церкви, и за ней слѣдовали ея ратники. Второе знамя съ изображеніемъ Нерукотвореннаго образа, въ честь хитона Господа Христа, который находится у нихъ. На прочихъ знаменахъ—на однихъ былъ написанъ образъ св. Георгія или св. Димитрія и прочихъ храбрыхъ витязей-мучениковъ, на другихъ образъ св. Михаила архангела или херувимъ съ пламеннымъ копьемъ, или изображеніе печати царя—двуглавый орелъ, или военные кони, земные и морскіе, для украшенія, большіе и малые кресты и пр. Болѣе всего поражали насъ одежда и стройный порядокъ ратни-

ковъ, которые ровными рядами шли вслѣдъ за своимъ знаменемъ. Всѣ они, какъ только увидятъ икону надъ дверями церкви или монастыря или крестъ, снимали свои колпаки, оборачивались къ ней и молились, несмотря на ужасный холодъ, какой былъ въ тотъ день. Сотники, т.-е. юзбаши, съ сѣкирами въ рукахъ, также шли подлѣ знамени. Такимъ образомъ они продолжали двигаться почти до вечера. При приближеніи царя, всѣ они стали въ рядъ съ двухъ сторонъ отъ дворца до Земляного вала города; при этомъ всѣ колокола въ городѣ гремѣли, такъ что земля сотрясалась. Но вотъ вступили (въ Кремль) государственные сановники; затѣмъ показались царскія заводныя лошади, числомъ 24, на поводу, съ сѣдлами, украшенными золотомъ и драгоцѣнными каменьями, царскія сани, обитыя алымъ сукномъ, съ покрывалами, расшитыми золотомъ, а также кареты со стеклянными дверцами, украшенныя серебромъ и золотомъ. Появились толпами стрѣльцы съ метлами, выметавшіе снѣгъ передъ царемъ. Тогда вступилъ (въ Кремль) благополучный царь, одѣтый въ царское одѣяніе изъ алаго бархата, обложенное по подолу, воротнику и обшлагамъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями, со шнурами на груди, какъ обычно бываетъ на ихъ платьяхъ. Онъ шелъ пѣшкомъ съ непокрытою головой; рядомъ патріархъ, бесѣдуя съ нимъ. Впереди и позади него несли иконы и хоругви; не было ни музыки, ни барабановъ, ни флейтъ, ни забавъ, ни иного подобнаго, какъ въ обычаѣ у господарей Молдавіи и Валахіи, но пѣли пѣвчіе. Обрати вниманіе, братъ, на эти порядки, видѣнные нами! Всего замѣчательнѣе было вотъ что: подойдя къ нашему монастырю, царь обернулся къ обители монахинь, что въ честь Божественнаго Вознесенія, гдѣ находятся гробницы всѣхъ княгинь; игуменья со всѣми монахинями въ это время стояла въ ожиданіи; царь на снѣгу положилъ три земныхъ поклона предъ иконами, что надъ монастырскими вратами, и сдѣлалъ поклонъ головой монахинямъ, кои отвѣчали ему тѣмъ же и поднесли икону Вознесенія и большой черный хлѣбъ, который несли двое; онъ его поцѣловалъ и пошелъ съ патріархомъ въ великую церковь, гдѣ отслушалъ вечерню, послѣ чего поднялся въ свой дворецъ.

Жители, какъ знатные, такъ и простолюдины, радовались его прибытію; въ особенности же мы, бѣдные, исполнились великою радостью, ибо никто никакъ не ожидалъ, что царь возвратится изъ похода въ этомъ году, въ разгаръ войны со своими врагами, злыми ляхами. Его войска завоевывали крѣпости и города, убивали, брали въ плѣнъ, захватывали добычу. Никто не могъ устоять противъ нихъ. О Радзивилѣ и кралѣ прекратились вся-

кія вѣсти. Заботой и намѣреніемъ царя было не давать имъ отдыха и неотступно преслѣдовать, пока не уничтожитъ ихъ вконецъ. Поэтому большая часть его войска зимовала въ странѣ ляховъ. Но, какъ мы впослѣдствіи удостовѣрились, главною причиной его прибытія было желаніе повидаться съ нашимъ владыкой, какъ онъ самъ потомъ сказалъ это ему собственными устами, при свиданіи съ нимъ: „по-истинѣ, ради тебя, отецъ мой, я прибылъ, чтобы свидѣться съ тобою и получить твое благословеніе“. Впослѣдствіи мы это опишемъ.

При въѣздѣ своемъ въ городъ, царь, увидѣвъ его положеніе, какъ моровая язва поколебала его основанія, привела въ смятеніе жителей и обезлюдила большинство его домовъ и улицъ, горько заплакалъ и сильно опечалился. Онъ отправлялъ впередъ посланцевъ освѣдомляться у жителей объ ихъ положеніи, утѣшать ихъ въ смерти ихъ близкихъ и успокоивать. Когда онъ дошелъ до воротъ крѣпости большого дворца, надъ коими возвышается громадная башня, высоко возведенная на прочныхъ основаніяхъ, гдѣ находились чудесные городскіе желѣзные часы, знаменитые во всемъ свѣтѣ по своей красотѣ и устройству и по громкому звуку своего большого колокола, который слышенъ былъ не только во всемъ городѣ, но и въ окрестныхъ деревняхъ, болѣе чѣмъ на 10 верстъ, — на праздникахъ нынѣшняго Рождества, по зависти діавола, загорѣлись деревянные брусья, что внутри часовъ, и вся башня была охвачена пламенемъ вмѣстѣ съ часами, колоколами и всѣми ихъ принадлежностями, которыя при паденіи разрушили своею тяжестью два свода изъ кирпича и камня, и эта удивительная рѣдкостная вещь, возстановленіе которой въ прежній видъ потребовало бы расхода болѣе чѣмъ въ 25.000 динаровъ на однихъ рабочихъ, была испорчена—и когда взоры царя упали издали на эту прекрасную сгорѣвшую башню, коей украшенія и флюгера были обезображены и разнообразныя, искусно высѣченныя изъ камня статуи обрушились, онъ пролилъ обильныя слезы, ибо всѣ эти событія были испытаніемъ отъ Творца—да будетъ возвеличено Его имя!

Глава III.

Москва.—Сборъ войска. Вторженіе въ Украйну поляковъ и подвигъ Хмельницкаго. Ратники изъ кочевыхъ племенъ.

По возвращеніи своемъ въ столицу, царь послалъ въ области наказъ войскамъ поскорѣе собираться и спѣшить впередъ него въ Смоленскъ со всѣми военными припасами и тяжестями, что было сдѣлано съ цѣлью облегчить имъ походъ (переѣздомъ) на

саняхъ, по причинѣ морозовъ и замерзанія рѣкъ, ибо весной, лѣтомъ и осенью вся эта страна непроходима по обилію дождей, топей и грязи. Поэтому разгаръ войны у нихъ бываетъ въ морозное время, такъ какъ военныя дѣйствія очень облегчаются въ эту пору, въ особенности покореніе крѣпостей, ибо воды вокругъ нихъ и въ ихъ рвахъ замерзаютъ.

Въ то время какъ мощь ляховъ была такъ велика, Создатель сокрушилъ ее теперь въ конецъ, даровавъ (царю) побѣду и торжество надъ ними, за великую ихъ гордыню и высокомѣріе. У нихъ не было силы встрѣтиться съ царемъ лицомъ къ лицу, и посмотри, что они сдѣлали, услышавъ, что царь возвратился въ Москву. Они послали къ татарамъ и дали имъ золота въ такомъ изобиліи, что тѣ были изумлены, и потому отъ нихъ пришло на помощь (ляхамъ) въ нынѣшнемъ февралѣ около 50 тысячъ къ предѣламъ земли казаковъ. Отъ нѣмцевъ они также испросили на помощь 40 тысячъ, а изъ ляховъ, венгровъ и валаховъ собралось противъ московитовъ еще около 40 тысячъ, прельщенныхъ деньгами ляховъ и надеждой на добычу; всего же было около 130 тысячъ. Они вторглись внезапно въ страну казаковъ, и такъ какъ казаки были слабы, особливо въ эту пору морозовъ, когда они имѣютъ обычай возвращаться изъ похода съ Хмелемъ къ своимъ очагамъ, то тѣ, придя съ большою силой, неожиданно напали на множество базаровъ, сожгли ихъ, избили часть жителей и многихъ поплѣнили. Нѣсколько городовъ они взяли по договору—я говорю о вѣроотступникахъ ляхахъ—но, вступивъ въ нихъ, всѣхъ жителей перебили и совершили гнусности и злодѣянія, не поддающіяся описанію. Такъ какъ вторженіе ихъ было неожиданно, то они застали въ одномъ городѣ гетмана Хмеля, имѣвшаго при себѣ только три тысячи ратниковъ, и здѣсь осаждали его три дня. Онъ послалъ было звать на помощь полковниковъ съ ихъ ратниками, но враги перехватили его письма, такъ что никто о немъ не слышалъ, и продолжали осаждать его съ еще бо̀льшими усиліями, въ то время какъ никто изъ его людей или ратниковъ объ этомъ не зналъ. Будучи стѣсненъ до крайности, онъ вышелъ изъ города, утвердилъ свой таборъ съ пушками и, призвавъ на помощь Творца, употребилъ противъ враговъ уловку, пока не подманилъ ихъ къ себѣ, и тогда крикнулъ своимъ людямъ: „братья! этотъ день — нашъ“. Выпаливъ изъ пушекъ по непріятелямъ, онъ закричалъ имъ громкимъ голосомъ: „царь Алексѣй подходитъ“. Когда они услышали это, имъ ничего не оставалось, какъ бѣжать. Да благословенъ будетъ Богъ! Хмель со своимъ слабымъ войскомъ бросился преслѣдовать ихъ съ мечами; изъ пѣ-

шихъ ни одинъ не остался въ живыхъ, спаслись только всадники на лучшихъ коняхъ. Онъ не переставалъ гнаться за ними на три дня пути, пока не истребилъ изъ нихъ бо̀льшую часть. Люди, достойные вѣры, намъ говорили впослѣдствіи, что изъ всѣхъ сорока тысячъ нѣмцевъ ни одинъ не спасся, не спаслись ни жены, ни дѣти ихъ, съ ними бывшія, ибо у нѣмцевъ есть обычай, какъ мы неоднократно видали, выходить на войну не иначе, какъ съ женами и дѣтьми, говоря: „если мы спасемся, то спасемся всѣ, а если будемъ убиты, то будемъ убиты всѣ“. Непріятели не берутъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей. Обрати вниманіе на это ложное убѣжденіе!

Тогда Хмель послалъ извѣстіе царю о случившемся. Услышавъ это, царь пришелъ въ сильный гнѣвъ и далъ приказъ войску поскорѣе отправиться въ походъ.

Намъ разсказывали, что у царя въ этомъ мѣсяцѣ собралось болѣе 400 тысячъ ратниковъ изъ тѣхъ народовъ, кои не знаютъ Бога. Мы видѣли ихъ собственными глазами и всматривались въ ихъ отвратительныя, страшныя лица. Это разные роды татарскаго племени, обитающіе въ степяхъ вокругъ области Казанской до внутреннихъ частей Сибирской земли. Достойные вѣры историки разсказывали намъ, что подъ властью нынѣшняго царя состоитъ около пятидесяти разныхъ народовъ и языковъ, не знающихъ Творца, но поклоняющихся животнымъ, скоту, небу, солнцу, лунѣ, звѣздамъ и пр.

Примѣчаніе. Говорятъ, что татары-калмыки поклоняются огню и въ немъ сожигаютъ своихъ покойниковъ, при чемъ совершаютъ земные поклоны и славословія, радуясь раздѣленію (тѣла) на четыре стихіи: огонь, воду, воздухъ и землю. Ихъ лица безобразны, морщинисты; въ ушахъ они носятъ коралловыя серьги.

Говорятъ, что нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, когда у нихъ родится дитя, зовутъ московитскихъ священниковъ, чтобы они помолились надъ нимъ, окадили его и назвали именемъ какого-либо святого, послѣ же даютъ ему имя, какое имъ хочется, и нѣкоторые, по разсказамъ, даютъ новорожденному имя животнаго, какое встрѣтятъ, выйдя изъ дому. Мы разскажемъ въ свое время о положеніи этихъ племенъ. Названія этихъ татаръ слѣдующія: черемисы, калмыки, *кумуки*, башкиры, мордва, монголы, ногаи, черкесы и иные. Все это народы кочевые и живутъ въ степяхъ кругомъ Казани и Астрахани до отдаленнѣйшихъ частей Сибири. Самое удивительное изъ нихъ —племя мученика Христофора, которое ѣстъ человѣчье мясо, какъ мы увидѣли это впослѣдствіи. Всѣ эти народы собрались въ городѣ Москвѣ въ эти мѣсяцы, февраль и мартъ. Какъ мы видѣли собственными глаза-

ми, войско царя весьма многочисленно: всѣ эти племена — обитатели степей, какъ же велики должны быть войска изъ городовъ христіанскихъ! Число ихъ несчетно. По мнѣнію людей, достойныхъ вѣры, въ нынѣшнемъ году у царя соберется болѣе милліона, т.-е. десять разъ сто тысячъ, ратниковъ.

Архіереи и священники московитовъ проповѣдуютъ христіанство упомянутымъ народамъ, и тѣ спѣшатъ толпами креститься и принимаютъ вѣру отъ всего сердца. Мы видѣли крещеніе многихъ изъ нихъ въ рѣкѣ, происходившее предъ нашими глазами, но большинство приходитъ (креститься), прельщаемое платьемъ и царскими подарками въ видѣ денегъ и припасовъ.

Намъ говорили, что кто былъ въ походѣ въ прошломъ году, въ нынѣшнемъ не идетъ въ походъ, такъ какъ въ этомъ соблюдается очередь. Въ нынѣшнемъ году очередь пала на эти разнородныя племена, которыя доставили 400 тысячъ, по одному человѣку съ каждаго двора, какъ мы удостовѣрились. Патріархъ сообщалъ потомъ нашему учителю, что ратники царя весьма многочисленны; если бы онъ пожелалъ вести войну десять лѣтъ, и то до многихъ округовъ не дойдетъ очередь, по ихъ многочисленности. Можетъ быть, никто не повѣритъ этимъ сообщеніямъ, но неудивительно, братъ, что въ странѣ, длиной и шириной на четыре года пути, не можетъ быть мало жителей [1]. Объ этомъ мы также впослѣдствіи разскажемъ.

Глава IV.

Москва.—Перепись подарковъ, привезенныхъ патріархомъ Макаріемъ.

По прибытіи царя, визирь прислалъ къ намъ переводчика, т.-е. царскаго толмача, освѣдомиться у нашего владыки патріарха, каковы подарки, привезенные имъ для царя. Мы показали ему ихъ всѣ, и онъ записалъ ихъ по-одиночкѣ въ книгу, начиная съ священныхъ предметовъ до съѣдобныхъ, платковъ и прочаго, записывая, по своему обычаю, съ чрезвычайною точностью. Послѣ того какъ онъ ушелъ и представилъ все это визирю, послѣдній на другой день, въ воскресенье, прислалъ къ намъ своего секретаря, и этотъ записалъ подарки съ удивительною точностью въ другую книгу. Мы уже приготовили ихъ, каждый предметъ отдѣльно и въ приличномъ порядкѣ, взявъ для нихъ деревянныя, украшенныя рѣзьбой блюда, которыя устлали, по ихъ обычаю, бумагой и покрыли всѣ шелковою матеріей, красною и розовою. На мнѣ, убогомъ, пищущемъ эти стро-

[1] По Петербургской рукописи: „что въ странѣ... много жителей“.

ки, лежала забота обо всѣхъ этихъ дѣлахъ: мои собратья и товарищи и иные люди могутъ засвидѣтельствовать, какъ я въ эту ночь приготовилъ болѣе ста блюдъ съ подарками, которые привели потомъ въ изумленіе всѣхъ, даже приближенныхъ царя, ибо никогда не бывало, чтобы кто-либо изъ патріарховъ подносилъ царю подобные многочисленные и разнородные подарки. Они никогда не видывали такихъ вещей, какъ: стиракса, манна, финики и финиковыя вѣтви, которыя мы привезли изъ Аданы связанными и тщательно сберегли. По прибытіи сюда мы мочили ихъ въ текучей водѣ, разложивъ ихъ во всю длину въ деревянномъ продолговатомъ сосудѣ, за два дня до поднесенія; вѣтви и листья расправились и стали зелеными, какъ будто свѣжіе, только-что срѣзанные, такъ что на нихъ всѣ дивились. Еще были: фисташки [1] алеппскія въ скорлупѣ и соленыя, восточный теревинѳъ, кассія (медъ дивій), высокій сортъ прославленной мастики; эти предметы приводили ихъ въ величайшее изумленіе, ибо они не знали ихъ даже по именамъ; развѣ только кассія и мастика къ нимъ попадали.

Обрати вниманіе на удивительный порядокъ, съ какимъ записывалъ упомянутый секретарь такъ: „лѣта 7163 отъ сотворенія міра, въ воскресеніе, 11 февраля, киръ киръ Макарій, святѣйшій изъ людей своего времени, патріархъ Антіохіи и всего Востока, прибылъ къ его величеству, высочайшему царю и самодержцу. Вотъ подарки, кои онъ привезъ съ собою отъ своего святого престола, и святыни изъ его священной страны". Первая изъ нихъ была превосходная критская икона, нами пріобрѣтенная, съ изображеніемъ лозы, которая выходитъ изъ Господа Христа и несетъ 12 учениковъ Его; Богъ Отецъ съ высоты, надъ Духомъ Святымъ, благословляетъ. Изображеніе исполнено кистью, приводящей въ изумленіе зрителя. Далѣе, икона св. ап. Петра, весьма древняя; сосудъ стараго мѵра, покрытый парчой; сосудъ новаго мѵра изъ того, которое мы сварили въ Молдавіи; чудесный индійскій ларецъ изъ слоновой кости, съ маленькимъ серебрянымъ замкомъ; внутри его стеклянный прозрачный сосудъ, въ родѣ чашки, покрытый парчой и запечатанный; въ немъ частица подлиннаго Древа Креста, испытаннаго на огнѣ и въ водѣ: въ огнѣ оно становится, какъ камень, а, остывая, принимаетъ прежній видъ, дѣлаясь чернымъ; въ водѣ опускается на дно, а не плаваетъ, какъ свойственно дереву; это

---

[1] Въ текстѣ передъ словомъ „фисташки" стоитъ слово *кумбазъ*, которое, по всей вѣроятности, означаетъ особый сортъ ихъ. Въ англійскомъ переводѣ оно передано словомъ cinnaƀar, киноварь.

вѣрный его признакъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ кусокъ Честнаго Камня съ Голгоѳы, обагренный кровью Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, подлинный, съ признаками и свидѣтельствами, ибо кровь, когда окрасила камень, измѣнилась въ своемъ свойствѣ: камень сдѣлался подобнымъ куску серебра, на которомъ божественная кровь блестѣла, какъ золото, и сверкала, какъ раскаленный уголь, къ изумленію смотрящихъ. Эти многоцѣннѣйшія сокровища пріобрѣли мы въ Константинополѣ при содѣйствіи добрыхъ людей, купивъ за большую сумму золота, ибо царствующій градъ доселѣ хранитъ много подобныхъ сокровищъ. Когда мы тамъ были, явилась въ подворье Воскресенія (Іерусалимское) одна вдова и подарила настоятелю икону Владычицы, извѣстную подъ именемъ Влахернской. Это та самая икона, которую нѣкогда патріархъ обносилъ кругомъ стѣнъ города, при чемъ она обратила въ позорное бѣгство напавшихъ на него враговъ. Женщина разсказала, что нашла ее въ стѣнѣ своего дома, съ горящей передъ нею лампадой. Мы были тогда въ отсутствіи въ Ени-Кёѣ. Прибывъ въ праздникъ Рождества, по приглашенію патріарха, на то подворье, мы услышали разсказъ объ этой святой иконѣ, увидѣли ее и приложились къ ней. Она не нарисована красками, но какъ будто тѣлесная или изображенная мастикой, ибо части ея тѣла сильно выступаютъ съ поверхности доски, къ большому удивленію смотрящаго [1]. Нашъ владыка патріархъ употреблялъ всѣ старанія, предлагая много червонцевъ, чтобы получить ее отъ упомянутаго настоятеля, но напрасно. Впослѣдствіи игуменъ послалъ ее съ однимъ купцомъ царю московскому, который принялъ ее наилучшимъ образомъ и всю обдѣлалъ серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными каменьями, взялъ ее съ собою на войну и теперь, при возвращеніи, везъ передъ собою. Мы видѣли ее много разъ впослѣдствіи и прикладывались къ ней. Кромѣ лика и рукъ Владычицы и Господа ничего изъ нея не видно: все остальное покрыто золотомъ. Она какъ будто воплощенная. Царь взамѣнъ ея послалъ тому игумену 800 динаровъ кромѣ того, что далъ человѣку, который ее доставилъ. Поэтому-то игуменъ и не отдалъ намъ иконы.

Возвращаемся. Секретарь записалъ, послѣ частицы Креста и Божественнаго Камня, греческое Евангеліе, древній пергаментъ, которое мы привезли изъ Антіохіи, гдѣ оно находилось какъ вкладъ; панагія серебряная, вызолоченная, въ коей образъ пророка Захаріи, вырѣзанный изъ кости сына его, св. Іоанна Кре-

---

[1] По Петербургской рукописи: „внушая благоговѣйный страхъ“.

стителя; пукъ яркихъ свѣчей іерусалимскихъ, благовонный ладанъ, т. е. стиракса, коробка съ царскимъ мускуснымъ мыломъ, константинопольское мыло съ амброй, превосходное небѣленое полотно, мыло благовонное іерусалимское, мыло кусками алеппское, называемое антіохійскимъ, ладанъ вареный и невареный, манна, финики, пальмовая вѣтвь съ листьями, фисташки алеппскія, кои они зовутъ, какъ греки, *кедро*; также фисташки цѣльныя, въ скорлупѣ, и онѣ же соленыя, кассія, дорогая бѣлая ангорская шерстяная матерія, четыре чудесные дорогіе платка съ золотомъ. Это подарокъ для царя. Записавъ его, секретарь приписалъ: „антіохійскій патріархъ кланяется твоему царскому величеству симъ подношеніемъ“.

Потомъ подъ этимъ онъ записалъ такимъ же образомъ: этотъ даръ онъ подноситъ царицѣ: древняя, прекрасная икона складнемъ, сосудъ съ мvромъ, частица Крестнаго Древа, также кусокъ Честнаго Камня въ хрустальномъ сосудѣ, покрытомъ парчой, въ золоченомъ ларцѣ, кусокъ головного покрывала св Анастасіи мученицы, избавляющей отъ чарованій, въ ящикѣ изъ черной кости, обитомъ снаружи и внутри парчой, пукъ яркихъ свѣчей, стиракса, коробка мускуснаго мыла, мыла благовоннаго и алеппскаго, манна, финики, ладанъ, кассія, фисташки, жасминное масло въ хрустальномъ сосудѣ и два дорогихъ платка съ золотомъ.

Затѣмъ онъ ниже записалъ: „вотъ подарокъ царевичу Алексѣю, сыну царя Алексѣя“. Этотъ мальчикъ родился у царя въ прошломъ году въ этотъ именно день, т.-е. 12 февраля. Московиты и казаки имѣютъ хорошій обычай: когда родится младенецъ мужескаго или женскаго пола, его называютъ именемъ святого или святой того дня; а какъ по греческому часослову въ этотъ день память Мелетія, патріарха антіохійскаго, у нихъ же память св. Алексія, который былъ вторымъ митрополитомъ въ Москвѣ и называется чудотворцемъ, то царевича назвали его именемъ. Вотъ какіе были ему подарки: перстъ Алексія, человѣка Божія, и немного волосъ его въ серебряномъ, вызолоченномъ сосудѣ, сосудъ съ мvромъ, пучокъ яркихъ свѣчей, стиракса, мыло благовонное, манна, ладанъ, фисташки, миндаль, леденцы и платокъ съ золотомъ. Далѣе онъ записалъ ниже: вотъ подарки тремъ сестрамъ царя: три частицы мощей святыхъ женъ: старшей сестрѣ, по имени Ирина, частица мощей св. Анастасіи, второй, по имени Анна, частица мощей св. Марины, третьей, по имени Татьяна, частица мощей св. Февроніи мученицы; каждой по сосуду мvра и по платку съ золотомъ и часть изъ вышеупомянутыхъ подарковъ: стиракса, мыло двухъ сортовъ,

манна, ладанъ, фисташки, теревинѳъ, миндаль, леденцы и пр. Подарокъ каждой былъ приготовленъ отдѣльно, по старшинству. Затѣмъ онъ записалъ ниже: вотъ подарки тремъ дочерямъ царя: старшей Евдокіи, средней — Маріи и маленькой, которой отъ рожденія 15 дней, Аннѣ. Мы приготовили (подарки), также для каждой отдѣльно, изъ всѣхъ предметовъ, какъ означено для сестеръ царя, ибо таковъ обычай.

Секретарь записывалъ не сокращенно, какъ я, но со многими подробностями, по-одиночкѣ, дѣлая это неспѣшно и спокойно, къ нашему большому удивленію. Мы сильно безпокоились по причинѣ такихъ большихъ приготовленій и разстановки блюдъ съ подарками, для каждаго лица отдѣльно, пока всевышній Богъ не привелъ этого дѣла къ благополучному концу. Секретарь покончилъ запись, и мы покрыли всѣ блюда шелковой матеріей. Мы насчитали 180 блюдъ, ибо даже мvро и ковчежцы съ мощами святыхъ мы поставили на блюда для бо̀льшаго почета и уваженія. Секретарь ничего не записывалъ, не увидѣвъ собственными глазами, и отставлялъ (вещи) въ сторону одну за другой. Главная причина, почему они такъ заботливо записываютъ, та, чтобы ничто не утратилось и чтобы запись сохранилась для будущихъ вѣковъ, дабы объ этомъ вспоминали, говоря: во дни царя Алексія пріѣзжалъ антіохійскій патріархъ и поднесъ ему то-то и то-то и такъ далѣе до конца. Каждый царь имѣетъ отдѣльное казнохранилище, чтобы видѣли, какія преславныя святыни пріобрѣтены въ его царствованіе,—ради соперничества съ бывшими до него царями: въ этомъ ихъ тщеславіе. Въ примѣръ большой точности и излишне подробнаго записыванія, у нихъ принятаго, служитъ сообщенное намъ въ настоящее время драгоманами. Въ этомъ году прибылъ къ нимъ настоятель одного монастыря съ Аѳона; когда его разспрашивали о немъ и его монастырѣ, онъ сказалъ: „восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ мы послали такому-то царю частицу мощей такого-то святого“; открыли казнохранилище и записныя книги и нашли такъ, какъ онъ сказалъ. Обрати вниманіе на эту великую точность! Такъ поступили и теперь. Намъ разсказывали, что они открыли государственныя хроники и нашли, что 95 лѣтъ тому назадъ, при царѣ Иванѣ, коего имя извѣстно въ нашей странѣ, прибылъ къ нимъ антіохійскій патріархъ Іоакимъ и что съ того времени до сихъ поръ никто оттуда не пріѣзжалъ. По этой причинѣ, говорили намъ, богохранимый царь Алексѣй приказалъ, что весь тотъ почетъ, который былъ оказанъ прежнему патріарху, былъ оказанъ вдвойнѣ нашему владыкѣ,—все это сдѣлано имъ по его большой любви и великой вѣрѣ къ нему. Извѣстно,

что александрійскій патріархъ, а также іерусалимскій и константинопольскій пріѣзжали нѣсколько разъ, но антіохійскій патріархъ изъ арабовъ съ того времени къ намъ не пріѣзжалъ.

Возвращаемся. Когда секретарь кончилъ и положилъ каждый предметъ на свое мѣсто, мы дали ему подарокъ и онъ ушелъ.

Глава V.

Москва.—Торжественный пріемъ патріарха Макарія царемъ. Свиданіе его съ патріархомъ Никономъ.

Вечеромъ, наканунѣ понедѣльника, визирь прислалъ къ нашему учителю переводчика, т. е. великаго драгомана, который сказалъ: „визирь кланяется твоей святости, привѣтствуетъ тебя и сообщаетъ тебѣ радостную вѣсть“. При этомъ нашъ владыка патріархъ всталъ, по обыкновенію, и пожелалъ ему отъ Бога всякихъ благъ. Переводчикъ продолжалъ: „и увѣдомляетъ тебя, что благополучный, богохранимый царь самодержецъ кланяется твоей святости, спрашиваетъ о твоемъ здоровьи и благополучіи и проситъ, чтобы ты приготовился для свиданія съ нимъ завтра“. Тогда нашъ учитель воздалъ благодареніе Всевышнему Богу, сдѣлавъ земной поклонъ, и пожелалъ царю отъ Бога многихъ благъ. Переводчикъ удалился. У насъ настала великая радость, благодаря многочисленнымъ пріятнымъ извѣстіямъ, кои сообщали намъ драгоманы, о любви царя къ нашему учителю, которая оправдалась на дѣлѣ, ибо обыкновенно, по пріѣздѣ патріарховъ въ Москву, они имѣютъ свиданіе съ царемъ только спустя двѣ недѣли времени, что было съ киръ Паисіемъ іерусалимскимъ и киръ Аѳанасіемъ Пателяріемъ, низложеннымъ (патріархомъ) константинопольскимъ, нашъ же учитель (былъ принятъ) на третій день. Благодаримъ Всевышняго Бога, который утѣшилъ насъ, воззрилъ на насъ и расположилъ сердце царя любовью къ нашему учителю и милостью къ намъ.

Въ понедѣльникъ утромъ, 12 февраля, когда бываетъ память св. Мелетія, патріарха антіохійскаго,—обрати вниманіе на это совпаденіе!—могущественный царь благоволилъ имѣть свиданіе съ отцомъ киръ Макаріемъ, патріархомъ антіохійскимъ. Да будетъ благословенъ Богъ! Онъ прислалъ къ нему рано утромъ царскія сани. Такъ какъ въ этотъ день, какъ мы упомянули, приходится также память св. Алексія чудотворца, второго митрополита, бывшаго въ Москвѣ, коего монастырь по близости отъ насъ и патріаршихъ палатъ, и въ немъ почиваютъ его мощи, къ которымъ мы потомъ прикладывались, а у нихъ память этихъ

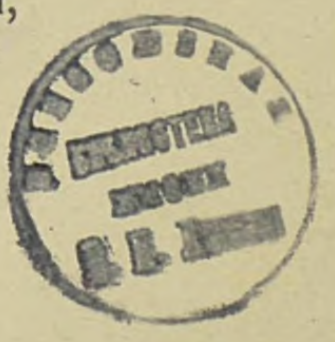
двухъ святыхъ въ великомъ почетѣ, рожденіе же царевича, сына царя, какъ мы упомянули, случилось въ этотъ самый день въ прошломъ году, то онъ сдѣлался праздникомъ втройнѣ, ибо у царя былъ большой сынъ, по имени Димитрій, скончавшійся нѣсколько времени тому назадъ, и потому рожденію этого сына чрезвычайно обрадовались. У московитовъ, отъ царя до простолюдина, есть обычай, что они отмѣчаютъ день рожденія своихъ дѣтей и ежегодно въ этотъ день устраиваютъ большой пиръ. Со всѣмъ этимъ совпало прибытіе патріарха антіохійскаго и приглашеніе его именно въ этотъ день для свиданія съ царемъ. Всѣ радовались, въ особенности же мы; и какъ намъ было не радоваться, когда мы цѣлыхъ три года со днемъ, со времени нашего выѣзда изъ Дамаска, стремились узрѣть свѣтлое лицо царя, сына царя, коего благодѣянія и добродѣтели вознеслись превыше Плеядъ и тверди небесной. Мы почувствовали облегченіе отъ утомленія, заботъ и всѣхъ злополучій, но находились въ большомъ страхѣ и трепетѣ, да и не могло быть иначе: если мы, представляясь Василію, господарю Молдавіи, чувствовали трепетъ и почтительный страхъ, что же теперь, при свиданіи съ могущественнымъ царемъ, коего слава разнеслась повсюду, у коего многіе слуги его слугъ достоинствомъ и именемъ важнѣе Василія!

Возвращаемся. Съ ранняго утра зазвонили въ колокола патріархіи и въ большой, и патріархъ Никонъ отправился служить обѣдню для царя въ упомянутый монастырь въ честь св. Алексія. Пришелъ опять грамматикосъ, т. е. упомянутый секретарь, имѣя въ рукахъ записную книгу, и привелъ съ собою сто стрѣльцовъ въ красномъ одѣяніи для несенія блюдъ. Онъ вызывалъ ихъ внутрь дома по десяти и, читая по книгѣ: во-первыхъ, икона такая-то, отдавалъ ее одному изъ стрѣльцовъ нести; далѣе читалъ: ковчежецъ съ древомъ Креста, муро, Евангеліе, панагія съ частицей мощей Іоанна Крестителя, пукъ яркихъ свѣчей, стиракса, ладанъ, манна, мыло мускусное, мыло благовонное и алеппское, финики, финиковыя вѣтви, фисташки, кассія. Былъ у насъ сосудъ съ душистою водой, которая замерзла въ сосудѣ и стала, какъ камень; хрустальный сосудъ треснулъ пополамъ, а вода осталась, стоя какъ кусокъ камня, къ удивленію смотрящихъ. Далѣе: бѣлая шерстяная матерія и четыре платка съ золотомъ. Когда кончено было съ подарками царя, мы покрыли ихъ, и секретарь, выславъ стрѣльцовъ во дворъ, привелъ другихъ, пока не покончилъ со всѣмъ, дѣйствуя спокойно, по правиламъ и по порядку, называя по записной книгѣ каждый предметъ отдѣльно, при чемъ осматривалъ его вторично,— все это

приводило насъ въ изумленіе. Всѣ стрѣльцы устанавливались въ рядъ на площадкѣ двора.

Царь, выйдя отъ обѣдни и возсѣвъ во дворцѣ, именно въ палатѣ, назначенной для пріема патріарховъ, послалъ съ приглашеніемъ къ нашему владыкѣ патріарху трехъ важныхъ сановниковъ изъ князей, изъ коихъ одинъ — судья судей, второй — великій стольникъ, т. е. начальникъ чиновъ царскаго стола, третій — хіямджи-баши, т. е. имѣющій попеченіе о царскихъ палаткахъ. При входѣ ихъ въ келью, нашъ учитель, обратившись къ иконамъ, пропѣлъ тихимъ голосомъ „Достойно есть“, по обычаю ихъ архіереевъ, когда къ нимъ кто-нибудь приходитъ. Они поклонились ему до земли, а онъ благословилъ ихъ настоящимъ московскимъ благословеніемъ, то-есть, на чело и плечи. Первый изъ нихъ подошелъ и сказалъ—а драгоманъ, тутъ стоявшій, переводилъ: „благополучный царь, величайшій среди царей, автократоръ, то-есть самодержецъ, всѣхъ странъ Великой и Малой Россіи, Алексѣй Михайловичъ, кланяется твоей святости и приглашаетъ твое блаженство, святой отецъ, киръ киръ Макарій, патріархъ великаго града Божія Антіохіи и странъ Киликіи, Иверіи, Сиріи, Аравіи и всего Востока, чтобы ты благословилъ его и оказалъ ему честь своимъ посѣщеніемъ. Онъ спрашиваетъ о твоемъ здоровьи и благополучіи“. Нашъ учитель, воздѣвъ руки къ небу, помолился, какъ подобаетъ, за царя, съ земнымъ поклономъ, и выразилъ много благожеланій. Обыкновенно, когда приходитъ кто-либо изъ сановниковъ царскихъ, архіерей встаетъ, равно встаетъ всякій разъ, какъ упоминаютъ имя царя и когда онъ присылаетъ ему столъ. Другіе два сановника также подошли и сказали то же. Нашъ владыка съ утра былъ одѣтъ въ мантію. Поддерживая его подъ руки, они спустились съ нимъ во дворъ и посадили его въ царскія сани, убранныя дорогими коврами, указавъ ему со всею точностью принятый порядокъ. У праваго ихъ угла сталъ, держась за нихъ, архимандритъ, а у лѣваго архидіаконъ; одинъ изъ служителей шелъ впереди съ посохомъ. Стрѣльцы, неся подарки, предшествовали длиннымъ рядомъ, одинъ за другимъ. Когда мы выѣхали изъ монастырскихъ воротъ, оказалось, что отъ самыхъ воротъ до царскаго дворца стояли въ рядъ съ обѣихъ сторонъ стрѣльцы, каждый со знаменемъ въ рукѣ, какъ это принято при встрѣчѣ патріарха и важнаго посла отъ кого-либо изъ государей. Нашъ владыка патріархъ благословлялъ ихъ, а они ему кланялись, пока мы не поровнялись съ великою церковью; тутъ владыка помолился на икону Владычицы, что надъ ея дверьми. Когда же приблизились къ церкви Благовѣщенія,

которая имѣетъ девять куполовъ, блестящихъ густою позолотой, то здѣсь его высадили, а царь въ то время смотрѣлъ изъ оконъ дивана (пріемной палаты), кои выходятъ на эту площадку и это мѣсто. Владыку, который имѣлъ въ правой рукѣ посохъ, повели, поддерживая подъ руки, вверхъ по лѣстницѣ, находящейся въ чудесной галлереѣ этой церкви. По обыкновенію, онъ помолился на церковь. Его встрѣтили три визиря, поклонились ему и сказали то же, что говорили первые, взяли его подъ руки, и когда поднялись съ нимъ по лѣстницѣ дивана, его встрѣтили еще три визиря и сдѣлали то же. Когда онъ приблизился къ внутреннимъ дверямъ дивана, оттуда вышли три самыхъ важныхъ визиря, встрѣтили его и ввели во дворецъ. Тутъ вышли ему навстрѣчу всѣ бояре, министры и приближенные царя. Привратники у дверей взяли его посохъ. Когда онъ вошелъ, а мы за нимъ, и приблизился къ высокому трону царя, то, обратившись къ иконѣ, которая надъ нимъ находилась, пропѣлъ „Достойно есть“ едва слышнымъ голосомъ, какъ учили его драгоманы, сдѣлалъ поклонъ передъ ней и затѣмъ поклонился царю, который, сойдя съ трона, встрѣтилъ его съ непокрытою головой и поклонился ему до земли. Когда онъ всталъ, нашъ владыка патріархъ благословилъ его по-московски, на чело, грудь и плечи и поцѣловалъ его, по обычаю, въ плечо; царь же поцѣловалъ владыку въ голову и облобызалъ его правую руку. Оба продолжали стоять. Царь спросилъ его чрезъ переводчика: „хвала Богу за благополучный твой пріѣздъ! какъ ты себя чувствуешь? какъ ты совершилъ путь? какъ твое здоровье?“ Нашъ владыка патріархъ, какъ подобаетъ, радостно пожелалъ ему отъ Бога многихъ благъ, и царь пригласилъ его сѣсть. Владыка сѣлъ близъ трона на кресло. Царь же взошелъ и сѣлъ на тронъ и началъ бесѣду чрезъ переводчика, разспрашивая о томъ и о другомъ. Всѣ вельможи въ одеждахъ, осыпанныхъ золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, стояли кругомъ палаты съ непокрытою головой, ибо царь былъ также съ непокрытою головой. Обыкновенно, въ присутствіи архіерея, онъ постоянно остается съ открытою головой: какъ же имъ быть иначе? Нами въ тотъ часъ овладѣлъ великій страхъ и трепетъ. Вѣнецъ царя, похожій на высокій колпакъ, весь украшенный крупнымъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, держалъ одинъ изъ приближенныхъ вмѣстѣ съ его черною тростью, которая походитъ на монашескій посохъ,—я полагаю, что это скипетръ царства. Его верхнее одѣяніе, похожее на саккосъ, было изъ желтой тяжелой венеціанской парчи и кругомъ, по подолу, прорѣзамъ, на груди,



воротникѣ и обшлагахъ обшито золотомъ и великолѣпными драгоцѣнными каменьями, ослѣпляющими взоры.

Когда царь возсѣлъ на тронъ, одинъ изъ его приближенныхъ подошелъ и, приподнявъ, сталъ поддерживать его правую руку, а министръ пригласилъ насъ поклониться царю и цѣловать его десницу. Мы шли одинъ за другимъ, по-порядку, кланялись издали, подходили, цѣловали его правую руку и возвращались, сдѣлавъ поклонъ вторично; (такъ продолжалось,) пока мы не ввели всѣхъ своихъ служителей. Греки называютъ этотъ пріемъ φίλημα χέρι „цѣлованіемъ руки“. Всякій, кто цѣлуетъ теперь руку царя, получаетъ отъ него подарокъ, смотря по своему положенію: если онъ настоятель монастыря, то получаетъ сорокъ соболей, камку и милостыню; если діаконъ, монахъ или ихъ родственникъ, то сорокъ куницъ или милостыню. По этой причинѣ съ нами вошли всѣ архимандриты, наши спутники, со своею свитой и цѣловали руку царя послѣ насъ. Всякій, кто пріѣзжаетъ въ теченіе года къ царю за помощью, архимандриты, монахи, бѣдняки, даже архіереи, ждутъ до того дня, когда прибудетъ патріархъ, архіепископъ или важный посланникъ отъ кого-либо изъ государей и царь пригласитъ его къ цѣлованію своей руки и свиданію: тогда эти люди входятъ вслѣдъ за нимъ.

Намъ разсказывали, что отецъ теперешняго царя, въ Бозѣ почившій Михаилъ, сынъ Ѳеодора, когда пріѣзжалъ къ нему посолъ отъ турокъ и на пріемѣ цѣловалъ полу его одежды, клалъ, въ знакъ дружбы, правую свою руку на голову посла, и лишь только этотъ уходилъ, приносили воду и мыло, и царь умывалъ руки, полагая, что онѣ осквернились отъ прикосновенія къ головѣ посла. Посмотри на эту набожность и вѣрованіе! Намъ разсказывали также, что въ старину, когда къ московитамъ пріѣзжалъ архіерей или патріархъ изъ греческихъ земель, они не допускали его къ служенію въ своихъ церквахъ, полагая, что онъ осквернился отъ турокъ; а также, когда пріѣзжали греческіе купцы, ихъ совсѣмъ не пускали въ церкви, дабы они не осквернили ихъ, будучи сами оскверненными. Ежели кто изъ нихъ оставался во имя царя [1], женился и дѣлался драгоманомъ, то священники ставили его, въ теченіе 40 дней, внѣ церкви, въ положеніи оглашеннаго, затѣмъ его помазывали мvромъ и по прочтеніи молитвъ вводили въ церковь, полагая, что онъ очистился. Впрочемъ, съ того времени какъ къ нимъ пріѣзжали Іеремія, патріархъ константинопольскій, Ѳеофанъ іеру-

[1] Выше (кн. V, гл. 10) авторъ пояснилъ, что остававшійся во имя царя получалъ отъ него содержаніе, но не могъ уже выѣхать изъ Россіи.

салимскій и другіе и имѣли съ ними общеніе, они привыкли къ иностранцамъ; но и до сихъ поръ, когда пріѣдетъ посолъ отъ турокъ или отъ франковъ, его вводятъ въ пріемную палату не по лѣстницѣ церкви Благовѣщенія, а чрезъ наружную дверь, что на срединѣ дворцовой площадки, ибо въ дѣлѣ вѣры они держатъ себя весьма далеко отъ иностранцевъ, чему мы видали съ ихъ стороны удивительные примѣры.

Возвращаемся. Архимандриты, поцѣловавъ руку царя, вынули граматы отъ своихъ монастырей или удостовѣреніе отъ одного изъ патріарховъ на имя царя, если таковое имѣлось, въ томъ, что они достойные люди. Визирь принялъ ихъ письма и отдалъ переводчику перевести ихъ на русскій языкъ, для прочтенія царю. При нашемъ учителѣ были письма отъ патріарха іерусалимскаго и его сопменника, кпръ Паисія Константинопольскаго, какъ рекомендація и правдивое о немъ свидѣтельство. Онъ передалъ ихъ царю, который, вставши, принялъ ихъ правою рукой и поцѣловалъ. При этомъ царь сказалъ ему: „о, батюшка! т. е. о, отецъ мой! ради тебя я прибылъ, чтобы свидѣться съ тобой и получить твое благословеніе, ибо давно уже слышалъ о твоемъ пріѣздѣ ко мнѣ и сильно желалъ лицезрѣть тебя. Я знаю твою святость и прошу тебя всегда взывать къ Богу и молиться за меня“. Нашъ учитель отвѣчалъ: „я человѣкъ грѣшный, но Богъ да дастъ тебѣ по сердцу твоему и по вѣрѣ твоей и да исполнитъ всѣ твои надежды! да даруетъ тебѣ побѣду, какъ даровалъ ее великому Константину и да сдѣлаетъ имя твое, вмѣсто автократоръ, монократоръ, какъ именуется онъ! да надѣлитъ тебя наслѣдствомъ его престола во вѣкъ!“ Услышавъ эти слова отъ него, царь былъ чрезвычайно радостенъ и, поклонившись ему, поцѣловалъ его десницу вторично. Въ то время какъ оба они стояли, ввели внутрь дворца стрѣльцовъ, которые несли подарки. Они стали въ рядъ. Министръ подошелъ и началъ брать блюда одно за другимъ и передавать нашему владыкѣ патріарху, а онъ вручалъ ихъ царю. Принимая блюда, царь всякій разъ цѣловалъ его десницу и то, что было на блюдѣ, и отдавалъ его казнохранителю, стоявшему справа отъ него, чтобы онъ разставлялъ блюда на окнахъ. Великій дефтердаръ, держа въ рукѣ записную книгу, читалъ громкимъ голосомъ: „патріархъ киръ Макарій Антіохійскій подноситъ царю то-то и то-то“. Когда царь бралъ отъ него блюдо, тотъ называлъ, что лежало на немъ, не спрашивая нашего учителя. Обрати вниманіе на эту точность! Царь спросилъ у нашего учителя только о фисташкахъ, ладанѣ и маннѣ, ибо русскіе, какъ мы упомянули, ихъ не знаютъ; онъ понюхалъ фисташки и, удивляясь имъ, сказалъ: „какая это благо-

словенная страна, Антіохія, что растутъ въ ней подобные плоды!“ Когда министръ покончилъ съ подарками царя, принявъ всѣ блюда до послѣдняго, царь обратился къ казнохранителю и приказалъ ему поставить ихъ отдѣльно на одномъ изъ оконъ.

Затѣмъ дефтердаръ началъ читать: „и подноситъ онъ славной царицѣ, княгинѣ Маріи, то-то и то-то“, при чемъ министръ передавалъ подарки нашему учителю, а этотъ царю, пока не кончились. Царь велѣлъ казнохранителю поставить ихъ на другомъ окнѣ.

Потомъ дефтердаръ читалъ: „подноситъ царю (царевичу?) Алексѣю—ибо такъ его всегда называютъ—то-то и то-то“, пока не кончилъ. Царь приказалъ казнохранителю поставить подарки въ другое мѣсто, отдѣльно, чтобы не смѣшались.

Далѣе онъ читалъ: „и подноситъ семейству царя: дочери царя Михаила, княжнѣ[1] Иринѣ, то-то и то-то, дочери царя, княжнѣ Аннѣ Михаиловнѣ, то-то и то-то и дочери царя, княжнѣ Татьянѣ Михаиловнѣ, то-то и то-то“. Когда онъ кончилъ, царь приказалъ поставить подарки каждой отдѣльно.

Затѣмъ онъ читалъ: „подноситъ дочери царя, княжнѣ Евдокіи Алексѣевнѣ, то-то и то-то, дочери царя, княжнѣ Маріѣ Алексѣевнѣ, и дочери царя, княжнѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, то-то и то-то“, пока не кончилъ всего. Читалъ онъ очень громкимъ голосомъ.

Царь пошелъ, все осмотрѣлъ, отодвинулъ въ сторону подарки каждаго и, вернувшись, благодарилъ нашего учителя и поклонился ему. Нашъ учитель отвѣчалъ поклономъ и сказалъ: „не взыщи на насъ, славный государь! страна наша очень далека, и уже три года, какъ мы выѣхали изъ нашего престола. Твое царство велико: прими это малое за большое“. Услышавъ такія слова, что онъ въ отсутствіи три года, царь сильно изумился и началъ много утѣшать его и хвалить его подарки, сказавъ: „по истинѣ, они въ моихъ глазахъ стоютъ многихъ сокровищъ“.

Нашъ учитель говорилъ съ драгоманомъ на греческомъ языкѣ, ибо, какъ мы упомянули, мы хорошо научились ему въ то время, когда находились въ обществѣ людей этого языка. То была намъ великая милость отъ Бога, ибо здѣсь совсѣмъ не терпятъ турецкой рѣчи и слышать ея не могутъ, думая, что осквернится ихъ слухъ. Всѣ драгоманы предостерегали нашего учителя, чтобы онъ отнюдь не говорилъ по-турецки. Разговаривая съ драгоманомъ, онъ нѣсколько запинался, ибо греки говорятъ быстро, а мы, хотя и научились ихъ языку, не въ состояніи говорить на

---

[1] Достойно замѣчанія, что Павелъ, совсѣмъ не зная русскаго языка и приводя русскія слова арабскими буквами, сдѣлалъ различіе между словами „княгиня“ и „княжна“.

немъ такъ же бѣгло, какъ они, такъ какъ языкъ у нихъ очень подвиженъ. Царь спросилъ драгомана: „почему патріархъ не говоритъ быстро?“ Тотъ отвѣчалъ: „потому что онъ сталъ обучаться этому языку недавно, но онъ знаетъ турецкій языкъ и, если царю угодно, будетъ говорить на немъ“. Царь сказалъ: „нѣтъ, нѣтъ! Боже сохрани, чтобы такой святой мужъ осквернилъ свои уста и языкъ этой нечистой рѣчью!“ Ненависть ихъ къ туркамъ очень велика. При вратахъ царя есть семьдесятъ переводчиковъ, знающихъ всѣ языки, но арабскаго не знаютъ. Богъ оказалъ намъ милость знаніемъ греческаго языка, иначе мы попали бы въ большое затрудненіе.

Возвращаемся. Драгоманъ сдѣлалъ знакъ нашему учителю; онъ поднялся, подошелъ и, ставъ противъ иконы, помолился на нее, потомъ поклонился царю, который также сдѣлалъ ему поклонъ, и попрощался съ нимъ. Послѣ того какъ онъ благословилъ царя вторично, этотъ взялъ его подъ руку и проводилъ почти до дверей, гдѣ и простился съ нимъ. Царь послалъ всѣхъ своихъ сановниковъ проводить его за выходную дверь, такъ что всѣ присутствовавшіе были изумлены этимъ почетомъ. Драгоманы говорили намъ потомъ, что почетъ, оказанный царемъ въ этотъ день патріарху антіохійскому, никогда не былъ оказанъ имъ другому патріарху. Обыкновенно, когда патріархъ пріѣзжаетъ въ Москву, то лишь черезъ недѣлю или двѣ царь его принимаетъ; во-вторыхъ, принимая патріарха кира Паисія іерусалимскаго, царь сошелъ до послѣдней, третьей ступеньки трона и привѣтствовалъ его; теперь же встрѣтилъ нашего владыку, отойдя (отъ трона) на довольно значительное разстояніе; когда первый подносилъ ему подарки, царь взялъ отъ него только святыни и, взойдя, сѣлъ на тронъ, остальныя же вещи принимали служители; въ третьихъ, простившись съ тѣмъ, царь не провожалъ его, какъ нашего учителя, поддерживая подъ руку, почти до дверей; въ четвертыхъ, онъ послалъ всѣхъ своихъ бояръ проводить нашего владыку за двери дивана; они возвратились, послѣ того какъ онъ всѣхъ ихъ благословилъ; въ пятыхъ, послѣ того какъ усадили его въ сани, царь послалъ съ нимъ сановниковъ отвести его къ патріарху для свиданія съ нимъ теперь же; а принято, что спустя три дня послѣ свиданія съ царемъ патріархъ посылаетъ ему *чолофита* (челобитную), т.-е. прошеніе, съ просьбой разрѣшить ему поѣхать къ патріарху, и царь посылаетъ послѣднему приказаніе изготовиться для его встрѣчи; нашего же учителя онъ отправилъ теперь, самъ пославъ дать знать патріарху. Однако, патріархъ іерусалимскій имѣлъ съ собою 35 человѣкъ: большое число архимандритовъ, діаконовъ и

монаховъ, служителей при лошадяхъ, родственниковъ: двухъ племянниковъ, отъ сестры и отъ брата, и брата, и архонтовъ, кои раньше были греческими купцами, съ которыхъ онъ взялъ, сколько хотѣлъ, чтобы сдѣлать ихъ архонтами. Въ характерѣ грековъ крайняя любовь къ величію и пышности, ибо, получивъ со всѣхъ, патріархъ составилъ изъ нихъ нѣсколько группъ, записавши одного архимандрита, діакона и келаря голгоѳскими, другихъ—виѳлеемскими, иныхъ—отъ св. Михаила, иныхъ—отъ св. Саввы, иныхъ—изъ Крестнаго монастыря—все съ тою цѣлью, чтобы быть окруженнымъ многочисленною свитой, главнымъ же образомъ изъ-за большой выгоды, которая доставалась ему отъ нихъ въ началѣ и въ концѣ (при отъѣздѣ), потому что, какую бы милостыню они ни получили лично для себя или для своихъ монастырей, патріархъ распоряжается ею, какъ пожелаетъ. Такъ, купцы, коихъ онъ сдѣлалъ архонтами, обыкновенно получаютъ милостыню отъ царя соболями и деньгами, а патріархъ бралъ ее себѣ, съ ихъ согласія. Такимъ же образомъ поступали Пателярій и большинство греческихъ архіереевъ, кои непремѣнно записываютъ при себѣ родственниковъ, ради выгодъ себѣ и имъ, называя ихъ по-гречески ἀνεψιός, а по-русски *бляникъ* (племянникъ).

Возвращаемся. Когда нашъ владыка патріархъ приблизился къ первой лѣстницѣ патріаршихъ палатъ, его встрѣтили два главныхъ архимандрита, поклонились ему до земли и сказали, читая по имѣвшейся у нихъ бумагѣ: „отецъ святой, блаженнѣйшій и владыка кпръ киръ Макарій, патріархъ великаго града Божьяго Антіохіи и странъ Киликіи, Иверіи, Сиріи, Аравіи и всего Востока! братъ твой и соучастникъ въ божественныхъ таинствахъ, господинъ киръ Никонъ, архіепископъ града Москвы и патріархъ всѣхъ странъ Великой и Малой Россіи, послалъ насъ, архимандритовъ монастыря такого-то въ такой-то области и монастыря такого-то въ такой-то области, встрѣтить твою святость, по слову Господа нашего Христа въ Его святомъ Евангеліи: „кто принимаетъ васъ, принимаетъ Меня“, и они опять поклонились ему до земли. Читали они по-русски, а драгоманъ переводилъ слово въ слово на греческій. Нашъ владыка патріархъ выразилъ подобающія благожеланія и благословилъ ихъ. Они взяли его подъ руки, вмѣсто бояръ, и повели наверхъ. Когда онъ дошелъ до второй лѣстницы, его встрѣтили два другіе архимандрита, которые, сказавъ и сдѣлавъ то же, взяли его подъ руки. При входѣ нашемъ во внѣшнюю часть палатъ, гдѣ находится третья лѣстница, вышелъ патріархъ Никонъ, одѣтый въ мантію изъ зеленаго рытаго, узорчатаго бархата, со скрижа-

лями изъ краснаго бархата, на коихъ въ срединѣ изображеніе херувима изъ золота и жемчуга, и съ источниками изъ бѣлаго галуна съ красною полоской въ серединѣ. На головѣ его былъ бѣлый клобукъ изъ камки, верхушка котораго имѣла видъ золотого купола съ крестомъ изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Надъ его глазами было изображеніе херувима съ жемчугомъ; воскрилія клобука спускались внизъ и также были украшены золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Въ правой рукѣ онъ держалъ посохъ. Онъ встрѣтилъ нашего учителя съ великимъ почетомъ, сказавъ: „отецъ святой, блаженнѣйшій, владыка киръ Макарій, патріархъ великаго града Божьяго Антіохіи и странъ Киликіи, Иверіи, Сиріи, Аравіи и всего Востока! Твоя святость уподобляется Господу Христу, а я подобенъ Закхею, который, будучи малъ ростомъ и домогаясь увидѣть Христа, взлѣзъ на сикомору, чтобы видѣть Его; такъ и я, грѣшный, вышелъ теперь, чтобы лицезрѣть твою святость“. Драгоманъ переводилъ его рѣчь на греческій слово въ слово. Затѣмъ онъ облобызался съ нашимъ владыкой и повелъ его во внутрь своихъ палатъ, весь полъ которыхъ былъ устланъ большими коврами. Оба они подошли, по обычаю, къ иконостасу, который всегда ставится надъ головой патріарха. Свѣчи горѣли. Они пропѣли „Достойно есть“, сдѣлали земной поклонъ и поклонились другъ другу. Затѣмъ патріархъ Никонъ снялъ свой клобукъ и просилъ нашего владыку патріарха благословить его. Съ трудомъ, послѣ многихъ отказовъ, онъ благословилъ его на чело, грудь и плечи, по ихъ обычаю, и они сѣли бесѣдовать чрезъ драгомана. Потомъ онъ всталъ и пошелъ во внутренніе покои, гдѣ снялъ свою зеленую мантію и надѣлъ другую, всегдашнюю, изъ рытаго узорчатаго бархата фіолетоваго цвѣта и бѣлый, также всегдашній, клобукъ съ однимъ вышитымъ изъ золота херувимомъ на челѣ, снялъ зеленое бархатное одѣяніе и надѣлъ красное бархатное, по ихъ обычаю, и вышелъ. Въ это время подходили всѣ бывшіе у него настоятели монастырей, протопопы, священники и дьяконы большіе и маленькіе (анагносты) и всѣ его бояре и кланялись нашему владыкѣ патріарху, а онъ ихъ благословлялъ. Всѣ стояли, по своему обычаю, съ непокрытою головой, какъ стоятъ постоянно бояре и народъ предъ священниками, а священники передъ патріархомъ и архіереемъ, равно и въ церкви.

Глава VI.

Москва.—Архіепископъ сербскій. Угощеніе патріарха Макарія за царскимъ столомъ.

По выходѣ нашего владыки патріарха отъ царя, былъ приглашенъ архіепископъ сербскій, который называлъ себя также патріархомъ и о которомъ мы упоминали въ разсказѣ о Путивлѣ, что онъ прибылъ изъ Валахіи съ большимъ тріумфомъ и путивльскій воевода отправилъ его внутрь страны. Главная его цѣль была застать царя раньше отъѣзда его въ походъ, но застать ему не удалось. Когда онъ проѣхалъ Калугу, министры, намѣстники царскіе, послали вернуть его назадъ на разстояніи трехдневнаго пути, къ большому позору его, говоря: „издревле мы не слыхивали, чтобы во вселенной былъ патріархъ кромѣ четырехъ на Востокѣ и нашего, поставленнаго съ ихъ дозволенія: это первая причина, вторая—та, что царь въ отсутствіи, а потому возвращайся назадъ; когда же онъ прибудетъ, пріѣзжай". Услышавъ это, онъ, въ виду испытанной имъ неудачи, сталъ бить себя по лицу, плакать и рыдать о своемъ положеніи; но какъ сербы, болгары, казаки и московиты имѣютъ одну и ту же письменность и языки ихъ сходны, — разница между ними небольшая—онъ написалъ посланіе патріарху, умоляя его дозволить ему остаться во имя царя на всю жизнь. Здѣсь существуетъ обычай, что даже убійца, если скажетъ это слово, избавляется (отъ казни). Поэтому послали вернуть его. При свиданіи его съ патріархомъ, послѣдній сильно бранилъ его и запретилъ ему даже произносить своими устами слово патріархъ. Тотъ кланялся ему, просилъ прощенія и остался жить во имя царя. Подъ конецъ, ученикамъ его надоѣло пребываніе здѣсь, ибо жизнь московитовъ очень стѣснена и никто (изъ чужестранцевъ) не въ состояніи переносить ея стѣсненій: человѣкъ видитъ себя постоянно какъ бы въ тюрьмѣ, ибо если кто проступится въ чемъ-либо или напьется пьянъ, то подвергается всяческимъ униженіямъ, а подъ конецъ заточенію. Поэтому даже всѣ купцы, хотя бы кто изъ нихъ былъ славой своего вѣка, даже персидскіе, живутъ въ страхѣ Божіемъ и смиреніи.

Возвращаемся. Послѣ того какъ этотъ важный господинъ былъ допущенъ къ рукѣ царя, онъ явился также къ патріарху Никону, поклонился обоимъ патріархамъ, и они благословили его, по обычаю. Въ это время царь прислалъ одного изъ своихъ придворныхъ пригласить обоихъ патріарховъ вмѣстѣ къ его царскому столу, довершивъ этимъ мѣру великаго почета, оказаннаго имъ въ этотъ

день нашему учителю,—да продлитъ Господь его царство во вѣкъ!—ибо, обыкновенно, послѣ допущенія патріарха къ рукѣ и возвращенія его къ себѣ домой, царь посылаетъ ему со своего стола кушанье и напитки, но теперь онъ пригласилъ его сѣсть съ нимъ за его трапезу: это большой почетъ и великая честь.

Оба патріарха вмѣстѣ пришли въ другую, большую деревянную палату, гдѣ были разставлены кругомъ столы. Благополучный царь сидѣлъ на переднемъ мѣстѣ и передъ нимъ стоялъ большой столъ, весь покрытый серебромъ. При входѣ ихъ, онъ всталъ, снялъ свою корону и встрѣтилъ ихъ поклономъ. Они благословили его и пропѣли „Достойно есть“ передъ иконами, которыя были надъ его головой, сдѣлавъ земной поклонъ вмѣстѣ со всѣми присутствовавшими. Слуги приняли отъ нихъ посохи и, ставъ въ отдаленіи, держали ихъ приподнятыми. Московскій патріархъ сѣлъ по лѣвую руку царя и рядомъ съ нимъ патріархъ антіохійскій. Стольники, т. е. служащіе за столомъ, поставили передъ царемъ и обоими патріархами серебряныя тарелки съ тремя такими же кубками. Министровъ и приближенныхъ царя посадили за длиннымъ столомъ, и каждый изъ нихъ, прежде чѣмъ сѣсть, подходилъ, кланялся до земли царю, шелъ и садился. Всѣ они находились съ лѣвой стороны нашего владыки патріарха. Архіепископа сербскаго, вмѣстѣ съ архіепископомъ рязанскимъ, и архимандритовъ посадили направо отъ царя за дальнимъ столомъ. Мы же, съ прочими настоятелями монастырей, священниками и монахами, сѣли за столами, разставленными рядами посрединѣ, и прежде чѣмъ сѣсть, кланялись царю издали. Затѣмъ оба патріарха встали, прочли молитву надъ трапезой и благословили царя и столъ. Стольники стали подносить царю большіе продолговатые хлѣбы, которые онъ разсылалъ для раздачи всѣмъ присутствовавшимъ: сначала патріархамъ, которые при этомъ кланялись ему, потомъ всѣмъ своимъ вельможамъ, изъ конхъ каждый вставалъ съ своего мѣста и кланялся ему издали, пока наконецъ не прислалъ и намъ. Таковъ у него обычай за столомъ. Смыслъ его такой: „всякаго, кто ѣстъ этотъ мой хлѣбъ и измѣнитъ мнѣ, оставитъ Богъ“. Первое, что всѣ вкусили, былъ этотъ хлѣбъ съ икрой.

Затѣмъ царь всталъ и подалъ каждому изъ патріарховъ по три кубка вмѣстѣ. Они поклонились ему и поставили ихъ передъ собою. Онъ разсылалъ ихъ также всѣмъ своимъ боярамъ. Стольникъ, который бралъ отъ него кубки, выкрикивалъ издали громкимъ голосомъ имя того, кому хотѣлъ передать, говоря: „Борисъ Ивановичъ!“—это, именно, главный министръ царя—при чемъ называлъ его имя и имя его отца, ибо таковъ обычай въ этой

странѣ, что никого, ни мужчину, ни женщину, не называютъ иначе какъ по имени съ прибавленіемъ имени отца, говоря: такой-то, сынъ такого-то, или такая-то, дочь такого-то. Столовыя въ этой странѣ, которыя называютъ палатами, бываютъ четырехъугольныя, съ однимъ только столбомъ посрединѣ, будетъ-ли строеніе изъ камня или строганаго дерева. Вокругъ столба имѣются полки, въ видѣ ступенекъ, одна надъ другой, покрытыя матеріями. На каждую ступень ставятъ серебряные вызолоченные кубки разныхъ видовъ и формъ, большіе и малые, и чаши восьмигранныя, круглыя и продолговатыя, какъ корабль. При каждомъ обнесеніи, присутствующихъ потчуютъ изъ новой посуды.

Стольники, т. е. чашнигиры [1], и матарджи (?), т. е. шарабдары (виночерпіи), числомъ двѣсти, триста человѣкъ, всѣ бояре и аги и носятъ красивую одежду, грудь которой убрана, по ихъ обычаю, шнурами изъ крупнаго жемчуга, драгоцѣнныхъ каменьевъ и золота. Они хорошо замѣтны, ибо ихъ верхнее суконное платье бываетъ цвѣта голубой лиліи, а колпаки свѣтло-зеленаго цвѣта яри или шелковицы. Они стоятъ, чтобы всѣмъ прислуживать. Каждая группа ихъ назначена для одного рода услугъ: одни подносятъ хлѣбъ, другіе—блюда съ кушаньемъ, иные—кубки съ напитками. Все подносили они сперва царю, а онъ разсылалъ съ ними всѣмъ присутствующимъ, даже большіе хлѣбы и блюда съ кушаньемъ: сначала патріархамъ, потомъ своимъ вельможамъ, затѣмъ архіереямъ, архимандритамъ и прочимъ присутствующимъ. Всѣ берегли то, что онъ присылалъ имъ, и отсылали домой, какъ великое благословеніе съ трапезы царя и отъ его милости. Стольникъ, взявъ блюдо для передачи кому-либо, выкрикивалъ: „такой-то, сынъ такого-то! осударь царь Алексѣй [2], т. е. нашъ господинъ царь Алексѣй, жалуетъ тебя этимъ отъ своей милости“. При этомъ тотъ вставалъ, кланялся царю издали и, принимая, цѣловалъ хлѣбъ и пищу. Передъ царемъ стояло обыкновенно только одно или два блюда: ихъ мѣняли каждую минуту. Подаваемыя кушанья были разнообразны и всѣ рыбныя: въ этотъ день мясо вовсе не подавалось за столомъ царя, по монастырскому уставу, словно онъ былъ настоящій монахъ. Мы видѣли еще того удивительнѣе—вещь, приведшую насъ въ изумленіе. Это была недѣля предъ мясопустомъ; смотри же, что произошло теперь! послѣ того какъ оба патріарха прочли застольную молитву, явился одинъ изъ маленькихъ

---

[1] Пробующіе кушанья. Авторъ, употребивъ русское слово „стольникъ“, прибавляетъ поясненіе его.

[2] Слова эти написаны въ текстѣ по-русски.

дьяконовъ (анагностовъ) и, поставивъ посрединѣ аналой съ большою книгой, началъ читать очень громкимъ голосомъ житіе св. Алексія, коего память празднуется въ этотъ день, и читалъ съ начала трапезы до конца ея, по монастырскому уставу, такъ что мы были крайне удивлены: намъ казалось, что мы въ монастырѣ. Какіе это порядки, коихъ мы были очевидцами! и какой это благословенный день, въ который мы лицезрѣли сего святѣйшаго царя, своимъ образомъ жизни и смиреніемъ превзошедшаго подвижниковъ! О, благополучный царь! Что это ты совершилъ сегодня и совершаешь всегда? Монахъ ты или подвижникъ? Сказать-ли, изъ уваженія къ патріархамъ ты не велѣлъ подавать за своимъ столомъ мясныхъ блюдъ на этой недѣлѣ предъ мясопустомъ? Что это совершилъ ты, чего не дѣлаютъ и въ монастыряхъ? Чтецъ читаетъ изъ Патерика, пѣвчіе время отъ времени поютъ передъ тобою. Богъ всевышній да хранитъ твое царство и твои дни! да покоритъ подъ ноги твои враговъ твоихъ за это смиреніе и прекрасное имя, которое ты пріобрѣлъ въ своей жизни! Какое сравненіе съ трапезой Василія и Матвѣя, кои не стоютъ быть твоими слугами,—трапезой съ барабанами, флейтами, бубнами, рожками, пѣснями турокъ! какое сравненіе съ ихъ обычаемъ сидѣть на переднемъ мѣстѣ на высокихъ креслахъ, а патріарха сажать ниже, направо отъ себя! За правосудіе и справедливость Богъ даровалъ тебѣ царство и пріумножилъ, ибо, куда бы ты ни пошелъ, побѣда идетъ передъ тобою и твоими воинами. Если Господь нашъ—да будетъ прославлено имя Его!—не далъ бы побѣды тебѣ, то кому же Онъ даруетъ ее? тебѣ, превзошедшему отшельниковъ-пустынножителей своимъ образомъ жизни и неизмѣннымъ постоянствомъ въ бдѣніяхъ. И не только это онъ сдѣлалъ, но изъ уваженія къ патріархамъ оставался съ непокрытою головой отъ начала трапезы до конца ея въ такой сильный холодъ и трескучій морозъ. Онъ ѣлъ мало, но былъ занятъ бесѣдою съ патріархомъ Никономъ и неоднократно всматривался въ нашего учителя, которому много услуживалъ яствами и питьемъ, ибо возымѣлъ къ нему большую любовь, чему мы были теперь очевидцами.

Первое, что подавали намъ пить виночерпіи, было критское вино, чудеснаго краснаго цвѣта и отличнаго вкуса, затѣмъ вишневую воду и медъ разныхъ сортовъ. Что касается видовъ кушанья, то подавали приготовленныя изъ рыбы блюда на подобіе начиненныхъ барашковъ, ибо, по изобилію рыбы въ этой странѣ, дѣлаютъ изъ нея разные сорта и виды кушаньевъ, какъ мы объ этомъ слышали давно. Выбираютъ изъ нея всѣ кости и

бьютъ ее въ ступкахъ, пока она не сдѣлается какъ тѣсто, потомъ начиняютъ лукомъ и шафраномъ въ изобиліи, кладутъ въ деревянныя формы въ видѣ барашковъ и гусей [1] и жарятъ въ постномъ маслѣ на очень глубокихъ, въ родѣ колодцевъ, противняхъ, чтобы она прожарилась насквозь, подаютъ и разрѣзаютъ на подобіе кусковъ курдюка. Вкусъ ея превосходный: кто не знаетъ, приметъ за настоящее ягнячье мясо. Также есть у нихъ много кушаньевъ изъ тѣста, начиненнаго сыромъ и жаренаго въ маслѣ, разныхъ формъ: продолговатыя, круглыя, какъ клецки, лепешки и пр. Еще есть у нихъ обыкновенныя короны изъ хлѣба, начиненныя маленькими, какъ червяки, рыбами и жареныя.

Всѣ эти кушанья подносили стольники: сорокъ, пятьдесятъ изъ нихъ вмѣстѣ бѣгомъ входили съ блюдами разныхъ видовъ кушанья, которыя царь разсылалъ съ ними присутствующимъ, (что продолжалось) отъ начала до конца трапезы, такъ что мы много печалились, видя ихъ усталость, ибо они стояли на ногахъ съ начала до конца; но еще больше мы жалѣли царя, который совсѣмъ ничего не ѣлъ. Переводчикъ и другіе толмачи также стояли на ногахъ передъ царемъ вдали; когда онъ желалъ спросить о чемъ-либо нашего владыку патріарха, они передавали его слова и сообщали отвѣтъ. У того стола, на которомъ было размѣщено множество кубковъ, стояли бояре, и одинъ изъ нихъ вмѣстѣ со служителями наполнялъ безпрестанно сосуды, кои разносили присутствующимъ.

Такъ продолжалось отъ послѣполудня почти до полуночи, такъ что намъ стало невмоготу. Затѣмъ царь всталъ и стольники начали подносить ему серебряные кубки съ виномъ; сначала онъ подалъ ихъ патріархамъ, которые выразили ему свои благопожеланія, пѣвчіе же пропѣли ему многолѣтіе; потомъ раздавалъ ихъ всѣмъ присутствующимъ собственноручно, каждому по кубку, ибо эта круговая чаша за его здоровье и выпиваютъ ее въ знакъ любви къ нему. Одинъ изъ ближнихъ вельможъ стоялъ подлѣ него, поддерживая его правую руку. Всякій подходившій къ царю сначала кланялся ему до земли издали, затѣмъ приближался, цѣловалъ его руку и, принявъ чашу, возвращался назадъ и выпивалъ ее, потомъ кланялся ему вторично и уходилъ. Такъ шло до послѣдняго. Вмѣстѣ съ ними подходили и мы. Затѣмъ патріархъ вторично выразилъ свои благожеланія и пѣвчіе пропѣли многолѣтіе царицѣ и ея сыну Алексѣю. Царь опять раздавалъ собственноручно всѣмъ присутствующимъ до

---

[1] По Петербургской рукописи. По здѣшней: „и иныхъ видовъ“.

послѣдняго другіе кубки. Потомъ, по его приказанію, пѣвчіе пропѣли многолѣтіе патріарху московскому, киръ Никону, и царь, сначала выпивъ его здравицу, также раздавалъ вино всѣмъ присутствующимъ. Затѣмъ, по его приказанію, пропѣли многолѣтіе патріарху антіохійскому и всѣмъ боярамъ, и была выпита четвертая круговая чаша, которую раздавалъ патріархъ собственноручно, при чемъ архидіаконъ поддерживалъ его правую руку.

При первомъ обнесеніи подавали царю чудесную вызолоченную чашу, изъ которой сначала онъ пилъ самъ, а потомъ давалъ пить обоимъ патріархамъ. Царь продолжалъ стоять до тѣхъ поръ, пока не далъ пить всѣмъ присутствующимъ. Если онъ хотѣлъ дать приказаніе служителю, то подходилъ самъ и говорилъ ему, такъ что мы дивились его необычайному смиренію. Да продлитъ Богъ его царство во вѣкъ!

Лишь около полуночи, по благости всевышняго Бога, царь всталъ изъ-за стола. Оба патріарха прочли молитву. Протопопъ со своими товарищами-священниками и протодіаконъ съ товарищами вышли на средину, неся Панагію въ чудесномъ серебряномъ вызолоченномъ сосудѣ съ ангелами кругомъ, поддерживающими красивое блюдо, на которомъ лежала Панагія. Совершили надъ ней обычныя молитвы и всѣ получили отъ нея частицу, послѣ того какъ архидіаконъ окадилъ присутствующихъ изъ вѣнцеобразной кадильницы съ ручкой.

По прочтеніи послѣобѣденной молитвы, принесли сосуды и собрали въ нихъ куски, по монастырскому обычаю. Затѣмъ царь простился съ нашимъ владыкой патріархомъ, сдѣлавъ ему поклонъ, а онъ его благословилъ. Царь назначилъ съ нимъ своихъ бояръ съ большими свѣчами проводить до нашего монастыря; всѣ же министры и вельможи провожали его за ворота. Бѣдные стрѣльцы, разставленные рядами по дорогѣ, все еще стояли со знаменами въ рукахъ на такомъ холодѣ, на снѣгу, при сильномъ морозѣ, пока не проѣхалъ мимо нихъ нашъ владыка патріархъ; тогда они ушли. Мы едва вѣрили, что прибыли въ свой монастырь, ибо погибали отъ усталости, стоянія и холода. Но каково было положеніе царя, который оставался на ногахъ непрерывно около четырехъ часовъ съ непокрытою головой, пока не роздалъ всѣмъ присутствующимъ четыре круговыя чаши! Да продлитъ Богъ его дни и да возвыситъ его знамена славой и побѣдой! Не довольно было ему этого: въ минуту нашего прибытія въ монастырь ударили въ колокола и царь и его бояре съ патріархомъ пошли въ соборъ, гдѣ слушали вечерню и утреню, и вышли только на зарѣ, ибо было совершено большое бдѣніе. Какая твердость и какая выносливость! Наши умы были

поражены изумленіемъ при видѣ такихъ порядковъ, отъ которыхъ посѣдѣли бы и младенцы.

О, ты, читающій это описаніе, мною составленное, помолись за меня, немощнаго раба Павла, по званію архидіакона, да проститъ мои согрѣшенія Тотъ, Кто облегчилъ мнѣ (трудъ) и открылъ способности моего ума, такъ что разумъ мой расширился и я написалъ все это повѣствованіе, составленіе и изложеніе котораго были бы многимъ не по силамъ! Я утруждалъ свои глаза, мысль и чувства, прилагалъ большія старанія и много потрудился, пока не извлекъ его изъ черновыхъ тетрадей по истеченіи года отъ написанія ихъ. Все мое желаніе въ томъ состоитъ, чтобы при жизни соорудить себѣ памятникъ, дабы впослѣдствіи нашелся кто-нибудь, кто бы сказалъ: „да помилуетъ его Богъ!“ подобно тому, какъ мы всегда испрашивали милости Божіей почившему митрополиту Иса (Іисусу), который сопутствовалъ патріарху Дау [1], когда тотъ пріѣзжалъ въ эти страны, — испрашивали всякій разъ, какъ читали его поэму. Но могу сказать, что я, бѣдный, много превзошелъ его описаніе, ибо онъ составилъ едва одну тетрадь, а я написалъ большую книгу. Слава и благодареніе всевышнему Богу! Молимъ Его, да откроетъ Онъ очи моего ума и да отдалитъ срокъ нашей кончины, чтобы мы могли возвратиться въ свою страну и переписать книгу въ другой разъ. Хотя намъ живется здѣсь какъ царямъ, но не сравнится эта жизнь съ жизнью среди родныхъ и друзей: пребываніе на чужбинѣ, затянувшись надолго, истерзало наши сердца. Боже, облегчи намъ путь, чтобы возвратиться намъ въ свою страну и возносить Тебѣ хвалы и благодаренія во всю свою жизнь!

Вотъ что я написалъ съ трудомъ, утомленіемъ и изнуреніемъ, приводя въ порядокъ отдѣльные листы, о свиданіи патріарха киръ Макарія антіохійскаго съ Алексіемъ, царемъ московскимъ и всѣхъ странъ русскихъ.

Глава VII.

Москва.—Подарки Макарія патріарху Никону и московскимъ боярамъ. Боярскія палаты. Постройки въ Москвѣ. Обычаи бояръ. Церковь московскаго богача.

Возвращаемся. На другой день послѣ нашего представленія царю, мы отправились съ подарками для патріарха, въ сопро-

---

[1] Антіохійскій патріархъ Іоакимъ Дау, родомъ арабъ, пріѣзжалъ въ Россію за милостыней въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго. (См. о немъ въ нашей статьѣ „Къ исторіи антіохійскихъ патріарховъ“ въ Сообщ. Имп. Правосл. Палест. Общ., дек. 1896 г.).—Англійскій переводчикъ, неправильно прочитавъ слово *Дау* (свѣтъ), называетъ этого патріарха *Нано*.

вожденіи своихъ служителей, которые ихъ несли. Вотъ ихъ описаніе: древняя икона, изображающая снятіе Господа со креста, ибо въ этой странѣ ничего такъ не цѣнятъ, какъ древнія греческія иконы, къ коимъ они имѣютъ великую вѣру; затѣмъ, сосудъ съ древнимъ мvромъ и другой съ новымъ, перстъ архидіакона Стефана, частица мощей св. Антонія Великаго и немного (источаемаго имъ) мvра, посохъ изъ черепахи и перламутра, который мы заказали въ Константинополѣ, какъ совѣтовали нашему учителю митрополиты и патріархъ: „твоя святость занимаетъ мѣсто апостола Петра, ты имѣешь власть дать посохъ для пасенія, кому пожелаешь"; далѣе, черная пальмовая вѣтвь съ Синая, стпракса, восковыя свѣчи, финики, ладанъ, мыло благовонное и алеппское, фисташки, леденцы, кассія, шафранъ, мастика, двѣ банки съ имбирнымъ вареньемъ, шерстяная ангорская матерія фіолетоваго цвѣта и поясъ изъ чернаго шелка.

Когда мы вошли къ нему, испросивъ разрѣшенія чрезъ его бояръ и привратниковъ, онъ встрѣтилъ насъ, помолился на икону и приложился къ ней, весьма ей обрадовавшись; подъ конецъ онъ роздалъ намъ, по ихъ обычаю, посеребреныя иконы Владычицы вмѣстѣ съ милостыней, благословилъ всѣхъ насъ, и мы вышли.

Послѣ того мы стали разносить подарки министрамъ и государственнымъ сановникамъ, при чемъ насъ сопровождалъ одинъ изъ переводчиковъ. Мы подносили имъ подарки также на блюдахъ, покрытыхъ шелковой матеріей: во-первыхъ, частицу мощей какого-либо святого, затѣмъ: мvро, яркія свѣчи, землю изъ Іерусалима, Виѳлеема и съ береговъ Іордана, частицу отъ столпа св. Симеона Алеппскаго, стпраксу, финики, ладанъ, пять шесть кусковъ благовоннаго мыла и столько же алеппскаго – понемногу изъ всего, что у насъ было, ибо они принимаютъ это въ видѣ благословенія, но радуются только святынямъ и древнимъ иконамъ и насилу брали отъ насъ ангорскую матерію, шелковыя газскія салфетки и мохнатыя полотенца изъ *Сарсарлійе* (?), такъ какъ этого у нихъ много.

Мы могли видѣть ихъ только рано поутру. Въ домѣ каждаго изъ нихъ есть чудесная, изящная церковь, и каждый тщеславится передъ другими ея красотой и наружнымъ и внутреннимъ ея росписаніемъ; при всякой церкви три или четыре священника, кои состоятъ исключительно при боярынѣ и его семействѣ, получая отъ него содержаніе и одежду. Каждый вельможа ежедневно, въ теченіе всего года, отправляется къ царю не раньше, какъ священникъ прочтетъ положенныя молитвы, отъ полунощницы до конца часовъ, вмѣстѣ съ канонами и девятымъ

часомъ, а затѣмъ отслужитъ обѣдню въ церкви. У всякаго въ домѣ имѣется безчисленное множество иконъ, украшенныхъ золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями, и не только внутри домовъ, но и за всѣми дверями, даже за воротами домовъ; и это бываетъ не у однихъ бояръ, но и у крестьянъ въ селахъ, ибо любовь и вѣра ихъ къ иконамъ весьма велики. Они зажигаютъ передъ каждой иконой по свѣчкѣ утромъ и вечеромъ; знатные же люди зажигаютъ не только свѣчи, но имѣютъ подсвѣчники съ большими мѣдными сосудами наверху, кои наполняютъ воскомъ и вставляютъ въ нихъ фитили, которые горятъ ночью и днемъ въ теченіе долгаго времени.

Приходя къ вельможамъ, мы дожидались, пока они не окончатъ свои моленія, ибо службы вычитываютъ дома передъ иконами, литургія же совершается въ церкви. Войдя, мы молились, по ихъ обычаю, на иконы; бояринъ подходилъ къ архимандриту подъ благословеніе, затѣмъ кланялся намъ, и мы ему. Мы говорили чрезъ переводчика такъ: „отецъ владыка патріархъ киръ Макарій, патріархъ велпкаго града Божьяго Антіохіи и странъ Киликіи, Иверіи, Сиріи, Аравіи и всего Востока, послалъ насъ передать твоему благородству благословеніе, привѣтъ и молитву и узнать о твоемъ здоровьи и благополучіи“. Выслушавъ это, онъ кланялся въ землю, ударяя головой, и говорилъ: „челомъ бью государю, святѣйшему патріарху Макарію Антіохійскому“ [1], что значитъ: кланяюсь до земли господину моему, святому Макарію, патріарху Антіохійскому; затѣмъ принималъ каждое блюдо и цѣловалъ его. По окончаніи (пріема) мы молились на иконы вторично, архимандритъ опять его благословлялъ, и мы кланялись ему. Онъ выходилъ провожать насъ за двери, ибо таковъ у нихъ обычай, если посѣтитъ ихъ почетный иноземецъ: его встрѣчаютъ за дверьми и пропускаютъ впередъ во внутренніе покои, въ знакъ того, что онъ господинъ въ домѣ; также и при уходѣ его опять выходятъ за нимъ. [Когда давали намъ кубокъ съ виномъ, боринъ обыкновенно подавалъ его намъ обѣими руками—таковъ ихъ обычай. Что касается водки, то лишь съ трудомъ насъ убѣждали выпить ее, такъ какъ пить водку зазорно монахамъ] [2]. Больше всего мы дивились ихъ чрезвычайной скромности и смиренію передъ бѣдными и ихъ частымъ моленіямъ съ ранняго утра до вечера предъ всякою встрѣчною иконой. Каждый разъ какъ они увидятъ издали блестящіе кресты церкви,

[1] Слова эти написаны въ текстѣ по-русски арабскими буквами и съ большими искаженіями.

[2] Дополнено по англійскому переводу.

то, хотя бы было десять церквей одна близъ другой, они обращаются къ каждой и молятся на нее, дѣлая три поклона. Такъ поступаютъ не только мужчины, но еще болѣе женщины.

Что касается ихъ палатъ, находящихся въ этомъ городѣ, то большая часть ихъ новыя, изъ камня и кирпича, и построены по образцу нѣмецкихъ франковъ, у которыхъ научились теперь строить московиты. Мы дивились на ихъ красоту, украшенія, прочность, архитектуру, изящество, множество оконъ и колоннъ съ рѣзьбой, кои по сторонамъ оконъ, на высоту ихъ этажей, какъ будто онѣ крѣпости, на ихъ огромныя башни, на обильную раскраску разноцвѣтными красками снаружи и внутри: кажется, какъ будто это дѣйствительно куски разноцвѣтнаго мрамора или тонкая мозаика. Кирпичи въ этой странѣ превосходны, похожи на кирпичи антіохійскіе по твердости, вѣскости и краснотѣ, ибо дѣлаются изъ песку. Московиты весьма искусны въ изготовленіи ихъ. Кирпичъ очень дешевъ, ибо тысяча его стоитъ одинъ піастръ, и потому большая часть построекъ возводится изъ кирпича. Каменщики высѣкаютъ на немъ желѣзными инструментами неописуемо чудесныя украшенія, не отличающіяся отъ каменныхъ. Известь у нихъ хорошаго качества, прочная, держитъ крѣпко, лучше извести алеппской. Окончивъ кирпичную кладку, бѣлятъ ее известью, которая пристаетъ къ кирпичу весьма крѣпко и не отпадаетъ въ теченіе сотни лѣтъ. Поэтому кирпичное строеніе не отличается отъ каменнаго. Всего удивительнѣе вотъ что: вынувъ кирпичъ изъ обжигальной печи, складываютъ его подъ открытымъ небомъ и прикрываютъ досками; онъ остается подъ дождемъ и снѣгомъ четыре, пять лѣтъ, какъ мы сами видѣли, причемъ не подвергается порчѣ и не измѣняется.

Всѣ ихъ постройки дѣлаются съ известковымъ растворомъ, какъ въ нашей странѣ древніе возводили свои сооруженія. Известь разводятъ съ водой и кладутъ въ нее просѣянный песокъ, и только; смочивъ кирпичъ водой, погружаютъ его въ известковый растворъ. Когда сложатъ обѣ стороны стѣны на нѣкоторую высоту, заполняютъ (промежутокъ) битымъ кирпичемъ, на который наливаютъ этотъ растворъ, пока не наполнится; не проходитъ часа, какъ все сплочивается другъ съ другомъ и становится однимъ кускомъ. Каменщики могутъ строить не болѣе шести мѣсяцевъ въ году, съ половины апрѣля, какъ растаетъ ледъ, до конца октября.

Обыкновенно, всѣ строенія въ этомъ городѣ скрѣплены огромными желѣзными связями внутри и снаружи; всѣ двери и окна сдѣланы также изъ чистаго желѣза—работа удивительная. Надъ верхнею площадкой каждой лѣстницы воздвигаютъ куполъ на

четырехъ столбахъ, съ четырьмя арками; въ срединѣ каждой арки выступъ [1] арочный, утвержденный прямо, съ удивительнымъ искусствомъ: обтесываютъ камень въ очень красивую форму и, просверливъ его, пропускаютъ сквозь него желѣзный шестъ съ двумя вѣтвями на концахъ, заклепываютъ ихъ и заканчиваютъ стройку надъ этимъ камнемъ, который представляется великимъ чудомъ, ибо виситъ въ срединѣ, спускаясь прямо. Эти чудесныя постройки, видѣнныя нами въ здѣшнемъ городѣ, приводили насъ въ сильное удивленіе.

Возвращаемся. Большинство вельможъ имѣютъ титулъ „князь“, значеніе коего: бей, сынъ бея, отъ отцовъ и дѣдовъ. Женщины также называются „княгиня“. У вельможъ такое установленіе, что они, даже напважнѣйшій между ними, не могутъ имѣть подъ своею властью у себя въ домѣ болѣе трехсотъ человѣкъ. Когда же царь посылаетъ кого-либо изъ нихъ въ походъ, то снаряжаетъ съ нимъ тысячи ратниковъ, сколько пожелаетъ, ибо все распоряженіе войскомъ въ рукахъ царя. По этой причинѣ среди вельможъ вовсе не бываетъ бунтовщиковъ. Смотри, какое прекрасное распоряженіе! Оттого же, когда мы являлись въ жилище кого-либо изъ министровъ, то находили при дверяхъ лишь немного людей; также, когда они ходили ежедневно къ царю, то за ними слѣдовали лишь двое или трое слугъ. Они никогда не собираются другъ у друга для совѣщанія, но всякій совѣтъ происходитъ у царя, и если бы онъ прослышалъ, что нѣкоторые изъ нихъ собрались (для совѣщанія), то разсѣялъ бы ихъ всѣхъ мечомъ.

Въ эту морозную пору вельможи ѣздили только на большихъ саняхъ. Они очень тщеславятся шкурами медвѣдей, бѣлыхъ и черныхъ какъ ночь, которыхъ въ этой странѣ много и которые чрезвычайно велики; мы дивились на огромную величину шкуръ, часто бóльшую, чѣмъ шкура буйвола. Бѣлый мѣхъ очень красивъ, и только вельможи устилаютъ имъ сани, при чемъ одна половина мѣха сзади саней, а другая — подъ сѣдокомъ. Жены вельможъ зимою тщеславятся санями, на которыя поставлены кареты со стеклянными окнами, покрытыя до земли алымъ или розовымъ сукномъ; лѣтомъ же онѣ величаются большими каретами. Всего больше онѣ гордятся бѣлыми лошадьми и множествомъ слугъ и невольниковъ, которые идутъ впереди и сзади. Когда мы, бывало, приходили съ подарками къ вдовымъ княги-

---

[1] Въ арабскомъ текстѣ *рижль*, нога. Это архитектурное украшеніе называется „пандантивъ“.

нямъ, мы также видали у дверей ихъ множество невольниковъ и слугъ, привратниковъ и кіайей (управляющихъ).

У богатыхъ вдовъ въ этой странѣ такой обычай, что когда умираетъ мужъ, вдова одѣвается во все черное, даже колпакъ и платки ея чернаго цвѣта; мало того, обивка мебели и подушки, карета и ея покрывало — все изъ чернаго сукна, даже лошади бываютъ черныя. Таковъ ихъ обычай. Вдова остается въ такомъ положеніи всю свою жизнь, не снимая съ себя чернаго платья, развѣ только представится ей случай, и она выйдетъ замужъ. Если она княгиня, то выходитъ только за князя; если же не случится этого, и она выйдетъ замужъ за другого, то лишается титула княгини; впрочемъ, ежели у нея есть дѣти (отъ перваго брака), то не теряетъ этого титула.

Мы удивлялись на обычаи ихъ дѣтей, на то, что они съ малыхъ лѣтъ ѣздятъ верхомъ на маленькихъ лошадкахъ, что у нихъ множество слугъ, такихъ же дѣтей какъ они; на ихъ отличныя познанія, понятливость; на то, какъ они раскланиваются на обѣ стороны съ прохожими, снимая свои колпаки; на то, какъ хорошо они совершаютъ на себѣ крестное знаменіе. Принято, что такія дѣти, какъ они, сыновья князей, ходятъ ежедневно къ царю и садятся на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и отцы ихъ, пока не придутъ въ совершенный возрастъ и не получатъ отцовской степени. Такъ мы видѣли и удостовѣрились въ этомъ послѣ многихъ распросовъ.

[Знай, что мало есть такихъ бѣдняковъ, которые ходятъ по этому городу, прося милостыню, ибо царь распредѣлилъ ихъ между вельможами по извѣстному числу, для полученія ежедневнаго пропитанія по спискамъ; и каждый бояринъ содержитъ свое число бѣдняковъ. Существуетъ много домовъ для помѣщенія ихъ и ежедневная выдача отъ царя и царицы; равно получаютъ ее и заключенные] [1].

Знай, что вельможи царя не считаютъ своихъ владѣній, какъ это принято у насъ, по числу деревень, садовъ и виноградниковъ, ибо въ этой странѣ нѣтъ ни садовъ, ни виноградниковъ; но считаютъ по числу дворовъ, именно, говорятъ: такой-то князь имѣетъ три тысячи мужиковъ [2], т. е. земледѣльцевъ, или десять или двадцать тысячъ. Въ деревняхъ считаютъ только дворы, каждый дворъ за одного мужчину, а сколько душъ въ немъ, то извѣстно Богу. Съ каждаго мужчины берутъ оброка два, три піастра въ годъ и десятую долю овецъ, сви-

[1] Дополнено по англійскому переводу.

[2] Это слово написано въ текстѣ по-русски.

ней, куръ, гусей и т. п. Но крестьяне все равно что рабы, ибо для своихъ господъ засѣваютъ землю, вспахивая ее своими лошадьми, перевозятъ ему хлѣбъ на своихъ арбахъ, куда онъ пожелаетъ, и (идутъ), куда бы онъ ихъ ни позвалъ: для перевозки лѣса, дровъ, камней и для другихъ подобныхъ работъ, для постройки, для службы при ихъ домахъ и для всего, что ему нужно. Когда кто изъ бояръ обѣднѣетъ или умретъ, продаютъ этихъ земледѣльцевъ за деньги тому, кто пожелаетъ ихъ купить. Таково у нихъ установленіе. Угодья монастырскія и церковныя также бываютъ съ крестьянами.

Когда потомство боярина прекратится и не останется ни одного наслѣдника, то все его имущество переходитъ къ царю, ибо царь наслѣдникъ всѣхъ, какъ случилось нынѣ во время моровой язвы: всѣ жилища, коихъ обитатели вымерли, поступили во владѣніе царя со всѣмъ, что въ нихъ было. Большинство богачей передъ смертью завѣщали все свое имущество царю, по великой любви своей къ царямъ, коихъ они чуть не равняютъ со Христомъ. Такъ поступилъ и тотъ значительный купецъ, который раньше далъ царю, предъ отправленіемъ его въ походъ, огромную сумму денегъ: (завѣщалъ ему) свои палаты, съ которыми могутъ сравниться лишь немногія въ этомъ городѣ, и свою церковь, подобной которой нѣтъ даже во дворцѣ царскомъ, какъ мы удостовѣрились въ этомъ своими глазами. Войдешь въ нее—и всѣ огорченія изгнаны изъ сердца. Я, убогій, пишущій эти строки, не имѣю силы описать хотя бы самую малую часть ея красотъ: ея высоту, возвышенность ея пяти куполовъ, коп зритель видитъ со всѣхъ сторонъ, откуда бы ни направилъ на нее взоры, внѣ города или внутри его, множество наружныхъ изображеній на ней, не говоря о внутреннихъ, блескъ обильной позолоты ея оконъ и дверей, ея разнородныя живописныя изображенія и иконы, (представляющія событія) отъ начала творенія до сего времени; превосходный цвѣтъ ея мраморнаго пола, вывезеннаго строителемъ изъ страны нѣмцевъ; оба клироса, единственные въ своемъ родѣ, красоту и изящество которыхъ не въ силахъ постичь ни одинъ умъ — да и какъ можетъ быть иначе, когда и ихъ онъ также вывезъ изъ нѣмецкой земли?—множество ея паникадилъ изъ желтой золоченой мѣди. Это не одна церковь, а двѣ: большая — лѣтняя, съ мраморнымъ поломъ, и малая — зимняя, полъ которой, чтобы не было холодно ногамъ молящихся, сдѣланъ изъ деревянныхъ квадратовъ, которые выпилены изъ стволовъ огромныхъ деревьевъ и ничѣмъ не отличаются отъ каменныхъ плитъ. Что касается ея галлереи съ плитнымъ поломъ и колокольни, то красота и обширный видъ съ нихъ неописуемы.

И какъ не быть (этой церкви столь прекрасной), если онъ, какъ говорятъ, потратилъ на ея сооруженіе болѣе пятидесяти тысячъ динаровъ (рублей)? Да помилуетъ его Богъ и да избавитъ отъ мученій адскаго огня за тѣ добрыя дѣла, кои онъ оставилъ міру! [1] [Намъ говорили, что онъ платилъ ежегодно въ царскую казну сто тысячъ динаровъ пошлины съ товаровъ, вывозимыхъ имъ изъ Европы, Персіи и Сибири. Въ такое время, когда соболя были очень дороги, въ его складахъ находилось, обыкновенно, болѣе тысячи сороковъ самой высокой цѣны].

Глава VIII.

Москва.—Царская милостыня патріарху Макарію и его спутникамъ. Пріѣзжіе греки и ихъ хитрости.

Возвращаемся. Спустя нѣсколько времени послѣ нашего представленія царю, онъ прислалъ, по обычаю, нашему владыкѣ патріарху подарки, назначенные по росписямъ: три сорока соболей высшаго и низшаго достоинства, большой серебряный кубокъ, бархата фіолетоваго, бархата синяго и еще узорчатаго, два куска фіолетоваго атласа и такой же камки и двѣсти рублей. Это доставилъ главный переводчикъ со своими подчиненными. Архимандриту было дано: сорокъ соболей, камка и пятнадцать рублей; архидіакону вмѣстѣ съ дикеосомъ [2], второму діакону, онъ же казначей, и келарю, каждому по сороку куницъ, камки и десять рублей; родственникамъ по сороку куницъ только; драгоману четыре аршина простого сукна и два рубля; каждому служителю по двѣ пары соболей, стоимостью болѣе четырехъ рублей. Но царь выказалъ чрезвычайную щедрость къ нашему учителю относительно стола, ибо его содержаніе, бывшее прежде двадцать пять копѣекъ, опредѣлилъ во сто, т. е. въ рубль, тогда какъ іерусалимскій патріархъ получалъ только пятнадцать копѣекъ. Архимандритамъ, нашимъ спутникамъ, было дано каждому, какъ φίλημα χέρι (цѣлованіе руки), по сороку соболей въ двадцать рублей цѣною и по двѣнадцати рублей деньгами, а подъ конецъ была дана имъ царская милостыня для ихъ монастырей: по сороку соболей, цѣною въ сорокъ или пятьдесятъ рублей, смотря по важности монастыря. Если они имѣли съ собою χρυσόβουλλον, т. е. (грамоту) съ золотой печатью отъ царя или его предковъ, такого содержанія, что кто является съ нею въ Путивль чрезъ каждые три или

---

[1] Жаль, что Павелъ Алеппскій не упоминаетъ ни имени купца, ни названія церкви, построенной имъ.

[2] Онъ же именуется у Павла протосингеломъ (См. кн. V, гл. 10).

шесть лѣтъ, того воевода долженъ пустить къ царю безъ (особаго) разрѣшенія, то, по прибытіи его и по допущеніи къ рукѣ царя, послѣдній даетъ ему милостыню для его монастыря, назначенную въ хрисовуллѣ. [Многіе монастыри, пользующіеся прочною славой, весьма любимы русскими; таковъ монастырь горы Синайской, имѣющій хрисовуллъ], который монахи привозятъ въ концѣ каждаго трехлѣтія и получаютъ свою милостыню. Такія же грамоты имѣютъ большинство аѳонскихъ монастырей и нѣкоторые другіе, а также (храмъ) св. Воскресенія, и чрезъ каждые три года іерусалимскій патріархъ присылаетъ за полученіемъ своей милостыни архимандрита, ліакона и келаря. Точно также александрійскій патріархъ, разъ въ нѣсколько лѣтъ, присылаетъ архимандрита съ извѣстнымъ числомъ лицъ за полученіемъ для себя милостыни. Равнымъ образомъ, всякій разъ какъ въ Константинополѣ ставится новый патріархъ, онъ посылаетъ къ нимъ одного изъ митрополитовъ, экзарха или архимандрита. По этой причинѣ тѣ хорошо имъ извѣстны, но не патріархи антіохійскіе, отъ которыхъ въ теченіе столь долгаго времени, около ста лѣтъ, никто не являлся, вслѣдствіе чего память о нихъ изгладилась у московитовъ. Другіе патріархи, отъ времени до времени, посылаютъ за милостыней, а антіохійскій не посылалъ, ибо кто не ищетъ, не находитъ, какъ сказано въ св. Евангеліи, и потому они смотрѣли на насъ, какъ на диво.

Возвращаемся. Обычная милостыня келарю архимандрита сорокъ куницъ, стоимостью въ десять рублей, и пять рублей деньгами [1]. Что касается бѣлыхъ священниковъ изъ иностранцевъ, прибывшихъ изъ далекихъ странъ просить царскую милостыню, то имъ дали, какъ φίλημα χέρι, одинаково съ келаремъ, по сороку куницъ и по пяти рублей, а подъ конецъ дали, какъ милостыню, по сороку соболей, стоимостью въ тридцать, сорокъ рублей. Вотъ что достается на ихъ долю въ началѣ (по пріѣздѣ) и въ концѣ (при отъѣздѣ), какъ мы видѣли это собственными глазами, ибо у московитовъ все это записывается въ книги съ давнихъ временъ, и они не дѣлаютъ никакихъ измѣненій, убавляютъ, но не прибавляютъ [2]. Всякій разъ, по пріѣздѣ къ нимъ патріарха, митрополита, архимандрита, священниковъ или бѣдняковъ, они записываютъ, что имъ дано, и отмѣчаютъ дату; когда пріѣзжаютъ потомъ другіе, они смотрятъ на прежнюю запись и поступаютъ по ней. Такъ и ученикамъ антіохійскаго патріарха дали столько

---

[1] Въ текстѣ: „копѣйками“.

[2] Такъ въ нашихъ рукописяхъ. Въ англійскомъ переводѣ: „не убавляютъ и не прибавляютъ“, что логичнѣе.

же, сколько ученикамъ іерусалимскаго. Бѣднякамъ, которые пріѣхали съ нами и съ другими и имѣли при себѣ πανταχοῦ, т. е. окружной *статиконъ*, адресованный царю отъ патріарха константинопольскаго или іерусалимскаго, въ удостовѣреніе, что на нихъ тысячи динаровъ долгу изъ-за вѣры и что они достойные люди, давали каждому по двадцати или двадцати пяти рублей, не больше. Вотъ что мы видѣли и въ чемъ удостовѣрились, и Богъ свидѣтель, что мы говоримъ правду.

Послѣ распросовъ и разысканій мы нашли, что большинство пріѣзжающихъ за милостыней въ Москву архимандритовъ и свѣтскихъ лицъ, не разсчитывая только на милостыню, привозятъ съ собою деньги для закупки товаровъ: соболей, бѣлокъ, горностаевъ и проч., которые могутъ принести имъ большой барышъ въ турецкой странѣ. Въ этихъ видахъ большинство ихъ и пріѣзжаетъ, ибо, со времени въѣзда въ Путивль до возвращенія и выѣзда своего оттуда, они ровно ничего не тратятъ: если у нихъ есть съ собой товаръ, то не платятъ ни пошлины, ни за провозъ на лошадяхъ и не дѣлаютъ расходовъ на ѣду и питье, такъ какъ получаютъ ежемѣсячно содержаніе, каждый по своему положенію; очень бѣдные по четыре копѣйки въ день и пива для питья. Поэтому они выгадываютъ большую пользу, если имѣютъ съ собою товары или много денегъ; иначе, если бы кто полагался на милостыню, которую онъ разсчитываетъ получить, то это дѣло далекое: Богу извѣстно, что иные не покрываютъ и своихъ тратъ. Что касается архіереевъ, то если архіерей—митрополитъ большой, извѣстной каѳедры, едва-ли получитъ отъ царя въ началѣ и въ концѣ и отъ вельможъ около двухсотъ, трехсотъ рублей, можетъ быть, менѣе, но не больше. Это мы видѣли и слышали отъ нѣсколькихъ митрополитовъ.

Да будетъ тебѣ извѣстно, братъ, что все, что я написалъ и начерталъ, есть истина и правда, безъ лжи, и Богъ свидѣтель моимъ словамъ. Я изощрилъ свою мысль и просвѣтлилъ свой умъ, такъ что написалъ и начерталъ все, что видѣлъ самъ и что услышалъ отъ правдивыхъ людей на свои многочисленные вопросы. Я имѣлъ при этомъ цѣлью, если Богъ смилуется надо мною, и я возвращусь въ свой городъ, не быть вынужденнымъ отклонить хотя бы одинъ вопросъ изъ предложенныхъ мнѣ кѣмъ-либо, но чтобы все было начертано въ этомъ моемъ сборникѣ, ибо я не оставилъ ни одного факта, не записавъ его.

Глава IX.

Москва.—Торжество въ недѣлю мясопустную.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ воскресенье передъ мясопустомъ имѣютъ обыкновеніе совершать большое торжество; по-гречески его называютъ δευτέρα Παρουσία, то есть подобіе дня Второго Страшнаго Пришествія. Итакъ, они зазвонили въ колокола съ ранняго утра и спустя три часа ударили въ большой колоколъ. Царь прислалъ пригласить нашего владыку патріарха, и онъ отправился въ саняхъ въ соборъ, то-есть въ великую церковь; слово „соборъ“ на ихъ языкѣ значитъ: каѳолическая. Всѣ мы облачились; облачились также оба патріарха вмѣстѣ съ архіепископомъ сербскимъ, архимандриты, которые надѣли митры, всѣ священники и многочисленные дьяконы, коихъ три чина: анагносты (чтецы), иподьяконы и полные (дьяконы); каждаго чина десять человѣкъ и каждый чинъ имѣетъ своего начальника. Анагносты—дѣти, иподьяконы—съ усами, а нѣкоторые съ бородами, ибо всякій анагностъ, выросши, возводится въ иподьякона. Всѣ они носятъ стихари безъ орарей и каждому назначена какая-либо служба: одинъ держитъ всегда посохъ позади патріарха, потому что патріархъ здѣсь совсѣмъ не имѣетъ обыкновенія держать посохъ въ рукѣ [1]; другой держитъ тазъ, иной—кувшинъ, иной—полотенце, другіе подкладываютъ орлецы, кои кладутъ подъ ноги патріархамъ, гдѣ бы они ни стояли, иные держатъ большое серебряное блюдо, на которое кладутъ митру патріарха, когда онъ ее снимаетъ, и они держатъ ее, пока онъ ее опять не надѣнетъ; другіе анагносты назначены держать свѣчи, иные—читать Апостолъ и канонархить. Соборный протодіаконъ всегда поддерживаетъ патріарха слѣва, а архидіаконъ справа; всѣ (дьяконы) окружаютъ его. Когда кончилось облаченіе, священники и дьяконы съ хоругвями, крестами и иконами и съ большою, великолѣпною иконой Страшнаго Суда вышли крестнымъ ходомъ, и мы съ ними, чрезъ южныя двери церкви за алтарь на большую площадку, которую стрѣльцы усыпали желтымъ пескомъ. Московскій патріархъ взошелъ и сталъ вмѣстѣ со своими дьяконами на высокомъ помостѣ, на которомъ было поставлено кресло, лицомъ къ востоку и трижды благословилъ народъ. Еще раньше, послѣ того какъ патріархи облачи-

[1] На Востокѣ патріархъ держитъ посохъ обыкновенно и тогда, когда стоитъ на своемъ патріаршемъ мѣстѣ или на архіерейскомъ среди церкви и когда кадитъ.

лись, пришелъ въ соборъ царь. Пѣвчіе пѣли ему многолѣтіе, пока онъ не приложился къ иконамъ. Онъ былъ съ непокрытою головой; корону и посохъ его несъ одинъ изъ вельможъ, за нимъ слѣдовавшій. Затѣмъ онъ подошелъ къ патріархамъ и поклонился имъ, а они его благословили и окропили святою водой его и корону. Когда онъ поцѣловалъ у нихъ руку, они поцѣловали его, по обычаю, въ голову. Послѣ того какъ патріархъ сталъ на своемъ помостѣ внѣ церкви, царь также сталъ на большомъ тронѣ близъ него, и какъ патріаршій помостъ былъ устланъ коврами донизу спереди, такъ и царскій тронъ былъ покрытъ соболями вдвое. Бояри стали рядами справа отъ царя, а прочіе присутствующіе размѣстились большимъ кругомъ. Нашъ учитель сталъ направо отъ царя на коврѣ, имѣя позади кресло съ подушкой; сербскій архіепископъ напротивъ него, съ другой стороны. Архіереи подходили попарно, дѣлали дважды поклонъ головой царю и такимъ же образомъ патріарху и, пройдя, занимали свои мѣста. То же сдѣлали настоятели монастырей и всѣ священники и размѣстились по обѣ стороны, имѣя иконы, хоругви и кресты впереди. Передъ этимъ, екклесіархъ со своими подручными поставилъ среди круга, прежде всего, три столика: на одномъ изъ нихъ положили Евангеліе, на другомъ — икону Влахернской Божіей Матери, на третьемъ поставили серебряные водосвятные сосуды; изъ нихъ главный — большой сосудъ въ видѣ восьмигранной чаши съ высокимъ подножіемъ и по своей величинѣ похожій на крестильную купель, такъ какъ двое съ трудомъ могли нести его за кольца. Вокругъ него поставили чаши, ведерки узкогорлыя и прямыя и сосуды, похожіе на мѣрки, какъ бы деревянные, но изъ серебра; былъ также сосудъ для воды, на подобіе большого подойника, который едва могутъ поднять четверо мужчинъ. Передъ ними поставили въ рядъ большіе, серебряные, вызолоченные подсвѣчники. Между тѣмъ гремѣлъ звонъ въ большіе колокола, пока архидіаконъ, сойдя, взявъ кадильницу и поклонившись патріарху, не возгласилъ, обращаясь къ востоку: „благослови, владыко!“ на что патріархъ сказалъ: „благословенъ“... Пѣвчіе начали пѣть канонъ водосвященія, причемъ одинъ изъ анагностовъ канонаршилъ [1]. Передъ чтеніемъ Апостола выступилъ впередъ также одинъ изъ анагностовъ и прочелъ три пареміи, относящіяся ко Второму Пришествію. При этомъ царь и патріархъ сидѣли, пока онъ не кончилъ. Вышелъ другой анагностъ для чтенія Апостола, сказалъ сначала прокименъ его гласомъ, обращаясь къ пѣвчимъ,

[1] Отсюда до новой строки пропускъ въ англійскомъ переводѣ.

кои пропѣли его на обоихъ клиросахъ, какъ это всегда у нихъ принято при каждомъ Апостолѣ; затѣмъ прочелъ Апостолъ громкимъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, по ихъ обычаю. Потомъ сошелъ архидіаконъ и кадилъ вокругъ Евангелія, на всѣ иконы, кругомъ водосвятнаго столика, обоимъ патріархамъ, царю и прочимъ присутствующимъ. Тогда дьяконы, взявъ Евангеліе, открыли его передъ патріархомъ; архидіаконъ же сталъ передъ другимъ Евангеліемъ, лежавшимъ на аналоѣ. Патріархъ отверзъ уста и возгласилъ громкимъ голосомъ, каждое слово раздѣльно: „премудрость, прости! услышимъ святаго Евангелія“. Когда онъ сказалъ это, съ него сняли митру и передали другимъ дьяконамъ, которые положили ее на серебряное блюдо. Въ отвѣтъ патріарху, то-же повторилъ архидіаконъ. Патріархъ началъ первый стихъ Евангелія, которое есть сегодняшнее евангеліе о Страшномъ Судѣ изъ благовѣстія евангелиста Матѳія, (и читалъ) стихъ за стихомъ протяжно и нараспѣвъ, въ особенности передъ точкой, пока не кончили Евангелія, прочтя одиннадцать стиховъ. Остановка дѣлалась не больше какъ черезъ семь, восемь словъ, съ чрезвычайнымъ растягиваніемъ и нараспѣвъ. Патріарху отвѣчалъ архидіаконъ, повторяя стихъ за стихомъ очень протяжно до конца. На патріарха надѣли митру; онъ сошелъ и, подойдя къ царю, далъ ему поцѣловать Евангеліе и опять поднялся на свое мѣсто. Затѣмъ, взявъ крестъ, поднялъ его прямо и благословилъ имъ народъ на всѣ четыре стороны, держа его обѣими руками и осѣняя имъ трижды. Архидіаконъ, взявши въ руки кадильницу, кадилъ патріарху трижды при каждомъ благословеніи, говоря: „Господу помолимся“ и „Рцемъ“. Патріархъ благословлялъ на востокъ, западъ, югъ и сѣверъ, и анагностъ, державшій посохъ, оборачивался съ нимъ позади патріарха въ туже сторону, куда обращался тотъ. Послѣ ектеніи архидіакона патріархъ прочелъ длинную молитву на освященіе воды и слова: „и сохрани, Боже, раба Твоего, христолюбиваго царя Алексія“ повторилъ трижды, при чемъ оборачивался (въ сторону царя) и благословлялъ его, затѣмъ помянулъ сына его, царицу, сестеръ царя и трехъ дочерей его, называя ихъ по имени и по отчеству: Алексѣевны; поминалъ всѣхъ православныхъ архіереевъ и закончилъ молитву. Послѣ возгласа, патріархъ, взявъ крестъ съ блюда, рукояткой его трижды провелъ надъ водой крестообразно и затѣмъ трижды погрузилъ его, поя: „Спаси, Господи, люди Твоя“ и т. д; при словахъ: „побѣды царямъ нашимъ на сопротивныя даруя“, онъ называлъ царя Алексія. Архидіаконъ держалъ въ рукѣ серебряный сосудъ и собиралъ въ него воду, стекавшую съ креста. Затѣмъ патріархъ, взявъ маленькую чашу,

зачерпнулъ ею три раза изъ большого сосуда и наливалъ въ серебряный сосудъ, въ который собирали воду съ креста; взявъ губку, погрузилъ ее въ эту воду и пошелъ съ нею сначала къ Влахернской иконѣ, вытеръ ея ликъ и ризу, то-есть омылъ ее этою водой; такимъ-же образомъ онъ обошелъ прочія иконы и икону Второго Пришествія. При каждомъ разѣ онъ выжималъ воду изъ губки въ тотъ-же сосудъ и вновь погружалъ губку, потомъ, возвратившись, вылилъ ту воду въ большой сосудъ, взялъ чашу и перемѣшалъ ею ту воду сверху до-низу [1]: они, именно, считаютъ (это необходимымъ), для того, чтобы вся вода освятилась— таково ихъ убѣжденіе. Такъ поступаютъ всегда и священники. Потомъ онъ опять налилъ воды въ тотъ сосудъ, передалъ его архидіакону и брызнулъ ею кропиломъ на всѣ четыре стороны. Это кропило замѣняетъ собою пучокъ базилика, называемаго греками *василико*, котораго нѣтъ у нихъ: не растетъ совсѣмъ; мы видѣли его въ Путивлѣ, но внутри страны онъ не встрѣчается; поэтому кропило дѣлается изъ длинной свиной щетины, а рукоятка изъ хрусталя, съ позолотой и драгоцѣнными каменьями. Послѣ того какъ нашъ учитель приложился ко кресту и окропилъ патріарха Никона, а этотъ его, оба они подошли къ царю, который, сойдя съ трона, приблизился къ нимъ, помолился и приложился ко кресту. Они благословили его, по обыкновенію, и окропили, не касаясь, его и корону. Потомъ подходили его вельможи и настоятели монастырей, и патріархъ окроплялъ ихъ. Въ рукѣ у патріарха Никона былъ крестъ, а у нашего учителя кропило, и одинъ изъ дьяконовъ держалъ подлѣ него сосудъ со святою водой. Всѣ подходили къ патріарху Никону, который благословлялъ ихъ крестомъ на чело и ланиты, прикладывались къ рукояткѣ креста и правой рукѣ патріарха и подходили къ нашему учителю, который кропилъ ихъ водой—и такъ до послѣдняго. Закончили службу. Мы возвратились въ соборъ, въ предшествіи хоругвей, крестовъ и иконъ. Когда мы вошли въ храмъ, къ патріарху подвели монаха, для посвященія во діакона, а онъ послалъ его къ нашему учителю, чтобы онъ его рукоположилъ, дабы видѣть, каковы наши обряды, и нашъ учитель рукоположилъ его.

Послѣ явленія Даровъ, благословенія патріарховъ и окажденія престола, патріархъ Никонъ вышелъ изъ алтаря и сталъ на

---

[1] Дѣло происходило, повидимому, такъ: Никонъ, зачерпнувъ маленькою чашей воды и высоко поднявъ ее, выливалъ воду въ большой сосудъ; въ силу тяжести она стремилась на дно и такимъ образомъ вся вода перемѣшивалась.

амвонѣ, окруженный всѣми своими дьяконами, которые его поддерживали. Нашъ учитель сталъ слѣва внизу, на орлецѣ, ибо, какъ мы упомянули, къ нему былъ приставленъ одинъ изъ дьяконовъ, который клалъ орлецъ ему подъ ноги, гдѣ-бы онъ ни стоялъ. Прочіе служащіе размѣстились опять по обѣ стороны. Царь стоялъ впереди патріаршаго мѣста съ непокрытою головой, держа правую руку за пазухой, по причинѣ бывшаго въ тотъ день сильнаго холода. Смотри, братъ, что случилось теперь! мы увидѣли нѣчто, поразившее изумленіемъ нашъ умъ и пониманіе. Не достаточно было того, что (служба) затянулась до вечера—дьяконы принесли еще патріарху книгу поученій и раскрыли передъ нимъ. Онъ началъ читать поученіе на этотъ день, относящееся ко Второму Пришествію, и не только читалъ поученіе, но говорилъ наставленія и толковалъ значеніе словъ его, такъ что у насъ душа разрывалась, пока, по милости Божіей, онъ не кончилъ. Всѣ стояли въ молчаніи. Затѣмъ довершили службу. Войдя въ алтарь, владыки сняли облаченія, надѣли мантіи и, выйдя, благословили царя и поздравили его со днемъ мясопуста. Онъ ушелъ. Приложившись къ мощамъ святыхъ, находящихся въ этой церкви, и къ иконѣ Богородицы, писанной евангелистомъ Лукой, мы вышли. Нашъ учитель сѣлъ въ сани, и мы пріѣхали въ свой монастырь вечеромъ. Не успѣли мы сѣсть за столъ, какъ ударили къ вечернѣ.

Что скажешь объ этихъ порядкахъ, отъ которыхъ посѣдѣли-бы младенцы, о царѣ, патріархѣ, вельможахъ, царевнахъ и знатныхъ госпожахъ, кои стоятъ на ногахъ въ этотъ день мясопуста съ утра до вечера? Кто повѣритъ этому? Они превзошли подвижниковъ въ пустыняхъ. Но Творецъ свидѣтель, что я говорю правду.

Глава X.

Москва.—Служеніе патріарховъ въ дворцовой церкви. Царская трапеза. Патріархъ Никонъ и перенесеніе имъ мощей св. Филиппа митрополита.

Во вторникъ сырной недѣли, который былъ 20 февраля, царь прислалъ за нашимъ владыкой патріархомъ сани съ приглашеніемъ служить у него въ одной изъ дворцовыхъ церквей, именно, въ верхней, во имя Рождества Богородицы и св. Екатерины, по случаю празднованія дня рожденія его старшей дочери, по имени Евдокіи, которая родилась 1 марта, когда бываетъ память св. Евдокіи; но какъ этотъ день приходился на первой недѣлѣ великаго поста, то царь совершилъ его празднованіе сегодня, по принятому у нихъ каждогодно обыкновенію. Мы прибыли,

поднялись въ церковь и служили въ ней вмѣстѣ съ патріархомъ московскимъ и архіепископомъ сербскимъ, въ присутствіи царя, нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ, а также царицы и сестеръ царя, которыя стояли въ нарѳексѣ; дверь (нарѳекса?) заперли за ними, чтобы никто не входилъ, и онѣ смотрѣли на насъ изъ-за рѣшетокъ и маленькихъ оконъ. Эта церковь очень мала, древней постройки, но ея куполы позолочены. По предложенію московскаго патріарха, нашъ учитель рукоположилъ священника и дьякона. Такъ какъ эта церковь предназначена собственно для царя въ зимнее время, смотри, что онъ сдѣлалъ. Сойдя съ своего мѣста, онъ обходилъ церковь и зажигалъ предъ иконами свѣчи, какъ кандиловозжигатель. Это повергло насъ въ изумленіе и разсѣянность. Послѣ великаго выхода царь подошелъ къ патріархамъ, и они благословили его крестомъ, по обычаю. Затѣмъ они пошли къ царицѣ и къ бывшимъ съ нею и также благословили ихъ. Послѣ литургіи также роздали имъ антидоръ.

По выходѣ нашемъ изъ церкви, царь повелъ троихъ владыкъ въ теремъ царицы, чтобы они благословили ее, его дочерей, сестеръ и благополучнаго сына. Когда они вышли отъ нея, мы пошли съ ними на короткое время въ патріаршія келліи. Царь прислалъ владыкамъ приглашеніе къ трапезѣ, которая была устроена въ той же палатѣ, гдѣ и въ первый разъ. Происходило то же, что и въ тотъ день, касательно раздачи сначала хлѣба, потомъ кубковъ вина и меда всѣмъ присутствующимъ, затѣмъ блюдъ съ яствами, которыя гости отсылали домой. При этомъ царь никого не забывалъ. Подъ конецъ встали, и патріархъ роздалъ первую круговую чашу за здоровье царя, вторую—за здоровье царицы и дочери его, третью—роздалъ царь собственноручно за здоровье патріарха (московскаго) и четвертую—за здоровье патріарха антіохійскаго. Затѣмъ встали, воздвигли, по обычаю, Панагію и прочли молитву надъ трапезой. Простились съ царемъ, и мы вернулись въ свой монастырь.

На другой день царь съ своими боярами отправился на богомолье въ знаменитый монастырь св. Троицы, какъ говорятъ, для того, чтобы заговѣться у монаховъ. Обрати вниманіе на эту набожность и добродѣтель, которыя мы видѣли при семъ случаѣ съ его стороны!

Въ четвергъ сырной недѣли, рано поутру, патріархъ пригласилъ нашего учителя вмѣстѣ съ сербскимъ служить обѣдню въ соборной церкви, въ воспоминаніе усопшихъ митрополитовъ и патріарховъ московскихъ. По обычаю, ежегодно послѣ литургіи и поминовенія наканунѣ и въ этотъ день бываетъ отъ патріарха

большое угощеніе въ его палатѣ для настоятелей монастырей, семи соборныхъ священниковъ и дьяконовъ и всѣхъ, находящихся въ городѣ архіереевъ, игуменовъ монастырей и греческихъ чужестранныхъ монаховъ. Мы поѣхали въ соборъ въ царскихъ саняхъ. Когда вошелъ патріархъ московскій, помолился, преподалъ благословеніе и поздоровался съ нашимъ учителемъ, оба они вмѣстѣ пошли прикладываться ко всѣмъ иконамъ, въ этой церкви находящимся, а также къ мощамъ св. Филиппа, митрополита московскаго и чудотворца, претерпѣвшаго мученическую кончину. Теперешній патріархъ, въ бытность свою митрополитомъ надъ Новгородомъ, привезъ, по порученію царя, его (мощи) изъ монастыря свв. Савватія и Зосимы, извѣстнаго подъ именемъ *Солофоска* (Соловецкій),—а греки называютъ его *Соловка*. Онъ находится на островѣ, среди моря-океана, называемаго моремъ мрака, ибо въ этомъ монастырѣ въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ день и ночь между собою одинаковы, то-есть бываетъ свѣтъ безъ тьмы, и ночь отличается отъ дня только по темнотѣ, которая продолжается меньше часа; въ зимнее же время бываетъ непрерывный мракъ, и монахи живутъ лишь при свѣтильникахъ ночью и днемъ, какъ своими устами разсказывалъ намъ патріархъ и многіе другіе. Монастырь отстоитъ отъ Москвы болѣе чѣмъ на двѣ тысячи верстъ, и зимой, во время морозовъ, ѣзды до него два мѣсяца, а лѣтомъ—полгода. Въ этотъ монастырь заточаютъ провинившихся священниковъ и греческихъ монаховъ, и нѣкоторые изъ нихъ разсказывали намъ о тамошней жизни.

Патріархъ Никонъ сначала былъ бѣлымъ священникомъ, оставилъ жену и пошелъ въ монахи, затѣмъ нѣкоторое время былъ игуменомъ, то-есть настоятелемъ монастыря. Потомъ царь сдѣлалъ его архимандритомъ монастыря Спаса, то-есть Σωτηρ по-гречески, а по нашему Спасителя. Монастырь этотъ въ честь божественнаго Преображенія, а выстроилъ его отецъ нынѣшняго царя, въ свое царствованіе, за городскою стѣной. Въ характерѣ Никона любовь къ грекамъ и ихъ обрядамъ. Онъ пробылъ здѣсь три года, послѣ чего царь назначилъ его митрополитомъ города Новгорода. Митрополитъ его—первый изъ митрополитовъ Московіи, ибо именно въ этотъ городъ приходилъ апостолъ Андрей и здѣсь проповѣдовалъ, и этотъ городъ первымъ въ здѣшней странѣ послѣ Кіева принялъ вѣру христіанскую. Поэтому онъ былъ удостоенъ степенью митрополіи. Впослѣдствіи мы сообщимъ свѣдѣнія объ этомъ городѣ, ибо, по волѣ Божіей, мы потомъ ѣздили туда. Затѣмъ царь послалъ Никона привезти мощи святого Филиппа, знаменитаго митрополита мо-

сковскаго. Причиной было то, что этотъ святой со времени, какъ пострадалъ и былъ погребенъ въ томъ монастырѣ, не явившій ни одного чуда, въ настоящее время сталъ творить много чудесъ. Поэтому послали привезти его мощи сюда, во исполненіе того, что онъ, многократно являясь во снѣ царю, говорилъ: „довольно мнѣ столько времени быть въ отдаленіи отъ мѣста погребенія моихъ собратьевъ-митрополитовъ; пошли привезти мое тѣло и положи меня вмѣстѣ съ ними“. Царь послалъ съ митрополитомъ многихъ вельможъ. Мощи были привезены, при чемъ, со времени отправленія посланныхъ до ихъ возвращенія съ мощами, прошло цѣлыхъ два года. Еще раньше чѣмъ ихъ привезли, случилась кончина патріарха Іосифа, и всѣ согласились на томъ, чтобы сдѣлать патріархомъ Никона. Онъ долго отказывался, пока не было постановлено, что царь отнюдь не будетъ заниматься дѣлами церкви и духовенства, ибо предшествовавшіе цари этимъ занимались. Когда состоялось соглашеніе касательно этого, Никонъ издалъ царскій указъ о томъ, что слово его будетъ рѣшающее и что никто не вправѣ ему противиться. Сдѣлавшись патріархомъ, онъ немедленно сослалъ въ заточеніе въ Сибирь трехъ протопоповъ съ ихъ женами и дѣтьми, изъ коихъ одинъ былъ царскимъ протопопомъ. Послѣдній занималъ такое положеніе, что могъ наказывать, заключать въ тюрьму и налагать оковы на священниковъ безъ дозволенія прежнихъ патріарховъ. Когда это произошло, водворился миръ и всѣ стали бояться Никона. Онъ до сихъ поръ великій тиранъ по отношенію къ архіереямъ, архимандритамъ и всему священническому чину, даже къ государственнымъ сановникамъ. Онъ ни за кого не принимаетъ ходатайства. Онъ-то заточилъ епископа Коломны и рукоположилъ туда впослѣдствіи другого. Прослышавъ о чьемъ-нибудь проступкѣ, даже объ опьяненіи, онъ немедленно того заточаетъ, ибо его стрѣльцы постоянно рыщутъ по городу и какъ только увидятъ священника или монаха пьянымъ, сажаютъ его въ тюрьму, подвергая всяческому униженію. Оттого намъ приходилось видать тюрьмы, переполненныя такими людьми, кои находятся въ самомъ скверномъ положеніи, будучи окованы тяжелыми цѣпями по шеѣ и съ большими колодками на ногахъ. Бояре прежде входили къ патріарху безъ доклада привратниковъ; онъ выходилъ имъ навстрѣчу и при уходѣ шелъ ихъ провожать. Теперь же, какъ мы видѣли собственными глазами, министры царя и его приближенные сидятъ долгое время у наружныхъ дверей, пока Никонъ не дозволитъ имъ войти; они входятъ съ чрезвычайною робостью и страхомъ, причемъ, до самаго окончанія своего дѣла, стоятъ на ногахъ, а

когда затѣмъ уходятъ, Никонъ продолжаетъ сидѣть. Любовь царя и царицы къ нему неописуема. Вотъ свѣдѣнія объ этомъ патріархѣ, которыя было кстати теперь сообщить; потомъ въ своемъ мѣстѣ мы разскажемъ о немъ и объ его исторіи подробно и по порядку.

Возвращаемся. Когда привезли мощи св. Филиппа, царь, патріархъ и государственные сановники вмѣстѣ съ архіереями, всѣми настоятелями монастырей и священниками и со всѣми жителями города вышли для встрѣчи ихъ въ облаченіяхъ, со свѣчами, хоругвями и иконами. Какъ намъ всѣ разсказывали, святой сотворилъ много чудесъ, открывая очи слѣпымъ, воздвигая калѣкъ и разслабленныхъ и исцѣляя помѣшанныхъ, пока не внесли его въ соборную церковь, гдѣ и положили съ великою честью и уваженіемъ въ ракѣ изъ серебра и золота близъ дверей пятаго южнаго алтаря. Онъ до сихъ поръ продолжаетъ творить много чудесъ. По этой причинѣ установили празднованіе его памяти вмѣстѣ съ ихъ новыми святыми: праздникъ, акаѳисты и пр. Всѣ пріобрѣтаютъ его иконы, и живописцы днемъ и ночью заняты писаніемъ дорогихъ иконъ его, а золотыхъ дѣлъ мастера изготовленіемъ чеканнаго серебра и золота для окладовъ на нихъ. Во имя его тратятъ цѣлыя сокровища. Женщины имѣютъ къ нему великую вѣру: мы видали, какъ онѣ ходили по иконному ряду и, купивъ его икону, приходили въ рядъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, чтобы обложить ее серебромъ. Самая дешевая икона обходится въ десять динаровъ (рублей). Вельможи и ихъ жены украшаютъ ее золотомъ и драгоцѣнными каменьями.

Глава XI.

Москва.—Заупокойное служеніе въ Успенскомъ соборѣ.

Возвращаемся. Оба патріарха вернулись и приложились къ мѣстнымъ иконамъ, что у дверей сѣвернаго алтаря, затѣмъ вошли въ алтарь, гдѣ жертвенникъ, и приложились къ мощамъ св. Петра, перваго митрополита московскаго, коего позолоченная рака вложена въ стѣну между обоими алтарями. Этотъ именно святой прибылъ изъ города Кіева, послѣ того какъ русскіе приняли вѣру христіанскую чрезъ царя Василія Македонянина, по славшаго туда свою сестру. На ней женился Владиміръ, царь кіевскій, послѣ того какъ она окрестила въ рѣкѣ Днѣпрѣ его, всѣхъ приближенныхъ его и всю страну рукой этого святого Петра, который потомъ прибылъ въ Москву и совершилъ множество чудесъ, пока московиты не сдѣлались христіанами. Приложившись къ нему, патріархи пошли въ сѣверный уголъ церкви и прикла-

дывались къ мощамъ св. Іоны, который былъ третьимъ митрополитомъ послѣ Петра, (ибо вторымъ былъ) св. Алексій, коего мощи находятся въ Чудовѣ монастырѣ. Потомъ они прикладывались ко всѣмъ иконамъ, кои находятся вокругъ четырехъ колоннъ церкви, затѣмъ пошли въ западный уголъ церкви, гдѣ есть красивое помѣщеніе съ высокимъ куполомъ. Оно изъ желтой мѣди въ прорѣзь, а снутри его каменный хрусталь [1]. Въ немъ хранится хитонъ Господа Христа, присланный царю Михаилу, отцу нынѣшняго царя, кизилбашемъ, шахомъ Аббасомъ, который завладѣлъ имъ въ Грузіи. Для него устроили это чудесное, приличествующее ему помѣщеніе. Внутренность его имѣетъ подобіе гроба Господа Христа; на немъ стоитъ изящный ковчегъ изъ позолоченнаго серебра, внутри коего другой ковчегъ изъ золота съ драгоцѣнными каменьями, а въ немъ упомянутый хитонъ, который мы видѣли впослѣдствіи въ день великой пятницы. Здѣсь ночью и днемъ горятъ лампады со свѣчами. Дверь этого помѣщенія изъ желтой мѣди также со сквознымъ узоромъ. Когда патріархи подошли къ этой двери, чередной (священникъ) вынулъ для нихъ упомянутый ковчегъ. Поклонившись ему и приложившись, они пошли въ алтарь, и мы съ ними: всѣ дьяконы облачаются до прихода патріарховъ, дабы, когда тѣ входятъ, поддерживать ихъ подъ руки и обходить съ ними (храмъ). Затѣмъ они помолились предъ престоломъ и приложились къ Евангелію и кресту, по ихъ обыкновенію. Патріархъ взялъ крестъ въ правую руку, и тогда начали подходить архіереи и архимандриты безъ клобуковъ вмѣстѣ со священниками и прочими дьяконами, кланялись земно и лобызали крестъ и правую руку патріарха, до послѣдняго,—таковъ ихъ обычай взамѣнъ кирона, который бываетъ у насъ и у грековъ внѣ (алтаря [2]). Затѣмъ патріархи вошли въ алтарь, гдѣ жертвенникъ, помолились и приложились къ чашѣ и дискосу, по ихъ обычаю; потомъ подходили тѣ и кланялись патріарху, который ихъ благословлялъ до послѣдняго. Но нашъ владыка патріархъ впослѣдствіи уничтожилъ этотъ обычай, убѣдивъ патріарха (Никона) не входить въ алтарь и не благословлять архіереевъ и священниковъ крестомъ, но, по существующему у насъ обычаю, сидѣть на своемъ патріаршемъ мѣстѣ, причемъ тѣ подходятъ и цѣлуютъ только его правую руку. Затѣмъ они вошли въ нарѳексъ, и патріархъ (Никонъ) взошелъ на высокій помостъ, очень большой, въ три ступеньки;

---

[1] Вѣроятно, слюда.

[2] Киронъ—благословеніе священнослужителей патріархомъ, который въ это время стоитъ на возвышеніи среди церкви, гдѣ онъ облачается.

онъ разбирается на четыре части; на немъ разостланъ большой коверъ сверху его до конца нарѳекса. Дьяконы начали облачать патріарха по обычаю, не отнимая мантіи съ его спины, чтобы никто не видѣлъ его безъ мантіи, пока не надѣли на него, во-первыхъ, парамандъ, весь жемчужный, затѣмъ стихарь. Два дьякона справа и слѣва, стоя нѣсколько въ сторонѣ, держали всѣ части облаченія въ рукахъ и надѣвали ихъ осторожно на патріарха, который каждую изъ нихъ благословлялъ, крестился, цѣловалъ крестъ на ней и надѣвалъ. Также надѣли на него саккосъ открытымъ и потомъ застегнули его съ двухъ сторонъ. Всѣ его саккосы имѣютъ бубенчики и съ золотыми кистями шнуры, которые завязываютъ. Прежде чѣмъ надѣть митру, патріархъ имѣетъ обыкновеніе расчесывать себѣ волосы на головѣ и бороду вещью, сдѣланною изъ свиной щетины. Потомъ надѣваютъ на него митру. По окончаніи облаченія, когда онъ преподастъ благословеніе народу, дьяконы сходятъ и, помолившись трижды на востокъ, поднимаются къ патріарху для полученія его благословленія. Точно также послѣ часовъ, архіереи, архимандриты и священники, выйдя изъ алтаря, подходили къ нему попарно, кланялись малымъ поклономъ, шли и становились на своемъ мѣстѣ, до послѣдняго. При своей многочисленности они достигали почти до алтаря. Четыре архимандрита были въ митрахъ, остальные въ клобукахъ.

Въ этотъ день опять происходило рукоположеніе священника и дьякона. Мы нашли, что этотъ патріархъ имѣетъ обыкновеніе служить въ бо̀льшую часть дней и ни одна обѣдня не проходитъ безъ рукоположенія іерея и діакона, вслѣдствіе многочисленности пасомыхъ и священниковъ у нихъ. Мы пробыли у нихъ болѣе года и видѣли, что за каждою обѣдней патріархъ рукополагалъ іерея и діакона. И не только самъ онъ рукополагалъ, но и всѣмъ находившимся у него архіереямъ посылалъ разрѣшеніе рукополагать въ своей церкви, ибо епархія патріарха очень велика и онъ не успѣваетъ посвящать всѣхъ, къ нему обращающихся, но отсылаетъ, какъ мы сказали, (къ другимъ), такъ что наконецъ сталъ присылать и къ намъ, и мы рукоположили весьма многихъ, о чемъ разскажемъ въ своемъ мѣстѣ. Посылалъ ихъ также и къ архіепископу сербскому. Они являются къ патріарху изъ собственной его епархіи со свидѣтельствомъ отъ жителей своего селенія или города въ томъ, что онъ достоинъ (сана). Намъ случалось видѣть нѣкоторыхъ, пріѣхавшихъ съ великими трудностями болѣе чѣмъ за двѣ тысячи верстъ. Каждый архіерей, обыкновенно, отвѣтственъ за свою паству и священниковъ. Никонъ всегда предлагалъ нашему владыкѣ патріарху, когда онъ слу-

жилъ съ нимъ, совершить рукоположеніе, ибо искалъ въ этомъ пользы, чтобы видѣть, чьи обряды лучше, и постоянно спрашивалъ его о всякомъ предметѣ, дабы извлечь для себя пользу. Мы разскажемъ потомъ въ своемъ мѣстѣ о недостаткахъ и неблагоприличныхъ дѣйствіяхъ, у нихъ существующихъ, о томъ, чему научилъ ихъ нашъ учитель и что онъ совершилъ у нихъ подъ конецъ.

Возвращаемся [1]. [Архидіаконъ, сказавъ ектенію „Рцемъ вси“, произнесъ ектенію, возглашаемую ими за усопшихъ: „помилуй насъ, Боже“, и пр.; затѣмъ: „молимся о упокоеніи душъ рабовъ Божіихъ, всѣхъ усопшихъ митрополитовъ московскихъ и всея Россіи“. Онъ сказалъ ее, по ихъ обычаю, въ пяти прошеніяхъ, читая ихъ имена по списку, а пѣвчіе при каждомъ прошеніи пѣли „Господи помилуй“. Потомъ онъ закончилъ, сказавши: „Господу помолимся“, а они отвѣчали: „Господи (помилуй)“, и патріархъ возгласилъ: „ибо Ты еси воскресеніе и животъ, покой и утѣшеніе рабовъ Твоихъ, братьевъ нашихъ, митрополитовъ московскихъ“, поминая всѣхъ поименно, какъ обыкновенно они дѣлаютъ это на заупокойныхъ обѣдняхъ, чему мы послѣ были свидѣтелями. Потомъ архидіаконъ вошелъ въ алтарь, а другой (дьяконъ) вышелъ и сказалъ: „оглашеннїи, Господу помолитесь!“]. Послѣ литургіи вышли (изъ алтаря) и закончили службу обычнымъ порядкомъ. Затѣмъ патріархъ взошелъ на свое архіерейское мѣсто, гдѣ онъ облачался, нашъ учитель сталъ направо, а сербскій налѣво отъ него, прочіе же служащіе, архіереи, священники и архимандриты, размѣстились по обѣ стороны. Передъ этимъ, екклесіархъ поставилъ посрединѣ столикъ, на которомъ находились серебряное блюдо съ медовою кутьей и чаша съ виномъ, т.-е. μνημοσυνον, для помиповенія всѣхъ усопшихъ митрополитовъ и патріарховъ московскихъ. Дьяконы стали подносить патріарху втрое скрученныя свѣчи, а онъ раздавалъ ихъ присутствующимъ. Архидіаконъ, взявъ кадильницу, возгласилъ: „благослови, владыко!“ а патріархъ: „благословенъ“... Архидіаконъ сказалъ большую ектенію, на которой вмѣсто имени царя и патріарха поминалъ имена усопшихъ, - не знаемъ, откуда они выдумали эту ектенію. Затѣмъ анагносты начали канонаршить Блаженны до конца, а пѣвчіе пѣли ихъ. При первой каѳизмѣ я вошелъ и сказалъ: „помилуй насъ, Боже“ и пр., имѣя въ правой рукѣ кадильницу, коею окадилъ столикъ, и поминалъ

---

[1] Все, что заключено въ прямыя скобки, взято изъ англійскаго перевода для пополненія пропусковъ, которые оказались въ здѣшнихъ рукописяхъ.

всѣхъ усопшихъ русскихъ архіереевъ. Они обыкновенно дѣлятъ эту ектенію на пять прошеній, и на каждое прошеніе пѣвчіе пѣли „Господи помилуй“. [Послѣ этого я сказалъ: „Господу помолимся“, а они отвѣчали: „Господи (помилуй)“, и нашъ учитель прочелъ молитву]: „Боке духовъ и всякія плоти“ тихимъ голосомъ [1], по ихъ обычаю, а затѣмъ сказалъ положенный возгласъ [2]. Патріархъ (Никонъ) сошелъ и совершилъ кажденіе, послѣ него кадилъ нашъ учитель; то же сдѣлалъ и сербскій. [3] Когда пѣвчіе кончили пѣніе Блаженнъ, канонархъ началъ канонаршить стихиры канона, не каждую стихиру (отдѣльно), но читалъ ихъ, а пѣвчіе пѣли только ихъ конецъ, и такъ до послѣдней. Патріархъ сошелъ и совершилъ отпустъ, поминая имена усопшихъ по книжкѣ, одно за другимъ, и имъ пѣли вѣчную память и вѣчный покой. Вошли въ алтарь и сняли облаченія.

Глава XII.

Москва. Обѣдъ у патріарха Никона. Появленіе на обѣдѣ людоѣдовъ. Ихъ обычаи. Разговоръ съ ними Никона и угощеніе ихъ.

Мы вышли и отправились съ патріархомъ въ его келліи, гдѣ былъ накрытъ обѣденный столъ, а посреднѣ, по ихъ обычаю, стоялъ столъ съ серебряно-вызолоченными большими и малыми кубками и вокругъ него стольники, къ тому назначенные. Для

---

[1] Въ текстѣ стоитъ: *сирранъ* (втайнѣ), но мало вѣроятно, чтобы патріархъ читалъ молитву про себя.

[2] Въ англійскомъ переводѣ: громко сказалъ возгласъ: „Ты еси воскресеніе и животъ, покой и утѣшеніе рабовъ Твоихъ, братьевъ нашихъ, митрополитовъ московскихъ, Христе Боже нашъ“ и пр.

[3] Въ англійскомъ переводѣ церемонія кажденія описана гораздо подробнѣе, чѣмъ въ нашихъ рукописяхъ, а именно: „.... (патріархъ) кадилъ вокругъ столика, на алтарь, престолъ и жертвенникъ, обернулся и кадилъ на горнее мѣсто и иконы. Затѣмъ вышелъ и кадилъ на царскія двери и на всѣ мѣстныя иконы справа и слѣва, а потомъ приблизился и кадилъ на икону, которая была надъ головою нашего учителя, затѣмъ окадилъ его и весь рядъ предстоящихъ съ нимъ, послѣ того пѣвчихъ. Точно также онъ кадилъ сербскому и бывшимъ съ нимъ. Затѣмъ онъ пошелъ кругомъ и окадилъ иконы во всемъ храмѣ, одну за другой, тронъ царя и царицы и всѣхъ предстоящихъ. Архидіаконъ, имѣя въ правой рукѣ свѣчу, предшествовалъ ему всюду, куда онъ шелъ, пока (патріархъ), возвратившись, не сталъ на свое мѣсто, а два дьякона поддерживали его подъ руки, пока онъ не кончилъ, окадивъ вторично царскія врата, затѣмъ столикъ кругомъ и нашего учителя, послѣ чего взошелъ на свое мѣсто съ кадильницей въ рукахъ. Тогда всѣ дьяконы сошли внизъ и стали въ рядъ передъ нимъ, и онъ окадилъ ихъ, между тѣмъ какъ они кланялись ему; точно также онъ кадилъ обоимъ клиросамъ пѣвчихъ, между тѣмъ какъ

патріарха Никона былъ поставленъ отдѣльный столъ на переднемъ мѣстѣ [1], а другой близъ него для нашего учителя, еще одинъ для сербскаго, четвертый для архіереевъ, архимандритовъ и для насъ; для прочихъ же приглашенныхъ былъ накрытъ столъ по окружности столовой палаты. Оба патріарха помолились надъ трапезой. Принесли Панагію въ чудесномъ серебряно-вызолоченномъ сосудѣ и прочли надъ ней молитвы; они и мы взяли отъ нея и затѣмъ сѣли. Пришелъ одинъ изъ анагностовъ, поставилъ посрединѣ аналой и началъ читать по большой книгѣ громкимъ голосомъ (и читалъ) съ начала до конца (обѣда). Посохъ патріарха (Никона) держалъ другой анагностъ подлѣ него; посохи же нашего учителя и сербскаго держали насупротивъ нихъ. Затѣмъ патріархъ выпилъ три кубка и поподчивалъ нашего учителя и насъ, прежде чѣмъ принялись за ѣду. Стольники въ дорогихъ одеждахъ стояли, готовые къ проворнымъ услугамъ: одни—для подачи хлѣба, другіе—блюдъ съ кушаньемъ, иные—для подачи разнообразныхъ напитковъ. При каждомъ обнесеніи кубки были другой формы и другой напитокъ. Первое, что патріархъ роздалъ всѣмъ присутствующимъ, были, по обыкновенію, длинные хлѣбы. Принимая ихъ отъ него, стольники кричали: „такой-то!“ если онъ былъ архіерей, то называли имя его епархіи, если архимандритъ, то—имя его монастыря; стольникъ называлъ также и насъ, говоря: „это тебѣ отъ щедротъ патріарха Никона“. Гости вставали изъ-за стола и кланялись патріарху земно, принося ему благодарность. Первое, что подали на столъ, была черная и красная икра. Затѣмъ сняли ее и стали подавать рыбныя кушанья разныхъ сортовъ и видовъ. Они не ставили одно кушанье вмѣстѣ съ другимъ, но сначала уносили поданное раньше и ставили другое, по обыкновенію и обычаямъ царскихъ обѣдовъ. Такъ, патріархъ дарилъ блюда превосходнаго кушанья каждому изъ присутствующихъ, и прежде всѣхъ нашему владыкѣ патріарху. Всѣ, по обычаю, отсылали ихъ со своими слугами къ себѣ домой въ видѣ благословенія. Когда чтецъ уставалъ, подходили пѣвчіе и пѣли. Патріархъ при-

---

[1] Т. е. прямо противъ входа.

эти кланялись ему, затѣмъ анагностамъ и архидіакону, которому и отдалъ кадильницу. Послѣ этого онъ трижды помолился на востокъ и преподалъ благословеніе обоимъ клиросамъ. Тогда архидіаконъ, окадивъ его, отдалъ кадильницу мнѣ, и я кадилъ сначала патріарху московскому, а потомъ нашему учителю, передалъ ему кадильницу, взявъ изъ его рукъ свѣчу, чтобы носить передъ нимъ, и онъ пошелъ кругомъ кадить такимъ же образомъ, какъ дѣлалъ тотъ, и возвратился на свое мѣсто. Ту же церемонію совершилъ архіепископъ сербскій“.

глашалъ и насъ пѣть по-гречески и по-арабски. Такъ продолжалось до вечера.

Онъ захотѣлъ доставить нашему владыкѣ патріарху большое развлеченіе слѣдующимъ. Царь посылалъ вызвать часть племени мученика Христофора, которое состоитъ подъ его властью. Имя его *Лопани* (лопари?). Эти люди ѣдятъ человѣчье мясо, а также своихъ мертвецовъ. По-турецки ихъ называюсь *ябанъ адамысы*, по-гречески ἄγριοι ἄνθρωποι, а по-арабски *унасъ баррійе шахшійе*. Страна ихъ лежитъ при морѣ-океанѣ, что есть море мрака, во ста пятидесяти верстахъ за Архангельскимъ портомъ и въ 1.650 верстахъ на востокъ отъ Москвы. Отъ нихъ пришло теперь на помощь царю болѣе 17.000, а говорятъ даже 30.000. Этотъ народъ возсталъ въ древности противъ Александра, какъ мы узнали отъ нихъ чрезъ переводчиковъ—ибо у нихъ особый языкъ, и съ ними есть драгоманы, знающіе ихъ языкъ и русскій. У нихъ нѣтъ домовъ и они вовсе не знаютъ хлѣба и не ѣдятъ его, но питаются только сырою рыбой, дикими, нечистыми животными и собаками, коихъ они не варятъ — такъ они привыкли. У нихъ нѣтъ лошадей, но есть животныя, называемыя по-гречески ἔλαφος, что есть олень; онъ водится у нихъ во множествѣ. Его употребляютъ для разныхъ потребностей: для перевозки арбъ, питаются имъ и одѣваются въ его шкуру. Ежегодно они вносятъ въ царскую казну извѣстное количество оленьихъ шкуръ, которыя похожи на пергаментъ; московиты въ нихъ нуждаются.

[Отъ самыхъ дальнихъ береговъ Дуная до крайняго Сѣвера олени водятся въ большомъ изобиліи, особенно въ Валахіи. На нихъ охотятся и ихъ ѣдятъ, такъ какъ олень имѣетъ раздвоенное копыто. Но московиты строго воздерживаются отъ употребленія ихъ въ пищу, изъ уваженія, какъ они думаютъ, къ Святому Духу].

Они не имѣютъ домовъ, но бродятъ по горамъ и лѣсамъ; гдѣ остановятся, тамъ и ночуютъ. Снѣгъ и холодъ не прекращаются въ ихъ странѣ, вслѣдствіе чего у нихъ лицо и тѣло очень бѣлы. Ихъ одежда служитъ имъ покрываломъ и подстилкой, и другой они не знаютъ во всю свою жизнь, развѣ только, когда она изорвется въ куски, они дѣлаютъ другую, и именно изъ шкуры упомянутыхъ оленей, которая похожа на кожу верблюда и съ такою же шерстью. Ее сшиваютъ вдвое, именно коротким мѣхомъ внутрь и наружу; штаны для ногъ и покрывало для головы въ видѣ капюшона пришиваются къ платью. Эта одежда защищаетъ ихъ отъ холода. Что касается ихъ богопочитанія, то они, какъ намъ говорили, поклоняются небу. Свои дорожные припасы—мясо дикихъ звѣрей—они прячутъ въ одеждѣ за спиной. Ихъ наружность пугаетъ зрителя: когда мы

взглянули на нихъ, то затрепетали отъ страха — спаси насъ, Боже! Всѣ они малорослы, всѣ какъ одинъ: не отличишь другъ отъ друга; сутуловаты, короткошеи и приземисты, ибо головы ихъ сидятъ въ плечахъ. Они всѣ безбороды, — мужчинъ можно отличить отъ женщинъ только по pudenda—ибо сильный холодъ препятствуетъ у нихъ росту волосъ. Когда они идутъ, то ихъ не отличишь отъ стада медвѣдей или другихъ животныхъ—удивительно для смотрящаго! Лица у нихъ круглыя, будто по циркулю, очень большія, плоскія, сплюснутыя и ровныя; носы приплюснуты, глаза непріятные, маленькіе, съ длиннымъ прорѣзомъ. По этой-то причинѣ они наводятъ страхъ на зрителя. У насъ не хватало смѣлости поближе разсмотрѣть ихъ, ибо они далеки отъ гуманности и совершенно дики, а потому греки называютъ ихъ σκυλοκέφαλοι, то-есть собачелицые. [1] Старики у нихъ ничѣмъ не отличаются отъ юношей.

Намъ разсказывали служители Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, на подворьѣ котораго мы теперь пребываемъ, что монастырю принадлежитъ, въ видѣ угодій, значительное число подданныхъ изъ этого народа, кои платятъ подать только оленьими шкурами, ибо кромѣ этого у нихъ ничего нѣтъ.

Намъ разсказывали объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ упомянуть хотя непристойно, но необходимо, дабы читатель или слушатель подивились. Въ этомъ народѣ сѣмя лишь у немногихъ бываетъ годно, ибо ихъ pudenda скрыты и втянуты внутрь. Ихъ жены любятъ, живущихъ съ ними въ сосѣдствѣ, московитовъ. Говорятъ, что если кто изъ этого племени, придя въ свою хижину, въ которой онъ живетъ среди лѣса, найдетъ московита лежащимъ съ его женой, то сильно радуется и отъ большой радости идетъ и добываетъ на охотѣ оленей, коихъ отдаетъ московиту за благодѣяніе, ему оказанное, именно за то, что сдѣлалъ его жену беременной, ибо, какъ намъ говорили, сѣмя лишь у немногихъ изъ нихъ бываетъ годно. Впрочемъ, Богъ знаетъ больше.

Возвращаемся. Когда мы сидѣли за столомъ, патріархъ Никонъ послалъ за начальниками этого народа, именно за тысяцкими, коихъ около тридцати человѣкъ. Съ ними былъ переводчикъ, говорящій (на ихъ языкѣ): Когда они вошли, собраніе затрепетало при видѣ ихъ. Они тотчасъ обнажили головы, то-есть отбросили назадъ свои капюшоны, и поклонились патріарху страннымъ образомъ, сгибаясь подобно свиньямъ цѣликомъ. Патріархъ сталъ разспрашивать ихъ объ ихъ образѣ жизни, о томъ, какъ

---

[1] Вѣрнѣе, собачеголовые.

они теперь пріѣхали, и объ ихъ богопочитаніи. Они разсказали ему все, о чемъ мы сообщили (прибавивъ), что прибыли изъ своей страны пѣшкомъ, а олени везли ихъ арбы. Онъ спросилъ ихъ: „Чѣмъ вы воюете?“ — „Лукомъ и стрѣлами,“ отвѣчали они. — „Правда ли, спросилъ онъ, что вы ѣдите человѣчье мясо?“ — Они засмѣялись и сказали: „Мы ѣдимъ своихъ покойниковъ и собакъ, такъ почему же намъ не ѣсть людей?“ — „Какъ вы ѣдите человѣка?“ спросилъ онъ. Они отвѣчали: „Захвативъ человѣка, мы отрѣзаемъ ему только носъ, затѣмъ рѣжемъ его на куски и съѣдаемъ.“ Онъ сказалъ имъ: „У меня здѣсь есть человѣкъ, достойный смерти; я пошлю привести его къ вамъ, чтобы вы его съѣли.“ Они начали усиленно просить его, говоря: „Владыка нашъ! сколько ни есть у тебя людей, достойныхъ смерти, не безпокойся наказывать ихъ самъ за преступленіе и убивать, но отдай намъ ихъ съѣсть; этимъ ты окажешь намъ большое благодѣяніе.“

Когда пріѣхалъ сюда митрополитъ Миры, то за многіе гнусные поступки его и его служителей и спутниковъ — оказалось, что его архимандритъ, а также его мнимые родственники и дьяконъ курили табакъ — немедленно всѣхъ ихъ сослали въ заточеніе. Только одинъ митрополитъ избавился, по ходатайству патріарха Пателярія, а дьяконъ былъ впослѣдствіи переведенъ въ монастырь близь столицы. Патріархъ до сихъ поръ былъ въ гнѣвѣ на него, ибо никакое преступленіе у него не прощается. Теперь онъ послалъ привести его къ собачелицымъ, чтобъ они его съѣли, но его не нашли, ибо онъ скрылся.

Патріархъ спросилъ ихъ: „Что вы обыкновенно ѣдите?“ Они отвѣчали: „Сырую рыбу, которую мы ловимъ, и дикихъ звѣрей, которыхъ убиваемъ стрѣлами и съѣдаемъ съ кожей; изъ нихъ мы беремъ съ собою запасъ на дорогу въ своей одеждѣ.“ Патріархъ далъ съ своего стола блюдо превосходной рыбы и хлѣба, чтобъ они это съѣли; они поклонились ему и извинились и просили его, говоря: „Наши желудки не принимаютъ варенаго и мы къ этому совершенно не привыкли; но если тебѣ благоугодно, дай намъ невареной рыбы.“ Онъ велѣлъ принести. Имъ принесли большую рыбу, называемую *штука* (щука), — она была мерзлая, какъ чурбанъ, — и бросили передъ ними. Увидѣвъ ее, они сильно обрадовались и много благодарили. Патріархъ приказалъ имъ сѣсть, и они сѣли. Старшина ихъ подошелъ и попросилъ [1] ножъ. Взявъ рыбу, онъ сдѣлалъ надрѣзъ кругомъ

---

[1] Здѣсь стоитъ въ текстѣ совершенно непонятное слово, которое авторъ переводитъ словомъ „ножъ“.

головы и снялъ кожу сверху до низу съ такою ловкостью, что мы были изумлены. Затѣмъ онъ сталъ рѣзать рыбу ровными ломтями, какъ рѣжутъ ветчину, и бросалъ ихъ своимъ, а тѣ наперебой ихъ хватали и съѣдали съ бо̀льшимъ наслажденіемъ, чѣмъ человѣкъ ѣстъ что-либо вкусное и рѣдкостное изъ царскихъ сластей. Такъ они съѣли ее всю съ костями, кишками и головой, ничего изъ нея не отбросивъ. Попросили другую и такъ же распорядились съ нею, выхватывая другъ у друга изъ рукъ (куски) съ дракой. Зловонный запахъ ея распространился по палатѣ, и мы едва не лишились чувствъ отъ величайшаго отвращенія къ нимъ и при видѣ того, какъ они обтирали руки о свои шубы.

Мы были очень рады этому неожиданному большому развлеченію, ибо изъ этого народа только разъ въ нѣсколько лѣтъ приходитъ къ царю небольшое число, а теперь, на наше счастье, они пришли всѣ, чтобы мы могли посмотрѣть на нихъ.

Мы замѣтили, что они не осмѣливались ходить по городу малыми партіями, но ходили большою толпой, изъ опасенія обиды отъ дѣтей московитовъ; кромѣ того, имъ не позволили остановиться внутри города или подъ городомъ, но (помѣстили) въ необитаемыхъ равнинахъ, дабы они не ловили и не ѣли людей. Вотъ свѣдѣнія о собачелицыхъ, которыхъ мы видѣли собственными глазами.

КНИГА VIII.

Москва.

Глава I.

Москва.— О царѣ Іоаннѣ Грозномъ и завоеваніи имъ Казани, Астрахани и Сибири.

Патріархъ, отпустивъ Собачелицыхъ, позвалъ другихъ. Какъ разъ въ это время пріѣхалъ (въ Москву) воевода областей внутренней Сибири, называемой по-гречески βόρειος μέρος, то-есть *ени дунья*, что есть Новый Свѣтъ. Она завоевана недавно, при нынѣшнемъ царѣ, шесть лѣтъ тому назадъ [1]. Причина ея завоеванія была слѣдующая. Въ передней сибирской странѣ живетъ многочисленный народъ, именуемый *казакъ*, люди весьма храбрые; они-то покорили переднюю Сибирь во дни царя Іоанна, того самого царя Іоанна, коего имя хорошо извѣстно въ нашей странѣ. Онъ жилъ около 110 лѣтъ тому назадъ и передъ своею кончиной принялъ монашество. До этого царя въ странѣ московитовъ не существовало названія „царь“, но было названіе „князь“, которое, по степени, равняется, самое большее, велпкому бею, и царь могъ набирать едва сто тысячъ ратниковъ. Вся страна московитовъ была въ рукахъ князей, изъ коихъ каждый владѣлъ отдѣльною областью (по наслѣдію) отъ отцовъ и дѣдовъ, что походило на положеніе страны ляховъ и ея правителей: каждый правитъ одною областью, а краль не имѣетъ надъ нимъ власти. Точно въ такомъ же положеніи были и московиты. Родъ теперешняго царя, по словамъ достовѣрныхъ людей, ведетъ начало изъ Рима. Дѣды его дѣдовъ, около семисотъ лѣтъ тому назадъ, пришли по океану въ эту страну и завладѣли ею. Смотри же, какой это благословенный родъ! съ той поры и до сихъ поръ

---

[1] Въ англійскомъ переводѣ: „въ теченіе трехъ лѣтъ“.

не прекратился. Упомянутый царь Иванъ, воцарившись въ этомъ городѣ,—а былъ онъ человѣкъ храбрый, обладавшій ловкостью и хитростью, весьма склонный къ гнѣву, любящій пролитіе крови, такъ что, какъ говорятъ, собственноручно убилъ своего сына,—воцарившись, онъ хитростью заманилъ къ себѣ семьдесятъ князей, кои правили всею страной московитовъ въ семидесяти областяхъ, всѣхъ ихъ умертвилъ и завладѣлъ ихъ сокровищами, богатствами, областями и войсками. Чрезъ это онъ усилился, воевалъ и побѣдилъ еще двѣнадцать кралей франкскихъ, завладѣлъ ихъ сокровищами и странами, а ихъ всѣхъ умертвилъ, какъ это изложено въ повѣствованіи о немъ, ибо онъ былъ удачливъ и ему на роду было написано (одержать) великія побѣды. Затѣмъ онъ пошелъ войной въ страну Казань, которая была въ обладаніи независимаго царя изъ татаръ. Этотъ городъ, какъ намъ разсказывали, очень великъ и крѣпокъ: кругомъ обтекаетъ его большая и весьма глубокая рѣка. Онъ отстоитъ отъ Москвы на семьсотъ верстъ по сушѣ. Гонцы на лошадяхъ въ зимнее время совершаютъ путь въ четыре, пять дней, а въ лѣтнее въ семь, восемь дней, торговцы же въ пятнадцать дней, а на судахъ по Москвѣ-рѣкѣ въ пять недѣль или болѣе. Царь осаждалъ его двѣнадцать лѣтъ, пока не прорылъ ходы подъ землей и подъ упомянутою рѣкой, наполнивъ ихъ порохомъ; тогда городскія стѣны поколебались и обрушились на жителей. Царь вступилъ въ городъ и перебилъ всѣхъ бывшихъ въ немъ мечомъ, захватилъ его царя живымъ и отослалъ въ Москву, гдѣ онъ оставался до своей кончины. Царь завладѣлъ всѣми его сокровищами, но какъ онъ въ нихъ не нуждался, по той причинѣ, что, въ теченіе своей жизни, пріобрѣлъ множество сокровищъ, то всѣ ихъ пожертвовалъ на Божье дѣло, а именно—позолотилъ ими пять куполовъ великой церкви вмѣстѣ съ девятью куполами церкви Благовѣщенія и всей ея крышей, (покрывъ ихъ) чистымъ накладнымъ золотомъ. Мало того: все, что осталось изъ этихъ сокровищъ, онъ обратилъ въ слитокъ и сдѣлалъ изъ него очень большой крестъ,—невѣдомо, сколько милліоновъ золотомъ онъ стóитъ,—и водрузилъ его на куполѣ церкви Благовѣщенія. Онъ существуетъ доселѣ, горитъ какъ солнце, въ высоту болѣе трехъ или четырехъ локтей и столько же въ ширину. Вслѣдствіе обилія золота, коимъ были позолочены эти куполы, оно до сихъ поръ кажется новымъ, хотя, въ теченіе такого долгаго времени, болѣе ста лѣтъ, было подъ дождемъ, снѣгами и льдомъ изъ года въ годъ непрерывно. Царь позолотилъ также куполъ высокой колокольни, которая видна съ болѣе чѣмъ десятиверстнаго разстоя-

нія, а если мѣсто низменное, то и съ бо̀льшаго разстоянія. Эта колокольня, по своимъ ярусамъ и подъемамъ, похожа на минаретъ Висячей мечети въ Дамаскѣ, но много выше и обширнѣе его. Подъ позолоченнымъ ея куполомъ съ высокимъ крестомъ идутъ кругомъ письмена въ четыре строки, кои можно прочесть снизу: одному Богу вѣдомо, какова величина ихъ буквъ, различаемыхъ снизу. Все это покрыто обильною позолотой.

Возвращаемся (къ разсказу). По причинѣ обширности казанской области и (многочисленности) ея поселеній, въ главномъ городѣ живутъ трое воеводъ—важныхъ визирей, кои правятъ областью, которая, какъ говорятъ, выставляетъ 400 тысячъ ратниковъ. Бо̀льшая часть ея жителей—татары, обитатели степей, ибо [1] царь, покоривъ ее, оставилъ бо̀льшую часть войскъ на прежнемъ положеніи съ (прежнимъ) ихъ содержаніемъ; говорятъ, въ ней теперь шестьдесятъ тысячъ мусульманъ, платящихъ подать. Царь Іоаннъ, по завоеваніи этого города, пошелъ на Астрахань и также осадилъ ее. Городъ былъ во власти другого большого царя, равнымъ образомъ изъ татаръ, правившаго всѣми сѣверными странами до внутренней Сибири. Поэтому жители Астрахани и Казани до внутренней Сибири—татары, знающіе по-турецки. Они мусульмане [2], но теперь принимаютъ крещеніе, такъ какъ, въ виду ихъ бѣдности, московскіе цари стали примѣнять къ нимъ такое лѣкарство: всякій, кто изъ нихъ окрестится, получаетъ высокое положеніе, ибо царь такового награждаетъ: дѣлаетъ однихъ изъ нихъ князьями, то-есть правителями, (другихъ) беками, агами, (зачисляетъ) въ спаги [3], въ простые ратники и пр. По этой причинѣ они крестятся днемъ и ночью. Говорятъ, что они искренни въ вѣрѣ болѣе, чѣмъ другія племена, чему мы сами были свидѣтелями, видѣвъ многихъ, которые были религіознѣе насъ.

Разсказываютъ, что этотъ городъ Астрахань имѣетъ семь громадныхъ оградъ, построенныхъ московитами изъ земли, дерева и камня. Городъ расположенъ на срединѣ рѣки Волги, ширина которой, какъ говорятъ, четыре мили. Вокругъ Астрахани есть шестьдесятъ укрѣпленій также изъ камня, ибо она составляетъ большую область. Въ ней растутъ во множествѣ тутовыя деревья, на коихъ производятъ шелкъ; его обработываютъ и ведутъ имъ торговлю съ Москвой, весь шелкъ которой идетъ оттуда. По мѣстоположенію область эта жаркая; въ ней много

---

[1] Отсюда до точки дополнено по петербургской рукописи.

[2] Въ текстѣ: „исповѣдуютъ Единаго Бога“.

[3] Спаги—кавалерія.

винограда, изъ коего выдѣлывается вино, доставляемое собственно только царю, который разсылаетъ его по всѣмъ своимъ областямъ для употребленія на литургіи, такъ какъ оно чистое, безъ примѣси. Какъ мы раньше упомянули, до царя дошелъ слухъ, что вино, привозимое франками изъ ихъ странъ, оскверняется ими, въ чаяніи испортить божественные Дары. Поэтому царь немедленно приказалъ привезти на судахъ вино изъ Астрахани, о чемъ мы упомянули. Это вино красное, а вино франковъ крѣпкое, острое, подобно перцу,—мы его пробовали—ибо, если бы они не прибавляли къ нему перца въ своей странѣ, оно не могло бы сохраняться при лютости холода въ странѣ московитовъ. Поэтому-то оно острое, весьма крѣпко и не имѣетъ пріятнаго вкуса. Оно носитъ разныя названія; въ особенности (извѣстно) *ренско* (рейнское), бѣлое, легкое и дороже другихъ сортовъ.

Покоривъ Астрахань, царь овладѣлъ всѣмъ Персидскимъ моремъ, Каспіемъ, кромѣ небольшой его части, отнялъ у персовъ извѣстный городъ Тарки, пристань на упомянутомъ морѣ, и отвоевалъ отъ страны Узбековъ множество городовъ, наложивъ на нихъ ежегодную дань леопардами и львами. Покоривъ упомянутые народы, смирилъ ихъ въ конецъ: до сихъ поръ всѣ они платятъ ему десятину и большая часть ихъ ходитъ съ нимъ на войну.

Возвращаемся. Этотъ городъ Астрахань въ древнихъ книгахъ называется Тургатминтъ, а татары называютъ его *Аждарханъ* (Аджитарханъ), по имени его владѣтеля: *ажд*(*ар*) значитъ „левъ“, а *ханъ* есть доселѣ имя царей татарскихъ [1]. Царь Іоаннъ, осадивъ Астрахань, овладѣлъ ею по договору. Это очень большой городъ; онъ имѣетъ, какъ говорятъ, семь оградъ изъ земли, дерева, камня и пр. По завоеваніи Астрахани, царь пошелъ въ Сибирь и также покорилъ ее при помощи казаковъ, о которыхъ мы упомянули раньше, знающихъ по пядямъ тѣ области, кои прежде были неизвѣстны [2] [и коихъ покореніе еще продолжается. На татаръ, живущихъ въ Сибири, онъ наложилъ подать, которую они ежегодно выплачиваютъ охотничьими птицами, называемыми по-русски „кречетъ“. Онѣ бѣлыя и очень большія и подносятся московскимъ царемъ въ подарокъ всѣмъ его братьямъ-

---

[1] Толкованіе автора невѣрно. Названіе Аджитарханъ состоитъ изъ арабскаго слова *аджи* (или *хаджи*), пилигримъ, и татарскаго *тарханъ*, рынокъ, ярмарка.

[2] Здѣсь въ обѣихъ нашихъ рукописяхъ имѣется пропускъ въ двѣ страницы (онѣ оставлены чистыми). Пополняемъ его по англійскому переводу. По принятому нами обыкновенію, мы заключаемъ въ прямыя скобки всѣ мѣста, взятыя изъ англійскаго перевода.

государямъ. Такую подать на татаръ возложено выплачивать ежегодно, въ чаяніи привести ихъ къ полной покорности. Таковы великія побѣды и доблестные подвиги, кои царь Иванъ совершилъ въ теченіе своего царствованія. Онъ держалъ скипетръ власти въ продолженіе 80 лѣтъ, изъ коихъ три только, какъ говорятъ, провелъ на тронѣ своемъ въ городѣ Москвѣ, остальныя же семьдесятъ семь онъ ходилъ туда и сюда, ведя войны изъ любви къ христіанской вѣрѣ и покоряя обширныя страны, нами упомянутыя, кои, прежде ослѣпленныя лживымъ свѣтомъ невѣдѣнія, онъ привелъ къ познанію истиннаго Бога, такъ что, бывъ странами варваровъ, невѣрія и суевѣрія, онѣ стали преимущественнымъ мѣстомъ христіанъ, церквей и монастырей. Въ свое царствованіе онъ поставилъ подъ вѣдѣніе митрополита московскаго двѣнадцать подчиненныхъ митрополитовъ и архіереевъ. Первые изъ нихъ—четыре митрополита, носящіе бѣлые клобуки, по примѣру древнихъ митрополитовъ. Мы спрашивали о причинѣ этого, и намъ отвѣчали, что имъ являлся Божественный Ликъ (?) точно такъ же, какъ монахи св. Пахомія Великаго обыкновенно носили бѣлые клобуки, согласно тому, какъ повелѣлъ ангелъ Господень. Первый изъ митрополитовъ—епископъ города Новгорода, носящій саккосъ въ присутствіи патріарха, какъ мы это видѣли; второй—митрополитъ Казани, города, только что описаннаго нами; третій—митрополитъ Ростова; четвертый—Крутицкій, который постоянно, до конца дней своихъ, имѣетъ пребываніе въ патріаршихъ палатахъ; пятый—архіепископъ Сибири, который, по причинѣ отдаленности, никогда не оставляетъ своего престола для пріѣзда ко двору; шестой — архіепископъ Астрахани, который по той же самой причинѣ никогда не посѣщаетъ Москву; седьмой—архіепископъ Рязани; восьмой—архіепископъ Тверской; девятый—архіепископъ Суздальскій; десятый—архіепископъ Вологодскій; одиннадцатый—архіепископъ Пскова и двѣнадцатый — архіепископъ Коломны. Для каждаго изъ этихъ двѣнадцати (владыкъ) вышеупомянутый царь выстроилъ въ городѣ Москвѣ палаты съ церковью, ему принадлежащею, и каждому изъ нихъ назначилъ земли, доходы и милостыню. Въ каждомъ изъ этихъ епископскихъ дворцовъ есть архонты и служители для служенія при епископѣ и при церкви. Всѣ порядки правленія были установлены этимъ царемъ, даже и то, что касается милостыни и подаяній, и они остаются безъ измѣненія до настоящаго времени. Совершивъ всѣ эти славныя дѣянія, онъ счелъ себя достойнымъ принять вѣнецъ и титуловаться царемъ, въ виду свидѣтельства, даннаго ему другими государями, и ихъ сообщенія, что цезарь, императоръ нѣмцевъ

(австрійцевъ) и германцевъ, послалъ ему корону и даровалъ титулъ царя, ибо цезарь занимаетъ мѣсто Константина и коронуетъ владѣтельныхъ князей. Итакъ, со времени царя Ивана до сей поры, государи этой страны титулуются царями московскими. Вотъ что мы узнали изъ исторіи царя Ивана чрезъ разспросы, по мѣрѣ возможности, и потомъ часто будемъ имѣть случай пополнять эти свѣдѣнія.

Глава II.

Москва.— О сибирскихъ мѣхахъ.

Въ странѣ сибирской водятся прекраснѣйшіе соболи вмѣстѣ съ цѣнною чернобурою лисицей и разными породами горностая; кромѣ нихъ, добываются и всѣ другіе сорта мѣховъ. Порода соболя, какъ говорятъ, походитъ на кошачью. Онъ мечетъ много дѣтенышей и живетъ въ дуплахъ высокихъ деревьевъ. Для благоденствія этого животнаго требуется самое здоровое мѣстоположеніе, ибо если какія-нибудь изъ нихъ живутъ въ мѣстахъ, несвойственныхъ ихъ природѣ, и принуждены пить плохую воду, то они бываютъ слабы, а ихъ мѣхъ коротокъ и бѣлъ. Способъ охоты на нихъ слѣдующій. Охотники, въ сопровожденіи собакъ, пріученныхъ къ этой охотѣ, отправляются въ самыя отдаленныя части пустынь, горъ и лѣсовъ, гдѣ, какъ имъ извѣстно, обитаютъ эти животныя, и становятся всѣ въ засаду на тропинкѣ, по которой соболь проходитъ къ водѣ; при возвращеніи его въ свою нору, охотники встрѣчаютъ его, а собаки бросаются за нимъ и хватаютъ его, какъ пріучены, за шею, чтобы не попортилась шкурка. Если соболь убѣжитъ отъ собакъ и вскочитъ на дерево, охотникамъ приходится высмотрѣть его тамъ и стрѣлять въ него изъ луковъ стрѣлами съ костянымъ остріемъ, поражая его подъ шею, чтобы не испортить мѣха. Животное падаетъ; перерѣзавъ ему горло, охотники снимаютъ съ него шкуру съ удивительною ловкостью. Мясо они ѣдятъ и вознаграждаютъ себя за свой трудъ продажей мѣха. Царскіе воеводы, пребывающіе въ той области, отбираютъ одинъ изъ десяти, самый красивый и цѣнный, для царя. Многихъ изъ этихъ животныхъ ловятъ живыми и подносятъ въ подарокъ царю. Они имѣютъ очень высокую цѣну. Спинка—самая лучшая часть соболя и очень дорога, нижняя же часть мѣха, покрывающая брюхо, продается дешево. Складываютъ по двѣ спинки вмѣстѣ и называютъ ихъ „четъ“].[1] Самый цѣнный соболь стóитъ сто динаровъ и идетъ для царя

[1] Здѣсь кончается пропускъ, пополненный по англійскому переводу.

пониже достоинствомъ имѣютъ соотвѣтственную цѣну. Каждыя сорокъ спинокъ, составляющія двадцать паръ,[1] называются сорокомъ, и каждые два съ половиной сорока образуютъ полный мѣхъ. Самый низкій сорокъ стоитъ сорокъ[2] динаровъ, самый лучшій—сто, двѣсти и пятьсотъ; таковой принадлежитъ царю и не выпускается изъ казны его, но виситъ предъ нимъ постоянно. Впрочемъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ его вывозятъ на продажу, ибо свойство его таково, что онъ ежегодно теряетъ въ цѣнности: бывъ чернымъ, какъ ночь, становится краснымъ, а такой считается ниже достоинствомъ. Для этого соболя нѣтъ цѣнителя, потому что онъ подобенъ драгоцѣнному камню, который вводитъ въ заблужденіе самаго проницательнаго знатока. Цвѣтъ его мѣняется ежечасно. Когда свѣтитъ солнце, является настоящій его цвѣтъ, что выгоднѣе для продавца; въ облачную же погоду цвѣтъ и красота его скрываются, и цѣнность его, бывъ весьма высокою, падаетъ, и онъ становится дешевле, ибо облачная погода ему не благопріятствуетъ, что выгоднѣе для покупателя. Въ этомъ состоитъ умѣнье распознать его. Соболь въ своей землѣ очень дешевъ, но при перевозкѣ его по дорогамъ нужно платить большую пошлину царю въ нѣсколькихъ городахъ, а наибольшій расходъ зависитъ отъ громаднаго разстоянія той страны (отъ Москвы), ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что для перевозки соболя потребно болѣе трехъ лѣтъ, какъ это мы скоро разъяснимъ.

По причинѣ вышесказаннаго, всѣ цари міра посылаютъ царю московскому свои сокровища, богатства и драгоцѣнности, получая отъ него только мѣха. Что намъ сказать объ этомъ благословенномъ животномъ, котораго хватаетъ для всего міра и которое не водится и не существуетъ нигдѣ въ мірѣ, кромѣ страны сибирской? Соболь имѣетъ свойство укрѣплять спину, полезенъ для зрѣнія и укрѣпляетъ сердце; поэтому-то онъ и цѣнится такъ высоко. Въ немъ щеголяютъ цари и носятъ его даже лѣтомъ, ибо онъ холодитъ въ жаркое время и грѣетъ въ зимнее. У очень богатыхъ московскихъ купцовъ онъ находится въ такомъ изобиліи, что у иныхъ бываетъ по тысячѣ, и даже по нѣскольку тысячъ сороковъ. Но мы видали подобныхъ купцовъ одѣтыми въ простое, очень бѣдное платье и считали ихъ не иначе, какъ за бѣдняковъ, едва имѣющихъ, чѣмъ прикрыться, ибо смиренность, которую мы наблюдали въ этомъ народѣ, очень велика, такъ что даже государственныхъ сановниковъ мы видали въ ихъ

---

[1] Въ англійскомъ переводѣ: „четъ“ (по-русски).

[2] Въ англійскомъ переводѣ „пятьдесятъ“.

палатахъ одѣтыми въ платье, какое попалось, которое не согласился бы надѣть (у насъ) и простолюдинъ: они совсѣмъ не знакомы съ гордостью и высокомѣріемъ.

Знай, что всякій соболь непремѣнно имѣетъ бѣлые волосы. Жители Сибири носятъ его у себя, въ своей странѣ, пришивая, какъ онъ есть, съ передними и задними ногами и хвостомъ, поверхъ своей одежды и размѣщая ихъ одинъ подлѣ другого, а напослѣдокъ его продаютъ. Въ Москвѣ есть умѣлые люди, которые вырываютъ изъ соболя бѣлые волосы, получая по піастру за каждый сорокъ, ибо у московитовъ много рабовъ. Еще отдаютъ его другимъ мастерамъ для разглаживанія и отдѣлки, за что тѣ получаютъ по піастру [1] съ сорока, и они же сшиваютъ его, складывая одну шкурку съ другой. Такъ поступаютъ всѣ купцы.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ Сибири находится въ большомъ количествѣ высокій сортъ бѣлой бѣлки, очень цѣнной. Это маленькое животное, похожее на котенка. Мы видали его много разъ въ домахъ. Когда оно разсердится, то съ нимъ трудно сладить. Въ бытность нашу въ Коломнѣ, одно изъ нихъ убѣжало за городъ, за нимъ погналось много народу, но никто не былъ въ состояніи его поймать или убить палкой или чурбаномъ, ибо оно маленькое и бѣгаетъ быстро; оно бросилось въ рѣку и нырнуло въ воду, его преслѣдовали, но оно выскочило на берегъ и скрылось. Такъ ничего и не могли съ нимъ подѣлать. Это животное водится во всей странѣ московской, даже въ ближайшихъ (къ Москвѣ) лѣсахъ и горахъ. Водится также горностай съ бѣлымъ мѣхомъ, который носятъ въ нашей странѣ кади и муллы. На мѣхѣ виситъ хвостикъ съ чернымъ кончикомъ. Мы видали это животное: оно похоже на кошку, но длиннѣе и худѣе ея. Охотятся на него такимъ образомъ. Охотники выслѣживаютъ его у озеръ, куда онъ приходитъ пить, разстилаютъ по землѣ на берегу озера длинную сѣть, держа ее за концы издали, а сами скрываются. Звѣрки, по своему обычаю, идутъ тысячами на водопой. Когда они напьются, охотники приподнимаютъ концы сѣти прямо и крикнутъ, звѣрки бросаются бѣжать, но не находятъ другого хода, кромѣ какъ въ сѣти, куда и попадаютъ и запутываются головами въ петляхъ. Охотники подходятъ, собираютъ ихъ вмѣстѣ и убиваютъ дубинками, ибо невозможно схватить этого звѣрка живьемъ, потому что у него зубы очень остры и прогрызаютъ руку человѣка и все, чѣмъ его хватаютъ. Охотники съ большою ловкостью, приводящею

---

[1] Въ англійскомъ переводѣ: „по два піастра“.

умъ въ изумленіе, сдираютъ съ него шкуру, выворачивая ее, не разрываютъ, но снимаютъ ее цѣликомъ.

Въ Сибири водится также черная лисица, извѣстная своею цѣнностью и достоинствомъ. Но высшій сортъ ея рѣдокъ и мало встрѣчается, а когда находятъ, то берутъ его въ царскую казну, откуда онъ никогда не выпускается. [Никто, кромѣ царя, не носитъ никогда шубы изъ этого мѣха. Его превосходство въ томъ состоитъ, что онъ очень черенъ и блеститъ ночью. Самый высокоцѣнный соболь и эта черная лисица никогда не вывозятся въ другія страны, и] никто не смѣетъ торговать ими. Мы встрѣчали мѣхъ этихъ лисицъ, но не очень черный. Многіе священники и дьяки носятъ его, ради щегольства, на своихъ колпакахъ, ибо онъ чрезвычайно дорогъ. Говорятъ, что цѣна каждой лисицы высокаго сорта полтораста динаровъ (рублей) въ своей странѣ, а здѣсь она стоитъ вдвое дороже. Для цѣльнаго мѣха требуется тридцать шкурокъ лисицы, чтобы вышла полная шуба, такъ какъ шкурки ея велики.

[Знай,[1] братъ, что свѣдѣнія, которыя я сообщилъ, не подлежатъ никакому сомнѣнію, ибо, когда я пріѣзжалъ въ Москву во второй разъ изъ страны грузинской, сопровождая патріарха египетскаго (александрійскаго) и моего родителя[2], я основательно изслѣдовалъ и подтвердилъ всѣ эти извѣстія.

Люди, о которыхъ я упомянулъ[3], были посланники, но не знаю, откуда: отъ Алтунъ-падишаха, т. е. султана желтыхъ калмыковъ, или же то были посланники отъ царя Татаріи. Вышеупомянутый городъ и холмы вокругъ него находятся, навѣрно, во владѣніяхъ царя Татаріи, ибо я впослѣдствіи писалъ исторію той страны по вѣрнымъ и несомнѣннымъ свѣдѣніямъ, выписаннымъ изъ донесеній посланниковъ, которые были отправляемы туда царемъ Иваномъ въ прежнее время и царемъ Алексѣемъ, о каковыхъ посольствахъ много говорено было въ свое время, и они имѣли слѣдствіемъ вѣрныя и точныя свѣдѣнія].

---

[1] Отсюда до конца главы дополнено по англійскому переводу.

[2] Считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе на это обстоятельство, до сихъ поръ, повидимому, остававшееся неизвѣстнымъ, что Павелъ Алеппскій сопровождалъ своего отца патріарха и во второе путешествіе его въ Москву въ 1666 году.

[3] Авторъ упомянулъ о нихъ въ самомъ началѣ первой главы. Этотъ отрывокъ, взятый изъ англійскаго перевода, по смыслу относится скорѣе къ слѣдующей главѣ.

Глава III.

Москва.—О завоеваніи восточной Сибири, о тамошнихъ народахъ и произведеніяхъ.

Затѣмъ патріархъ Никонъ пригласилъ воеводу, пріѣхавшаго изъ Сибири. Онъ явился къ нему, приведя съ собою нѣсколькихъ должностныхъ лицъ изъ почетныхъ жителей той страны. То были посланные съ казенною податью, которую они въ настоящее время привезли. Мы весьма дивились на нихъ, ибо они смуглаго цвѣта и очень сухи, словно полѣно; лица у нихъ широкія, а глаза маленькіе; всѣ они безбородые: мужчину не отличишь отъ женщины. Волосы на головѣ у нихъ связаны, а у нѣкоторыхъ привязана къ нимъ прядь изъ лошадинаго хвоста, подобно тому какъ носятъ волосы женщины въ нашей странѣ [1]. Одежда ихъ изъ шелка, похожаго на атласъ и окрашеннаго въ превосходные цвѣта. Она не сшита, а выткана такъ, что одна часть связывается съ другой, какъ мы въ этомъ удостовѣрились. На одеждѣ спереди и сзади вытканы изображенія драконовъ,—не дьяволовъ,—змѣй и дикихъ звѣрей, страшныхъ видомъ, съ глазами изъ стекла и бровями изъ костей. Все это сдѣлано изъ золотой канители. Они тщеславятся такимъ платьемъ: его носятъ только знатные люди и правители. Эти люди не изъ первой и не изъ второй Сибири, а изъ третьей, называемой *ени дунья* (Новый Свѣтъ), которую открыли казаки шесть лѣтъ тому назадъ. Именно, собралось около сорока тысячъ казаковъ, которые занимались покореніемъ той страны, и пошли съ ружьями и другимъ оружіемъ изъ своей земли по пустынямъ и степямъ на разстояніе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пути, съ цѣлью ловли соболей. Вдругъ они увидѣли себя въ обработанной и обитаемой мѣстности, какой не ожидали встрѣтить, ибо не думали, что за ихъ страной есть мѣста населенныя, и полагали, что страна ихъ составляетъ крайній сѣверъ и конечный предѣлъ обитаемой земли. Осматривая мѣстность, они замѣтили громадныя каменныя стѣны среди моря. При видѣ ихъ, они были изумлены и затѣмъ скрывались, пока не увидѣли нѣкоторыхъ изъ обитателей этого мѣста, и схватили ихъ. Не зная ихъ языка, повели

---

[1] На родинѣ автора, въ Сиріи, женщины заплетаютъ волосы въ нѣсколько прядей и для укрѣпленія завязываютъ на концѣ шнуркомъ, а если волосъ мало, то привязываютъ еще пряди, но, конечно, не изъ конскаго волоса.

съ собою къ берегу моря, вошли въ лодки и, приблизившись къ воротамъ города, выстрѣлили изъ всѣхъ имѣвшихся у нихъ ружей. Люди, бывшіе въ городѣ, услыхавъ звукъ ружейныхъ выстрѣловъ, тотчасъ пали отъ страха на землю и сдѣлались какъ мертвые. Казаки осмѣлились (напасть) на нихъ и овладѣли городомъ; подчинивъ жителей, наложили на нихъ подать, которую они выплачивали бы царю чрезъ каждые три года, и увѣдомили объ этомъ царя.[1] Потомъ они обходили и осматривали это мѣсто и не находили ему конца, ибо, какъ говорятъ, все оно состоитъ изъ первозданныхъ скалъ и имѣетъ цѣлыхъ три мѣсяца въ окружности, которую составляютъ обломки большихъ горъ, подобные городскимъ стѣнамъ. Кругомъ его море-океанъ, и нѣтъ иного входа, кромѣ воротъ, чрезъ которыя вошли на судахъ казаки. Всѣ посѣвы находятся во внутренности его. Тамъ растутъ во множествѣ тутовыя деревья, на коихъ воспитывается шелковичный червь. Шелкъ у нихъ дешевъ, а потому платье дѣлается большею частью изъ шелка По положенію своему, это мѣсто близко къ востоку, находясь между сѣверомъ и востокомъ; по этой причинѣ, какъ говорятъ, граница кизилбашей (персіянъ) находится по близости оттуда. Какъ разсказывается въ новой греческой исторіи, шахъ Исмаилъ, сынъ Хайдера, овладѣвъ Фарсомъ, захватилъ также всѣ мѣста и страны пока не овладѣлъ Багдадомъ, странами татарскими и всѣми морскими островами до океана. Это тотъ самый шахъ Исмаилъ, который жилъ во времена султана Селима (I), сына Баезида, и велъ съ нимъ войну, прежде чѣмъ тотъ отправился воевать съ черкесами въ Египтѣ. Говорятъ, что граница того народа отстоитъ отъ персидской не болѣе какъ на три дня пути У нихъ есть золотой рудникъ, и потому они выдѣлываютъ изъ золота канитель, которую нашиваютъ на свою одежду. Подать царю они платятъ соболями, рыбьимъ зубомъ и слитками золота, разъ въ три года.

[Сибирь есть великая татарская страна, простирающаяся до соединенія съ Китайскою имперіей]. Именно, первая Сибирь отстоитъ отъ Москвы на три, четыре мѣсяца пути, и бо̀льшая часть ея жителей мусульмане. Они ежегодно привозятъ царю свою подать охотничьими птицами, называемыми по-русски „кречетъ“, по-гречески ἱεράκια, а по-турецки *сункуръ* (*сунгаръ*), коихъ цари московскіе дарятъ всѣмъ государямъ. Вторая Сибирь, изъ

---

[1] Этотъ разсказъ, повидимому, имѣетъ отношеніе къ случившемуся незадолго передъ тѣмъ занятію Амурскаго края и города Албазина казаками подъ начальствомъ Хабарова.

которой прибылъ этотъ воевода, отстоитъ на тридцать тысячъ верстъ, какъ разсказывалъ онъ патріарху. Онъ говорилъ, что находился въ отсутствіи изъ Москвы девять лѣтъ, изъ коихъ три года ѣхалъ туда, три года пробылъ тамъ, а теперь три полныхъ года былъ въ дорогѣ, пока не доѣхалъ (до Москвы), привезя съ собою, по обыкновенію, подать царю за три года. Подать, на сумму въ 180 тысячъ динаровъ (рублей), состояла изъ соболей, бѣлокъ, горностаевъ и рыбьяго зуба. Купцы этого города, которые ведутъ торговлю для царя, министровъ и вельможъ, намъ также разсказывали, что имъ нужно шесть лѣтъ на дорогу туда и обратно и что тамъ они остаются только одну зиму, пока не сдѣлаютъ закупки. Царь Иванъ въ свое царствованіе установилъ такой обычай и порядокъ, что каждый воевода остается въ томъ городѣ, куда онъ посланъ, не болѣе трехъ лѣтъ, а воеводѣ сибирскому нужно девять лѣтъ для поѣздки туда, пребыванія тамъ и возвращенія. Это пространство столь велико, что умъ не въ силахъ его обнять. Говорятъ, что войска въ Сибири болѣе 200 тысячъ и большая часть его казаки. Если бы мы не видѣли этихъ вещей собственными глазами и не слышали, то не повѣрили бы и не записали.

Жители тѣхъ странъ вовсе не знаютъ пшеницы и хлѣба. Вся ихъ пища состоитъ изъ жареной рыбы и мяса дикихъ животныхъ, ибо снѣгъ и морозъ не прекращаются въ ихъ странѣ ни лѣтомъ, ни зимой. Впрочемъ, говорятъ, что предъ праздникомъ Апостоловъ (Петра и Павла) ледъ таетъ и рѣки начинаютъ течь, въ праздникъ же Успенія Владычицы выпадаетъ снѣгъ и начинается морозъ. Эти сорокъ дней составляютъ ихъ лѣто. Поэтому-то самый большой подарокъ у нихъ хлѣбъ и пшеница.

Говорятъ, что поблизости Казани есть рѣка, которая течетъ изъ Сибири, что она очень затруднительна для плаванія и что это не одна рѣка, а нѣсколько различныхъ рѣкъ или узкихъ протоковъ. По каждой рѣкѣ ходятъ ей свойственныя суда. Разсказываютъ, что они входятъ въ подземелья, высѣченныя въ большой горѣ, въ которой протекаетъ вода, и идутъ тамъ на разстояніи мѣсяца пути, а затѣмъ выходятъ къ большой рѣкѣ, вода которой очень прозрачна, а ширина, какъ говорятъ, три дня пути. Достигнувъ этой рѣки, пловцы чувствуютъ облегченіе; но мало судовъ доходитъ до нея и потому тамъ мало ѣздятъ. На этихъ судахъ перевозятъ только зерновой хлѣбъ. Говорятъ, что рѣка Сибири течетъ къ Астрахани вмѣстѣ съ рѣкой Архангельска и что англійскіе франки, нѣсколько времени тому назадъ, предложили нынѣшнему царю платить ежегодно двѣсти ты-

сячъ динаровъ за дозволеніе проводить свои суда въ Сибирь и не приходить въ пристань Архангельска, ибо они открыли упомянутую рѣку, впадающую въ море близъ Сибири. Но царю неугодно было дозволить имъ проходить по его странѣ и видѣть ее, потому что они враги. Говорятъ, что дорога въ Сибирь довольно близка, если ѣхать кратчайшимъ путемъ на казанскія степи, но она очень опасна отъ татаръ *каллмукидисъ* (калмыковъ).

Возвращаемся (къ разсказу). Изъ сибирской земли вывозятъ много ревеня, который растетъ въ странѣ Хота (Хотенъ). Его привозятъ (въ Москву) и продаютъ здѣсь по сорока динаровъ за пудъ, т. е. за 13 окъ, самаго высокаго сорта; а если онъ низкаго сорта и легкій, то за пятнадцать. Московиты настаиваютъ имъ водку, такъ какъ онъ окрашиваетъ ее въ желтый цвѣтъ и дѣлаетъ весьма пользительною. Лучшій ревень тотъ, который твердъ и очень вѣсокъ, у котораго сердцевина красная и который, когда смочишь его снаружи, окрашиваетъ бумагу, какъ шафранъ. Мы видали, что такъ (испытывали его) греческіе купцы, закупавшіе его для Константинополя; говорятъ, что они немного отъ него наживаютъ [1]. Изъ Сибири вывозятъ еще чистый мускусъ. Что касается рыбьяго зуба, то, какъ намъ разсказывали, онъ получается отъ животнаго, по однимъ, сухопутнаго, а по другимъ, отъ морского. Когда рѣки замерзаютъ и оно, томимое жаждой, приходитъ напиться и не находитъ (воды), то пробиваетъ ледъ однимъ изъ своихъ клыковъ (какъ мы видѣли, его изображаютъ съ двумя клыками, подобно борову), чтобы добраться до воды. Его клыкъ ломается во льду. Жители той страны приходятъ и подбираютъ клыки. Пудъ высшаго сорта стóитъ въ Москвѣ пятьдесятъ динаровъ (рублей) и менѣе, до десяти. Пудъ у нихъ содержитъ 40 фунтовъ, а каждый фунтъ 133 драхмы, такъ что пудъ равняется полнымъ 13 константинопольскимъ окамъ. Сибирская подать, обыкновенно, доставляется ежегодно къ празднику св. Николая или къ Богоявленію. При самомъ прибытіи ея въ Москву, слѣдующая подать уже выступаетъ изъ той страны, дабы она получалась царемъ каждый годъ, безъ перерыва.

Затѣмъ патріархъ сталъ разспрашивать тѣхъ людей чрезъ переводчика о положеніи ихъ страны и насколько верстъ она отстоитъ отъ Москвы. Они сказали: „разстояніе нашей страны сорокъ тысячъ верстъ, и мы отсутствуемъ изъ нея болѣе трехъ

---

[1] Въ англійскомъ переводѣ: „получаютъ большіе барыши“.

съ половиной лѣтъ". По этой-то причинѣ лица ихъ были черны и сухи. Когда присутствующіе услышали: „сорокъ тысячъ верстъ", то были весьма удивлены, ибо разстояніе въ каждую тысячу верстъ требуетъ мѣсяца пути, особливо въ лѣтнее время при постоянныхъ дождяхъ и трудныхъ дорогахъ; а въ особенности при наступленіи зимы путешественники сильно задерживаются, когда замерзнетъ земля, ибо грязь становится словно гвозди, что весьма затруднительно для ногъ лошадей, и дѣлается удобопроходимою не раньше, чѣмъ выпадетъ обильный снѣгъ, который уравниваетъ землю. Вторая причина та, что они дожидаются замерзанія рѣкъ, ибо рѣки быстро не замерзаютъ, и только спустя нѣкоторое время, когда ледъ утолщится и окрѣпнетъ, путешественники осмѣливаются переходить черезъ нихъ. Передъ самымъ замерзаніемъ рѣкъ, суда по нимъ уже не ходятъ, ибо ледъ образуется на нихъ слоями. Потомъ патріархъ спросилъ ихъ: „на чемъ вы ѣздите? есть-ли у васъ лошади?" Они отвѣчали: „нѣтъ, но у насъ есть собаки, которыхъ мы употребляемъ вмѣсто лошадей. Онѣ возятъ наши повозки и сани, дороги же зимой для насъ легки".—„Что вы ѣдите?" спросилъ ихъ патріархъ. Они отвѣчали: „когда увидимъ дикаго звѣря, отвязываемъ своихъ собакъ и спускаемъ на него, и когда онѣ его поймаютъ, мы и собаки ѣдимъ его сырымъ, не варя на огнѣ. Это наша провизія и наша пища".—„Что вы пьете?" спросилъ онъ. Они сказали: „если не находимъ воды, ѣдимъ снѣгъ, который замѣняетъ намъ воду; также и собаки, когда почувствуютъ жажду, то лижутъ ледъ". Онъ спросилъ ихъ, кому они поклоняются. Они сказали ему, что они Эллины, т. е. почитаютъ идоловъ и животныхъ и поклоняются небу. Услыхавъ это, всѣ присутствующіе сильно удивились. Мы же, въ особенности, были рады этимъ разсказамъ и тому, что видѣли и слышали: на наше счастье всѣ эти народы пріѣзжали (при насъ). Затѣмъ патріархъ отпустилъ ихъ.

Мы видали упомянутыхъ собакъ въ домахъ государственныхъ сановниковъ, кои хвастаютъ ими и строятъ для нихъ деревянные домики подлѣ воротъ своихъ жилищъ, привязывая этихъ собакъ толстою цѣпью за шею, ибо, Богъ свидѣтель, каждая собака больше осла; голова же у нея больше, чѣмъ у буйвола, а пастью своею она можетъ проглотить голову буйвола. Что касается ихъ пищи, то имъ даютъ бычачьи головы, разрѣзанныя пополамъ на обѣдъ и ужинъ. Богу извѣстно, какъ сильно мы испугались, увидѣвъ ихъ, ибо видъ ихъ ужаснѣе вида львовъ. Этихъ собакъ запрягаютъ по-двѣ въ маленькія сани, похо-

жія на *бармэ* [1] въ Константинополѣ, съ выступомъ спереди, гдѣ садится человѣкъ. Что бы онъ ни везъ съ собой, соболей и иное, упаковываетъ въ кожаные мѣшки для предохраненія отъ снѣга и дождя, и самъ на нихъ садится. Онъ погоняетъ собакъ длиннымъ хлыстомъ, держа въ (другой) рукѣ возжи, и, какъ намъ говорили, собаки бѣгутъ быстрѣе лошадей ночью и днемъ.

[Въ слѣдующемъ году, когда мы находились въ городѣ Москвѣ по повелѣнію царя, въ тѣ дни прибыли изъ области сибирской многія племена татаръ страннаго нрава; нѣкоторые изъ нихъ походили на узбековъ по своимъ длиннымъ бородамъ и широкимъ одеждамъ, которыя были особенно роскошны. Мы разговаривали съ ними по-турецки, и они сообщили намъ, что должны платить царю ежегодную подать въ 3000 динаровъ, за каковую они привезли ему ревеня и мускуса перваго сорта, которые онъ продаетъ франкамъ. Они разсказывали, что дикое животное, отъ котораго получается мускусъ, водится въ пустыняхъ, лежащихъ между Сибирью и Татаріей. Здѣсь эти люди находятся въ большомъ стѣсненіи и не имѣютъ дозволенія ходить самовольно по городу: за ними непремѣнно слѣдуютъ стрѣльцы, и никто не смѣетъ перемолвиться съ ними ни однимъ словомъ, развѣ только въ величайшей тайнѣ, какъ дѣлали мы. Представивъ свою подать царю, они начали тайно продавать мускусную воду, которую привезли съ собою, по 22 динара за фунтъ. Московиты не любятъ ея и не пьютъ, почему она очень дешева. Персіяне покупаютъ ее у сибирскихъ жителей по 40 динаровъ, но теперь ни одного изъ нихъ не было здѣсь. Они разсказывали намъ, что имѣли прежде каменныя мечети съ минаретами, но что теперешній патріархъ Никонъ послалъ разрушить ихъ. Они называютъ церкви монастырями, а христіанъ казаками]. Страну Китай они называютъ Чинъ и Мачинъ, а страну Хота Хотахоты, и говорятъ, что она отстоитъ отъ ихъ земли болѣе чѣмъ на три года пути. Они называютъ его—т. е. султана Хота и царя Китая — невѣрнымъ султаномъ. Они говорили, что золотой султанъ находится по близости отъ нихъ.

Эти вещи Богъ удостоилъ насъ, послѣ великаго желанія, увидѣть собственными глазами и записать поодиночкѣ, на пользу слушателей, дабы насъ поминали добромъ всегда, во вѣки вѣковъ.

---

[1] Вѣроятно, названіе экипажа. Въ англійскомъ переводѣ: barmia.

Глава IV.

Москва.—Завоеванія казаковъ въ восточной Сибири. Москва подъ владычествомъ татаръ и митрополитъ Петръ. Дань татарамъ. Укрѣпленія на южной границѣ.

Возвращаемся (къ прерванному разсказу). Въ этотъ же разъ патріархъ сообщилъ нашему учителю о царицѣ Хота и Хатай и о томъ, что она присылала недавно къ царю съ изъявленіемъ покорности. Московиты называютъ на своемъ языкѣ страну Хота и Хатай *Китаске*. Разсказываютъ, что изъ вышеупомянутыхъ благословенныхъ казаковъ, покорившихъ эти страны, отправилось около 400 человѣкъ съ ружьями по направленію къ востоку, изъ страсти къ путешествіямъ. Употребивъ много времени на походъ, они достигли до границы упомянутой страны. Войско, охранявшее границу, увидѣвъ казаковъ, очень испугалось, ибо казаки тотчасъ же выстрѣлили изъ ружей, и тѣ всѣ попадали ницъ на землю. Вставши, они повели ихъ учтиво къ царицѣ, которая, по ихъ словамъ, была вдова и правила государствомъ вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ. При видѣ казаковъ она сильно изумилась. Угостивъ ихъ и оказавъ почетъ, царица просила ихъ выстрѣлить изъ ружей, и когда они выстрѣлили, на жителей города напалъ страхъ предъ казаками. Отыскали переводчика, и царица спросила казаковъ объ ихъ царѣ. Они сказали ей, что онъ могущественъ и имѣетъ много войска. Она удивилась, что во вселенной есть другой міръ и страны кромѣ ея, ибо они думали, что они одни въ мірѣ. Да будетъ благословенно имя всевышняго Бога! Она сказала имъ: „у насъ написано, что бѣлый царь долженъ завоевать всѣ страны; быть можетъ, это вашъ царь?“—„Да, отвѣчали казаки, и онъ уже покорилъ большую часть земли“. Она стала просить ихъ, говоря: „можетъ быть, вы примете на себя посредничество между нами, для выраженія ему нашей покорности, дабы онъ защищалъ насъ отъ враговъ и прислалъ намъ съ вашей стороны, для охраны, ратниковъ съ ружьями, какъ у васъ, а мы пошлемъ ему казну“. Казаки попросили ее отправить посла и прибыли съ нимъ къ царю, имѣя съ собою подарки—слитки серебра. Намъ разсказывали, что въ той странѣ серебро такъ (обыкновенно), какъ камень, и что въ домахъ потолки дѣлаются изъ серебра вмѣсто камня и досокъ, такъ какъ вся почва въ той странѣ (изобилуетъ) серебромъ. Царь хотѣлъ послать привезти того серебра. Посолъ же (царицы), по оказаніи ему почета и

обласканный царемъ, отправился въ обратный путь. Сочли, что они были въ пути цѣлыхъ шесть лѣтъ и что, еслибы даже серебро было золотомъ, потребовалось бы расходовъ и труда больше, чѣмъ оно стоитъ, и потому отъ него отказались. Царь хотѣлъ послать царицѣ ратниковъ, но и этого не нашли возможнымъ, по причинѣ отдаленности той страны. И царица хотѣла прислать царю войско, сражающееся лукомъ и стрѣлами, но также (отказалась отъ этого) вслѣдствіе дальности разстоянія, такъ какъ сочли, что нужно шесть лѣтъ для пути туда и обратно, а это вещь невозможная. Казаки привезли съ собою плѣнниковъ, которые сообщили о своей странѣ, что тамъ есть церкви и колокола, въ кои постоянно звонятъ, и что они совершаютъ поклоны, но никто не знаетъ кому, ибо христіанская вѣра, за давностью времени, ими забыта. Въ древнемъ *тактиконѣ* (уставѣ) антіохійскаго патріарха упоминается объ одной изъ четырехъ каѳолическихъ странъ въ такихъ словахъ: „третья каѳолическая страна есть Хота и Хатай“. Мы находимъ теперь очевидные признаки справедливости этого въ томъ, что они звонятъ въ колокола и совершаютъ поклоны. Имѣя основаніе въ своихъ книгахъ, мы сказали имъ, что они входятъ въ составъ области патріарха антіохійскаго, чему они удивились. Патріархъ Никонъ сообщилъ, что онъ послалъ къ нимъ пятьсотъ священниковъ, которые крестятъ ихъ ночью и днемъ. Онъ сказалъ: „они увѣдомили меня, что ежедневно крестятъ болѣе двадцати тысячъ“. Такъ онъ разсказывалъ. Не знаемъ, правда это или ложь—Богъ вѣсть. Эта страна, какъ говорятъ, лежитъ за моремъ-океаномъ и представляетъ рядъ крѣпостей по берегу моря. Со стороны Московіи нѣтъ туда иного пути, какъ только сушей. По этой причинѣ, какъ говорятъ, король Испаніи завоевалъ часть этой страны и изъ нея получилъ свое серебро. Что касается золотого султана, то страна его близка къ внѣшней (передней) Сибири (и лежитъ) между сѣверомъ и востокомъ. Султанъ этотъ покорился при отцѣ теперешняго царя: казаки завоевали его страну и привели его къ покорности. Онъ ежегодно присылаетъ въ видѣ дани царю слитки золота,—ибо у него есть золотой рудникъ—сѣдла, расшитыя золотомъ и др., породистыхъ лошадей и чудесныя кольчуги изъ желтой мѣди, которая тверже стали. Говорятъ, что разстояніе до его страны составляетъ около года пути. Жители ея безобразны лицомъ и болѣе дики, чѣмъ *Лопани*; на шеѣ у нихъ всегда висятъ большія деревянныя четки. Этого султана называютъ Алтунъ-падишахи (золотой царь). Говорятъ, что онъ ханифійскаго исповѣ-

данія, такъ какъ, до временъ царя Ивана, весь сѣверовосточный уголъ былъ заселенъ ханифійцами, т. е. мусульманами.

Во дни Василія Македонянина, даже въ самой Москвѣ были татарскіе цари. Когда онъ прислалъ свою сестру къ кіевскому царю Владиміру и вся та страна приняла крещеніе отъ руки св. Петра, о коемъ мы уже разсказывали, святой прибылъ въ этотъ городъ, находившійся во власти татаръ, и совершилъ великія чудеса. По этой причинѣ его очень полюбили и вѣрили всему, что онъ говорилъ имъ. Видя, что они не вѣруютъ (во Христа), онъ сказалъ имъ: „вотъ, я пошлю отъ Господа огонь, который пожжетъ васъ, и воду, которая потопитъ этотъ городъ; уходите изъ него на нѣкоторое время“. Они повѣрили ему и ушли въ предѣлы Казанской области, а святой немедленно послалъ за царемъ Владиміромъ и его войскомъ и отдалъ ему во власть этотъ городъ вмѣстѣ съ другими, безъ труда и войны. Потомъ, усилившись, они завоевали много областей. Этотъ Владиміръ имѣлъ двѣнадцать сыновей и каждому изъ нихъ далъ во владѣніе по области. Онъ построилъ много городовъ, и до сихъ поръ существуетъ городъ его имени, называемый Владиміръ. По этой-то причинѣ съ того времени владѣнія раздробились, и стало, какъ мы уже упомянули, семьдесятъ областей, (что продолжалось) до временъ царя Ивана. Затѣмъ св. Петръ заключилъ договоръ между русскими и татарами, наложивъ въ пользу послѣднихъ дань, которую должны были вносить имъ ежегодно Владиміръ и его дѣти, чтобы татары утѣшились въ потерѣ своей страны, при чемъ произнесъ анаѳему на того, кто нарушитъ договоръ. Этотъ же самый святой построилъ вторую стѣну города внѣ дворца [1], ибо во времена татаръ не было ничего, кромѣ крѣпости, которая есть дворецъ. Договоръ оставался въ силѣ между ними до временъ царя Ивана, который пошелъ и завоевалъ Казань, откуда оставшіеся въ живыхъ татары ушли въ Астрахань; когда же онъ и ее взялъ, они бѣжали въ татарскую страну, которой владѣютъ въ настоящее время, именно, Крымъ, Бахчисарай, Кафу и иныя. Отъ Астрахани до Крыма, резиденціи хана, разстояніе только пятнадцать дней пути. Татары владѣли областями и городами, лежащими влѣво, если идти изъ Путивля въ Москву, и теперь еще эта страна называется ихъ именемъ. Цари московскіе захватили ее хитростью. На

---

[1] Подъ именемъ дворца авторъ разумѣетъ весь Кремль; слѣдовательно, стѣна, построенная, по его словамъ, святымъ Петромъ, есть стѣна Китай-города.

пространствѣ болѣе чѣмъ въ 40, 50 дней пути лежали пустыя, заброшенныя земли; каждый царь посылалъ построить тамъ крѣпость и села и такимъ образомъ захватывалъ область, потому что у татаръ не было силы охранять ее; (такъ продолжалось) до временъ теперешняго царя, который въ свое царствованіе соорудилъ шестнадцать крѣпостей, назвавъ ихъ своимъ именемъ, кромѣ крѣпостей и фортовъ, которые онъ построилъ на берегу рва, выкопаннаго имъ между его страной и татарской. Говорятъ, что этотъ ровъ очень великъ и широкъ и имѣетъ въ длину пять тысячъ верстъ; именно, (онъ тянется) отъ окрестностей Путивля почти до великой рѣки Волги. На краяхъ рва утверждены связанныя между собою бревна съ удивительными приспособленіями. Царь выстроилъ на немъ тридцать большихъ крѣпостей, а на разстояніи каждыхъ тридцати верстъ по укрѣпленію съ 500 стражей. Говорятъ, что эта стража составляетъ около шестидесяти тысячъ ратниковъ; другіе говорятъ, что не шестьдесятъ, а полтораста тысячъ. Они смѣняются чрезъ каждые шесть мѣсяцевъ. Для нихъ устроены тамъ города и селенія и заведены посѣвы на тѣхъ земляхъ, которыя были пусты и заброшены. По этой-то причинѣ, со временъ нынѣшняго царя, татары ни разу не переступали границы его земель, и многія области ихъ, близкія къ Московіи, завоеваны московитами. Крымъ, резиденція хана, отстоялъ прежде отъ Московіи на сорокъ дней пути, а теперь онъ отстоитъ отъ границы (московскаго) царства только на пять дней. Поэтому царь ежегодно даетъ хану и мурзамъ казну: денегъ, соболей, бѣлокъ, горностаевъ, почетныя платья и пр.; по словамъ нѣкоторыхъ, это обходится ему въ 12000 піастровъ, а другіе говорятъ, что прежде, со временъ св. Петра и позднѣе, дань была 40000 динаровъ, [но теперь, при нынѣшнемъ царѣ, все это прекращено, и онъ посылаетъ татарамъ лишь весьма незначительную сумму, около 12000 динаровъ,][1] да и то не изъ страха передъ ними, а въ видѣ арендной платы за ихъ земли, которыми завладѣли московиты. Если бы не проклятіе св. Петра, они бы всему этому положили конецъ. Прежніе цари не умѣли устроить дѣло такъ, какъ нынѣшній царь, который оградилъ себя отъ татаръ упомянутымъ большимъ рвомъ, крѣпостями, фортами, башнями со множествомъ пушекъ и многочисленнымъ охраннымъ войскомъ, стоящимъ постоянно на стражѣ. Вотъ уже около десяти лѣтъ онъ царствуетъ, и татары не переступали границы его владѣній и не

[1] Дополнено по англійскому переводу.

взяли изъ нихъ ни одного плѣнника: у нихъ совсѣмъ не стало силы. Въ теченіе двухъ лѣтъ, какъ мы были въ этой странѣ, царь хотѣлъ прекратить посылку казны, но между нимъ и его врагами ляхами возникла война, и потому онъ этого не сдѣлалъ, зная, сколько милліоновъ золота ляхи обѣщали татарамъ, чтобы тѣ пришли къ нимъ на помощь. Впрочемъ, они только посмѣялись надъ татарами и ничего имъ не дали.

Глава V.

Москва.—Татарскіе послы въ Москвѣ. Отношеніе русскихъ къ иностраннымъ посламъ и вообще къ иностранцамъ. Патріархъ Никонъ и богатый армянинъ. Торговля англичанъ.

Для утвержденія договора между московитами и татарами, ежегодно пріѣзжаетъ отъ татаръ посолъ, въ сопровожденіи пятидесяти человѣкъ, и они остаются въ Москвѣ цѣлый годъ въ качествѣ заложниковъ. Когда пріѣзжаетъ другой посолъ, первый беретъ казну и уѣзжаетъ. И отъ московитовъ ѣздитъ къ хану посолъ съ письмомъ, въ сопровожденіи переводчиковъ и свиты, и остается тамъ цѣлый годъ. Этого посла съ его людьми татары не выпускаютъ изъ своихъ предѣловъ, пока не пріѣдетъ къ нимъ (другой) посолъ изъ Москвы, такъ что послы встрѣчаются на дорогѣ. Мѣстожительство татарскаго посла въ Москвѣ находится за земляным валомъ. Его стережетъ многочисленная стража изъ стрѣльцовъ; отнюдь никому не дозволяется къ нимъ входить, и когда кто изъ татаръ выходитъ на рынокъ въ случаѣ надобности, всегда за нимъ неотступно слѣдуютъ стрѣльцы съ палками и совсѣмъ не пускаютъ въ ворота крѣпости, т. е. дворца (Кремля). И мы видали, что за ними всегда ходятъ стрѣльцы, и никто не смѣетъ съ ними разговаривать. Когда посолъ является для представленія царю, по пріѣздѣ и предъ отъѣздомъ, многочисленные стрѣльцы въ своемъ красномъ одѣяніи становятся въ рядъ по дорогѣ съ обѣихъ сторонъ [чтобы поразить его изумленіемъ]. Посла везутъ назадъ не тѣмъ путемъ, которымъ онъ пріѣхалъ изъ своей страны, но другимъ, ибо такой смышлености, какъ у московитовъ, такой хитрости и ловкости не встрѣтишь нигдѣ въ другомъ народѣ, какъ намъ разсказывали бывалые греческіе купцы, которые въ прежнее время пріѣзжали съ турецкими послами, когда существовала дружба между обоими народами. Говорятъ, что тѣмъ путемъ, которымъ привозили посла, отнюдь не возвращались съ нимъ, дабы онъ не ознакомился съ дорогами и городами, и везли его не прямымъ путемъ, а съ боль-

шими поворотами, дабы показать ему этимъ громадность своей страны. Когда онъ приближался къ городу (Москвѣ), его встрѣчали за семь верстъ, при чемъ стрѣльцы стояли въ рядъ съ обѣихъ сторонъ до царскихъ палатъ, не считая тѣхъ, которые шли впереди; вся цѣль этого была та, чтобы поразить посла многочисленностью войска. Такъ поступали со всѣми послами, которые пріѣзжаютъ отъ кизилбашей,[1] отъ цесаря, государя нѣмецкаго, изъ Швеціи, Англіи, Голландіи и иныхъ земель. Хотя бы послу путь былъ на одинъ мѣсяцъ, съ нимъ кружатся на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ пути. Татарскому послу назначаются ежедневно на прокормъ лошади, которыхъ татары рѣжутъ и ѣдятъ по своему обычаю, а равно овцы, куры, напитки и прочее. Турецкому послу ежедневно выдавалось десять овецъ, одинъ быкъ, двадцать куръ, пять утокъ и пять гусей, десять окъ[2] масла и столько же меда, восковыя свѣчи, дрова, напитки и пр., помимо ежедневной выдачи копейками ему и его людямъ. Такимъ же образомъ содержатъ посла кизилбашскаго и всѣхъ другихъ пословъ, смотря по числу людей, которые съ ними пріѣзжаютъ, и чего бы посолъ ни попросилъ, выдаютъ ему. Со всѣми этими послами они отнюдь не имѣютъ сообщенія, потому что считаютъ чуждаго по вѣрѣ въ высшей степени нечистымъ: никто изъ народа не смѣетъ войти въ жилище кого-либо изъ франкскихъ купцовъ, чтобы купить у него что-нибудь, но долженъ идти къ нему въ лавку на рынкѣ; а то его сейчасъ же хватаютъ со словами: „ты вошелъ, чтобы сдѣлаться франкомъ“. Что же касается сословія священниковъ и монаховъ, то они отнюдь не смѣютъ разговаривать съ кѣмъ-либо изъ франковъ: на это существуетъ строгій запретъ.

Въ этомъ городѣ живетъ много франкскихъ купцовъ изъ нѣмцевъ, шведовъ и англичанъ, съ семействами и дѣтьми. Прежде они обитали внутри города, но нынѣшній патріархъ, въ высшей степени ненавидящій еретиковъ, выселилъ ихъ по слѣдующему поводу: идя по городу съ крестнымъ ходомъ, онъ замѣтилъ, что они не сняли своихъ колпаковъ и не осѣняли чела крестнымъ знаменіемъ предъ иконами и крестами. Удостовѣрившись, что они франки, переодѣтые въ платье московитовъ, онъ заставилъ царя выселить ихъ не только изъ этого города, но даже изъ всѣхъ другихъ и изъ крѣпостей и укрѣпленій, поселивъ ихъ внѣ города; не выселяли лишь тѣхъ, которые крестились. Ихъ церкви,

---

[1] Персіянъ.

[2] Око=$3^1/_2$ фун.

принадлежавшія имъ издревле, разрушили, вмѣстѣ съ татарскими мечетями, и не дозволили построить другія за городомъ среди ихъ жилищъ. Въ особенности разрушали церкви армянъ, жителей Астрахани, и самихъ ихъ поселили за городомъ. По этой причинѣ они были вынуждены, вмѣстѣ съ другими племенами, открыто креститься ночью и днемъ. Разсказываютъ, что былъ одинъ армянинъ, очень важный купецъ и переводчикъ въ царскомъ диванѣ. Когда вышелъ изъ дивана царскій указъ отъ патріарха, чтобы армяне, снявъ московское платье, которое они надѣвали, носили свое обычное платье и сбрили бороды по своему обыкновенію, этотъ купецъ, имѣвшій длинную, весьма большую сѣдую бороду, постыдился ее сбрить и послалъ патріарху пятьдесятъ тысячъ динаровъ, чтобы онъ оставилъ ему бороду, дабы не было ему стыдно и зазорно передъ людьми на закатѣ его жизни. Но патріархъ отказалъ, ибо въ деньгахъ онъ не нуждается,—да и какъ это возможно въ странѣ столь пространной, управляемой лишь двумя: царемъ и патріархомъ? Онъ велѣлъ сказать въ отвѣтъ купцу: „если онъ окрестится, то станетъ какъ всякій изъ насъ“. Но тотъ не пожелалъ, и тогда выгнали всѣхъ до одного армянъ. У нихъ были огромныя каменныя, подобныя царскимъ, палаты, веселящія сердце, которыя они, вынужденные къ тому патріархомъ, должны были продать московитамъ.

Въ этомъ городѣ постоянно живутъ консулы отъ королей англійскаго и голландскаго, отъ Австріи и Швеціи, какъ живутъ они и у насъ въ Алеппо. Когда, нѣсколько времени тому назадъ, англичане возстали на своего государя и убили его, царь Алексѣй разгнѣвался на нихъ, такъ какъ они измѣнили своему государю, и велѣлъ выгнать ихъ изъ всей своей страны, пока новый король не прислалъ важнаго посла, дабы расположить мысли царя къ благосклонности. Мы ходили смотрѣть на него. Всѣ ихъ корабли приходятъ въ Архангельскъ, царскую пристань на морѣ-океанѣ. Тамъ есть большая крѣпость во имя св. Михаила архангела. Городъ прежде былъ въ рукахъ англичанъ, но отвоеванъ у нихъ царемъ Иваномъ. Они привозятъ въ Московію всякіе товары: грузы критскаго вина, вина изъ Испаніи, Франціи и изъ своей земли, всевозможныхъ сортовъ, по полреалу за око; а также оливковое масло, маслины, орѣхи грецкіе, леденцы, бездѣлушки, стекло, кассію и другіе предметы: ткани и прочіе франкскіе товары. Отсюда они берутъ соболь съ хвостами, бѣлку и *телятинъ*, т. е. кожу для обоевъ, которую они въ своей странѣ вытисняютъ золотомъ и привозятъ какъ къ московитамъ,

такъ и въ нашу страну, вмѣстѣ съ рыбьимъ зубомъ. Въ праздникъ Успенія Владычицы, 15 августа, бываетъ большая ярмарка съ куплей и продажей; въ это время московскіе купцы отправляются къ англичанамъ (въ Архангельскъ) со своими товарами, продаютъ имъ и покупаютъ у нихъ. Московиты вывозятъ оттуда свои товары не раньше зимняго времени на саняхъ, выѣзжая въ праздникъ св. Димитрія и пріѣзжая въ Москву къ празднику св. Николая. Царь получаетъ отъ нихъ большую пользу чрезъ пошлину, ибо, какъ говорятъ, купцы доставляютъ ему піастры и золото большими бочками, вслѣдствіе того, что бываетъ много торговыхъ сдѣлокъ. Пошлину берутъ съ десяти одинъ, какъ съ англичанъ, такъ и съ мѣстныхъ купцовъ. Англичане вывозятъ на своихъ корабляхъ всего больше пшеницу и рожь, потому что пропитаніе всѣхъ франкскихъ странъ идетъ изъ запасовъ этой страны. Царь даетъ имъ пшеницу и рожь и беретъ отъ нихъ чудесныя желѣзныя брони, называемыя *джебаханэ*, оружіе и пр. Въ этомъ именно онъ нуждается отъ нихъ. Говорятъ, что разстояніе острововъ Англіи отъ Архангельска, при попутномъ вѣтрѣ, 15 дней пути. Это три огромныхъ острова въ морѣ-океанѣ, одинъ близъ другого, окружностью въ восемь тысячъ миль. Первый называется *Инклитара*, второй — *Филондра*, а третій—*Скоція*.

У царя есть люди, освободившіеся изъ плѣна, кои знаютъ нашу страну по пядямъ, какъ и весь свѣтъ. По этой причинѣ они дѣлаются переводчиками. При насъ постоянно былъ одинъ изъ нихъ, знающій двѣнадцать языковъ: арабскій египетскаго нарѣчія, турецкій, греческій и франкскій; а родомъ онъ московитъ.

Знай, что въ праздникъ Успенія, 15 августа, бываетъ въ четырехъ мѣстахъ большая ярмарка: первая—въ области *Серкасъ*; сюда пріѣзжаютъ купцы *Барса*; эта ярмарка называется *Долянъ;* [1] вторая — въ знаменитомъ монастырѣ Печерскомъ, въ

---

[1] Мы не могли въ точности опредѣлить, о какой ярмаркѣ говоритъ здѣсь Павелъ Алеппскій; думаемъ, что эта ярмарка происходила въ Черкасскѣ на Дону. Въ половинѣ XVII в. этотъ городъ, будучи довольно значительнымъ и находясь на самой границѣ, близъ устья Дона и турецкаго Азова, могъ получить важное торговое значеніе, какъ складочное мѣсто товаровъ, перевозимыхъ по Дону. Цвѣтущее состояніе Черкасска окончилось лишь въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда въ 1805 году главное управленіе Войска Донского было переведено въ Новочеркасскъ. Что касается купцовъ *Барса,* о которыхъ авторъ счелъ нужнымъ упомянуть особо, то это, вѣроятно, Парсы изъ Индіи. Они издавна пріѣзжали въ Астрахань,

странѣ казаковъ; третья—въ монастырѣ, въ городѣ, называемомъ *Синска* (Свинскъ),[1] въ управленіи московитовъ, между ихъ границей и границей ляховъ; четвертая—въ Архангельскѣ. Всѣ четыре ярмарки въ четырехъ почитаемыхъ монастыряхъ, во имя Успенія Владычицы

Глава VI.

Москва.—Извѣстія о Грузіи, о царѣ Теймуразѣ и царицѣ Еленѣ

Покончивъ съ извѣстіями объ этой сѣверной странѣ, возвращаемся къ окончанію извѣстій объ областяхъ казанской и астраханской. Какъ мы упомянули, наибольшее татарское племя суть татары, называемые *башкирдъ* (башкиры), ибо они обитаютъ отъ предѣловъ Казани до границъ Сибири. Царь беретъ со всего этого племени харачъ, по одному изъ десяти, именно: изъ ло-

---

а при Алексѣѣ Михайловичѣ „Индійцы получали право посѣщать не только Астрахань, но столицу и внутренніе города Россіи“ (см. Костомаровъ: Очеркъ торговли Моск. Госуд., стр. 52). И они воспользовались этимъ правомъ, судя по тому, что въ 1650 г. одинъ индусскій купецъ пріѣзжалъ съ товарами даже въ Ярославль.

Мы приняли чтеніе петербургской рукописи; но въ здѣшней, вмѣсто *Серкасъ*, стоитъ *Сирсъ*. Въ этомъ случаѣ можно было бы думать, что авторъ говоритъ о ярмаркѣ на р. Свири, близъ Александро-Свирской пустыни; эта ярмарка была весьма значительна въ XVII в. и туда пріѣзжали, между прочимъ, шведскіе купцы (см. Костомаровъ: Очеркъ торговли и пр., стр. 111).

Что же касается названія *Долянъ*, или *Дулянъ*, которое одинаково написано въ обѣихъ рукописяхъ, то намъ не удалось пока найти объясненіе его. Для рѣшенія какъ этого, такъ и нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, оставленныхъ неразъясненными, дабы не задерживать печатаніе перевода, мы будемъ продолжать изысканія и результатъ ихъ приложимъ въ концѣ перевода въ видѣ отдѣльныхъ примѣчаній.

[1] Костомаровъ (Очеркъ торговли Моск. Госуд. въ XVI и XVII ст., стр. 138) сообщаетъ объ этой ярмаркѣ слѣдующее: „въ Брянскомъ уѣздѣ въ концѣ XVII вѣка славилась Свинская ярмарка. Объ ней упоминается подъ 1681 г. Въ объясненіи гостей и торговыхъ людей, данномъ по поводу указа о выборѣ въ таможенные чиновники, говорится, что изъ разныхъ городовъ *посадскіе лучшіе люди отъѣзжаютъ къ городу Архангельску, и на Макарьевскую, и на Свинскую, и на иныя ярмарки для торговыхъ своихъ промысловъ и въ домы свои не пріѣзжаютъ многое время.* Изъ этого видно, что Свинская ярмарка, поставленная въ числѣ первоклассныхъ торжищъ, была значительна и привлекала къ себѣ многихъ торговцевъ“. Эта ярмарка происходила близъ Свинскаго, или Свенскаго, какъ теперь его называютъ, монастыря, въ 2 вер. отъ Брянска. (См. также Аксаковъ: Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ, 1858, стр. 10).

шадей, верблюдовъ, быковъ, овецъ и пр. Тамошніе воеводы очень ихъ притѣсняютъ. Городъ Багдадъ недалеко отъ города Астрахани. Изъ страны грузинъ есть два пути въ Москву: одинъ сушей, другой моремъ Каспіемъ; но этотъ путь обилуетъ опасностями, когда, достигнувъ пристани безопасности, доходятъ до Демиръ-капу, т. е. Желѣзныхъ воротъ, построенныхъ Александромъ между двумя горами, коихъ закраина подобна мечу,—построенныхъ для того, чтобы никто не проходилъ отсюда къ границамъ резиденціи татарскаго хана. Здѣсь онъ построилъ крѣпость, которая до сихъ поръ въ рукахъ персовъ. Этими воротами непремѣнно нужно проходить. Отъ нихъ до границы Грузіи, (именно) до границы (владѣній) Теймуразъ-хана, пятнадцать дней пути. Цари московскіе, обыкновенно, посылаютъ ему большую помощь деньгами, соболями, оружіемъ и пр. За два года передъ симъ, царь отправилъ къ грузинамъ трехъ пословъ вмѣстѣ, въ сопровожденіи 700 человѣкъ,ославъ съ ними 377 сороковъ лучшихъ соболей, цѣною каждый около 300 динаровъ (рублей), а также 40000 піастръ-реаловъ [1], 10000 золотомъ, оружіе, украшенія и пр. Пословъ этихъ отправили къ упомянутому Теймуразъ-хану на судахъ. По прибытіи въ Астрахань, они поѣхали оттуда по Каспійскому морю, и когда достигли средины его, поднялся противный вѣтеръ и сильная буря, и какъ это море очень опасно и труднопроходимо, обилуетъ (подводными) камнями и узко, такъ что его называютъ озеромъ и его волны (стѣснены) въ немъ, то путешественники не нашли себѣ убѣжища, корабли ихъ разбились и всѣ они потонули; спаслось только человѣкъ двадцать, тридцать, которые вышли на сушу нагими. Они пошли дальше и прибыли въ городъ Шемаху, гдѣ были съ почетомъ приняты его владѣтелемъ, такъ какъ между нимъ и царемъ большая дружба. Онъ послалъ извѣстить шаха о случившемся, потому что этотъ городъ также состоитъ подъ его властью. Шахъ немедленно прислалъ отвѣтъ, чтобы владѣтель Шемахи принялъ путешественниковъ съ большимъ почетомъ и далъ наказъ по деревнямъ, лежащимъ близъ моря, собрать все имущество пословъ. Было собрано, что̀ можно, и владѣтель Шемахи послалъ съ путешественниками нѣсколько человѣкъ проводить ихъ къ Теймуразъ-хану. Извѣстіе о случившемся было послано ими также къ царю. А Теймуразъ-ханъ очень опечалился, что не могъ ничѣмъ помочь. Царь же, услы-

[1] Такъ называетъ авторъ иностранныя монеты, бывшія въ то время въ обращеніи въ Россіи, цѣною въ 50 коп.

шавъ объ этомъ происшествіи, отправилъ къ нему другую казну съ новыми людьми. Существуетъ обыкновеніе, что, когда отправляютъ пословъ въ страны столь отдаленныя, то назначаютъ трехъ пословъ, одинъ старше другого, а также (по три) секретаря и переводчика; если одного изъ нихъ постигнетъ смерть, его мѣсто заступаетъ другой. Когда посланные высадились и приближались къ границамъ Грузіи, случилось, что старшій посолъ умеръ. Обрати вниманіе на злоключенія, постигшія теперь Теймуразъ-хана! первое—убіеніе его сына, второе—захватъ кизилбашами его трона и страны, третье—то, что̀ случилось съ этими послами въ первый и во второй разъ. Обстоятельства принудили посланныхъ отправить на мѣсто себя одного греческаго монаха, бывшаго при Теймуразъ-ханѣ, гонцомъ къ царю съ извѣстіемъ о смерти посла и (съ запросомъ) кого ему угодно назначить на его мѣсто. Монахъ этотъ пріѣхалъ въ Москву нынѣшнимъ великимъ постомъ и посѣтилъ нашего владыку патріарха, котораго онъ зналъ, когда тотъ былъ митрополитомъ въ Алеппо. Мы спросили его, во сколько дней онъ прибылъ изъ Грузіи въ Москву. Онъ сказалъ, что (совершилъ путь) въ восемьдесятъ дней хорошей ѣзды, въ качествѣ гонца, забирая лошадей въ каждомъ городѣ, что онъ загналъ пятнадцать лошадей и ѣхалъ въ эти восемьдесятъ дней безпрерывно ночью и днемъ. Этотъ путь особенно затруднителенъ: (встрѣчаются) огромныя горы и большая опасность со стороны области черкесовъ, гдѣ есть множество разбойниковъ, которые не только грабятъ (путешественниковъ), но берутъ (ихъ) въ плѣнъ и продаютъ кизилбашамъ и татарамъ. По этой причинѣ предпочитаютъ ѣхать моремъ, хотя это опасно. Часть страны черкесовъ подвластна царю, остальные же непокорны: каждый изъ нихъ живетъ самъ по себѣ, и никто не имѣетъ власти надъ ними. Монахъ разсказывалъ, что его иногда провожали пятьсотъ всадниковъ изъ подвластныхъ царю, чтобы провести среди опасностей. Онъ сообщилъ, что путь отъ Москвы до Грузіи почти равенъ пути отъ Константинополя до Москвы, ибо онъ проѣзжалъ по обоимъ путямъ. Подъ конецъ, послѣ Пасхи, царь отправилъ съ нимъ посла на суднѣ по рѣкѣ.

Когда до царя дошла вѣсть о томъ, что кизилбаши напали на Теймуразъ-хана, покорили его страну и убили его сына Давида, то онъ сильно разгнѣвался и тотчасъ отправилъ къ шаху посла сказать: „съ древнихъ временъ и до сей поры не возникало войны между нами; зачѣмъ же вы теперь пошли войной на страну, мнѣ подвластную, и на людей, мнѣ покорныхъ?“ Видя,

что царь сильно разгнѣванъ, шахъ сталъ отпираться и послалъ извиниться предъ царемъ, говоря: „мы братья; я не имѣлъ извѣстій о томъ, что́ случилось, но потомъ, узнавъ, что это сдѣлалъ одинъ изъ правителей, мнѣ ослушныхъ, я, ради тебя, послалъ ему приказъ выйти изъ Грузіи и возвратить Теймуразъ-хана на его мѣсто“. Какъ намъ разсказывали, между московскимъ царемъ и шахомъ всегда существуетъ великая дружба съ давняго времени: шахъ называетъ царя своимъ братомъ, потому что царь и шахъ однихъ лѣтъ: говорятъ, что они родились въ одинъ день—имъ теперь по 27 лѣтъ отъ роду. По причинѣ большой дружбы, между ними существующей, дѣдъ нынѣшняго шаха, по имени шахъ Аббасъ, 32 года тому назадъ, когда завоевалъ Грузію и нашелъ (тамъ) хитонъ Господа Христа въ одной изъ большихъ церквей, немедленно послалъ его покойному царю Михаилу, отцу нынѣшняго царя, вмѣстѣ со всѣми загребленными священническими облаченіями, осыпанными драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ. Прослышавъ объ этомъ, французскій король послалъ къ шаху, обѣщая ему великую казну и два большихъ города со всѣмъ, что̀ въ нихъ есть, въ собственность, если онъ отдастъ ему хитонъ. То же обѣщали ему прочіе франкскіе государи, что́ вокругъ него, но шахъ отказалъ, говоря: „я отошлю его къ моему брату, царю московскому“. Мы раньше въ своей странѣ слышали, что онъ раздѣлилъ хитонъ на-двое, и одну половину отдалъ королю испанскому, а другую царю московскому; но это извѣстіе невѣрно, ибо мы впослѣдствіи видѣли хитонъ въ великую пятницу, покланялись ему и прикладывались. Онъ находится въ своемъ первоначальномъ ковчегѣ, осыпанномъ драгоцѣнными каменьями, съ грузинскими письменами. Ковчегъ, по величинѣ, менѣе маленькаго литургійнаго служебника, съ эту исписанную страницу въ 21 или 22 строки, и такой же ширины, даже, пожалуй, меньше и тоньше служебника. Божественный хитонъ изъ тонкаго полотна, темнаго цвѣта, наполняетъ ковчегъ до верху, такъ что крышка съ трудомъ закрывается. Вотъ какое безцѣнное сокровище, о коемъ вздыхаютъ всѣ цари христіанскіе, пріобрѣлъ московскій царь!

Возвращаемся. Затѣмъ царь послалъ къ Теймуразъ-хану съ просьбой прислать къ нему жену своего сына Давида, вдову, съ ея сыномъ Николаемъ, дабы утѣшить ее и женить сына ея на своей старшей дочери Евдокіи. Цари московскіе весьма любятъ этого Теймуразъ-хана и его дѣтей и титулуютъ его царемъ, ибо знаютъ, что онъ царской породы отъ своихъ предковъ.

Когда мы пріѣзжали въ Грузію въ 7173 году отъ Адама, намъ разсказывали, что родъ Теймуразъ-хана восходитъ до Давида, царя и пророка, ибо, какъ говорятъ, Давидъ..... [1], который воевалъ съ греческимъ царемъ Василіемъ Македонянииомъ, былъ однимъ изъ его предковъ. Что же касается остальныхъ четырехъ князей, находящихся въ Грузіи, то они не древняго рода, и, кромѣ того, эти послѣдніе продаютъ своихъ дѣтей и подданныхъ иностранцамъ, о Теймуразѣ же никогда этого не было слышно: напротивъ, онъ выкупаетъ христіанъ изъ неволи. Вслѣдствіе этого цари посылаютъ по временамъ ему и всѣмъ его вельможамъ, въ видѣ вспомоществованія, весьма значительную казну, подобную посланной нынѣ. Теймуразъ-ханъ послушался тогда царя и отправилъ свою невѣстку, по имени царицу Елену, вмѣстѣ съ царевичемъ Николаемъ, снарядивъ съ ними большое число людей со множествомъ слугъ и служанокъ. Когда они достигли средины опасныхъ степей, то, какъ говорятъ, шахъ, прослышавъ о нихъ, послалъ пятьсотъ всадниковъ захватить ихъ, представлявшихъ собою великое сокровище, въ плѣнъ, но обманулся въ своемъ намѣреніи. [2] Посланные напали на нихъ и сразились съ ними, и такъ какъ съ царицей было небольшое число людей, то побѣдили ихъ, бо́льшую часть умертвили, а всѣхъ (прочихъ) взяли въ плѣнъ. Царица, видя случившееся, тотчасъ остригла свои волосы, одѣлась съ сыномъ въ бѣдное платье и убѣжала. Время было ночное, и это обстоятельство спасло ее вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ ея людей. Пока другіе сражались, она спаслась и еще до наступленія утра достигла турецкой крѣпости. Отсюда ее снарядили въ Астрахань и далѣе въ Москву. Царю послали извѣстіе о случившемся, и онъ прислалъ имъ для путешествія царскія одежды и ратниковъ. Когда царица приблизилась къ Москвѣ, царь, задержавъ ихъ до наступленія ночи, велѣлъ освѣтить всѣ улицы и весь городъ свѣчами и яркими огнями [такъ что вся мѣст-

---

[1] За этимъ именемъ слѣдуютъ въ нашихъ рукописяхъ слова, не имѣющія смысла въ данномъ мѣстѣ. Въ англійскомъ переводѣ: „David of Kerbela“. По всей вѣроятности, это Давидъ I Куропалатъ (ум. въ 881 г.). Англійскій переводчикъ неправильно прочелъ его прозвище.

[2] Здѣсь въ англійскомъ переводѣ есть вставка, которой нѣтъ въ нашихъ рукописяхъ: „впослѣдствіи, когда мы, по приказанію царя, ѣхали изъ Грузіи въ Московію во второй разъ, мы узнали, что напавшій на нихъ былъ эмиръ, именуемый Шамхалъ, правитель Дагестана, страны, населенной племенами лезгиновъ и кумуковъ и простирающейся отъ границъ Кахта и Тоша почти до рѣки Гѣнама, предѣла турецкой крѣпости“.

ность казалась покрытой рѣкой огня] и послалъ все войско, министровъ и всѣхъ вельможъ встрѣчать прибывшихъ. [1] Царицу ввезли въ городъ въ царскомъ экипажѣ, а сынъ ея ѣхалъ верхомъ съ большимъ поѣздомъ. Очевидцы разсказывали намъ, что то былъ день изъ такихъ, которые на счету въ жизни. Прибывшихъ помѣстили въ домѣ одного изъ вельможъ, гдѣ всѣ покои, внутренніе и наружные, были покрыты коврами и краснымъ сукномъ, какъ приличествуетъ царямъ и царицамъ. До сихъ поръ царь оказываетъ имъ чрезвычайный почетъ и подобающее уваженіе.

Спустя три дня, царь пригласилъ царевича къ себѣ вечеромъ, при чемъ точно также зажигали свѣчи и огни и разставили войско, и это продолжалось всю ночь. Царь сѣлъ съ нимъ за царскую трапезу, исполненный великой, неописуемой радости; да и какъ не любить его? Блескъ очей его, какъ мы видѣли это собственными глазами, являетъ царственное происхожденіе. Царь назначилъ ему и его людямъ на содержаніе ежемѣсячно по триста динаровъ, сверхъ ѣды и питья. Онъ также послалъ къ шаху, сильно упрекая его, а тотъ, по обычаю извѣстныхъ правителей, кои не отличаются постоянствомъ и не держатъ клятвы, отъ всего отперся. Достовѣрно извѣстно, что та страна [2] не принадлежитъ къ его управленію, а находится во власти непокорныхъ черкесовъ. Къ нимъ-то онъ и послалъ, надававъ имъ множество обѣщаній, съ тѣмъ чтобы они захватили царицу и ея сына. Впослѣдствіи онъ прислалъ (въ Москву) часть слугъ и служанокъ, бывшихъ съ царицей, говоря: „я избавилъ ихъ отъ рукъ разбойниковъ“. Вотъ что произошло.

Мы потомъ ходили къ нимъ съ подарками отъ нашего владыки патріарха. Царица сидѣла на тронѣ; все ея платье, мебель, даже ея подушка и коверъ подъ ногами были чернаго цвѣта, по обычаю вдовъ. Сынъ сидѣлъ подлѣ нея также въ царскомъ одѣяніи. При нашемъ входѣ, онъ снялъ свой колпакъ изъ уваженія къ пославшему насъ. Поодаль стояли женщины, многочисленные служители и переводчики. Когда мы упоминали имя нашего владыки патріарха, они дѣлали земной поклонъ, и мы кланялись имъ. Мы часто посѣщали ихъ, по причинѣ большой любви ихъ къ нашему владыкѣ патріарху, такъ какъ они знали о немъ, когда онъ былъ еще въ Алеппо.

---

[1] Окончанія этой главы, начиная отсюда, и всей слѣдующей нѣтъ въ англійскомъ переводѣ.

[2] Т.-е. страна, гдѣ произошло нападеніе.

Въ пятую субботу поста, по приглашенію царицы Елены, нашъ владыка служилъ у ней литургію, о чемъ мы разскажемъ въ своемъ мѣстѣ. Всякій разъ, какъ мы приходили, сынъ ея подавалъ самъ лично, собственными руками, рюмки съ напитками, по обычаю московскихъ вельможъ, которые подносятъ обѣими руками гостю напитки, при чемъ дѣлалъ поклонъ головою, на что мы отвѣчали тѣмъ же.

Глава VII.

Москва.—Крещеніе иновѣрцевъ. Касимовскій царевичъ и польскій панъ. Конецъ обѣда у патріарха Никона.

Возвращаемся къ нашимъ извѣстіямъ о Казани и ея области. Патріархъ Никонъ сообщилъ въ этотъ день за столомъ нашему владыкѣ патріарху, что кругомъ города Казани живутъ шестьдесятъ тысячъ мусульманъ, которые платятъ харачъ и (всякіе) поборы. Они крестятся днемъ и ночью. Онъ разсказывалъ, что московиты считаютъ ихъ нечистыми и не сообщаются съ ними, не ѣдятъ съ ними и не пьютъ. Кто изъ нихъ окрестится, тотъ не смѣетъ ходить къ своимъ роднымъ, а если пойдетъ по необходимости, то не ѣстъ съ ними изъ одного блюда и за ихъ столомъ, а изъ отдѣльнаго блюда и за отдѣльнымъ столомъ, изъ опасенія возбудить злобу московитовъ и подвергнуться наказанію отъ нихъ за то, что онъ ѣлъ съ мусульманами, ибо у нихъ это считается чѣмъ-то отвратительнымъ и весьма нечистымъ, именно (они думаютъ), что крещеніе оставило его и онъ нуждается въ новомъ крещеніи. Если жена окрестившагося также окрестится вмѣстѣ съ нимъ, то будетъ его женой, а если не пожелаетъ, то отнюдь не дозволяютъ (ему) приближаться къ ней, но разводятъ ее съ нимъ и женятъ его на христіанкѣ. Крестившійся получаетъ отъ щедротъ царя одежду, сукна и много динаровъ, и одинъ изъ государственныхъ сановниковъ бываетъ его крестнымъ отцомъ. Послѣ крещенія бросаютъ все его платье и надѣваютъ на него новое, даже (новый) колпакъ на голову и (новую) обувь на ноги. Они твердо вѣрятъ, что именно такой крестный отецъ избавляетъ его отъ мрака невѣдѣнія и руководитъ къ истинному свѣту. Впослѣдствіи мы видѣли, какъ они крестили взрослыхъ людей въ нашемъ присутствіи въ Москвѣ-рѣкѣ. Священникъ, прочтя положенныя молитвы, налилъ деревяннаго масла и раздѣлъ (крещаемаго), оставивъ его въ одной сорочкѣ, которую снялъ только тогда, когда ввелъ его въ воду и погрузилъ, дабы не обнаружились его pudenda. Онъ

поднималъ и опускалъ его трижды при помощи пояса, пропущеннаго подъ мышки, затѣмъ вывелъ его, послѣ того какъ трижды погрузилъ его съ головой, тотчасъ одѣлъ во все новое, потомъ, по обыкновенію, обошелъ съ нимъ три раза кругомъ воды, поя положенную стихиру; при этомъ какъ онъ, такъ и всѣ присутствовавшіе имѣли въ рукахъ свѣчи. Мы увидѣли нѣчто чудесное: ихъ лица, бывъ черными и мрачными, тотчасъ— о удивленіе!—преобразились въ сіяющія свѣтомъ. Ихъ было трое мужчинъ: двое изъ татаръ *малдванъ* (мордва), а третій изъ ханскихъ татаръ. Они знаютъ по-турецки. Крещеніе совершилось, послѣ того какъ они у насъ, въ монастырской церкви, въ теченіе всего великаго поста, усердно посѣщали службы ночью и днемъ, при чемъ, какъ оглашенные, стояли внѣ церкви. Священникъ училъ ихъ крестному знаменію, молитвамъ и тайнамъ вѣры. Одинъ изъ нихъ былъ старецъ. Мы дивились на московитовъ: они такъ высоко ставятъ вѣру, что не крестятъ никого раньше чѣмъ онъ пробудетъ шесть недѣль, т.-е. 40 дней, въ какомъ-либо монастырѣ, не входя въ церковь. Такъ поступали теперь и съ ляхами и крестили вторично, хотя это недозволительно; но московиты отнюдь не принимаютъ ихъ, не окрестивъ. Такимъ образомъ ляхи, поневолѣ, просятъ крещенія, дабы ихъ приняли и любили отъ всего сердца. Крестившіеся получаютъ высокія должности.

Покойный царь Иванъ, когда шелъ походомъ на Казань, по дорогѣ воевалъ съ независимымъ татарскимъ ханомъ, мусульманиномъ знатнаго рода, правителемъ области Касимовъ и городовъ: Романовъ и *Изарь*[1] (Инсаръ?). Страна эта заключаетъ три крѣпости и представляетъ самостоятельную область, имѣющую болѣе десяти тысячъ домовъ. Ханъ, будучи не въ силахъ воевать съ царемъ, изъявилъ ему покорность и передалъ всю свою страну. Поэтому царь Иванъ обошелся съ нимъ милостиво и поставилъ его въ странѣ съ прежнею властью, давъ ему царскій указъ, чтобы онъ ежегодно вносилъ царю подать, чтобы никто не отнималъ у него владѣній и страна оставалась за нимъ и за его дѣтьми до скончанія вѣковъ. Затѣмъ царь пошелъ на крѣпость *Сіямска* (Свіяжскъ?), высокую, неприступную, поднимающуюся на вершинѣ горы; она выстроена на берегу великой рѣки Волги и отстоитъ отъ Москвы на 500 верстъ. Разсказываютъ, что царь послалъ впередъ на судахъ для покоренія ея

[1] Городъ Романовъ находился на среднемъ теченіи рѣки Воронежа. *Изарь* не есть-ли Инсаръ (въ Пензенской губ.)?

около двадцати тысячъ, и когда бывшіе въ крѣпости узнали о нихъ, то нарубили очень большихъ деревьевъ изъ тѣхъ, которыя окружали крѣпость, и оставили ихъ, пока всѣ (нападавшіе) не приблизились къ основанію (горы), и тогда сбросили ихъ; говорятъ, что эти деревья разсѣяли суда и все войско. Царь Иванъ, услышавъ объ этомъ, воспылалъ сильнымъ гнѣвомъ и отправился самъ. Сдѣлавъ подкопы и проведя подземные ходы подъ крѣпостью, наполнилъ ихъ порохомъ и поджегъ. Стѣны ея рухнули; онъ вступилъ въ нее и перебилъ всѣхъ, бывшихъ въ ней, мечомъ, а затѣмъ отстроилъ ее вновь и пошелъ на Казань.

Возвращаемся. Потомство этого хана продолжается до сихъ поръ. Изъ него остался одинъ только человѣкъ; мы впослѣдствіи видѣли его: онъ очень пріятный, былъ однимъ изъ турецкихъ придворныхъ служителей—и наружность его это показываетъ; хорошо говоритъ по-турецки съ примѣсью персидскаго. Царь вызвалъ его къ себѣ вмѣстѣ съ его женою, матерью и наставникомъ, т.-е. шейхомъ, котораго называютъ ходжа. При свиданіи съ нимъ, царь просилъ его сдѣлаться христіаниномъ и креститься, при чемъ онъ былъ бы его крестнымъ отцомъ; если сдѣлаетъ это, онъ женитъ его на своей старшей сестрѣ Иринѣ и прибавитъ ему областей сверхъ тѣхъ, которыми онъ владѣетъ. Тотъ изъявилъ согласіе и далъ обѣщаніе. Царь, очень обрадованный,— потому что они его любятъ и называютъ *василопуло*, т.-е. царевичемъ,— послалъ его въ одинъ монастырь, дабы онъ пробылъ тамъ, по ихъ обычаю, въ качествѣ оглашеннаго, сорокъ дней. Что же касается Евы, т.-е. его жены, матери его и ходжи, то они не пожелали (креститься) и его уговаривали этого не дѣлать и до того къ нему приставали, что онъ отказался. Когда прошли сорокъ дней и царь прибылъ въ монастырь, чтобы его окрестить, тотъ обнаружилъ рѣшительное нежеланіе, сказавъ царю: „Вотъ тебѣ мечъ и моя голова; я не хочу креститься“. Истощивъ всѣ ласки, царь разгнѣвался на него и посадилъ его въ цѣпяхъ въ одну изъ келлій; здѣсь онъ находился въ одиночномъ заключеніи и никто къ нему не входилъ. Что ѣли монахи, тѣмъ и его кормили. Въ такомъ положеніи онъ пробылъ со дня нынѣшняго Богоявленія до конца іюля мѣсяца. Когда дошло до царя, что именно его жена, мать и ходжа препятствуютъ ему (креститься), то онъ, разгнѣвавшись на нихъ, послалъ жену его въ заточеніе въ женскій монастырь въ области *Нижна* (Нижегородской), мать заточилъ также въ женскій монастырь въ странѣ Сибирской, а ходжу въ монастырь св. Кирилла (Бѣлоезерскаго), въ подворьѣ котораго мы пребываемъ, приказавъ дер-

жать ихъ съ большими лишеніями и принуждать къ самымъ тяжкимъ работамъ. А тотъ господинъ продолжалъ оставаться въ крайнихъ лишеніяхъ и тоскѣ, пока не сталъ собственными устами просить крещенія. Услышавъ объ этомъ, царь уже не изъявилъ согласія, но сказалъ: „пусть онъ умретъ на своемъ мѣстѣ отъ горестей; когда я просилъ, ему это было не въ угоду, а теперь хочетъ по неволѣ: это грѣшно“. И тотъ оставался въ такомъ же положеніи до лѣтняго времени, когда царь отправился въ походъ, о чемъ мы впослѣдствіи разскажемъ. Патріархъ, вслѣдствіе своей большой близости къ царю, ставъ ходатаемъ (заключеннаго), просилъ царя смиловаться, и послѣ того какъ, въ теченіе сорока дней, заставлялъ этого человѣка посѣщать службы, стоя внѣ церкви, и научилъ его крестному знаменію и тайнамъ вѣры, окрестилъ его наконецъ въ іюлѣ мѣсяцѣ и самъ былъ ему крестнымъ отцомъ. Онъ былъ знатный человѣкъ, изъ благороднаго дома, и имя его было Сейидъ Мохаммедъ. Патріархъ далъ ему имя Василидъ и облекъ его въ царскія одежды [1]. Онъ постоянно бывалъ у патріарха вмѣстѣ съ вельможами царя, которые ежедневно приходятъ къ патріарху, при чемъ, обыкновенно, садился выше царскаго намѣстника и уполномоченнаго, потому что онъ царскій сынъ. Его лицо просвѣтилось и засіяло. Съ дозволенія патріарха Никона, онъ прихаживалъ къ нашему владыкѣ патріарху. Мы замѣтили въ немъ большія совершенства, ученость, глубокую философію и умѣнье грамматически-правильно читать по-арабски, по-турецки и по персидски. Но онъ просилъ насъ не говорить, что умѣетъ читать на этихъ языкахъ, потому что московиты, какъ мы упомянули, до крайности ненавидятъ чтеніе

---

[1] Разсказъ Павла Алеппскаго о крещеніи касимовскаго царевича подтверждается свидѣтельствомъ другого иностраннаго путешественника, который былъ въ Москвѣ черезъ годъ послѣ Павла, въ 1657 г. Этотъ путешественникъ, итальянецъ Альберто Вимена да Ченеда, сообщаетъ слѣдующее: „придаютъ также двору (московскому) много блеску два варварскіе князя, коихъ московитяне называютъ царевичами... Одинъ изъ нихъ называется Грузинскій... другой, Касимовскій, *крещенный за годъ передъ симъ* татаринъ, коему отъ роду около 25 лѣтъ. Первому изъ нихъ обѣщана въ супружество дочь Великаго Князя... второму же *одна изъ его сестеръ*, которую хотѣли было выдать въ замужество за графа Вольдемара, сына покойнаго Датскаго короля Христіана IV“ (слѣд., рѣчь идетъ о царевнѣ Иринѣ, см. Отеч. Зап. 1829 г. Апрѣль, стр. 84). Съ другой стороны, по русскимъ источникамъ извѣстно, что тогдашній Касимовскій царевичъ Сеидъ Бурганъ (а не Сеидъ Мохаммедъ, какъ называетъ его Павелъ) принялъ крещеніе, въ бытность свою въ Москвѣ, во второй половинѣ 1653 г., при чемъ былъ нареченъ Василіемъ (См. Шишкинъ: Исторія гор. Касимова, стр. 82).

и разговоръ на нихъ. Мы видали у нихъ плѣнниковъ изъ восточныхъ земель: изъ Требизонда, Синопа и ихъ округовъ, изъ Еникёя, изъ татаръ; всѣхъ ихъ захватываютъ въ плѣнъ казаки...[1] называемые по-турецки *тонунъ-козаки*, т.-е. донскіе казаки: они плаваютъ по Черному морю, берутъ въ плѣнъ множество мужчинъ, женщинъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, привозятъ ихъ сюда и продаютъ по самой дешевой цѣнѣ. Ихъ немедленно крестятъ. Мы во множествѣ встрѣчали ихъ въ домахъ богачей и даже простолюдиновъ. Когда мы заговаривали съ ними по-турецки, они совсѣмъ намъ не отвѣчали, изъ боязни своихъ господъ, которые, услышавъ, что они говорятъ на своемъ языкѣ, думаютъ, что прежняя ихъ вѣра еще въ груди у нихъ. По этой причинѣ они вовсе не говорятъ на своемъ языкѣ. Упомянутый господинъ умѣетъ въ совершенствѣ читать и писать по-русски. Онъ имѣлъ при себѣ амулетъ и Коранъ; ихъ отобрали у него и прислали къ намъ, чтобы мы ихъ прочли. Мы сказали, что̀ въ нихъ содержится, но не знаемъ, что̀ съ ними сдѣлали. Окрестившись, онъ послалъ разрушить всѣ мечети, существовавшія со временъ его предковъ, и всѣ его люди, видя, что онъ крестился, принимаютъ теперь крещеніе. Онъ живетъ въ епархіи архіепископа рязанскаго, о которомъ мы разсказывали, что онъ пріѣзжалъ къ намъ въ Коломну и что онъ окрестилъ многочисленный народъ [2]. Затѣмъ послали извѣстіе его женѣ въ монастырь о томъ, что онъ принялъ крещеніе и что, ежели она пожелаетъ, пусть тоже крестится и пріѣдетъ къ нему. Но она не пожелала. Подъ конецъ патріархъ велѣлъ ему ѣхать со своимъ войскомъ къ царю, который былъ въ походѣ, чтобы царь порадовался на него. Онъ отправился съ десятью тысячами татаръ, которые всѣ состоятъ въ его подданствѣ: они превосходные наѣздники.

Патріархъ окрестилъ одновременно съ нимъ важнаго вельможу изъ ляховъ съ женой и дѣтьми и всѣми его приближенными, послѣ того какъ тотъ пробылъ сорокъ дней въ монастырѣ, а жена его въ женскомъ монастырѣ. Окрестивъ, патріархъ одѣлъ ихъ въ превосходное платье московитовъ съ широкими воротни-

---

[1] Въ арабскомъ текстѣ *казак аль-лазак*. Если вмѣсто *аль-лазак* читать *аль азак* то это значитъ: казаки Азовскіе, потому что *Азак* есть турецкое названіе Азова. Павелъ Алеппскій называетъ Донскихъ казаковъ Азовскими не потому-ли, что они, незадолго передъ этимъ, прославили себя знаменитымъ „азовскимъ сидѣньемъ“?

[2] Рязанскій архіепископъ Мисаилъ былъ убитъ въ апрѣлѣ 1656 г. Мордвою, жившею въ предѣлахъ Касимовскаго царства, изъ которой онъ крестилъ болѣе 4000 человѣкъ.

камп, расшитыми золотомъ и драгоцѣнными каменьями; воротники рубахъ, а также макушка ихъ колпаковъ были унизаны крупнымъ жемчугомъ. Причиной почета, оказаннаго царемъ этому вельможѣ, было то, что, когда войско отправилось на покореніе той страны, этотъ человѣкъ, бывшій великимъ беемъ, самостоятельнымъ и владѣвшій областями и крѣпостями, сдалъ ихъ царю безъ битвы. Царь осыпалъ его великими милостями и надѣлилъ многими помѣстьями, подарилъ ему одного изъ своихъ коней и назначилъ ему на содержаніе ежедневно по динару, кромѣ (того, что было назначено) его женѣ и людямъ.

Обрати вниманіе, братъ мой, на сіи дѣла, кои мы слышали и видѣли отъ этого благословеннаго московскаго народа. Какое убѣжденіе! какая вѣра! какая преданность Богу! Они даже не пускаютъ чужестранца въ свои церкви, думая, что онъ ихъ осквернитъ; отнюдь не принимаютъ и не любятъ людей другой религіи. Мы уже разсказывали, что, когда идетъ къ царю турецкій посолъ, то его не вводятъ со стороны церкви Благовѣщенія, дабы онъ не осквернилъ ея. Послѣ того какъ онъ поцѣлуетъ полу царской одежды, и царь положитъ свои руки ему на голову въ знакъ дружбы, тотчасъ же, по выходѣ посла, онъ моетъ руки водою съ мыломъ, думая, что онѣ осквернены; затѣмъ призываютъ священниковъ совершить водосвятіе на томъ мѣстѣ и окропить его, дабы оно очистилось, ибо осквернено. Мы дивились и изумлялись такой строгости. Да продлитъ Богъ ихъ (существованіе) до дня страшнаго суда и воскресенія изъ мертвыхъ!

Эти извѣстія и удивительныя вещи, кои мы пересказали, не были (сообщены) всѣ въ тотъ день, четвергъ Сыропуста, за столомъ; но мы привели ихъ одно за другимъ, дабы они, какъ сюда относящіяся, составили одну главу. Да не сѣтуетъ никто на насъ за длинноту: изъ многаго мы разсказали лишь немногое.

Многочисленные чашнегиры продолжали подавать блюда съ разнаго рода кушаньемъ и проч. Патріархъ раздавалъ ихъ присутствующимъ, которые вставали, кланялись ему и отсылали ихъ къ себѣ домой, какъ великое благословеніе, и (такъ шло) отъ начала трапезы до вечера. Встали, совершили моленіе надъ трапезой, сняли скатерти и собрали хлѣбъ и куски въ корзины по монастырскому обычаю. Затѣмъ архидіаконъ поднесъ Панагію съ блюдомъ кутьи и поставилъ предъ патріархами, подалъ своему патріарху кадило, похожее на корону, съ рукояткой, и начали поминовенную службу со стихирами. Затѣмъ прочли молитву за упокой скончавшихся архіереевъ Москвы и всѣхъ странъ рус-

скихъ, при чемъ патріархъ кадилъ; онъ кадилъ также иконамъ и всѣмъ предстоящимъ издали. Потомъ совершилъ отпустъ, отвѣдалъ отъ Панагіи и кутьи, и ихъ роздали присутствующимъ. Подошелъ архидіаконъ и сталъ поддерживать его руки, а стольники начали подносить чаши съ напитками. Онъ выпилъ и далъ нашему учителю, а затѣмъ раздавалъ всѣмъ присутствовавшимъ, которые кланялись ему, по своему обычаю, принимая и отдавая чашу. Затѣмъ онъ подарилъ нашему владыкѣ патріарху, какъ принято у патріарховъ, во-первыхъ, икону Владычицы въ серебряномъ окладѣ, ибо его каѳедра, т.-е. соборная церковь, во имя Успенія Владычицы; еще серебряно-вызолоченную чашу, фіолетоваго бархата и атласа, сорокъ соболей и пятьдесятъ динаровъ, при чемъ извинился; а намъ роздалъ милостыню въ бумажкахъ. Затѣмъ патріархи попрощались другъ съ другомъ, пропѣли передъ иконами „Достойно есть“, поклонились, облобызались, и мы вышли. Патріархъ Никонъ послалъ всѣхъ, бывшихъ у него, бояръ, архіереевъ, архимандритовъ, священниковъ и дьяконовъ провожать насъ съ большими свѣчами до нашего монастыря; нашего учителя посадили въ сани. Большую пріязнь и великую любовь оказалъ патріархъ Никонъ въ этотъ день по своему радушію и смиренію, ибо всѣ они смиренны, любятъ смиренныхъ и ненавидятъ гордецовъ.

Въ пятницу царь возвратился изъ монастыря св. Троицы и постился въ этотъ день до вечера, какъ дѣлалъ въ пятницу, ибо только къ вечеру ударили къ вечернѣ. Они не совершали литургіи въ эти два дня, вслѣдствіе великой важности, какую имѣютъ у нихъ эти дни.

Глава VШ.

Москва. — Содержаніе духовенства. Набожность царя. Алексѣй Михайловичъ и бояре.

Все духовенство этого города получаетъ содержаніе отъ царя; священникъ—два рубля въ годъ, дьяконъ—одинъ рубль, кандиловозжигатель—одинъ рубль, просвирня—шесть копеекъ. На церкви безприходныя содержаніе идетъ отъ царя. Священники (приходскихъ) церквей, нѣсколько разъ въ годъ, собираютъ доходъ со своей паствы, обходя дома со крестомъ [1], начиная съ

[1] Въ подлинникѣ: „съ многолѣтіемъ“.

праздниковъ Рождества и Богоявленія, а также въ храмовой праздникъ, на Пасхѣ и въ началѣ мѣсяца.

Усердіе всѣхъ московитовъ, большихъ и малыхъ, къ посѣщенію церквей весьма велико, и любовь ихъ къ безпрерывнымъ большимъ поклонамъ и къ иконамъ свыше всякаго описанія; множествомъ своихъ молитвъ они превосходятъ, быть можетъ, самихъ святыхъ, и не только простолюдины, бѣдняки, крестьяне, женщины, дѣвицы и малыя дѣти, но и визири, государственные сановники и ихъ жены. Если обладаютъ такими добродѣтелями, какъ мы раньше о томъ упоминали, царь и царица, кои стоятъ во главѣ подданныхъ, то каковы же должны быть эти послѣдніе? О добродѣтеляхъ этого царя намъ разсказывали, что во всѣ дни года онъ имѣетъ обыкновеніе, въ день памяти каждаго святого, во имя коего имѣется церковь въ этомъ городѣ,—а въ немъ есть церкви въ честь святыхъ и праздниковъ на цѣлый годъ, бываетъ даже болѣе (одного праздника въ день)—имѣетъ обыкновеніе, въ бо̀льшую часть праздниковъ главныхъ святыхъ, отправляться въ ихъ церкви, при чемъ идетъ пѣшкомъ, не желая ѣхать, изъ любви и благоговѣнія къ нимъ. Онъ стоитъ отъ начала обѣдни до конца съ непокрытою головой, какъ всякій другой человѣкъ, и непрестанно кладетъ поклоны предъ иконой святого того дня, ударяя челомъ о землю съ плачемъ и рыданіемъ. Такъ поступаетъ онъ предъ людьми. Внутри же своего дворца онъ и царица, какъ разсказываютъ, ведутъ образъ жизни превосходнѣйшій чѣмъ святые, въ постоянномъ бдѣніи и моленіяхъ въ своихъ церквахъ по цѣлымъ ночамъ. То, что мы сообщили, составляетъ лишь малую долю слышаннаго нами о царѣ и видѣннаго своими глазами. Впослѣдствіи, въ своемъ мѣстѣ, мы скажемъ о томъ, что онъ дѣлалъ на первой недѣлѣ поста. Переводчики разсказывали намъ, что онъ спросилъ патріарха іерусалимскаго, бесѣдуя съ нимъ за трапезой: „о, батюшка! (этимъ словомъ, которое значитъ: о, отецъ мой! онъ обыкновенно зоветъ архіереевъ) дошло до меня о господарѣ молдавскомъ Василіи, что онъ очень богатъ, милосердъ, очень любитъ воздвигать храмы и творитъ много благодѣяній; но правда-ли, что онъ стоитъ въ церкви въ колпакѣ и не снимаетъ его“? Патріархъ отвѣчалъ: „да, это правда; ибо мы видѣли, что онъ никогда не снимаетъ колпака, кромѣ какъ во время входа съ Евангеліемъ и великаго выхода. Причина этого, какъ мы потомъ узнали, двоякая: одна—(что онъ дѣлаетъ это) по своей чрезмѣрной гордости; другая—потому, что онъ сѣдъ и краситъ постоянно свою бороду въ черный цвѣтъ, чтобы казаться молодымъ, а потому

совѣстится открывать голову, ибо волосы его сѣды, а борода окрашена въ черный цвѣтъ". Обрати вниманіе, о ты, любящій Христа, на этотъ вопросъ, который сдѣлалъ царь московскій по сему поводу! Разскащикъ продолжалъ: когда царь удостовѣрился въ этомъ изъ словъ патріарха, то поднялъ руки къ небу и, вздохнувъ изъ глубины души, сказалъ: „о, Долготерпѣливый! какъ Ты не прекратишь жизнь того, кто осмѣливается стоять такъ предъ Тобою"? И это было пророчествомъ о Василіи, ибо чрезъ короткое время съ нимъ случилось то, что̀ случилось. Обрати вниманіе на эти дѣла, отъ коихъ посѣдѣли бы младенцы! Ибо тотъ, какъ мы разсказывали раньше, не снималъ колпака не только въ церкви, но даже предъ архіереемъ, садился всегда на тронѣ въ переднемъ мѣстѣ, а нашего учителя сажалъ справа отъ себя, тогда какъ этотъ царь—и не онъ одинъ, но и другіе московскіе цари, его предшественники,—какъ въ церкви стоитъ съ открытою головой, точно также постоянно и предъ архіереями и священниками. Такой у нихъ обычай отъ избытка ихъ добродѣтели, смиренія и отсутствія гордости. Намъ также сообщали о царѣ, что государственные сановники, въ царствованіе его родителя, не боялись царя, потому что онъ былъ человѣкъ простодушный, мягкій, слабаго сложенія, не любившій кровопролитія и войны или подобнаго, такъ что его звали монахомъ. Но этотъ царь обуздалъ и смирилъ вельможъ въ конецъ и многихъ изъ нихъ казнилъ. Намъ разсказывали, что въ самое недавнее время онъ убилъ собственною рукою одного изъ вельможъ среди дивана. А именно: онъ послалъ его въ одну область привести тамошнихъ ратниковъ для похода. Эти же, придя къ нему, упросили его, подкупивъ деньгами, освободить ихъ отъ похода и дать отсрочку до будущаго года. Вернувшись къ царю, посланный сталъ просить его, подъ разными предлогами, избавить ихъ отъ похода. Царь тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, и немедленно послалъ одного изъ своихъ слугъ, въ качествѣ шпіона, разузнать отъ жителей той области, сколько они дали военачальнику, который къ нимъ пріѣзжалъ. Тотъ разузналъ и, вернувшись, сообщилъ царю. Послѣдній призвалъ того несчастнаго и, какъ онъ молодъ и весьма жестокъ, умертвилъ его своимъ мечомъ среди дивана. Московиты никогда не любили походовъ и войнъ, стремясь къ спокойствію и безмятежной жизни, и говорили: „наша страна велика—хватитъ намъ; наше царство очень обширно—съ насъ довольно". Но теперешній царь [1] нашелъ, что

[1] „и патріархъ", прибавлено въ англійскомъ переводѣ.

они заблуждаются, и самъ лично отправился въ походъ, дабы укрѣпить ихъ мужество, ища, по его словамъ, побѣды ради своего возлюбленнаго Христа. При таковомъ его намѣреніи, Богъ даровалъ ему то, на что̀ онъ надѣялся, ибо въ настоящее время онъ не только взялъ городъ, выстроенный его предками [1], но, какъ мы разскажемъ потомъ подробно, овладѣлъ всею страной ляховъ и совершенно сокрушилъ ихъ.

То, что̀ мы сообщимъ сейчасъ, достаточно для довершенія начатой нами главы. Царь обходился со своими вельможами такъ, что вмѣсто спокойствія подвергалъ ихъ большимъ трудамъ. Намъ разсказывали, что въ прошломъ году онъ выѣхалъ съ ними на богомолье въ одинъ загородный монастырь. Великая рѣка Москва обтекаетъ бо́льшую часть города: по дорогѣ царя былъ мостъ; но царь оставилъ этотъ мостъ (въ сторонѣ), а съѣхалъ подлѣ него въ рѣку, которая очень глубока, переѣхалъ чрезъ нее и вышелъ на другой берегъ въ совершенно промокшей одеждѣ; затѣмъ крикнулъ своимъ вельможамъ: „кто не поѣдетъ за мной, тотъ лишается жизни“. Его цѣлью было посмѣяться надъ ними, ибо большинство ихъ тучны и толсты. Увѣренные въ неминуемой бѣдѣ и не видя отъ нея избавленія, ни (возможности) бѣгства, они поневолѣ спустились въ воду, отдавъ поводья своихъ лошадей. Такъ какъ они большею частью были тучны, то погрузились по шею и, какъ ихъ лошади, приподнимали головы свои вверхъ. Царь смотрѣлъ на нихъ и смѣялся, пока они не перебрались черезъ рѣку въ самомъ жалкомъ положеніи, въ промокшей одеждѣ, какъ пѣшіе, такъ и конные. Они стали укорять царя, какъ будто онъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе ихъ погубить, но онъ отвѣтилъ имъ: „моя цѣль—уменьшить этимъ ваши толстые животы, которые вы отростили себѣ при моемъ отцѣ, въ покоѣ и безопасности“. Затѣмъ онъ поѣхалъ съ ними дальше, и наконецъ они вошли въ монастырскую церковь и отстояли обѣдню отъ начала до конца, и царь съ ними, въ промокшей одеждѣ, съ которой струилась вода: онъ никому изъ нихъ не позволилъ выйти до окончанія обѣдни. Всѣ пошли въ его дворецъ и просили отпустить ихъ, чтобы перемѣнить платье, но онъ не пустилъ, пока не поднесъ имъ по три чарки за разъ, говоря: „мы сегодня заслужили большую награду и крупную плату, затѣмъ что отстояли обѣдню утопленниками“, и не от-

[1] т. е. Смоленскъ.

пускалъ ихъ, такъ что бо́льшая часть ихъ дрожала отъ холода и у нихъ зубъ на зубъ не попадалъ. Намъ разсказывали о царѣ, что онъ въ одно воскресенье, по обыкновенію, былъ у заутрени. Бояре имѣютъ обычай приходить изъ дому, чтобы вмѣстѣ съ царемъ присутствовать за богослуженіемъ. Случилось, что они не знали о томъ, что онъ будетъ у службы въ этотъ день, и запоздали приходомъ. Онъ тотчасъ записалъ имена тѣхъ, которые не явились, и послалъ привести ихъ изъ дому со связанными руками, отвелъ ихъ на берегъ рѣки Москвы, которая течетъ близъ дворца, и велѣлъ бросить ихъ всѣхъ въ рѣку, схвативъ за руки и за ноги, въ ихъ парчевой одеждѣ и со всѣмъ, что́ было на нихъ, говоря: „вотъ вамъ награда за то, что вы предпочли спать съ своими женами до поздняго утра этого благословеннаго дня и не пришли отстоять заутреню вмѣстѣ съ царемъ“.

О немъ существуетъ много подобныхъ разсказовъ, но записаны немногіе, для удовольствія внимательнаго читателя.

Глава IX.

Москва.—Описаніе Успенскаго собора[1].

Утромъ въ воскресенье Сыропуста московскій патріархъ приказалъ нашего учителя отслужить вмѣстѣ обѣдню въ соборѣ, то-есть въ великой церкви, въ присутствіи царя. Мы поѣхали туда въ царскихъ саняхъ. Вотъ описаніе этой церкви. Она четырехъугольная и очень высока. На каждой изъ трехъ стѣнъ—очертанія четырехъ арокъ снизу до верху, а потому и кругомъ ея крыши идутъ арки, всѣ изъ тесанаго камня съ желѣзными связями. Церковь имѣетъ пять высокихъ куполовъ, густо позолоченныхъ. На каждомъ куполѣ крестъ съ тремя поперечинами, на подобіе креста Господня, какъ обыкновенно бываютъ всѣ кресты у нихъ. Снизу они кажутся маленькими; но недавно одинъ изъ нихъ сломался отъ ветхости и его спустили; мы смѣрили его длину, и она оказалась около четырехъ локтей; такова же длина его поперечинъ, а толщина его одна квадратная пядень. Средина крестовъ желѣзная; а нижняя часть, которая вставляется въ куполъ, имѣетъ въ длину около полутора локтя; поверхъ желѣза доски, и все покрыто мѣдью, густо позолоченной. Что касается шара подъ крестомъ, то онъ такъ великъ, что

---

[1] Этого описанія, а также слѣдующаго за нимъ описанія Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ, нѣтъ въ англійскомъ переводѣ.

никто изъ насъ не могъ обхватить его руками, снизу же онъ кажется не больше яблока.

Церковь имѣетъ три большія двери. Съ наружной стороны западной двери есть арки и куполъ, на коемъ изображено Успеніе Богородицы и весь Апокалипсисъ евангелиста Іоанна. На эту дверь, возвышаясь надъ нею, выходитъ высокій царицынъ дворецъ, на куполахъ котораго водружены флюгера изъ позолоченной мѣди, кои вертятся отъ вѣтра. Насупротивъ этой же двери—красивая церковь во имя Положенія пояса Владычицы; здѣсь проходитъ царица, когда спускается къ службѣ въ (великую) церковь, такъ что ее никто не видитъ. Патріаршій домъ находится ниже этихъ палатъ, и по этой причинѣ, всякій разъ когда патріархъ выходитъ въ церковь и возвращается изъ нея, онъ останавливается у этого прохода, поднимаетъ вверхъ свои взоры и, отдавъ посохъ архидіакону, благословляетъ по направленію кверху, затѣмъ кланяется до земли, благословляетъ вторично и, вторично сдѣлавъ поклонъ, уходитъ. Такъ же поступалъ и нашъ владыка патріархъ всякій разъ, когда приходилъ въ церковь и мы поднимались въ патріаршій домъ, ибо царица всегда смотрѣла на проходящихъ изъ своихъ стеклянныхъ оконъ. Такъ поступали и всѣ архіереи.

Другія двѣ двери—съ юга и съ сѣвера. Южная выходитъ къ царскому дивану, къ церкви Благовѣщенія и на всю дворцовую площадку. Надъ этой дверью написанъ на стѣнѣ надъ аркой образъ Владычицы въ большомъ видѣ, а по сторонамъ дверныхъ створовъ два ангела съ рипидами. Надъ всѣмъ этимъ арка изъ жести для защиты отъ дождя и снѣга. Передъ этой дверью есть площадка, на которую всходятъ по лѣстницѣ; вся она выстлана плитами изъ желѣза, которое блеститъ какъ серебро; плиты четырехъугольныя и какъ будто изъ чернаго мрамора. Надъ сѣверной дверью изображенъ рядъ архіереевъ. Насупротивъ этой двери находятся палаты и дворецъ патріарха, выстроенные имъ въ настоящее время.

Алтарей пять. Надъ каждымъ изъ нихъ сдѣлано чистымъ золотомъ свое особое изображеніе. Сзади главнаго алтаря наверху—изображеніе Отца, Сына и Святаго Духа; позади другихъ двухъ алтарей—изображеніе Святой Софіи, Премудрости Божіей, съ краснымъ лицомъ, сидящей [1] на престолѣ, съ семью столпами,

[1] Въ арабскомъ подлинникѣ: „сидящаго“, въ мужескомъ родѣ; слѣдовательно, Премудрость изображена въ видѣ мужчины. О значеніи символической фигуры Премудрости на этомъ изображеніи Ю. Д. Филимоновъ говоритъ въ своей статьѣ: Очерки русской христіанской иконографіи,

согласно изреченію Соломона: „премудрость создала себѣ домъ и утвердила его на семи столпахъ“; справа отъ Нея Пресвятая Дѣва, а слѣва (Іоаннъ) Креститель; сверху ангелы, парящіе въ небесахъ. Въ этомъ и иномъ родѣ имѣются изображенія и надъ другими алтарями[1]. Всякій, кто проходитъ здѣсь, непремѣнно останавливается и молится на нихъ издали. Великій алтарь имѣетъ три большихъ окна, снаружи узкихъ, снутри широкихъ, съ большими откосами, для того, чтобы свѣтъ ниспадалъ до самаго пола. Остальные четыре алтаря имѣютъ каждый по одному окну. Большія окна этой церкви весьма многочисленны; они идутъ въ два ряда, одни надъ другими, и всѣ снутри широки, съ большими откосами. По этой причинѣ церковь весьма свѣтла. Всѣ окна имѣютъ оконницы изъ стекляннаго камня (слюды), чистаго, разноцвѣтнаго. Снаружи у нихъ желѣзныя рѣшетки. Точно также и двери церковныя имѣютъ снаружи рѣшетку изъ чудесной желтой мѣди; внутрь ея вставлена слюда. Снутри же двустворчатая дверь изъ чистаго желѣза.

Эта церковь поддерживается четырьмя выведенными кладкой колоннами, весьма толстыми и высокими. По окружности ихъ четыре арки. Царское мѣсто—большое, высокое, съ куполомъ, все изъ мрамора и кругомъ покрыто рѣзьбой, представляющей воиновъ сыновъ Израиля; оно находится близъ южной двери. Патріаршее мѣсто—налѣво отъ него, съ задней стороны правой колонны, насупротивъ алтаря. Позолоченное, чудесное царицыно мѣсто—налѣво отъ него, съ лицевой стороны другой колонны, противъ алтаря, гдѣ жертвенникъ; оно постоянно завѣшено матеріей.

Главный алтарь очень великъ, высокъ, открытъ и свѣтелъ. Полъ его первоначально былъ въ уровень съ поломъ церкви, но въ настоящее время патріархъ (Никонъ) значительно поднялъ его, возвысивъ надъ поломъ церкви на четыре-пять ступеней, которыя сдѣланы изъ желѣза. Престолъ великъ, надъ нимъ большой серебряный куполъ[2], утвержденный на четырехъ

Софія Премудрость Божія (Вѣстн. Общ. древнерус. искусства, 1874, 1—3, стр. 9): „что иконописцы не имѣли въ виду даже въ XVII вѣкѣ переносить этотъ символъ на Богоматерь, это очевидно и изъ того, что мѣсто этого символа занято изображеніемъ Спасителя на иконѣ Софіи Премудрости Божіей въ одной изъ алтарныхъ арокъ наружной стѣны Московскаго Успенскаго собора“.

[1] Авторъ говоритъ о наружныхъ изображеніяхъ надъ алтарными апсидами.

[2] Сѣнь.

высокихъ колоннахъ изъ желтой мѣди. Куполъ имѣетъ четыре арки съ зубчиками. У плеча каждой арки ангелъ изъ чистаго золота, держащій въ рукѣ рипиду, коей онъ какъ бы вѣетъ насупротивъ своего содруга; на каждой аркѣ по два ангела, такъ что число ихъ всѣхъ восемь. По окружности купола большіе вѣнчики—все со сквозною рѣзьбой. Куполъ четырехъугольной формы и увѣнчанъ крестомъ. Потолокъ его рѣзной, фигурный, пластинчатый, со звѣздочками; фонъ—серебряный, а бруски, звѣздочки и гвозди—золоченые. Внутри купола желѣзная рѣшетка, а по окружности его четыре цѣпи изъ позолоченнаго желѣза, прикрѣпленныя къ стѣнамъ алтаря, для того чтобы куполъ не колебался. Говорятъ, что серебро этого купола вѣситъ четырнадцать пудовъ, а пудъ, какъ мы сказали, равенъ тринадцати стамбульскимъ окамъ. Кругомъ купола четыре занавѣса, закрывающихъ престолъ, который всегда остается закрытымъ. Весь престолъ покрытъ драгоцѣнною парчой. Въ потолкѣ купола виситъ серебряный вызолоченный голубь съ распущенными крыльями, какъ бы спускающійся на престолъ [1]. Каѳедра (горнее мѣсто) имѣетъ три ступеньки, обитыя зеленымъ сукномъ; посрединѣ—высокій патріаршій тронъ, покрытый всегда ковромъ до полу. Справа и слѣва отъ трона висятъ два очень большихъ креста и рѣзныя изъ слоновой кости иконы съ изображеніями всѣхъ господскихъ праздниковъ и большинства святыхъ; онѣ соединены между собой золотомъ. Подлѣ каждаго креста позолоченная рипида съ изображеніемъ херувима. Позади престола досчатый проходъ, гдѣ поставлены древнія иконы изъ серебра и между ними также большой крестъ. Эти три креста вмѣстѣ

---

[1] Для сравненія приводимъ описаніе сѣни надъ престоломъ изъ описи 1638 года: „Надъ престоломъ сѣнь, столпы мѣденые, литые, золочены сусальнымъ золотомъ, межъ столповъ на дцкахъ 4 выимки серебрены, на нихъ на проемъ рѣзаны травы; на тѣхъ же выимкахъ 8 ангеловъ серебреные, чеканные, золочены. На верху у сѣни корунки мѣденые золочены. Шатеръ покрытъ серебромъ, черезъ доску золочено. На верху сѣни крестъ серебрянъ золоченъ. Въ той же сѣни, въ подволокѣ, 16 полотенецъ, серебреные, рѣзаны на проемъ травы, около полотенецъ каймы и посереди полотенецъ бруски серебреные золочены чеканные; вверху подволоки, въ выимкахъ, 4 завѣса камки куфтерные розныхъ цвѣтовъ, около сѣни 4 завѣса тафтяные, розныхъ цвѣтовъ. Надъ престоломъ голубь золотъ“. О послѣднемъ подробнѣе въ описи 1701 года: „да надъ престоломъ въ сѣни на желѣзной проволокѣ голубь весь золотой, крылѣ до половины, съ чернью, а въ немъ полагается святый агнецъ. А шатеръ по угламъ прикрѣпленъ къ стѣнамъ чѣпми желѣзными“ (Русская Истор. Библіотека, т. III. СПб. 1876).

съ иконами всякій разъ, когда идутъ въ крестный ходъ, несутъ впереди всѣхъ. У стѣны, насупротивъ престола, направо отъ входящаго въ царскія врата, стоитъ очень большое, великолѣпное зеркало, въ рамѣ изъ чернаго дерева съ золотыми фигурами ангеловъ. Оно стоитъ больше пятисотъ динаровъ, ибо весьма роскошно и показываетъ человѣка во весь ростъ. По временамъ за литургіей патріархъ подходилъ къ нему, смотрѣлся, расчесывалъ волосы на головѣ и бороду и оправлялся, и не только одинъ онъ, но и всѣ, даже маленькіе дьяконы[1]. Они охорашивались, чтобы не подвергаться насмѣшкамъ мірянъ. Въ алтарѣ, гдѣ жертвенникъ, висятъ еще два зеркала, тоже для нихъ, со щеткой изъ свиной щетины для расчесыванія волосъ во всякое время.

Что касается двухъ алтарей, кои находятся съ правой стороны (главнаго) алтаря, то одинъ изъ нихъ есть ризница церковная. Въ ней хранится драгоцѣнная утварь церкви вмѣстѣ съ полными царскими облаченіями патріарховъ, числомъ болѣе ста, кромѣ тѣхъ, которыя изготовляются теперь. Патріархи, бывшіе до Никона, надѣвали митры. Этотъ же сдѣлалъ въ настоящее время четыре митры-короны[2], истративъ на одну изъ нихъ болѣе пятнадцати тысячъ динаровъ. Эта митра ослѣпляетъ умъ и взоры обиліемъ драгоцѣнныхъ украшеній: алмазовъ, разноцвѣтныхъ яхонтовъ, рубиновъ, изумрудовъ и иныхъ, вмѣстѣ съ тысячью жемчужинъ, отборныхъ, круглыхъ, какъ будто точеныхъ, крупнѣе раковинокъ большихъ четокъ. Впослѣдствіи въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ о его саккосахъ. Что касается парчевыхъ стихарей и фелоней, унизанныхъ обильно жемчугомъ и драгоцѣнностями и предназначенныхъ для архіереевъ этой церкви на всякій большой праздникъ, то каждые фелонь и стихарь сложены другъ на другѣ въ отдѣльномъ ящикѣ налѣво отъ престола.

Третій алтарь, что насупротивъ царскаго мѣста, во имя св. Димитрія. Въ алтарѣ есть благолѣпная икона, на которой изображены мученія и всѣ чудеса святого; вся она вытиснена на

---

[1] Анагносты, чтецы.

[2] Въ первомъ случаѣ Павелъ Алеппскій употребилъ греческое слово *митра*, которое означаетъ только архіерейскую митру, а во второмъ случаѣ арабское слово *таж*, которое означаетъ и митру и корону. Въ патріаршей ризницѣ сохранились отъ времени патр. Никона двѣ митры: средняя и большая, обѣ 1653 г., и двѣ короны: одна 1653 г., другая, большая, 1655 г. На приведенныхъ въ „Указателѣ для обозрѣнія московской патріаршей ризницы“, Саввы, епископа Можайскаго, изображеніяхъ митръ и коронъ патр. Никона короны имѣютъ кругомъ вѣнцы.

вызолоченномъ серебрѣ. Когда царь входитъ въ алтарь, то обыкновенно проходитъ чрезъ дверь (этого алтаря) и становится въ ризницѣ.

Что касается другихъ двухъ алтарей, съ лѣвой стороны (главнаго) алтаря, то одинъ, какъ мы сказали, есть алтарь, гдѣ находится жертвенникъ, а также чудесное мѣсто омовенія рукъ и мѣсто, гдѣ неугасимо горитъ огонь. Пятый алтарь подлѣ этого— во имя св. Петра. Въ немъ, какъ мы раньше упомянули, почиваютъ его мощи въ ракѣ изъ позолоченнаго серебра; снаружи она ограждена высокою, массивною серебряною же рѣшеткой.

Всѣ конхи этихъ алтарей, ихъ стѣны и отдѣленія, а также всѣ стѣны церкви и куполы расписаны сверху до низу изображеніями господскихъ праздниковъ и всѣхъ святыхъ съ ихъ чудесами—все изъ чистаго сусальнаго золота, такъ что стѣнъ не видать, а какъ будто все золото да лазурь. По этой причинѣ въ Бозѣ почившій митрополитъ Иса[1] сказалъ въ своемъ стихотвореніи, говоря о достопримѣчательностяхъ этой страны: „въ ней церкви изъ золота и серебра, алтари ихъ украшены золотомъ, жемчугомъ и разновидными алмазами“. Подъ серебромъ и золотомъ онъ разумѣлъ изображенія святыхъ на стѣнахъ этой церкви и иныхъ; слова его: „жемчугомъ и разновидными алмазами“ означаютъ алмазы и прочіе драгоцѣнные камни на иконахъ святыхъ въ этой церкви и въ другихъ. Нѣтъ колоннъ изъ черепахи и иныхъ, какъ онъ невѣрно описалъ ради того только, чтобы вышелъ правильнымъ размѣръ его касыды (поэмы).

Я не порицаю его—Боже избави! но все, что я видѣлъ собственными глазами, то пересказалъ правдиво, описывая каждый предметъ по порядку, дабы, если читатель представитъ его себѣ въ своемъ умѣ, нашелъ бы такимъ, какъ будто самъ его видѣлъ. Иса и его спутники, какъ говорятъ, пріѣзжали при царѣ Іоаннѣ[2], когда государство было еще слабо; мы же прибыли въ нынѣшнее время, когда государство сдѣлалось въ высшей степени богатымъ.

Мѣсто Ризы Господней, какъ мы упомянули раньше, находится справа отъ входящаго чрезъ западную дверь церкви. Оно имѣетъ видъ кельи съ высокимъ куполомъ и сдѣлано все изъ чудесной желтой мѣди со сквозною рѣзьбой. Снутри его слюда, дабы стоящіе снаружи могли видѣть внутрь, ибо лампадки и

---

[1] Митрополитъ Иса (Іисусъ) былъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ Антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ Дау въ 1586 г. и, по словамъ Павла Алеппскаго, составилъ стихотворное описаніе своего путешествія на арабскомъ языкѣ.

[2] Они пріѣзжали въ началѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича.

свѣтильники горятъ неугасимо[1]. Близъ него, по всей южной стѣнѣ до царскаго мѣста идутъ гробницы шести патріарховъ, кои занимали престолъ московскій и всѣхъ странъ русскихъ. Гробницы окружены рѣшеткой изъ луженаго желѣза. На каждой гробницѣ лежитъ большой покровъ изъ чернаго бархата съ большимъ крестомъ, на коемъ сверху до низу маленькія иконы изъ позолоченнаго серебра; крестъ имѣетъ три поперечины и съ обѣихъ сторонъ его, по обыкновенію, губка и копье. По окружности покрововъ идутъ письмена шириной въ пять пальцевъ, изъ крупнаго жемчуга; (обозначено) имя погребеннаго и время его кончины.

Въ ризницѣ этой церкви есть чаша изъ зеленой яшмы съ крышкой, съ дискосомъ, лжицей и копьемъ[2]. Говорятъ, что ихъ поднесъ въ подарокъ царю одинъ греческій купецъ, ихъ оцѣнили, и царь далъ ему стоимость ихъ—24.000 динаровъ (рублей).

По окружности церкви и вокругъ четырехъ колоннъ размѣщены очень большія иконы, на которыхъ ничего не видно кромѣ рукъ и лика, да съ трудомъ можно замѣтить частичку одѣянія, все же остальное—толстое чеканное серебро съ чернью. Большая часть иконъ греческія; между иконами есть благолѣпная икона Владычицы, серебряная, съ каменьями; на ней грузинскія письмена, ибо она изъ Грузіи. Равно и при дверяхъ всѣхъ алтарей стоятъ большія серебряно-вызолоченныя иконы съ дѣяньми вокругъ, кои также вычеканены (на ризѣ). Нѣкоторыя изъ нихъ, даже и всѣ двери, серебряно-вызолоченныя, съ углубленіями, какъ будто онѣ изъ тѣста. Между ними помѣщаются иконы Господа и Владычицы, которыя, какъ говорятъ, прислалъ въ свое время московитамъ греческій царь Мануиль Комненъ вмѣстѣ съ иконой Господа въ ростъ, на Его евангеліи греческія письмена—мы ихъ читали. Подлѣ притолоки царскихъ вратъ есть шкафъ, весь покрытый серебряными листами снаружи и снутри; онъ съ аркой, на вершинѣ которой крестъ, и имѣетъ дверцу съ прочнымъ замкомъ; въ немъ икона Владычицы, писанная евангелистомъ Лукой, чему яснымъ доказательствомъ служитъ то, что она какъ будто воплощенная и очень древняя. На ней висятъ многочис-

---

[1] Ранѣе, въ другомъ мѣстѣ, авторъ подробно описалъ мѣсто Ризы Господней (кн. VII, гл. XI). Въ описи 1638 года: „На гробѣ Господнѣ ковчегъ серебрянъ золоченъ, на ковчегѣ образъ Распятіе Господа нашего Іисуса Христа рѣзной; а въ томъ ковчегѣ другой ковчежецъ серебрянъ, золоченъ, съ каменьемъ, а въ ковчежцѣ риза Господа нашего Іисуса Христа".

[2] Авторъ говоритъ, очевидно, о сосудахъ Антонія Римлянина.

ленныя привѣски изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Около нея стоитъ другая, малая икона, также Владычицы, въ маломъ шкафу въ видѣ церкви съ куполами, очень почитаемая: говорятъ, что она современна ихъ святому Петру.

Во всѣхъ московскихъ церквахъ существуетъ такой обычай, что икону Владычицы ставятъ справа отъ жертвенника[1], а икону Троицы слѣва. Но нашъ владыка патріархъ подъ конецъ посовѣтовалъ имъ, и Никонъ уничтожилъ прежній обычай и сдѣлалъ по нашему, и это по той причинѣ, что патріархъ Никонъ, чрезвычайно любящій греческіе обряды, всегда просилъ нашего учителя, чтобы онъ, какую бы неумѣстную вещь ни замѣтилъ, сообщалъ ему о томъ для исправленія. Какъ только нашъ владыка сказалъ имъ объ этомъ, тотчасъ Никонъ вынулъ эту икону съ ея шкафомъ съ этой стороны и поставилъ налѣво на мѣсто иконы Троицы, а на ея мѣсто греческую икону Спасителя, принеся ее изъ конца ряда. Такъ онъ сдѣлалъ и въ большинствѣ церквей.

Двери алтарей вмѣстѣ съ арками, равно и колонны, покрыты чистымъ серебромъ чеканной работы.

Что касается величественнаго иконостаса, которому нигдѣ нѣтъ подобнаго—по обширности, высотѣ и ширинѣ, то онъ новый: его соорудилъ въ недавнее время патріархъ Никонъ. Онъ четырехъярусный. Въ первомъ ярусѣ посрединѣ Господь Христосъ, сидящій на царскомъ престолѣ; на главѣ Его большая, со сквозною рѣзьбой, корона, осыпанная сверкающими драгоцѣнными каменьями; говорятъ, что она вѣситъ пудъ, 13 окъ, чистаго золота. Справа и слѣва идетъ рядъ апостоловъ съ Владычицей и Крестителемъ; Павелъ держитъ мечъ насупротивъ Петра. Вышина этихъ образовъ болѣе роста человѣка; живопись превосходная. Во второмъ ряду, надъ нимъ, посрединѣ Воскресеніе, остальное—страсти Господни и Господскіе праздники до Пятидесятницы и Успенія Богородицы. Надъ этимъ третій рядъ съ изображеніемъ Дѣвы Платитера[2], въ небесномъ кругѣ, съ отверстыми дланями; остальная часть этого ряда—пророки, кои о Ней предсказывали. Въ четвертомъ ярусѣ, что на самомъ верху, посрединѣ Отецъ Саваоѳъ, „ветхій деньми“, въ бѣломъ одѣяніи; на лонѣ Его сынъ, „сый въ лонѣ Отчемъ“, въ видѣ младенца; оба они благословляютъ; Духъ Святый, въ

---

[1] Слѣдовало бы сказать: отъ престола.

[2] Въ описи 1638 года: „въ третьемъ тяблѣ образъ пречистыя Богородицы Воплощеніе“.

видѣ голубя, вѣетъ крылами надъ головою Сына; вокругъ главы Отца сіяніе, на подобіе перстня Соломонова; тронъ, на коемъ Онъ возсѣдаетъ, не огражденный, т. е. открытый кругомъ, безъ перилъ. Вокругъ нихъ херувимы и „многоочитіи“ серафимы. Остальное въ этомъ ряду—цари и пророки, держащіе въ рукахъ исписанные свитки, кои они поднимаютъ въ ихъ сторону. Вотъ описаніе четырехъ ярусовъ, какъ они есть. Эти иконы не писаны сусальнымъ золотомъ, но всѣ сдѣланы изъ позолоченнаго серебра чеканной работы, за исключеніемъ изображенія и рамъ. Всѣ иконы съ вѣнцами, по обычаю, принятому у московитовъ, которые помѣщаютъ надъ головой каждаго святого круглый вѣнецъ. Передъ каждой изъ этихъ иконъ—высокій подсвѣчникъ, какъ будто выточенный изъ позолоченнаго серебра. Въ подсвѣчникахъ зажигаются свѣчи. При четырехъ ярусахъ иконъ четыре ряда подсвѣчниковъ; нижніе больше двухъ съ половиною локтей; а чѣмъ выше, тѣмъ они все ниже достоинствомъ. Патріархъ разсказывалъ, что вѣсъ всѣхъ этихъ иконъ съ подсвѣчниками 370 пудовъ чистаго серебра. Греки называютъ этотъ пудъ греческимъ кинтаромъ, какимъ въ древности цари мѣрили золото. Патріархъ говорилъ, что на ихъ позолоту потребовалось чистаго золота болѣе десяти тысячъ динаровъ, кромѣ вѣнца Господа, который, какъ мы упомянули, вѣситъ ровно пудъ. Вотъ описаніе, нами составленное, нѣкоторыхъ красотъ этого великолѣпнаго иконостаса, подобнаго которому мы не видывали по величинѣ иконъ и многоцѣнности его. По истинѣ, онъ поражаетъ изумленіемъ самый смѣлый умъ.

Предъ алтарными дверями нѣтъ большихъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ, но стоятъ въ каменныхъ колонкахъ большія, толстыя разрисованныя свѣчи. Для священниковъ не имѣется клироса со стасидіями—они стоятъ рядами. Архіереи вмѣстѣ съ архимандритами становились у большого столба, что близъ мѣста хитона Господня, ибо у этого столба царь, приходя, стоялъ въ то время, когда облачался патріархъ. Столбъ этотъ покрытъ тонкимъ краснымъ сукномъ, и его образа новые и позолоченные.

Полъ этой церкви, начиная отъ алтарей, состоитъ изъ четырехъугольныхъ плитъ чистаго желѣза. Какъ мы раньше упомянули, царь заказалъ ихъ на желѣзномъ заводѣ въ городѣ Тулѣ. Полъ блеститъ, какъ черный мраморъ. Но въ зимнее время ноги отнимаются отъ сильнаго холода. Мы терпѣли отъ него въ продолженіе службъ великія мученія. Если бы мы не надѣвали на ноги башмаковъ, какіе носятъ греческіе монахи, съ деревянными

подошвами и сукномъ, кои мы привезли изъ Константинополя съ прочими вещами для защиты отъ холода, по совѣту знающихъ людей, сообщившихъ намъ объ этомъ обстоятельствѣ, прежде намъ неизвѣстномъ, то мы давно бы искалѣчили себѣ ноги.

Вотъ что мы изложили, по мѣрѣ возможности, для описанія великой церкви.

Глава X.

Москва.—Архангельскій и Благовѣщенскій соборы.

Насупротивъ этой церкви, съ южной стороны, находится церковь Архангела, во имя св. ангела Михаила. Она изящнѣе собора и имѣетъ пять куполовъ изъ жести. По окружности ея крыши идетъ родъ малыхъ полуарокъ, весьма вогнутыхъ, съ прекрасными скульптурными украшеніями въ видѣ реберъ. Церковь окружена широкимъ навѣсомъ съ арками. Мы уподобляли это мѣсто постройкѣ *текье*[1]. Церковь имѣетъ три двери: западная—противъ церкви Благовѣщенія. Эту церковь воспѣлъ въ Бозѣ почившій митрополитъ Иса, говоря: „о церковь въ Россіи, не имѣющая себѣ подобной! въ ней гробы всѣхъ царей русскихъ, съ того времени какъ они сдѣлались христіанами и построили себѣ церкви“. Въ этой церкви находятся гробницы князей и царей московскихъ, съ тѣхъ поръ, какъ они сдѣлались христіанами, до сего времени, съ ихъ дѣтьми. Надъ каждой гробницей находится изображеніе лежащаго въ ней, какъ онъ есть, каждая гробница окружена высокою желѣзною рѣшеткой и покрыта покровомъ изъ краснаго и чернаго бархата; на немъ большой крестъ изъ серебряно-вызолоченныхъ образковъ и кругомъ письмена, именно дата, широко вышитая золотомъ; это для будничныхъ дней, по воскресеньямъ же и большимъ праздникамъ эти покровы снимаютъ и кладутъ другіе, украшенные иконами изъ чистаго серебра, драгоцѣнными каменьями и письменами изъ жемчуга. Надъ каждой гробницей стоитъ икона, осыпанная множествомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, и передъ ней свѣтильникъ, неугасимо горящій.

Какъ соборная церковь имѣетъ семь священниковъ и семь дьяконовъ и одинъ изъ священниковъ состоитъ протопопомъ надъ ними, а также бываетъ протодьяконъ надъ дьяконами, такъ и эта церковь имѣетъ семь священниковъ и семь дьяконовъ, и между ними есть протопопъ и протодьяконъ, ибо въ

[1] Монастырь дервишей.

этой церкви обѣдня совершается неупустительно каждый день въ обоихъ ея алтаряхъ, а также ежедневно, утромъ и вечеромъ, бываетъ кутья и вино, т. е. *мнимосинонъ* (поминовеніе), въ память всѣхъ въ ней погребенныхъ. Здѣшнему протопопу назначены по этой причинѣ помѣстья, доходы съ которыхъ поступаютъ въ его пользу, а равно идутъ въ пользу товарищей его и дьяконовъ.

Въ этой церкви есть гробница одного изъ царскихъ дѣтей. Онъ почиваетъ въ великолѣпномъ гробѣ изъ позолоченнаго серебра. Его почитаютъ и ему поклоняются какъ мученику. Намъ разсказывали о немъ, что онъ явился у нихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Визирь овладѣлъ царствомъ послѣ смерти царя, который былъ бездѣтенъ, и сослалъ его супругу-царицу въ заточеніе въ одну крѣпость. Царица была беременна и спустя немного времени родила мальчика. Онъ росъ и достигъ отроческаго возраста. Услышавъ о немъ, визирь послалъ своихъ воиновъ, и эти злодѣйски задушили мальчика. Говорятъ, что въ это время онъ, какъ это бываетъ съ дѣтьми, держалъ въ рукѣ орѣхи, которые разбивалъ и ѣлъ; эти орѣхи остаются въ его ладони до сихъ поръ: никто не могъ ихъ вынуть. По этой причинѣ его почитаютъ какъ мученика, ибо онъ былъ убитъ безвинно.

Возвращаемся (къ описанію). Этихъ двухъ протополовъ мы не отличали отъ шейховъ извѣстной общины [1], ибо они носятъ рясы изъ ангорской шерсти фіолетоваго и зеленаго цвѣта, весьма широкія, съ позолоченными пуговицами сверху до низу, на головѣ бархатные колпаки сине-фіолетоваго цвѣта и зеленые сапоги. Они имѣютъ у себя въ услуженіи много молодыхъ людей и держатъ породистыхъ лошадей, на которыхъ всегда ѣздятъ. Другіе священники, проходя мимо нихъ, снимаютъ передъ ними свои колпаки. При этомъ они тучны, толсты, съ большимъ животомъ и жирнымъ тѣломъ.

Возвращаемся (къ описанію). Что касается церкви Благовѣщенія, то между нею и тою церковью находится одно изъ царскихъ казнохранилищъ. У дверей ея галлереи стоятъ стрѣльцы, охраняющіе диванъ. Мѣстоположеніе этой церкви весьма высокое. Вся галлерея расписана чудесными изображеніями съ сусальнымъ золотомъ. Плиты въ ней весьма большія, изъ твердаго, дикаго камня. Говорятъ, что въ Бозѣ почившій царь Иванъ

---

[1] Т. е. мусульманской. Восточные христіане, говоря насмѣшливо о мусульманахъ, обыкновенно, изъ предосторожности не называютъ ихъ прямо мусульманами.

велѣлъ привезти его зимою изъ Новгорода, гдѣ находятся ломки этого камня. Эта церковь имѣетъ только двѣ двери: одну съ запада, другую съ сѣвера. Снаружи, при входахъ, чудесная рѣшетка изъ желтой мѣди, а внутри цѣнныя двери также изъ желтой мѣди съ серебряными иконами. Это очень небольшая церковь, мрачная по причинѣ малочисленности ея оконъ. Полъ ея состоитъ изъ кусковъ мрамора прекраснѣйшихъ цвѣтовъ. Въ ней есть тронъ для царя, ибо онъ часто въ ней молится. Что касается находящихся тамъ иконъ, то никакой ювелиръ, превосходно знающій свое дѣло, не въ состояніи оцѣнить крупныхъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, алмазовъ, рубиновъ, изумрудовъ на иконахъ и на вѣнцахъ Господа и Владычицы; въ этомъ мракѣ они горятъ, какъ раскаленные угли. Позолота иконъ, сдѣланная чистымъ золотомъ, и превосходная разноцвѣтная эмаль, исполненная съ тонкимъ, отчетливымъ искусствомъ, поражаютъ удивленіемъ умъ знатока. По этой причинѣ, какъ говорятъ, цѣнность иконъ, въ этой церкви находящихся, равняется нѣсколькимъ казнамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣются частицы мощей святыхъ, изъ числа наиболѣе чтимыхъ останковъ, болѣе чѣмъ въ ста серебряно-вызолоченныхъ ковчежцахъ, на которыхъ отчеканены лики тѣхъ, коихъ мощи въ нихъ содержатся. Все это хранится въ ризницѣ церкви, а потому ея окна задѣланы изъ опасенія, чтобы огонь не проникъ чрезъ нихъ въ ризницу, ибо близъ нея находится крыша казнохранилища и другихъ зданій, крытыхъ досками.

Эта церковь имѣетъ девять куполовъ, густо позолоченныхъ. На среднемъ тотъ золотой крестъ, о которомъ говорятъ, что онъ стоитъ нѣсколько милліоновъ золотомъ. Внутри каждаго изъ остальныхъ восьми куполовъ есть комнатка, т. е. часовня, вся внутри покрытая золотомъ и кругомъ съ красивою рѣшеткой изъ желтой мѣди. Эта чудесная, великолѣпная маленькая церковь, столь дорого стоившая, сооружена въ Бозѣ почившимъ царемъ Іоанномъ, который издержками на нее изъ своихъ сокровищъ превзошелъ многихъ, когда-либо бывшихъ царей. Отъ этой церкви до Успенскаго собора сдѣланы досчатые подмостки, по которымъ проходитъ царь, всякій разъ какъ идетъ въ нее молиться.

Близъ соборной церкви, съ южной стороны, находится большой каменный царскій дворецъ, знаменитый своею красотой, высотой и обширностью, огромностью своихъ камней и своимъ возвышеннымъ строеніемъ. Царь принимаетъ въ немъ пословъ отъ великихъ государей, чтобы показать свое могущество надъ ними.

Глава XI.

Москва.—Описаніе Ивановской и другихъ кремлевскихъ колоколенъ. Порядокъ звона въ колокола. Приготовленія къ отливкѣ колокола въ 12.000 пудовъ.

Между соборомъ и церковью Архангела, съ восточной стороны, находятся прекрасныя колокольни, изъ коихъ одна передъ приказомъ, то-есть диваномъ, гдѣ всегда засѣдаютъ визири. Снизу она восьмиугольная, огромныхъ размѣровъ; въ ней восемь арокъ, и въ каждой аркѣ виситъ чудесный колоколъ. Одинъ изъ этихъ колоколовъ съ рѣзьбой; люди знаютъ его звонъ: въ него ударяютъ въ тотъ день, когда хотятъ совершить крестный ходъ, и тогда собираются священники со своими иконами въ соборъ. Надъ этими восемью арками второй ярусъ, шестиугольный, поменьше нижняго; вверху его также восемь арокъ, и въ нихъ также восемь колоколовъ. Надъ ними третій ярусъ, еще меньше; онъ круглый, и въ немъ много маленькихъ колоколовъ. Надо всѣмъ широкій поясъ въ четыре-пять аршинъ съ четырьмя рядами золоченыхъ письменъ, а надъ этимъ высокій куполъ, также позолоченный вмѣстѣ со своимъ огромнымъ крестомъ. Лѣстница этой колокольни снизу до верху имѣетъ 182 ступеньки: у насъ спина чуть не сломалась, пока мы поднялись на верхъ. Кругомъ колокольни есть кельи. Какъ мы упомянули, она походитъ на минаретъ Висячей мечети въ Дамаскѣ, но величественнѣе и больше его.

Близъ этой колокольни находится огромная башня старинной постройки, на высокомъ основаніи изъ большихъ камней. Внизу ея помѣщается царская казна, а наверху церковь въ честь Рождества, съ красивымъ жестянымъ куполомъ въ формѣ груши. Въ этой церкви царь ежегодно слушаетъ обѣдню въ ея праздникъ. Въ рядъ съ церковью, справа и слѣва, висятъ два огромныхъ колокола, подобныхъ громадному колоколу, который мы видѣли въ Кіевѣ въ Св. Софіи. Одинъ изъ нихъ съ древнихъ временъ называется царицынымъ; въ него звонятъ подъ воскресенья и праздники, и по его звону всякій знаетъ, что на другой день воскресенье или большой праздникъ. Второй колоколъ—патріаршій, звукомъ ниже; въ него ударяютъ ежедневно утромъ и вечеромъ: всѣ церкви и монастыри ждутъ удара въ этотъ колоколъ, и какъ только въ него ударятъ,—если это будетъ рано утромъ, послѣ восьми часовъ дня, то въ него ударяютъ языкомъ его непрерывно цѣлый часъ нѣсколько человѣкъ,—

ударяютъ за нимъ въ Чудовомъ монастырѣ, а потомъ въ другихъ. Что же касается приходскихъ церквей, то въ нихъ ударяютъ въ колокола только по прошествіи часа дня, а выходятъ изъ нихъ въ четвертомъ часу. Таковъ у нихъ обычай во всѣ дни года. Если же будетъ воскресенье или особенный праздникъ, то выходятъ (изъ церкви) послѣ пятаго часа, ибо чѣмъ важнѣе праздникъ, тѣмъ позже кончаютъ обѣдню. Если патріаршій колоколъ ударяетъ съ вечера, то и всѣ ударяютъ послѣ него.

Близъ этой колокольни [1] находится другая большая колокольня—четырехъугольная постройка съ четырехъугольнымъ же куполомъ, разукрашенная разноцвѣтными изразцами. Эта колокольня имѣетъ четыре арки наверху. Въ ея куполѣ виситъ самый огромный колоколъ. Когда мы увидѣли и услышали его, пришли въ изумленіе. Мы измѣрили его окружность, и оказалось 62 пяди; толщина его края одинъ локоть, а высота болѣе пяти локтей. На немъ висятъ съ двухъ сторонъ, сверху до низу, весьма большіе камни на веревкахъ, дабы онъ не качался и звонить въ него было легче. Въ извѣстное время нѣсколько человѣкъ снизу раскачиваютъ эти веревки. Его желѣзный языкъ, быть можетъ, по объему равняется одному изъ большихъ колоколовъ въ Молдавіи: десять человѣкъ, стоя внутри, насилу могутъ раскачать его и ударять имъ о края колокола съ той и другой стороны. Когда ударяютъ въ этотъ колоколъ, онъ издаетъ звукъ, подобный грому; не только стоящіе подлѣ не слышатъ, что кричатъ другъ другу, но и тѣ, которые находятся внизу, и даже тѣ, которые стоятъ въ соборѣ и въ другихъ церквахъ. Объ этомъ колоколѣ сказалъ приснопамятный митрополитъ Иса: „внутри дворецъ царскій, насупротивъ великой церкви; въ ней утвержденъ высокій, огромный колоколъ, перетягивающій всякій вѣсъ: тридцать юношей нужно, чтобы раскачать его веревками, скрученными изъ сердцевины конопли“. Да, это тотъ самый колоколъ. Но мы благодаримъ всевышняго Бога за то, что при насъ былъ сдѣланъ другой, огромнѣе его: не было, не можетъ быть и нѣтъ подобнаго ему въ мірѣ. О томъ колоколѣ намъ сообщили, что вѣсъ его 4.000 пудовъ, какъ написано на немъ, а этотъ вѣситъ болѣе 12.000 пудовъ. Въ прошломъ году мастера, по приказанію царя, сдѣлали колоколъ въ 8.000 пудовъ, а желѣзный языкъ его въ 250 пудовъ. Надъ нимъ работали со всевозможнымъ стараніемъ непрерывно цѣлый годъ, пока не

---

[1] Въ подлинникѣ: „близъ этого колокола“.

окончили его; затѣмъ его повѣсили. Царь приказалъ звонить во всѣ колокола въ городѣ, потомъ зазвонили въ этотъ колоколъ, и его звукъ покрылъ всѣ тѣ. Царь послалъ всадниковъ узнать, какъ далеко доходитъ его звукъ, и оказалось, какъ они нашли, около семи верстъ. Когда стали ударять въ него сильнѣе, онъ вдругъ разбился, какъ стекло, ибо его частицы не были хорошо очищены. Тогда его спустили, и царь приказалъ его разбить. Развели вокругъ него сильный огонь, и онъ весь растрескался на куски. Послѣ того царь отправился въ походъ. Мастеръ же, который произвелъ эту великую рѣдкость—одно изъ чудесъ свѣта, умеръ во время моровой язвы.

Царь сначала вызвалъ мастеровъ изъ Австріи и поручилъ имъ сдѣлать колоколъ. Они попросили у него пять лѣтъ сроку, чтобы его сдѣлать, ибо, какъ потомъ намъ пришлось видѣть, труды по его изготовленію и приспособленія, для этого требующіяся, весьма велики и безсчетны. Разсказываютъ, что явился русскій мастеръ, человѣкъ малаго роста, невидный собою, слабосильный, о которомъ никому и въ умъ не приходило, и просилъ царя дать ему только одинъ годъ сроку. Говорятъ, что царь очень обрадовался и далъ ему въ помощь цѣлые отряды стрѣльцовъ. Онъ сдержалъ свое слово и исполнилъ обѣщаніе, изготовивъ колоколъ ранѣе истеченія года. Царь еще болѣе остался имъ доволенъ и въ награду далъ ему во владѣніе пятьсотъ крестьянскихъ семействъ, но тотъ отказался, говоря: „я бѣдный человѣкъ и не имѣю силъ справляться съ рабами; для меня достаточно ежедневной милостыни царя“. Тогда царь пожаловалъ ему по динару ежедневно до конца его жизни, а послѣ него его дѣтямъ. Когда онъ умеръ, и эта рѣдкостная вещь осталась испорченною, явился еще одинъ мастеръ изъ пережившихъ моровую язву, молодой человѣкъ, малорослый, тщедушный, худой, моложе двадцати лѣтъ, совсѣмъ еще безбородый, какъ мы видѣли его потомъ, дивясь милостямъ всевышняго Бога, коими Онъ осыпаетъ свои созданія. Этотъ человѣкъ, явившись къ царю, взялся сдѣлать колоколъ больше, тяжеловѣснѣе и лучше, чѣмъ онъ былъ прежде, и кончить (работу) въ одинъ годъ. Огромная яма была вырыта на этой площадкѣ[1], и въ настоящее время, то-есть съ начала сего мѣсяца февраля, мастеръ приступилъ къ изготовленію колокола. Упомянутая яма, по глубинѣ и ширинѣ, вдвое больше печи для обжиганія извести. Всю ее, сверху до низу, выложили кирпичомъ

[1] Вѣроятно, на Ивановской площади.

и приступили къ устройству внутри ея печи, которую топятъ со стороны, подъ землею, ночью и днемъ. Замѣшавъ глину, выложили изъ нея родъ купола, то-есть составили сердцевину колокола, и обжигали глину огнемъ, который сдѣлалъ ее твердой, какъ желѣзо; при этомъ пламя поднималось выше купола. Это (обжиганіе) продолжали до тѣхъ поръ, пока не окончили форму—а мы все время ходили на нихъ смотрѣть. Потомъ наложили на куполъ второй слой, соразмѣрно съ первой формой, то-есть такой же толщины и такого же объема, около локтя или больше, и затѣмъ приступили къ устройству верхней формы, окружающей колоколъ. Именно, привезли желѣзные прутья, кривые, согнутые какъ лукъ, съ крючками на концахъ, которыми ихъ сплели между собою вокругъ всей формы, на подобіе того, какъ ткутъ цыновки. Потомъ ихъ тщательно обмазали глиной снаружи и снутри и подвергали продолжительное время дѣйствію огня, такъ что все обратилось въ одну (плотную) массу. Послѣ того форму крѣпко привязали сверху толстыми веревками къ большимъ мѣднымъ блокамъ на самомъ верху четырехъ столбовъ изъ крѣпкаго дубоваго дерева, называемаго по-гречески *дранисъ*. Каждый столбъ, по толщинѣ, вышинѣ и соразмѣрности, подобенъ минарету. Для этихъ четырехъ столбовъ копали землю очень глубоко, а затѣмъ въ нижней ихъ части просверлили по большому отверстію, въ которое вставили большія бревна крестъ-на-крестъ, и засыпали ихъ землей, чтобы столбы ни малѣйше не колебались. Ихъ поставили не совсѣмъ прямо, а немного наклонно надъ ямой, дабы они не покачнулись. Между каждыми двумя столбами поставили еще по два бревна, подобныхъ имъ, уперевъ въ перекладину, находящуюся наверху. Затѣмъ, просверливъ тѣ длинные, большіе столбы, внутрь каждаго вложили очень массивный мѣдный блокъ, укрѣпивъ его съ обѣихъ сторонъ длиннымъ и весьма толстымъ гвоздемъ. Отъ веревокъ, прикрѣпленныхъ къ формѣ, протянули кверху четыре конца и продѣли ихъ въ блоки, что внутри столбовъ надъ землею. Множество людей вытянули веревки за дворцовую площадку[1], туда, гдѣ было устроено шестнадцать колесъ[2] изъ упомянутаго толстаго дерева; нижняя часть ихъ была глубоко впущена въ землю и имѣла поперечныя бревна, дабы колеса не качались. Привязали тѣ веревки къ этимъ колесамъ. При прежнемъ мастерѣ

---

[1] Такъ какъ авторъ часто называетъ дворцомъ весь Кремль, то подъ именемъ „Дворцовой площадки“ надо, скорѣе, разумѣть Ивановскую площадь.

[2] То-есть воротовъ.

такихъ колесъ было только двѣнадцать; теперь же число ихъ увеличили и сдѣлали шестнадцать, по восьми съ каждой стороны. Затѣмъ множество стрѣльцовъ повернули нѣкоторыя изъ этихъ колесъ съ двухъ сторонъ одинаково, и тогда крышка, которую сдѣлали какъ верхнюю форму, поднялась кверху; подъ нее подвели на краяхъ ямы множество толстыхъ брусьевъ и поставили прямо. Туда вошелъ мастеръ и вырѣзалъ письмена и изображенія, какія было нужно: на одной сторонѣ изображенія царя и царицы и Господа Христа надъ ними, на другой—изображеніе патріарха Никона. Когда онъ кончилъ, спустились (въ яму), разрушили второй слой изъ глины, который сдѣлали подъ конецъ, и хорошо очистили (форму). Когда спустили крышку, на мѣстѣ слоя образовалась пустота, куда можно было впустить расплавленную мѣдь. Затѣмъ какъ форму внизу, такъ и внутренность крышки, намазали обильно саломъ и жиромъ, дабы мѣдь текла по нимъ быстро. Когда спустили (крышку) внизъ, сошли (въ яму) каменщики и сложили кругомъ формы, снизу до верху, прочную стѣнку изъ кирпичей въ нѣсколько рядовъ, дабы форма не поколебалась отъ тяжести и стремительнаго тока мѣди и такимъ образомъ эта послѣдняя не пропала, вытекая наружу. Приступили къ постройкѣ на краяхъ ямы пяти печей изъ кирпича, весьма прочныхъ, связанныхъ желѣзомъ снаружи и снутри, обмазали ихъ саломъ и сдѣлали у нихъ дверцы, опускающіяся и поднимающіяся посредствомъ особаго снаряда; дверцы эти желѣзныя; ихъ обмазали съ обѣихъ сторонъ глиной, которую потомъ обожгли на подобіе кирпича. Внизу каждой печи сдѣлали отверстіе, направленное къ ямѣ, дабы, когда расплавится мѣдь внутри печей, вся она, по открытіи отверстій, быстро потекла по пяти канавкамъ. Все это было устроено въ теченіе нынѣшняго лѣта послѣ праздника Пасхи, но мы разсказали объ этомъ здѣсь и, Богъ дастъ, докончимъ этотъ разсказъ въ своемъ мѣстѣ.

Что касается кусковъ мѣди отъ стараго колокола, то, какъ мы видѣли, каждый кусокъ тащили веревками, при помощи снарядовъ, сорокъ-пятьдесятъ стрѣльцовъ съ большимъ трудомъ, клали на вѣсы и свѣшивали, а потомъ вкладывали въ печь, пока не наполнили всѣхъ печей. Каждый кусокъ былъ подобенъ большому черному жернову. Въ каждую печь положили 2500 пудовъ, а всего 12500 пудовъ, и замазали печи глиной. Развели сильный огонь и поддерживали его непрерывно ночью и днемъ, пока не расплавилась вся мѣдь и не стала подобна водѣ. Ее мѣшали чрезъ отверстія печныхъ дверецъ желѣзными прутьями, которые накалялись отъ сильнаго кипѣнія и жара. Вотъ что произошло.

Объ остальномъ, какъ мы упомянули, обстоятельно разскажемъ въ своемъ мѣстѣ[1].

Возвращаемся (къ описанію колокольни). Число ступеней этой колокольни, въ которой виситъ огромный колоколъ, сто сорокъ четыре. Внутри башни, по окружности ея, также есть многочисленныя кельи. Изъ этой башни можно проникнуть туда, гдѣ висятъ два колокола, назначенные для (звона) въ будничные дни и въ канунъ праздниковъ, въ церковь Рождества, а также въ вышеописанную высокую колокольню, ибо всѣ онѣ въ одномъ ряду. Башни эти выстроилъ и снабдилъ колоколами въ Бозѣ почившій царь Іоаннъ, пожертвовавъ въ свое время 120 домовъ съ достаточнымъ содержаніемъ для приставленныхъ къ колокольнямъ людей, которые приходятъ поочереди еженедѣльно и неотлучно пребываютъ въ упомянутыхъ кельяхъ ночью и днемъ для звона въ колокола. Въ большіе праздники и въ дни крестныхъ ходовъ, когда звонятъ во всѣ колокола, звонари являются всѣ и производятъ звонъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Должно знать, что у алтарнаго угла великой церкви снаружи виситъ маленькій колоколъ, къ которому приставленъ человѣкъ. Когда наступаетъ время звона въ колокола,—если это зимою, то, какъ мы упомянули, послѣ второго часа, а если лѣтомъ, то послѣ третьяго или четвертаго,—приходитъ тотъ человѣкъ и ударяетъ въ этотъ колоколъ одинъ разъ. Находящіеся наверху люди, которые стоятъ уже наготовѣ, въ ожиданіи, услышавъ звонъ, ударяютъ въ надлежащій колоколъ языкомъ его около часа времени. Когда патріархъ войдетъ въ церковь, приходитъ тотъ человѣкъ и ударяетъ въ маленькій колоколъ два раза. Услышавъ его, звонари прекращаютъ звонъ, пока не кончится чтеніе часовъ. Предъ началомъ литургіи выходитъ тотъ человѣкъ и ударяетъ въ маленькій колоколъ, чтобы звонари его услышали и знали, что наступило время литургіи. Тогда начинаютъ звонъ одиночными ударами. Имъ отвѣчаютъ находящіеся въ высокой колокольнѣ пріятнымъ звономъ въ маленькіе колокола, трогающимъ сердце слушателя. Затѣмъ имъ отвѣчаютъ находящіеся подъ ними (звономъ) во всѣ средніе колокола, а прочіе (звономъ) въ свой ежедневный колоколъ. Это повторяется трижды. Если день воскресный или большой праздникъ, то заканчиваютъ (звономъ) во всѣ большіе колокола вмѣстѣ съ тѣмъ огромнымъ колоколомъ, коего звонъ разносится подобно ударамъ грома. Такъ какъ мѣстоположеніе крѣпости, гдѣ находится дворецъ, очень высоко и го-

[1] Авторъ сдержалъ обѣщаніе.—До сихъ поръ пропускъ у Бельфура.

сподствуетъ надъ окрестностями, даже надъ отдаленными полями и селеніями, ибо это мѣсто въ древности была гора и со всѣхъ сторонъ къ крѣпости ведетъ подъемъ и всходъ, то по этой причинѣ звонъ колоколовъ доносится до отдаленныхъ окраинъ города и до селеній. Эта огромная, высокая колокольня съ золоченымъ куполомъ представляетъ издали красивый видъ. Если бы низменность вокругъ этого города была безлѣсна, то колокольню можно бы было видѣть на большомъ разстояніи при восходѣ и закатѣ солнца, отражающагося на ея куполѣ. Мы же увидѣли ее на разстояніи десяти верстъ, на каковомъ—это два полныхъ часа пути—различаешь ее взоромъ, какъ неясный образъ. По этой причинѣ покойный митрополитъ Иса въ своемъ стихотвореніи говоритъ: „внутри царскаго дворца двадцать пять куполовъ изъ золота или смолы (?), которые поблескиваютъ издали на всемъ обширномъ пространствѣ“, и далѣе говоритъ: „ты слышишь его (колокола) звукъ на разстояніи трехъ дней пути“. Но мы услышали (колоколъ) и увидѣли (колокольню) только на разстояніи десяти нашихъ миль—не болѣе. Что касается двадцати пяти куполовъ, о коихъ онъ упоминаетъ, то соборная церковь имѣетъ ихъ пять, Благовѣщенская — девять, церковь царицына наверху, во имя св. Екатерины,—два купола, близъ нея церковь во имя св. Анны имѣетъ также два новыхъ купола; сзади дворцовой площадки высокая церковь во имя Рождества Богородицы, которую мы потомъ осматривали, имѣетъ одинъ большой куполъ, также позолоченный; на высокой колокольнѣ — одинъ; Чудовъ монастырь надъ гробомъ св. Алексія имѣетъ два купола: одинъ большой—надъ его гробомъ, другой малый—надъ алтаремъ; позади царицыныхъ палатъ другая церковь съ двумя куполами; внѣ Кремля, среди города, еще куполъ на церкви Введенія Владычицы во храмъ. Такимъ образомъ число этихъ золоченыхъ куполовъ — двадцать пять[1] — остается съ того времени до сихъ поръ. Кончаемъ эту главу.

Возвращаемся. Также и съ вечера звонъ въ колокола происходитъ по знаку, данному ударомъ въ маленькій колоколъ. Звонари ударяютъ небольшое число разъ, пока патріархъ не войдетъ въ церковь, о чемъ тотъ человѣкъ даетъ имъ знать, и (тогда) нѣкоторые изъ нихъ немного позвонятъ, ударяя вмѣстѣ заразъ: это служитъ знакомъ вечерни. Точно также ночью тотъ человѣкъ подаетъ звонарямъ знакъ, и они ударяютъ долгое время въ назначенный для того колоколъ, чтобы дать знать

---

[1] Въ арабскомъ текстѣ: „двадцать четыре“, очевидно, по ошибкѣ.

всему городу и чтобы церковники вставали и ударяли въ колокола своихъ церквей, что продолжается безпрерывно отъ полуночи до зари, т. е. (звонъ) въ приходскихъ церквахъ. Люди, находящіеся наверху, по знаку, данному имъ стоящимъ внизу, о томъ, что патріархъ вошелъ въ церковь, прекращаютъ звонъ до начала утрени, когда тотъ опять подаетъ знакъ, и они начинаютъ звонъ въ назначенные большіе и малые колокола, по обыкновенію. Если день воскресный или господскій праздникъ, то заканчиваютъ, какъ мы сказали, продолжительнымъ звономъ въ самый большой колоколъ. Также звонятъ вмѣстѣ съ нимъ во всѣ колокола во время поліелея. При чтеніи Евангелія на утрени ударяютъ также заразъ (во всѣ). Что касается того, когда они встаютъ къ службѣ по ночамъ, то въ зимнее время, когда ночь бываетъ длинная, если нѣтъ господскаго праздника, звонятъ въ назначенный для того колоколъ въ одиннадцатомъ часу; если же воскресенье или особенный праздникъ, то ударяютъ въ девятомъ часу. Въ лѣтнее время, когда ночи коротки, звонятъ къ вечернѣ передъ закатомъ солнца послѣ девятаго часа, а къ утренѣ въ четвертомъ часу ночи — это по будничнымъ днямъ. Наканунѣ воскресеній и праздниковъ звонятъ съ вечера до истеченія одного часа ночи. По этой причинѣ мы испытывали страшное мученье: не спали по ночамъ и терпѣли большое безпокойство. Всего больше насъ донималъ колокольный звонъ, отъ гула котораго дрожала земля, въ канунъ воскресеній и праздниковъ, кои почти непрерывно слѣдуютъ другъ за другомъ, равно какъ и звонъ на зарѣ, съ полуночи до утра, ибо въ этомъ городѣ нѣсколько тысячъ церквей и каждая церковь, даже самая малая и бѣдная, имѣетъ надъ дверьми по десяти большихъ и малыхъ колоколовъ, въ кои звонятъ въ воскресные и праздничные дни и въ канунъ большихъ праздниковъ, сначала поочередно, а потомъ во всѣ вмѣстѣ.

Послѣ многихъ разспросовъ я освѣдомился у архидіакона патріаршаго о числѣ церквей въ этомъ городѣ, и онъ отвѣтилъ, что ихъ болѣе четырехъ тысячъ, а престоловъ, на коихъ совершается ежедневно литургія, болѣе десяти тысячъ, ибо каждая церковь имѣетъ по три и болѣе алтаря. Это весьма радостно для сердца. Въ Константинополѣ же и Антіохіи, навѣрно, не было столько тысячъ церквей и колоколовъ.

Глава XII.

Москва.—Служеніе въ воскресенье Сыропуста. Извѣстія съ театра войны. Назначеніе воеводъ.

Возвращаемся къ нашему разсказу объ утрѣ воскресенья Сыропуста. Когда мы вошли въ церковь и прибылъ патріархъ Никонъ, анагносты, ипольяконы и пѣвчіе пропѣли ему *Достойно есть* и многолѣтіе, съ поминовеніемъ его имени. Онъ облобызался съ нашимъ патріархомъ, и всѣ, по обыкновенію, пошли прикладываться къ иконамъ и мощамъ святыхъ, вернулись и облачились въ нарѳексѣ. Въ это время вошелъ въ церковь царь, и пѣвчіе пропѣли ему многолѣтіе. Приложившись къ иконамъ, что у алтарныхъ дверей, онъ подошелъ къ патріарху Никону, который, сойдя съ архіерейскаго мѣста, встрѣтилъ его и благословилъ сначала правою рукой, а потомъ крестомъ на чело, окропивъ святой водой его и шапку его, которую несъ на его посохѣ одинъ изъ вельможъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Царь поцѣловалъ у патріарха правую руку, а этотъ обнялъ его голову правою рукой и поцѣловалъ въ нее, какъ онъ обычно дѣлаетъ. То же сдѣлалъ нашъ учитель, благословивъ царя правою рукой и крестомъ и окропивъ святой водой. Затѣмъ царь поклонился имъ, повернулся, пошелъ и, ставъ у лицевой стороны большой колонны, которая была покрыта краснымъ сукномъ, по близости отъ патріарховъ, посматривалъ на нихъ, по своему обыкновенію. Нашъ учитель, по приглашенію патріарха Никона, опять рукоположилъ діакона и священника. Когда мы вошли въ алтарь, царь также вошелъ, сталъ въ ризницѣ и смотрѣлъ. Мы пропѣли *Святый Боже* одинъ разъ по-гречески, при чемъ намъ помогали анагносты, которыхъ патріархъ училъ молитвамъ по-гречески, изъ любви своей къ этому языку.

Въ этотъ день пришло къ царю извѣстіе, что злобный Радзивилъ, его врагъ, услышавъ о прибытіи царя (въ Москву), возвратился, послѣ своего бѣгства, съ двѣнадцатитысячнымъ войскомъ, чтобы осадить одинъ изъ своихъ городовъ, взятый недавно царемъ, по имени Могилевъ, огромный и извѣстный у купцовъ, которые знаютъ его подъ названіемъ города богачей, ибо всѣ жители его—купцы. Когда царь взялъ его мечомъ, воевода, который былъ назначенъ Радзивиломъ, явился къ царю и просилъ пощады, и царь даровалъ ее. Онъ просилъ, чтобы его окрестили, и царь окрестилъ его и оказалъ ему свою милость,

оставивъ въ этомъ городѣ и назначивъ по прежнему воеводой вмѣстѣ съ однимъ изъ воеводъ, который начальствовалъ царскимъ войскомъ въ этомъ городѣ. Царь сдѣлалъ это, послѣ того какъ заставилъ его поклясться на крестѣ и Евангеліи, что онъ ему не измѣнитъ. Но клятва у поляковъ ничего не значитъ, и этотъ именно грѣхъ былъ причиной уничтоженія ихъ могущества и ихъ неустройствъ. Нѣтъ въ нихъ ни постоянства, ни вѣрности клятвамъ и договорамъ, какъ поступали они много разъ съ гетманомъ Хмелемъ: когда онъ одолѣвалъ ихъ и намѣревался истребить, они давали ему твердую и вѣрную клятву, и онъ обходился съ ними милостиво и отпускалъ ихъ; они же нарушали клятву и опять шли на него войной. Но грѣхъ ложной клятвы именемъ Божіимъ подрывалъ ихъ силы, рука Божія была съ Хмелемъ и тяготѣла надъ ними, ибо не слыхано было, чтобы въ эти десять лѣтъ Хмель не побѣждалъ ихъ, а былъ побѣжденъ. Такъ какъ клятвопреступленіе за грѣхъ у нихъ не считается, тотъ воевода тайно ночью бѣжалъ со своими людьми къ своему наставнику Радзивилу и вмѣстѣ съ нимъ пришелъ осаждать городъ. Когда осада стала тѣснѣе, (жители) послали вѣсть къ царю съ просьбой о помощи. Услышавъ объ этомъ, царь сильно разгнѣвался и тутъ же въ церкви подалъ письмо патріарху для прочтенія, ибо патріархъ лучшій повѣренный его тайнъ. Они ясно увидѣли, что съ возвращеніемъ царя (въ Москву) у ляховъ возродились надежды. Въ этомъ случаѣ мы уподобляли ляховъ мышамъ и крысамъ, которыя выходятъ, когда въ мѣстахъ приличія [1] никого нѣтъ на ристалищѣ, а какъ только заслышатъ шорохъ шаговъ вдали, тотчасъ убѣгаютъ и скрываются въ самыхъ нижнихъ своихъ норахъ. Таково и теперешнее положеніе ляховъ: въ то время, когда царь находился у нихъ и его войско проникло въ глубь ихъ земель, отвоевавъ у нихъ болѣе пятидесяти городовъ и взявъ въ плѣнъ много тысячъ людей, никто изъ нихъ не выступалъ противъ него и не выжидалъ его на битву—такъ было въ этомъ году, такъ же было и въ слѣдующемъ. Царь рѣшилъ теперь послать впередъ себя въ тотъ же день шестерыхъ лучшихъ изъ своихъ визирей, дабы они со своими полками нагнали войско злобнаго Радзивила, и принялъ твердое намѣреніе выступить вскорѣ слѣдомъ за ними, послѣ того какъ весь народъ былъ уже спокоенъ на счетъ того, что царь отпразднуетъ Пасху съ полною радостью и ликованіемъ. Особливо мы разсчитывали на то, что онъ окончитъ всѣ наши

[1] Такъ называютъ на Востокѣ, изъ благопристойности, отхожія мѣста

дѣла до Пасхи, а затѣмъ отправится и насъ отпуститъ. Но никто не вѣдалъ закваски его сердца, ибо не въ обычаѣ царей открывать кому-либо свои тайны; въ особенности же московиты таковы, что ни одно племя, ни одинъ народъ не сравнится съ ними въ коварствѣ и умѣньи скрывать то, что̀ имъ извѣстно. Затѣмъ царь въ церкви же написалъ собственноручно имена этихъ шести визирей. По выходѣ обоихъ патріарховъ изъ алтаря, патріархъ Никонъ сталъ на амвонѣ и прочелъ поученіе на этотъ день, сказавъ при этомъ проповѣдь и поясняя весьма пространно его значеніе. Потомъ совершилъ отпустъ и, сойдя, благословилъ царя, также и нашъ учитель, причемъ они поздравили его съ Сыропустомъ. Тогда царь подвелъ собственною рукою шестерыхъ визирей, самъ лично выходя къ западнымъ дверямъ церкви и вызывая ихъ поименно, одного за другимъ; подведя къ патріархамъ, просилъ ихъ прочесть надъ ними молитвы по случаю брани, дабы Богъ споспѣшествовалъ и даровалъ имъ побѣду надъ врагами. Такъ они и сдѣлали и прочли молитвы надъ каждымъ отдѣльно.

Обрати вниманіе на сіи дѣла, коихъ мы были сегодня свидѣтелями со стороны этого царя—скорѣе, святого—ибо онъ не остался на своемъ мѣстѣ и не позвалъ писца, чтобы записать имена воеводъ, но потребовалъ чернильницу и бумагу и собственноручно записалъ ихъ имена; второе, не послалъ за ними кого-либо изъ слугъ, но самъ вышелъ, позвалъ ихъ и привелъ собственною рукой къ великому счастію, то-есть подъ благословеніе патріарховъ и къ молитвѣ за нихъ, такъ что мы были поражены величайшимъ изумленіемъ предъ великостью этого, превосходящаго всякое описаніе, смиренія, коего мы были свидѣтелями. Потомъ дали имъ приложиться ко кресту, окропили ихъ святою водой, и они ушли.

На этой недѣлѣ прибылъ митрополитъ Новгородскій, о которомъ мы раньше упоминали, что онъ первый между митрополитами. Въ этотъ день онъ облачился въ саккосъ, по своему всегдашнему обыкновенію, вмѣстѣ съ митрополитомъ Ростовскимъ (который облачился) въ фелонь. Они прибыли отъ своихъ каѳедръ, чтобы поздравить царя съ пріѣздомъ, и каждый изъ нихъ, отдавъ ему поклонъ, поднесъ десять серебряно-вызолоченныхъ иконъ, въ честь (праздника) своей каѳедральной церкви, царю, царицѣ, ихъ сыну, сестрамъ и дочерямъ царя.

Мы вышли отъ обѣдни въ этотъ день незадолго до заката солнца. Намъ не вѣрилось, что мы добрались до своего монастыря, до своихъ теплыхъ келлій: мы умирали отъ усталости и

стоянія на ногахъ въ сильный холодъ, бывшій въ тотъ день. Но за все насъ утѣшило видѣнное нами въ этотъ день, воскресенье Сыропуста, постоянство этого народа въ выстаиваніи на желѣзномъ полу съ утра до вечера. Болѣе того: не успѣли мы сѣсть за столъ, какъ ударили къ вечернѣ и къ молитвамъ на сонъ грядущимъ, по обычаю.

Царь вмѣстѣ съ царицей былъ вечеромъ за службой въ женскомъ монастырѣ, что насупротивъ насъ, гдѣ, какъ мы сказали, находятся гробницы всѣхъ царицъ.

КНИГА IX.

Москва.

Глава I.

Москва. — Первая недѣля Великаго Поста. Строгость поста. Жестокія наказанія за его нарушеніе. Монастырскіе подарки.

Съ ранняго утра чистаго понедѣльника до среды, въ теченіе трехъ дней, не бываетъ у нихъ ни купли, ни продажи, не открываютъ никакихъ лавокъ, ни масляныхъ, ни, въ особенности, такихъ, гдѣ продаются съѣстные припасы. По обычаю, царь и царица постятся эти три дня, усердно посѣщая службы въ церквахъ ночью и днемъ, предаваясь молитвенному бдѣнію, совершая поклоны и соблюдая строгое воздержаніе, какъ мы удостовѣрились теперь. Наконецъ, отстоявъ обѣдню въ среду, царь разговѣлся сладкимъ компотомъ, по всегдашнему своему обыкновенію, при чемъ послалъ его для раздачи всѣмъ своимъ вельможамъ. Затѣмъ онъ опять постился отъ этой ночи до поздняго утра субботы, когда отстоялъ обѣдню, пріобщился св. Таинъ, вкусилъ антидоръ и затѣмъ позавтракалъ. Во всю эту недѣлю никто не видитъ его лица, развѣ только случится важное событіе въ государствѣ. Такъ же поступаютъ, въ теченіе этой недѣли, и всѣ вельможи, неукоснительно посѣщая службы въ своихъ церквахъ днемъ и ночью. Равно и всѣ жители, въ теченіе ея, не производятъ ни купли, ни продажи, но неопустительно присутствуютъ за богослуженіемъ въ своихъ (приходскихъ) церквахъ. Царскіе ратники обошли питейные дома, гдѣ продаютъ вино, водку и прочіе опьяняющіе напитки, и всѣ ихъ запечатали, и они оставались запечатанными до истеченія пасхальной среды. Горе тому, кого встрѣчали пьянымъ или съ сосудомъ хмельнаго напитка въ рукахъ! Его обнажали въ этотъ сильный холодъ и скручивали ему руки за спиной; палачъ шелъ

позади него, провозглашая совершенное имъ преступленіе, и стегалъ его по плечамъ и спинѣ длинной плетью изъ сырыхъ бычачьихъ жилъ: какъ только она коснется тѣла, тотчасъ же брызнетъ кровь. Въ такомъ положеніи водятъ человѣка по городу и затѣмъ сажаютъ въ тюрьму на извѣстное время, пока онъ не отбудетъ положеннаго срока. Особенно строгій надзоръ бываетъ за жителями въ теченіе первой недѣли поста, по средамъ и пятницамъ, на Страстной недѣлѣ и въ первые четыре дня Пасхи, чтобы люди не пьянствовали, а то ихъ стегаютъ безъ всякаго милосердія и жалости. Царь со своими вельможами имѣетъ обыкновеніе поститься также на Страстной недѣлѣ и вкушаетъ пищу только вечеромъ въ Великій четвергъ, по принятіи св. Таинъ, и снова постится до кануна Пасхи.

Въ этой странѣ большіе и знаменитые монастыри, какъ-то: Троицкій и иные, имѣютъ обыкновеніе присылать царю со своими монастырскими боярами, живущими въ ихъ подворьяхъ, въ столицѣ, въ видѣ благословенія отъ монастыря, прежде всего, огромный черный ржаной хлѣбъ, каковы обычно бываютъ монастырскіе хлѣбы: каждый хлѣбъ несутъ на рукахъ четверо—пятеро человѣкъ, словно большой жерновъ. Это есть благословеніе, часть отъ хлѣба отцовъ. Еще подносятъ боченокъ съ квасомъ, который приготовляется изъ воды съ рожью, — его употребляютъ какъ напитокъ — и бочку кислой капусты. Говорятъ, что царь, принимая хлѣбъ, цѣлуетъ его, какъ благословенный. То же они дарили царицѣ, царевичу, ихъ сыну, тремъ сестрамъ и тремъ дочерямъ (царя), каждой отдѣльно, на ея имя. Такъ у нихъ принято дѣлать ежегодно. То же дарили своему патріарху и нашему владыкѣ патріарху, по распоряженію, данному имъ отъ царя. Бояре подносили хлѣбъ, держа его предъ собою на рукахъ и говоря: „Архимандритъ такой-то, такого-то монастыря, бьетъ челомъ твоей святости до земли и подноситъ тебѣ отъ пищи своихъ братій-отцовъ“, какъ у нихъ принято. Нашъ учитель цѣловалъ хлѣбъ, возлагалъ на него свою руку и бралъ отъ нихъ. Точно также подносили боченокъ квасу и бочку кислой капусты. Они обошли и всѣхъ вельможъ. Причина, почему они дарятъ этотъ черный хлѣбъ, та, что онъ у нихъ въ большой чести и что отъ употребленія его въ пищу получается благословеніе. Поэтому, первое, что кладутъ на столъ за трапезой царя, есть этотъ хлѣбъ. Также большинство ихъ подарковъ своимъ вельможамъ состоитъ изъ этого хлѣба: они говорятъ, что это ихъ хлѣбъ издревле и что прежде они не знали пшеницы; по этой причинѣ предпочитаютъ его бѣлому, пше-

ничному хлѣбу. Мы видали, какъ вощики и другіе простолюдины завтракали имъ, словно это была превосходная халва. Мы совершенно не въ состояніи были его ѣсть, ибо, по причинѣ большой величины хлѣбовъ, внутри онъ не пропеченъ и бываетъ киселъ какъ уксусъ, да и запахъ имѣетъ такой же. Но московиты привыкли къ нему: по ихъ словамъ, онъ придаетъ силу и питательнѣе бѣлаго хлѣба.

Квасъ варится изъ ржи или ячменя и пьютъ его вмѣсто воды, такъ какъ во всей этой странѣ вообще не имѣютъ обыкновенія пить воду, развѣ только по нуждѣ, вслѣдствіе чего число больныхъ у нихъ невелико. Мы подъ конецъ привыкли пить квасъ, потому что онъ холоденъ и питателенъ. Московиты, обыкновенно, имъ завтракаютъ, какъ будто это вино или превосходный напитокъ. Наконецъ мы привыкли къ нему и я его очень полюбилъ, ибо онъ весьма вкусенъ, освѣжаетъ нутро, питателенъ и оставляетъ въ глоткѣ пріятный вкусъ. Знай, что я, пробывъ (здѣсь) семь мѣсяцевъ, вовсе не пилъ воды, а все пилъ этотъ квасъ, медъ, вишневую и яблочную воду. Московиты завтракаютъ квасомъ съ ранняго утра, кроша въ него хлѣбъ, какъ въ вино, и напиваются имъ до-пьяна.

Что касается меда, то, такъ какъ въ немъ распускаютъ хмель, отнюдь не пьютъ его въ теченіе этого поста, потому что онъ опьяняетъ. Поэтому намъ доставляли отъ царя каждую субботу, взамѣнъ меда, большую бочку превосходнѣйшаго напитка на все время поста, какъ было назначено.

Уксусъ въ этой странѣ дѣлается изъ отрубей и его называютъ *боршъ*; дѣлаютъ его также изъ меда.

Что касается устава ихъ церквей, то въ приходскихъ церквахъ уставъ подобенъ монастырскому: ежедневно читаютъ восемь каѳизмъ изъ Псалтыря при разсвѣтѣ, рано утромъ, по обычаю, и на каждомъ часѣ по каѳизмѣ. За вечерней и при каждомъ *Аллилуія*, взамѣнъ малыхъ поклоновъ, они дѣлали большіе до земли; точно также каждый разъ при *Святый Боже* и *Пріидите поклонимся*. Мы кладемъ послѣ трехъ большихъ двѣнадцать малыхъ поклоновъ, а они дѣлаютъ всѣ большіе до земли, ибо въ этотъ постъ совсѣмъ не дѣлаютъ малыхъ поклоновъ, но всѣ большіе до земли. Мы наблюдали въ нихъ вѣру, усердіе и набожность чрезвычайныя и многое другое кромѣ этого, изъ-за чего, дѣлая это вмѣстѣ съ ними, ради подражанія имъ, мы терпѣли мученія.

Такъ какъ на этой недѣлѣ и всѣ государственные сановники не выходили изъ своихъ домовъ, постоянно предаваясь молитвамъ,

то мы не имѣли возможности сходить къ кому-либо изъ нихъ съ подарками. Они [1] приходили въ церковь ежедневно, по звонѣ въ колокола, послѣ шестого часа и выходили не раньше какъ по восьмомъ или по девятомъ часѣ, потому что службы продолжительны, особливо чтеніе каѳизмъ, при чемъ кладутъ всѣ поклоны до земли.

Глава II.

Москва.—Подарки отъ патріарха Макарія митрополитамъ Новгородскому и Ростовскому. О епархіяхъ и монастыряхъ. О слюдѣ.

Въ субботу мы пошли съ подаркомъ къ митрополиту Новгородскому, первому среди митрополитовъ. Насъ остановили у дверей, пока не испросили разрѣшенія, освѣдомившись и узнавъ, что̀ мы принесли съ собой. Тогда насъ ввели. Войдя къ нему, (мы увидали, что) ради насъ онъ былъ одѣтъ въ мантіи и клобукѣ и держалъ въ правой рукѣ посохъ. Онъ обернулся къ кіоту, предъ которымъ горѣла свѣча, и прочелъ *Достойно есть*, а его приближенные, въ отвѣтъ ему,—послѣ того какъ онъ поклонился имъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ, и онъ обернулся къ намъ — пропѣли: *Слава Отцу* до конца, затѣмъ *Господи помилуй* трижды и *Благослови владыко*. Онъ совершилъ отпустъ, мы поклонились ему и онъ насъ благословилъ. Мы передали ему благословеніе и привѣтъ отъ нашего владыки патріарха чрезъ царскаго переводчика, который постоянно насъ сопровождалъ. Митрополитъ сдѣлалъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, изъ уваженія къ нашему учителю, и мы ему также. Мы поднесли ему подарки, онъ цѣловалъ каждое блюдо и подъ конецъ сдѣлалъ нѣсколько поклоновъ, выражая благодарность. Затѣмъ онъ удалился во внутренніе покои и вынесъ намъ серебряныя иконы во имя своей каѳедральной церкви, которая въ честь св. Софіи, Премудрости Божіей, и еще милостыню копейками въ бумажкахъ. Мы помолились на иконы и поклонились ему, онъ опять благословилъ насъ и мы вышли.

Мы отправились также къ митрополиту Ростовскому. Онъ служилъ въ своей церкви, то-есть въ своемъ подворьѣ, и рукополагалъ дьякона и священника. Какъ мы сказали, всѣ двѣнадцать архіереевъ страны московской имѣютъ каждый жилище, дворецъ съ церковью, бояръ и служителей и уполномоченныхъ,

---

[1] „Они“ означаетъ здѣсь, вѣроятно, вообще русскихъ.

которые постоянно проживаютъ въ его дворцѣ. Митрополитъ Ростовскій продѣлалъ въ церкви то же (что и Новгородскій): кланялся и благодарилъ за дары нашего учителя и также далъ намъ иконы въ честь своей каѳедры, что во имя св. Леонтія, митрополита Ростовскаго, который былъ родомъ грекъ, а также трехъ другихъ митрополитовъ, бывшихъ послѣ него; ихъ тѣла сохранились до сихъ поръ и творятъ чудеса. Мы узнавали имя каѳедральной церкви архіерея только по иконамъ, которыя онъ раздавалъ и которыя также изображены на всѣхъ его облаченіяхъ: если это саккосъ, то икона вышита золотомъ на рукавахъ; равнымъ образомъ, на омофорѣ, палицѣ и епитрахили. Такія же иконы они подносятъ царю, какъ это у нихъ ведется, ибо обычаемъ возложено на нихъ пріѣзжать къ праздникамъ Рождества и Крещенія для поздравленія царя съ поднесеніемъ иконъ, послѣ чего они уѣзжаютъ. Пріѣзжаютъ также къ Пасхѣ.

Церковь митрополита Новгородскаго, какъ мы сказали, въ честь св. Софіи; митрополита Ростовскаго—во имя св. Леонтія и его преемниковъ. Митрополитъ Казани—второй (послѣ Новгородскаго); его каѳедральная церковь, какъ говорятъ, въ честь Благовѣщенія; (митрополита) Крутицкаго—въ честь Петра и Павла; архіепископа Рязанскаго—въ честь Успенія Владычицы также (какъ въ Москвѣ); архіепископа Тверского—въ честь Преображенія Господня; архіепископа Суздальскаго—въ честь Рождества Богородицы; архіепископа Вологодскаго—въ честь Успенія Владычицы; архіепископа Псковскаго—въ честь Троицы; епископа Коломенскаго—въ честь Успенія Владычицы; архіепископа Астраханскаго—также въ честь Успенія Богородицы; архіепископа Сибири—въ честь св. Софіи и Спаса, то-есть Спасителя. Вотъ имена каѳедръ ихъ, мною собранныя, дабы ты, читатель, увидѣлъ, какъ прекрасны церковные порядки въ этой странѣ.

Не только каждый изъ этихъ архіереевъ имѣетъ своего особаго иконописца, который пишетъ ему иконы для подарковъ, но и каждый архимандритъ извѣстнаго монастыря также имѣетъ собственнаго иконописца, всегда при немъ находящагося; и на его облаченіи, на поручахъ, епитрахили и палицѣ—(иконы) имени монастыря его. Кто посѣтитъ его, въ монастырѣ-ли, въ подворьѣ-ли, находящемся въ этомъ городѣ, тому онъ также даритъ икону въ честь своего монастыря. Каждый извѣстный монастырь въ этой странѣ имѣетъ подворье и своихъ особыхъ слугъ; говорятъ, Троицкій монастырь имѣетъ въ этомъ городѣ, 21 подворье: суди по этому объ остальномъ! Обрати вниманіе на эти обычаи и прекрасные порядки, кои мы наблюдали: какъ

они хороши! Но правду сказалъ нашъ владыка патріархъ, говоря: „всѣ эти обычаи существовали прежде и у насъ, во дни нашихъ царей, и мы ихъ утратили; они перешли къ этому народу и принесли у него плоды, коими онъ превзошелъ насъ“.

Нашъ владыка патріархъ спросилъ однажды патріарха Никона о числѣ всѣхъ монастырей въ Московскомъ государствѣ. Онъ отвѣтилъ: „болѣе трехъ тысячъ, кромѣ (тѣхъ, что) въ странѣ казаковъ“, и прибавилъ: „въ нашей странѣ есть три очень богатые монастыря, великія царскія крѣпости“. Первый—монастырь св. Троицы; онъ больше и богаче остальныхъ. Второй—монастырь св. Кирилла Новаго, въ подворьѣ котораго мы остановились; онъ извѣстенъ у нихъ подъ именемъ Кириллобѣлозерскаго, то-есть Бѣлаго озера. Говорятъ, что озеро господствуетъ надъ монастыремъ, но Божіею силою и попеченіемъ святого не вредитъ ему; вода его бѣла, какъ молоко. Монастырь больше и крѣпче Троицкаго, ибо три громадныя стѣны его сложены, какъ говорятъ, изъ огромныхъ дикихъ камней; а монастырь св. Троицы и его стѣны сдѣланы изъ кирпича и камня. Третій монастырь—Соловецкій, по-гречески *Соловка*. Онъ сооруженъ святыми Зосимой и Савватіемъ среди острова на морѣ-океанѣ, какъ мы сказали раньше. Говорятъ, что его стѣны громадны, неприступны и сложены изъ большихъ дикихъ камней; разсказываютъ, что эти святые заставили работать дьяволовъ надъ сооруженіемъ монастырскихъ стѣнъ. По этой-то причинѣ онѣ изумительны по своей необыкновенной прочности, и люди описываютъ ихъ съ удивленіемъ. Эти три монастыря возникли, при помощи Божіей, въ одно время и имъ уже болѣе 400 лѣтъ.

Въ этомъ Соловецкомъ монастырѣ есть рудникъ удивительнаго хрустальнаго камня. Его выламываютъ въ горѣ въ видѣ досокъ. Онъ походитъ на стопу бумажныхъ листовъ, лежащихъ одинъ на другомъ: его снимаютъ по-одиночкѣ, при чемъ онъ не ломается. [Его имя по-гречески *схистосъ*, а по-арабски *нажаръ-ат-талкъ* (камень раздѣленія). Этимъ именемъ называютъ его также татары и кизилбаши]. Изъ него дѣлаютъ въ этой странѣ все имъ потребное, напр., оконницы разнаго вида и размѣра. Персидскіе купцы вывозятъ ихъ во множествѣ, равно купцы франкскіе и греческіе и всякій, кто пріѣзжаетъ сюда, потому что этотъ камень имѣется только здѣсь. Одинъ изъ монаховъ этого монастыря намъ разсказывалъ, что между островомъ и материкомъ разстояніе 40—50 верстъ и что отъ материка течетъ въ морѣ отдѣльно рѣка прѣсной воды до самаго мона-

стыря, что изъ нея они берутъ воду для питья и что на ней ихъ мельницы подъ землей. Онъ разсказывалъ, что это море замерзаетъ, но никто по нему не ходитъ, потому что оно колышется отъ волнъ; такимъ образомъ путь къ монастырю зимою прекращается. Онъ разсказывалъ, что кругомъ острова есть башни, которыя препятствуютъ кораблямъ подходить къ нему: они не имѣютъ возможности войти, потому что кругомъ острова камни и весьма трудные проходы. Разсказывалъ, что и тамъ есть рудникъ хрусталя, что это огромная яма, которая наполняется водой; въ зимнее время они вычерпываютъ воду и наполняютъ яму дровами, разводя огонь въ теченіе двухъ недѣль; затѣмъ открываютъ яму на недѣлю для охлажденія; люди спускаются туда на дно, находятъ хрусталь на подобіе плитъ, лежащихъ одна на другой, и выносятъ его наверхъ.

[Что касается рыбьихъ зубовъ, то, какъ говорятъ, они получаются отъ морского животнаго, которое выходитъ (изъ воды) и сидитъ на льду. Московиты подходятъ къ нему и говорятъ: „гость пришелъ навѣстить тебя“, на что оно, разумѣется, не даетъ никакого отвѣта. Тогда они бьютъ его копьями, къ которымъ прикрѣплены мотки веревокъ, и какъ только животное побѣжитъ, его нѣсколько разъ притягиваютъ назадъ и, убивъ, вырываютъ его большіе зубы.]

Глава III.

Москва.—Торжественное служеніе патріарховъ въ Недѣлю Православія. Осужденіе иконъ новаго письма и двуперстія.

Въ первое воскресенье Великаго Поста, рано утромъ, нѣсколько разъ ударили въ большой колоколъ и въ другіе по порядку, дабы собрались въ (Успенскій) соборъ игумены монастырей, священники и діаконы вмѣстѣ со своими иконами, назначенные для участія въ имѣющемъ происходить большомъ торжествѣ, особомъ чинѣ и моленіи за царя. Позвонивъ немного въ большой колоколъ, дѣлаютъ маленькую остановку, а затѣмъ ударяютъ въ другіе колокола одинъ за другимъ по порядку.

Позднѣе, утромъ, трижды ударили во всѣ колокола разомъ—въ малые, большіе и въ самый большой, дѣлая въ промежуткахъ одиночные удары, такъ что казалось, будто весь городъ поколебался. Этотъ день у нихъ весьма почитается, и потому всѣ жители съ женами, дочерьми и малыми дѣтьми въ лучшей одеждѣ поспѣшили въ соборъ, съ усердіемъ и благоговѣніемъ

прикладываться къ иконамъ и мощамъ святыхъ. Таковъ ихъ обычай изъ года въ годъ. Большая часть русскихъ прикладываются къ иконамъ только въ этотъ день. Женщины, когда лобызаютъ иконы, снимаютъ свои мѣховыя шапки, подъ которыми онѣ носятъ родъ бѣлыхъ повязокъ, плотно прилегающихъ къ головѣ.

По приглашенію царя, нашъ владыка патріархъ отправился (въ соборъ) въ царскихъ саняхъ, въ которыхъ и мы помѣстились вмѣстѣ съ нимъ. Въ третьемъ часу (около 10 часовъ утра) прибылъ патріархъ (Никонъ). У нихъ принято, что дьяконы въ праздники, подобные сегодняшнему, надѣвъ стихари [1], отправляются въ патріаршія палаты съ большими свѣчами въ рукахъ и идутъ предъ патріархомъ, поя тропарь, положенный на этотъ день, а другіе, окружая патріарха, ведутъ его подъ руки и поддерживаютъ концы его мантіи. Архидіаконъ и протодіаконъ еще ранѣе патріарха пошли въ соборъ; надѣвъ стихари, они вышли изъ алтаря и встрѣтили его съ кадилами. Затѣмъ онъ поднялся на патріаршее мѣсто и молился, дѣлая поясные поклоны, пока не окончили „Достойно есть“ и пѣвчіе не пропѣли ему многолѣтія. Онъ благословилъ народъ трикиріями, сошелъ, привѣтствовалъ нашего учителя, и всѣ пошли, по обычаю, прикладываться къ иконамъ, къ мощамъ святыхъ, къ ковчегу съ ризою Спасителя, къ алтарю, ко кресту, евангелію и жертвеннику. Затѣмъ мы вышли изъ алтаря и облачили ихъ. Они благословили народъ, и мы вышли вмѣстѣ съ ними чрезъ южныя двери (собора) для встрѣчи царя.

Царь шествовалъ въ царскомъ облаченіи и коронѣ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ. Священники и архимандриты съ иконами изъ кремлевскихъ церквей показались со стороны Благовѣщенскаго собора и попарно шли предъ царемъ. Подойдя (къ Успенскому собору), всѣ они стали въ рядъ предъ дверьми. Патріархъ Никонъ, взявъ кадильницу, окадилъ сначала иконы по-одиночкѣ, затѣмъ нашего учителя, потомъ царя и вельможъ его, наконецъ архіереевъ и священниковъ. Снявъ митру, онъ приложился ко всѣмъ иконамъ по порядку; то же сдѣлалъ нашъ учитель, а затѣмъ царь, который былъ съ открытою головой. Потомъ оба патріарха благословили царя, и мы вошли въ храмъ. Никонъ

---

[1] Въ подлинникѣ здѣсь стоитъ отрицаніе *не*, но мы думаемъ, что оно попало по ошибкѣ переписчика, ибо едва ли дьяконы могли быть безъ стихарей, когда они шли со свѣчами въ рукахъ предъ патріархомъ, облаченнымъ въ мантію.

взошелъ на свое мѣсто, учитель нашъ сталъ по правую его руку, а архіереи и священники размѣстились по обѣимъ сторонамъ, по обычаю. Архимандриты и священники, несшіе иконы, стали въ рядъ предъ патріархами съ восточной стороны. Когда царь по обычаю приложился къ иконамъ, при чемъ пѣвчіе пѣли ему „многая лѣта“, онъ подошелъ къ патріархамъ и поклонился имъ, а они въ отвѣтъ поклонились царю, благословили его, окропили святою водой, а свиту его издали, и по обыкновенію поднесли ему крестъ для цѣлованія, послѣ чего онъ сталъ на свое обычное мѣсто у колонны.

Патріархъ Никонъ предложилъ нашему учителю рукоположить священника и діакона (что̀ имъ потомъ и было совершено).

Послѣ часовъ началась обѣдня, и мы вошли въ алтарь. Въ этотъ день съ патріархомъ служили пять архіереевъ: митрополитъ Новгородскій и архіепископы Рязанскій и Вологодскій по правую его руку, а противъ нихъ съ лѣвой стороны митрополитъ Ростовскій и архіепископъ Тверской, имѣя во главѣ архіепископа Сербскаго. Каждый разъ, когда служитъ патріархъ, вмѣстѣ съ нимъ служатъ четыре архимандрита въ митрахъ со своими діаконами: первый — архимандритъ Чудова монастыря, второй— Новоспасскаго, третій—Симонова и четвертый—Андроньева. Съ нимъ служатъ также протопопъ этой церкви (Успенскаго собора) и протопопъ Архангельскаго собора съ младшими священниками (этихъ соборовъ). Дьяконовъ и иподьяконовъ служитъ съ нимъ болѣе сорока, такъ какъ при патріаршей литургіи у нихъ бываетъ большое торжество,—все равно, хотя бы это служеніе происходило въ будничный день. Всѣ упомянутыя лица должны при этомъ находиться.

Окадивъ престолъ кругомъ, патріархъ вышелъ и окадилъ царя. Передъ пѣніемъ Трисвятаго вышелъ архидіаконъ и поднялся на амвонъ, гдѣ экклесіархъ поставилъ для него покрытый пеленою аналой. Открывъ Тріодь, онъ сталъ читать синаксарій [1] этого дня пріятнымъ густымъ басомъ, такъ какъ они читаютъ синаксарій не на утрени, а теперь: по этой причинѣ и было устроено такое торжественное собраніе. Онъ читалъ слово за словомъ ровнымъ и тихимъ голосомъ, пока не дошелъ до святыхъ, участ-

---

[1] По книгѣ священника Константина Никольскаго: „Анаѳематствованіе, совершаемое въ первую недѣлю Великаго Поста“, гдѣ обстоятельно изложено историческое изслѣдованіе чина Православія, вторая часть этого чина, которую обыкновенно читаетъ протодіаконъ, называется синодикомъ. Названіе же синаксарій у него не упоминается.

никовъ собора противъ иконоборцевъ. Произнося имя каждаго изъ нихъ, онъ останавливался, и тогда священники въ алтарѣ и всѣ служащіе пѣли трижды: „буди память ихъ вѣчной!“ а пѣвчіе на клиросахъ отвѣчали имъ, повторяя то же три раза. Когда архидіаконъ возглашалъ имя святого, соборный чередной священникъ вмѣстѣ съ дьяконами подходилъ съ иконой святого къ патріарху, который дѣлалъ передъ ней поклонъ и прикладывался; то же дѣлалъ нашъ учитель. Потомъ выходили съ тою же иконой къ царю, который также дѣлалъ поклонъ и лобызалъ ее. Царь стоялъ предъ патріаршимъ мѣстомъ съ открытою головой, держа правую руку за пазухой по причинѣ холода.

Знай, что въ этой великой церкви, а также въ соборахъ Архангельскомъ и Благовѣщенскомъ и во многихъ большихъ церквахъ и монастыряхъ находятся ковчеги на подобіе книги, крытые бархатомъ или парчой, посеребренные и позолоченные Они заключаютъ въ себѣ 12 изящныхъ иконъ на тоненькихъ дощечкахъ; на каждой иконѣ съ обѣихъ сторонъ изображены святые одного мѣсяца; или ковчегъ заключаетъ въ себѣ шесть образовъ, и тогда на каждой сторонѣ образа бываетъ изображеніе святыхъ одного мѣсяца. Эти ковчеги именуются годовыми, ибо въ нихъ заключаются иконы всѣхъ святыхъ, коихъ память совершается въ теченіе дней года, со всѣми господскими праздниками, семью (вселенскими) соборами и иными праздниками и святыми, греческими и русскими. Въ каждой церкви имѣется не одинъ такой ковчегъ, но три и четыре, разныхъ видовъ и размѣровъ. Они хранятся на полкахъ аналоевъ, покрытыхъ пеленой и стоящихъ передъ дверьми алтарей. Экклесіархъ вынимаетъ икону каждаго мѣсяца и кладетъ ее лицевою стороною (на аналой), оставляя до конца мѣсяца. Послѣ того вынимаетъ другую Передъ ней всегда стоитъ свѣча.

Въ церквахъ находятся не только эти годовые образа, сложенные какъ листы въ книгѣ одинъ на другомъ, но еще большая икона, раздѣленная на 12 частей, и каждая часть заключаетъ образа всѣхъ святыхъ и праздниковъ одного мѣсяца. Кто изъ усердія пожелаетъ поставить свѣчу святому или празднику, втыкаетъ ее передъ нимъ на желѣзный подсвѣчникъ, который можно поднимать, опускать и повертывать такъ, чтобы свѣча приходилась предъ желаемымъ образомъ. Непремѣнно противъ этого образа на противоположной колоннѣ должна быть такая же икона съ изображеніемъ акаѳиста (Божіей Матери), то-есть 24 похвалъ, кои читаются вечеромъ на субботу пятой недѣли Великаго Поста.

Возвращаемся къ нашему предмету. Послѣ того какъ поднесли образъ для лобызанія царю, съ нимъ возвращались въ алтарь и подносили его для цѣлованія архіереямъ и всему служащему духовенству. Это дѣлали при упоминаніи имени каждаго святого, возглашая трижды въ одинъ голосъ: „буди память его вѣчной!“ Такъ продолжалось, пока не кончили возглашеніе именъ нашихъ святыхъ и не начали возглашать имена своихъ новыхъ святыхъ. При этомъ, какъ и раньше, подносили для поклоненія иконы своихъ святыхъ. Когда поминали имена Новгородскихъ святыхъ, выходилъ митрополитъ Новгородскій съ ихъ образами и подносилъ для цѣлованія патріархамъ и царю, а также всѣмъ служащимъ, какъ бы гордясь святыми своего города. То же дѣлалъ митрополитъ Ростовскій и другіе. При этомъ архидіаконъ, помянувъ имя святого, возглашалъ: „буди память его вѣчною!“ трижды, а священники и служащіе вмѣстѣ съ пѣвчими пѣли то же три раза. Потомъ онъ поминалъ имена греческихъ царей, причисленныхъ къ лику святыхъ, затѣмъ сталъ поминать имена всѣхъ своихъ царей (да помилуетъ ихъ всѣхъ Богъ и да сдѣлаетъ насъ участниками ихъ блаженства!), кои царствовали въ теченіе столь долгаго времени, болѣе 700 лѣтъ, какъ мы упомянули раньше. Среди нихъ не появилось ни одного иконоборца, ни еретика, но всѣ они были святые, какъ мы это усмотрѣли изъ изображеній и изъ исторіи ихъ жизни, не такъ, какъ большинство греческихъ царей, которые опозорили свое царство (да не окажетъ имъ Господь никакого милосердія!) гоненіемъ на иконы, тайными интригами, нововведеніями и инымъ. Когда мы смотрѣли на изображеніе семи вселенскихъ соборовъ, на тѣхъ царей-еретиковъ и иконоборцевъ, низвергаемыхъ въ адъ, одному Богу вѣдомо, какъ намъ становилось совѣстно предъ московитами, предъ ихъ царемъ и вельможами, ибо они съ презрѣніемъ говорили о греческихъ царяхъ и объ ихъ царствѣ: „взгляните на этихъ царей, отъ которыхъ мы получили свѣтъ истинной вѣры: какъ они поступали со святою церковью Божіей въ гоненіи на св. иконы и какъ ихъ поступки были гнусны и жестоки! какъ они терзали патріарховъ, архіереевъ и весь церковный клиръ вмѣстѣ съ праведниками и святыми аскетами, хуже чѣмъ поступали идолопоклонники, каковы Діоклетіанъ, Максиміанъ и другіе“. И развѣ иначе поступали греческіе цари, когда они отдавали вѣрующихъ во власть враговъ вѣры, какъ дѣлалъ это Левъ Армянинъ и другіе цари, погонщикиословъ и конопатчики кораблей и т. п., происходившіе не изъ царскаго дома и не изъ царскаго рода? Не лучше поступали и царицы,

въ родѣ Евдоксіи съ ея единомышленниками, которая заточила Златоуста и ради своихъ низкихъ цѣлей поступала съ церковью Божіею такъ, какъ не поступали въ свое время язычники. Такъ же дѣйствовали и другія царицы, кои бросали своихъ мужей, законныхъ царей, умерщвляли ихъ и выходили за другихъ, возводя этихъ послѣднихъ на престолъ, какъ разсказываетъ о томъ новая греческая исторія. О, если бы она не сообщала извѣстій объ ихъ гнусныхъ поступкахъ, объ ихъ глупыхъ забавахъ на царствѣ, одно упоминаніе о которыхъ бросаетъ въ краску юношу!

Вслѣдствіе только-что указанныхъ и иныхъ недостатковъ и пороковъ грековъ, кои всегда и вездѣ они обнаруживаютъ, мы рѣшительно нигдѣ не находили людей, имъ симпатизирующихъ, какъ мы въ этомъ убѣдились собственными глазами. Такъ, въ Молдавіи притѣсненія и неправосудіе сановниковъ (господаря) Василія вызвали возстаніе всего народа, который изгналъ Василія, перебилъ его клевретовъ и разграбилъ ихъ имущество. То же самое, какъ мы слышали, нынѣ случилось съ ними во всей Валахіи. Казаки, какъ мы замѣтили, также ихъ не любятъ. Московиты же принимаютъ ихъ только изъ состраданія, ради оказанія имъ пособій. Сколькихъ изъ нихъ они послали въ ссылку въ Сибирь и въ монастыри мрачнаго (сѣвернаго) моря! Сколькихъ не пустили и вернули назадъ воеводы Путивля! И всему этому причиной обиліе ихъ пороковъ и огромность творимаго ими зла. Въ странахъ франкскихъ не могутъ слышать равнодушно и самаго имени грековъ, говоря, что они чрезъ свое дурное управленіе потеряли свое царство и помогали туркамъ, когда тѣ покорили ихъ, противъ другихъ государствъ. О, что это за народъ! какъ гнусны его поступки! Если такъ дѣйствовали въ древности ихъ цари, то нечего удивляться теперь ихъ низкимъ поступкамъ всюду, гдѣ бы они и ихъ архіереи ни находились. Богъ да будетъ милостивъ къ намъ и къ нимъ! Мы говоримъ это не въ осужденіе имъ, но такъ мы слышали о нихъ вездѣ, куда бы ни приходили, и сами отъ нихъ видѣли множество скверныхъ поступковъ. Однакожъ, они имѣютъ и похвальныя качества, кои выражаются въ ихъ привязанности къ своимъ архіереямъ, монахамъ и священникамъ. Они видятъ ихъ пороки, видятъ, что патріархи однихъ низлагаютъ, другихъ убиваютъ, а иныхъ топятъ, но они все это прикрываютъ и оказываютъ имъ подобающій ихъ сану почетъ. Даже когда ихъ архіереи, священники и монахи уклоняются отъ правой вѣры, что многіе дѣлаютъ чуть не ежедневно, они остаются твердыми

въ вѣрѣ и не осуждаютъ свое духовенство, ни бѣлое, ни черное. Они имѣютъ много другихъ такихъ же хорошихъ качествъ, за которыя мы всегда ихъ хвалили въ подобныхъ обстоятельствахъ. И за то, что они мало осуждаютъ, и мало между ними такихъ, кои слѣдятъ за поступками своего духовенства, люди умные и дальновидные предпочитаютъ ихъ намъ.

Возвращаемся къ предмету нашей рѣчи. Архидіаконъ поминалъ имена всѣхъ царей и царицъ съ ихъ дѣтьми съ того времени, когда они сдѣлались христіанами, до Михаила, отца нынѣшняго царя, и при возглашеніи каждаго имени пѣли, повторяя три раза: „буди память его вѣчной!“ Затѣмъ стали поминать имена воеводъ и ратниковъ, убитыхъ подъ Смоленскомъ и въ другихъ сраженіяхъ въ этомъ году; ихъ причисляютъ къ лику святыхъ и мучениковъ, ибо они воевали за правую вѣру. При возглашеніи ихъ именъ то же пѣли три раза.

Когда возглашали имена еретиковъ—патріарховъ, священниковъ и иныхъ—и царей-иконоборцевъ, пѣли для каждаго изъ нихъ трижды: „анаѳема“, и проклинали ихъ вмѣстѣ со всѣми франкскими исповѣданіями и армянами, пока не перечислили всѣхъ [1].

Тогда архидіаконъ возгласилъ многолѣтіе царю, произнося его имя и царскій титутъ такъ: „Господь Богъ да даруетъ многая лѣта царю могущественному, тишайшему, Богомъ вѣнчанному, славѣ православныхъ, Богомъ хранимому, величайшему изъ царей и князей, царю Московитовъ и всѣхъ странъ Великой и Малой Россіи, царю Казанскому, царю Астраханскому, царю Сибирскому, великому господину [2] Новгорода и князю Псковскому“. Когда

---

[1] Въ совершаемомъ нынѣ въ Россіи чинѣ Православія предаются анаѳемѣ лишь древнія ереси и ересіархи, каковы: Арій, Несторій, Евтихій и др., осужденные на семи вселенскихъ соборахъ. Неупоминаніе Армянъ при анаѳематствованіи было тѣмъ болѣе желательнымъ, что, какъ доказали послѣднія изслѣдованія Хіосскаго митрополита Григорія и знатока армянской богословской литературы, покойнаго Н. О. Эмина, особенно въ его переводѣ на русскій языкъ „Шараканъ, то-есть богослужебные каноны и пѣсни армянской восточной церкви“, мнѣнія отдѣльныхъ армянскихъ католикосовъ или даже помѣстныхъ соборовъ, несогласныя съ ученіемъ Православной Церкви, „никогда не имѣли обязательнаго значенія для всѣхъ послѣдователей армянской церкви“, но составляли личный ихъ взглядъ на тотъ или другой предметъ, такъ какъ въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, сложенныхъ между V и VIII вѣками, непремѣнно отразилось бы монофизитское ученіе, еслибы таковое составляло общее вѣрованіе армянской церкви.

[2] Въ подлинникѣ употреблено слово *эфенди*, что̀ по-гречески значитъ: господинъ.

архидіаконъ окончилъ это возглашеніе, священники и всѣ служащіе пропѣли хоромъ въ алтарѣ весь этотъ титулъ сполна. То же самое пропѣли пѣвчіе на клиросѣ. Это они называютъ многолѣтіемъ. Во все это время царь стоялъ на ногахъ предъ патріаршимъ мѣстомъ. По окончаніи многолѣтія, патріархъ вышелъ къ царю, поздравилъ его и пожелалъ ему много лѣтъ здравствовать. То же сдѣлалъ нашъ владыка патріархъ и чрезъ переводчика выразилъ царю свои благожеланія. Вышли архіереи и слѣлали то же. Затѣмъ архидіаконъ, произнося титулъ царицы Маріи, возгласилъ ей многолѣтіе, которое также было пропѣто служащимъ духовенствомъ и пѣвчими. Затѣмъ онъ возгласилъ имя сына ихъ Алексія, при чемъ было сдѣлано то же. Потомъ возгласилъ имена трехъ сестеръ царя съ ихъ титулами: Ирины, Анны и Татьяны Михаиловны, и это также пропѣли въ алтарѣ и на клиросахъ. Послѣ того возгласилъ имена трехъ дочерей царя: Евдокіи, Маѳы и Анны Алексѣевны. При этомъ патріархи опять выходили къ царю и, выразивъ ему свои благожеланія, возвратились въ алтарь.

Помянувъ имена шести патріарховъ, предшествовавшихъ Никону, архидіаконъ возгласилъ титулъ патріарха Никона, и это пропѣли служащіе въ алтарѣ и пѣвчіе на клиросѣ. Это составляетъ многолѣтіе Никону. По окончаніи его, царь подошелъ къ патріарху, ставъ противъ дверей алтаря, поздравилъ его, пожелалъ долголѣтія и поклонился ему, на что патріархъ отвѣтилъ также поклономъ. Царь поцѣловалъ у него правую руку, а патріархъ поцѣловалъ царя въ голову, по обыкновенію. Также поздравилъ его нашъ владыка патріархъ вмѣстѣ со всѣми служащими архіереями, священниками и діаконами, которые дѣлали при этомъ поклонъ.

Затѣмъ царь подошелъ къ архидіакону и приказалъ возгласить многолѣтіе патріарху Антіохійскому, попросивъ на то дозволенія у патріарха Никона. Такъ и было сдѣлано. По возглашеніи имени патріарха пропѣли это въ алтарѣ и на клиросѣ.

Тогда царь подошелъ къ нашему учителю предъ двери алтаря, выразилъ ему благожеланія и поздравилъ его (да продлитъ Господь Богъ дни царя и да пошлетъ ему счастіе и успѣхъ!) Только чрезъ переводчика мы могли узнать содержаніе его словъ. Потомъ онъ поклонился нашему учителю, который отвѣтилъ также поклономъ; царь поцѣловалъ у него правую руку, а тотъ облобызалъ царя въ голову, по обыкновенію. Также поздравляли его патріархъ Никонъ и служащіе архіереи, священники и діаконы

Затѣмъ архидіаконъ возглашалъ имена участвовавшихъ въ служеніи архіереевъ, съ поименованіемъ ихъ каѳедръ, и иныхъ отсутствующихъ архіереевъ земли московской. Имъ также пѣли пѣвчіе, при чемъ служащіе архіереи выходили и кланялись царю и патріархамъ, поздравляя другъ друга.

Потомъ возглашалъ имена присутствовавшихъ архимандритовъ, съ поименованіемъ ихъ монастырей, и многолѣтіе всѣмъ архимандритамъ и игуменамъ монастырей земли московской, и то же было имъ пропѣто. Потомъ возглашалъ многолѣтіе священникамъ всей земли русской, и это было пропѣто; затѣмъ многолѣтіе всѣмъ вельможамъ царя, его воинству и палатѣ и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Имъ пропѣли то же самое. Этимъ и закончили.

Мы были удивлены всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ при этихъ обрядахъ и порядкахъ, которые приводятъ умъ въ изумленіе. Мы забывали усталость отъ долгаго стоянія на ногахъ и сильный холодъ, утѣшаясь радостью, испытываемой нами отъ всего, что мы видѣли и слышали, а также способомъ чтенія архидіакона, который читалъ голосомъ низкимъ, густымъ, мягкимъ, сладостнымъ, размягчающимъ сердце. Всѣ они такъ читаютъ, также и греки, не такъ, какъ мы – высокимъ голосомъ. Патріархъ и священники тоже читаютъ голосомъ низкимъ, трогающимъ душу, такъ что ихъ возгласы бываютъ слышны только стоящимъ на хоросѣ [1]. Таковъ ихъ обычай, и какой это прекрасный обычай!

Затѣмъ при пѣніи Трисвятаго патріархи осѣнили народъ, по обыкновенію, и мы окончили обѣдню, во время которой нашъ учитель рукоположилъ іерея и діакона.

Во время служенія царь стоялъ то на царскомъ мѣстѣ, то предъ патріаршимъ мѣстомъ, то въ ризницѣ въ алтарѣ, гдѣ смотрѣлъ на служащихъ при священнодѣйствіи.

Когда престолъ былъ покрытъ, патріархъ Никонъ вышелъ и поднялся на амвонъ, а мы и прочіе служащіе размѣстились вокругъ него. Мало ему было этой продолжительной службы и стоянія на ногахъ до наступившей уже вечерней поры, но вотъ діаконы открыли передъ нимъ Сборникъ отеческихъ бесѣдъ, по которому онъ сталъ читать положенную на этотъ день бесѣду объ иконахъ. Онъ читалъ не только медленно, но еще со многими поученіями и поясненіями, при чемъ царь и всѣ присутствующіе мужчины, женщины и дѣти стояли все время съ открытыми головами при

[1] Пространство между архіерейскимъ мѣстомъ и амвономъ.

такомъ сильномъ холодѣ, соблюдая полное спокойствіе, молчаніе и тишину. Во время проповѣди Никонъ велѣлъ принести иконы старыя и новыя, кои нѣкоторые изъ московскихъ иконописцевъ стали рисовать по образцамъ картинъ франкскихъ и польскихъ. Такъ какъ этотъ патріархъ отличается чрезмѣрною крутостью нрава и приверженностью къ греческимъ обрядамъ, то онъ послалъ своихъ людей собрать и доставить къ нему всѣ подобныя иконы, въ какомъ бы домѣ ни находили ихъ, даже изъ домовъ государственныхъ сановниковъ, что̀ и было исполнено. Это случилось лѣтомъ предъ появленіемъ моровой язвы. Никонъ выкололъ глаза у этихъ образовъ, послѣ чего стрѣльцы, исполнявшіе обязанность царскихъ глашатаевъ, носили ихъ по городу, крича: „кто отнынѣ будетъ писать иконы по этому образцу, того постигнетъ примѣрное наказаніе“. Это происходило въ отсутствіе царя.

Такъ какъ всѣ московиты отличаются большою привязанностью и любовью къ иконамъ, то они не смотрятъ ни на красоту изображенія, ни на искусство живописца, но всѣ иконы, красивыя и некрасивыя, для нихъ одинаковы: они всегда ихъ почитаютъ и поклоняются имъ, даже если икона представляетъ набросокъ на бумагѣ или дѣтскій рисунокъ. У всѣхъ ратниковъ безъ исключенія непремѣнно имѣется на груди красивый образъ въ видѣ тройного складня, съ которымъ онъ никогда не разстается и, гдѣ бы ни остановился, ставитъ его на видномъ мѣстѣ и поклоняется ему. Таковъ ихъ обычай, какъ мы это сами видѣли.

Видя, какъ патріархъ поступалъ съ иконами, подумали, что онъ сильно грѣшитъ, пришли въ смущеніе и волненіе и сочли его противникомъ иконъ. Въ это время случилась моровая язва и солнце померкло передъ закатомъ 2-го августа. Они подумали: „все случившееся съ нами есть гнѣвъ Божій на насъ за надругательство патріарха надъ иконами“. Образовались скопища, враждебныя патріарху, которыя покушались убить его, ибо царя въ это время не было въ Москвѣ и въ городѣ оставалось мало войска. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда было получено патріархомъ повелѣніе отъ царя увезти царицу со всею семьей въ Троицкій монастырь, дабы она тамъ оставалась во избѣжаніе моровой язвы. Они уѣхали, и царица пробыла въ Троицкомъ монастырѣ до наступленія рождественскаго поста. Патріархъ же, разставшись съ нею, провелъ все это время въ горахъ и лѣсахъ, скрываясь отъ лютости моровой язвы, удаляясь отъ людей, проживая въ палаткѣ подъ дождемъ

и снѣгомъ, не имѣя себѣ иного утѣшенія кромѣ огня. Такъ какъ у нихъ болѣе ста лѣтъ не было моровой язвы, то они сильно испугались. Большинство вельможъ также бѣжали изъ города, и по Промыслу Божію большая часть ихъ уцѣлѣла. Царь, пріѣхавъ изъ Смоленска въ Вязьму, послалъ повелѣніе патріарху прибыть къ нему съ царицей. Они отправились и оставались тамъ, пока не прекратилась язва въ Москвѣ, какъ объ этомъ мы раньше упомянули.

Въ этотъ день патріарху представился удобный случай для бесѣды въ присутствіи царя, и онъ много говорилъ о томъ, что такая живопись, какова на этихъ образахъ, недозволительна. При этомъ онъ сослался на свидѣтельство нашего владыки патріарха и въ доказательство незаконности новой живописи указывалъ на то, что она подобна изображеніямъ франковъ. Патріархи предали анаѳемѣ и отлучили отъ церкви и тѣхъ, кто станетъ изготовлять подобные образа, и тѣхъ, кто будетъ держать ихъ у себя. Никонъ бралъ эти образа правою рукою одинъ за другимъ, показывалъ народу и бросалъ ихъ на желѣзныя плиты пола, такъ что они разбивались, и приказалъ ихъ сжечь. Царь стоялъ близъ насъ съ открытою головой, съ видомъ кроткимъ, въ молчаніи внимая проповѣди. Будучи человѣкомъ очень набожнымъ и богобоязненнымъ, онъ тихимъ голосомъ сталъ просить патріарха, говоря: „нѣтъ, отче, не сожигай ихъ, но пусть ихъ зароютъ въ землю“. Такъ и было сдѣлано.

Никонъ, поднимая правою рукой икону, всякій разъ при этомъ восклицалъ: „эта икона изъ дома вельможи такого-то, сына такого-то“, т. е. царскихъ сановниковъ. Цѣлью его было пристыдить ихъ, такъ чтобы остальной народъ, видя это, принялъ себѣ въ предостереженіе. Послѣ того Никонъ сталъ говорить о крестномъ знаменіи, ибо русскіе не крестятся подобно намъ сложенными тремя пальцами, но складываютъ ихъ подобно какъ архіерей, когда онъ благословляетъ. При этомъ Никонъ также сослался на свидѣтельство нашего владыки патріарха. Объ этомъ предметѣ нашъ учитель еще раньше говорилъ Никону, что такое крестное знаменіе недозволительно; и теперь всенародно чрезъ переводчика сказалъ слѣдующее: „въ Антіохіи, а не въ иномъ мѣстѣ, вѣрующіе во Христа (впервые) были именованы христіанами. Оттуда распространились обряды. Ни въ Александріи, ни въ Константинополѣ, ни въ Іерусалимѣ, ни на Синаѣ, ни на Аѳонѣ, ни даже въ Валахіи и Молдавіи, ни въ землѣ казаковъ никто такъ не крестится, но всѣми тремя пальцами вмѣстѣ“.

Послѣ этого Никонъ совершилъ отпустъ. Патріархи вышли къ царю, поздравили его и благословили. Въ предшествіи иконъ царь вышелъ въ южныя двери собора, чрезъ которыя онъ возвращается въ свой дворецъ. Лица, несшія иконы, стали въ рядъ вокругъ него. Патріархъ окадилъ иконы и, снявъ митру, приложился къ каждой отдѣльно; то же сдѣлалъ нашъ учитель, а затѣмъ царь, и патріархи благословили его.

По правую и лѣвую сторону царя находились двое юношей, родные братья; мы узнали по ихъ лицамъ, что они татары. Они дѣти султана Сибирскаго. Ихъ дѣдъ уступилъ свою страну царю Іоанну безъ войны, по мирному соглашенію. Царь оставилъ ему власть, обязавъ его платить ежегодную дань. Изъ его потомства въ настоящее время остались эти два брата. Царь вызвалъ ихъ къ себѣ и ласками, увѣщаніями, дарами и милостями обратилъ ихъ въ христіанство. Патріархъ ихъ окрестилъ, а царь былъ воспріемникомъ. [Ихъ имена прежде были Мухаммедъ и Ахмедъ, а теперь ихъ зовутъ Іоаннъ и Алексій]. Глядя на нихъ, мы дивились ихъ чрезвычайному сходству. Они—самые приближенные къ царю. Мы сказали себѣ: кто повѣритъ, что дѣти діавола сдѣлаются сынами Божіими? О, какъ это изумительно! Исполать нашимъ очамъ за то, что они видѣли, и нашимъ ушамъ за то, что они слышали!

Затѣмъ лица, несшія иконы, пошли передъ царемъ при звонѣ всѣхъ колоколовъ. Мы же вернулись въ алтарь и сняли свои облаченія. Патріархи простились другъ съ другомъ, и мы въ саняхъ возвратились въ свой монастырь, пораженные и изумленные выносливостью и усердіемъ, присущими этому народу отъ царя до малыхъ дѣтей, ибо мы вошли въ церковь, послѣ того какъ часы пробили три, а вышли только въ десятомъ часу; такимъ образомъ мы простояли съ ними на ногахъ цѣлые семь часовъ на желѣзномъ полу, при сильномъ холодѣ и пронизывающей сырости. Но мы почерпали себѣ отраду въ томъ, что̀ видѣли у этого народа. Мало было патріарху продолжительной службы и длиннаго синаксарія: онъ еще прибавилъ въ концѣ проповѣдь и многія поученія. Богъ да дастъ ему чувство мѣры! онъ не пожалѣлъ царя, ни даже нѣжныхъ дѣтей.

Я хотѣлъ бы знать, что̀ бы у насъ сказали и стали ли бы такъ терпѣть... Но нѣтъ сомнѣнія, что Творецъ (да будетъ прославлено имя Его!) даровалъ русскимъ царство, котораго они достойны и которое имъ приличествуетъ, за то, что всѣ заботы ихъ духовныя, а не тѣлесныя. Таковы всѣ они.

Царь и патріархъ прислали намъ кушанья, но только-что мы сѣли за столъ, полумертвые отъ усталости и пораженные изумленіемъ, какъ ударили къ вечернѣ...

Глава IV.

Москва.—Огорченіе по поводу рѣшеннаго отъѣзда царя. Заупокойное служеніе патріарховъ въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Возвращаемся (къ разсказу). На этой недѣлѣ царь отправилъ шестерыхъ бояръ и съ ними, какъ мы удостовѣрились, болѣе 300.000 войска. Распространилась молва о томъ, что и самъ онъ уѣдетъ вскорѣ послѣ нихъ, такъ какъ онъ сильно разгнѣвался, когда получилъ два извѣстія: первое—о нечаянномъ нападеніи проклятаго Радзивила на городъ Могилевъ, второе—о томъ, что произошло въ странѣ казаковъ: о разореніи, плѣненіи, убійствахъ и поджогахъ. Особливо же (онъ рѣшилъ ѣхать), когда увидѣлъ присланныхъ Хмелемъ плѣнныхъ татаръ, ляховъ, венгровъ, молдаванъ и нѣмцевъ, и когда сообщили ему, какъ Богъ даровалъ Хмелю побѣду, благодаря величію царя и страху предъ его именемъ. Мы не вѣрили скорому отъѣзду царя, потому что онъ не пробылъ еще и мѣсяца въ столицѣ; но когда убѣдились въ этомъ, то наша радость по случаю его прибытія улетѣла, а наша печаль и наше огорченіе по поводу его отъѣзда усилились. Мы начали изъ глубины сердца возносить мольбы противъ врага Бога и христіанъ, Радзивила, какъ прежде проклинали Стефана, господаря Молдавіи, ибо, несомнѣнно, Творецъ воздвигъ этихъ двухъ людей въ наказаніе христіанамъ и ради умноженія нашей печали, огорченія и разстройства, кои заставили насъ бѣжать изъ своей страны и неотлучно намъ сопутствовали. Одно (огорченіе), что, какъ мы насчитали, изъ-за Стефана, во время мятежа, поднятаго имъ противъ Василія, до „безмятежнаго“ вступленія его на престолъ, было убито болѣе ста тысячъ христіанъ изъ молдаванъ, валаховъ, венгровъ, грековъ, сербовъ, болгаръ, арнаутовъ, турокъ, арабовъ, татаръ, поляковъ, казаковъ и иныхъ народовъ. Мы плакали изъ-за этого, но плакали и изъ-за того, что не дано намъ было сроку всего въ пятнадцать дней, отъ четверга вербной недѣли до четверга пасхальной, когда Василій обѣщалъ намъ всякихъ благъ: уплату долговъ, архіерейское облаченіе съ дорогой митрой и пр., и если бы мы отпраздновали Пасху вмѣстѣ съ нимъ, то всѣмъ этимъ воспользовались бы; онъ отправилъ бы насъ сюда безъ хлопотъ и затрудненій (для насъ), и мы навѣрно вернулись бы (теперь) въ свою

страну, а не оставались такъ долго здѣсь. Другое (огорченіе), что этотъ проклятый Радзивилъ теперь выступилъ и возбудилъ спящій гнѣвъ царя, у котораго въ мысляхъ было отпраздновать Пасху здѣсь, и мы уже радовались, что онъ отпуститъ насъ, устроивъ наши дѣла: вѣдь, мы едва вѣрили себѣ, что видимъ его собственными глазами. Господи нашъ! воззри на наше положеніе! Доколѣ Ты будешь отвращать отъ насъ свои взоры? Но мы благодарны Тебѣ, Господи Боже нашъ, за всякое положеніе. Не успѣли мы порадоваться, что избѣжали непріятностей (испытанныхъ) въ Молдавіи, а онѣ не покидаютъ насъ и до сихъ поръ. Пошли, Боже, Радзивилу немощь и болѣзнь, продолжительныя въ такой мѣрѣ, въ какой онъ повинненъ въ крови тысячей народа и въ какой омрачилъ теперь нашу жизнь, о Творецъ! и за то еще, что этотъ проклятый былъ, какъ мы сказали, причиною всѣхъ теперешнихъ золъ, этотъ неудачникъ, не имѣющій ни силы, ни счастья на войнѣ, ни свободнаго поприща. Когда царь пошелъ на Смоленскъ болѣе чѣмъ съ 600 тысячъ, этотъ важный господинъ явился для отраженія его съ тридцатью тысячами. Передовые отряды царскаго войска, столкнувшись съ ними, тотчасъ разсѣяли мечомъ ихъ сборище. Да и какъ могло быть иначе? тридцать тысячъ пришли воевать съ сотнями тысячъ. О, люди! (посмотрите) какое высокомѣріе, какая заносчивость! А этотъ проклятый, какъ только увидѣлъ ихъ своими глазами, бѣжалъ (переодѣтый) въ платьѣ бѣдняка, чтобы никто не узналъ его, бросивъ свое войско въ бѣдѣ, въ рукахъ враговъ. Онъ убрался въ самомъ жалкомъ положеніи, и московиты захватили всѣхъ его приближенныхъ, изъ коихъ лишь немногіе бѣжали вмѣстѣ съ нимъ. Недовольно было ему этого бѣгства: онъ возвратился теперь съ 12 тысячами, чтобы отдать въ ихъ власть добычу. О ты, обладатель ума, доблести и проницательности! посмотри на эту гордость, самонадѣянность и гнусность! Мы, послѣ небольшого перерыва, докончимъ разсказъ въ этой же тетради, дабы ты зналъ, что всякая власть и главенство отъ Бога, и кто пользуется ими со смиреніемъ, тотъ овладѣетъ правленіемъ и господствомъ, а кто гордится и надмевается, того Богъ низводитъ до навозной кучи и мусорной ямы, а его приближенныхъ и воиновъ повергаетъ на попраніе подъ ноги враговъ его, какъ это теперь и случилось.

Наканунѣ второй субботы поста, царь прибылъ въ женскій монастырь, что насупротивъ насъ, гдѣ, какъ мы говорили, находятся гробницы царицъ, и пригласилъ нашего владыку патріарха, и этотъ, вмѣстѣ съ патріархомъ московскимъ, надѣлъ пол-

ное облаченіе, по ихъ обыкновенію. Совершили въ хоросѣ поминовеніе по матери царя. Архидіаконъ возгласилъ ектенію о усопшихъ, а патріархъ Никонъ, сойдя, окадилъ кутью, алтарь, иконы, нашего учителя и всѣхъ служащихъ архіереевъ, архимандритовъ и священниковъ, затѣмъ царя и всѣхъ предстоящихъ. То же сдѣлалъ нашъ учитель. При этомъ пѣвчіе пѣли Блаженны и заупокойный канонъ, по обыкновенію. Каждый изъ дьяконовъ говорилъ въ своемъ мѣстѣ: „Помилуй насъ Боже“ и пр., до послѣдняго. Пошли на могилу царицы и начали вторую службу. Архидіаконъ возгласилъ: „Помилуй насъ Боже“ и пр., причемъ окадилъ ея гробницу. Патріархъ Никонъ прочелъ про себя молитву „Боже духовъ“, и всѣ служащіе пропѣли ее потихоньку, по ихъ обычаю. Затѣмъ архидіаконъ покадилъ и передалъ кадильницу патріарху, говоря: „Σοφία, Премудрость“! а патріархъ (прочелъ) заключительныя стихиры, при чемъ окадилъ гробницу. Архидіаконъ возгласилъ: „царицѣ такой-то, Богомъ помилованной, вѣчная память“! и то же пропѣли пѣвчіе. Потомъ патріархъ окадилъ предстоящихъ и совершилъ отпустъ. Патріархи вошли (въ алтарь), сняли свои облаченія и, выйдя, выразили царю свое соболѣзнованіе, при чемъ проводили его за врата церкви. Онъ заказалъ имъ обѣдню на другой день. Они попрощались съ нимъ, и онъ ушелъ, а мы возвратились въ свое жилище.

На другой день мы также отправились и отслужили обѣдню, при чемъ происходило рукоположеніе іерея и діакона. По окончаніи службы, пришли къ гробницѣ царицыной и начали заупокойное служеніе. Архидіаконъ, патріархъ и пѣвчіе сдѣлали то же, что и наканунѣ. Царь не присутствовалъ въ этотъ день, потому что былъ занятъ, старательно готовясь къ походу на другой день, что и случилось.

Глава V.

Москва.—Служеніе патріарховъ въ Успенскомъ соборѣ. Подарокъ отъ царя патріарху Макарію. Просьба его отпустить ихъ на родину. Проводы царя и отъѣздъ его.

Рано поутру, во второе воскресенье великаго поста, насъ также пригласили, и мы отправились въ соборъ. Приложились къ иконамъ и облачились. Прибылъ царь и, приложившись ко всѣмъ иконамъ и мощамъ святыхъ, при чемъ пѣвчіе пѣли ему многолѣтіе, направился къ патріархамъ. Никонъ, сойдя съ своего мѣста, встрѣтилъ его, благословилъ крестомъ и запечатлѣлъ святою водой. То же сдѣлалъ нашъ учитель. Затѣмъ архидіаконъ

принесъ большой золотой крестъ и другой малый. Патріархъ Никнъ вторично благословилъ царя однимъ крестомъ и вручилъ ему, ради успѣха на войнѣ. Также и нашъ учитель благословилъ царя другимъ крестомъ и вручилъ ему, сказавъ чрезъ переводчика: „какъ Богъ древле даровалъ царю Константину Великому побѣду надъ врагами помощью честнаго креста, такъ я молю Его даровать ее теперь тебѣ“. Царь отвѣчалъ: „аминь“! и поцѣловалъ у нашего учителя десницу, а онъ поцѣловалъ его въ голову. То было пророчествомъ со стороны нашего владыки патріарха: именно, царь слышалъ раньше, что въ одномъ изъ Аѳонскихъ монастырей, извѣстномъ подъ именемъ Пантократоръ, т. е. Вседержитель, есть подлинный крестъ царя Константина, пожертвованный греческими царями при хрисовулѣ (золотой грамотѣ). Царь просилъ монаховъ прислать ему этотъ крестъ, дабы онъ могъ приложиться къ нему, и въ настоящее время, въ праздникъ Пятидесятницы, они прислали этотъ самый крестъ, когда царь былъ въ странѣ ляховъ. Впослѣдствіи мы его видѣли и прикладывались къ нему, о чемъ потомъ разскажемъ. Царь, поклонившись патріархамъ, пошелъ и, ставши на своемъ царскомъ мѣстѣ, прислалъ нашему владыкѣ патріарху съ архидіакономъ чудесный саккосъ, изумительный по тонкости работы, яркости цвѣта и блеску въ темнотѣ. Мы сняли съ владыки прежній саккосъ и надѣли новый. Это намъ доставило великую радость и огромный почетъ: да и какъ же иначе? то было предъ множествомъ народа, и глаза всѣхъ обращались на насъ въ удивленіи, при видѣ великой любви царя къ нашему учителю. Въ такую минуту саккосъ стоилъ многихъ сокровищъ: не богатство даетъ почетъ, а высокое положеніе. Да продлитъ Богъ дни твои, царь, вѣка! да дастъ тебѣ побѣду надъ врагами во всякое время и во всякій часъ! Не довольно тебѣ заботъ обо всемъ необходимомъ для войны, о величайшій изъ царей земныхъ, царь новаго Рима, который есть Москва, самодержецъ Великой и Малой Россіи и великій государь всѣхъ сѣверныхъ земель! Ты не забылъ теперь и киръ Макарія, патріарха Антіохійскаго. Да дастъ тебѣ Богъ побѣду надъ твоими врагами, дьяволами, и до увѣковѣчитъ твое царство во вѣки вѣковъ! Аминь.

Надѣвъ саккосъ, нашъ учитель пошелъ къ царю,—и драгоманъ съ нами—поклонился ему и благодарилъ за щедрость, помолился за него, благословилъ и, поцѣловавъ его въ голову, возвратился на свое мѣсто. Въ этотъ день также происходило рукоположеніе іерея и діакона. При маломъ входѣ, предъ тѣмъ какъ дьяконъ возгласилъ: *Премудрость прости*, два дьякона

подвели къ патріарху Никону одного изъ служащихъ священниковъ, который поклонился ему, а патріархъ благословилъ его и прочелъ надъ нимъ молитву посвященія въ архимандриты, именно, сдѣлалъ его настоятелемъ монастыря, находящагося въ этомъ городѣ, во имя Божественнаго Богоявленія, надѣлъ на него поручи и подобіе палицы, висящей на другомъ боку [1], затѣмъ митру и благословилъ его. Его свели внизъ, при чемъ онъ сдѣлалъ патріарху земной поклонъ, потомъ подвели его къ нашему учителю, который также благословилъ его. Затѣмъ онъ обошелъ архіереевъ, архимандритовъ и священниковъ съ обѣихъ сторонъ, цѣлуя ихъ въ уста, по ихъ обычаю, при чемъ они поздравляли его. Наконецъ онъ сталъ на своемъ мѣстѣ. Архидіаконъ возгласилъ: *Премудрость прости.* Мы отслужили пятую обѣдню въ присутствіи царя и седьмую въ сослуженіи съ патріархомъ московскимъ. Послѣ того какъ Никонъ совершилъ отпустъ, патріархи вошли въ алтарь, сняли облаченія и, выйдя, благословили царя. Въ этотъ часъ нашъ учитель обратился къ царю съ просьбой опустить его, но царь отвѣчалъ ему: „нѣтъ, отецъ мой, прошу тебя остаться здѣсь и молиться за меня, прося, чтобы Богъ даровалъ мнѣ побѣду надъ врагомъ, дабы я поскорѣе возвратился, занялся твоими дѣлами и надѣлилъ тебя, какъ тебѣ приличествуетъ“. Нашъ учитель сказалъ на это: „господинъ мой! ты знаешь, что я больше четырехъ лѣтъ въ отсутствіи отъ своего престола и, къ моему злополучію, замедлилъ столько времени на дорогѣ въ странѣ молдавской и валашской; если будетъ на то твоя царская воля, отпусти меня въ путь“. Царь отвѣчалъ ему: „ты пробылъ столько времени въ чужихъ странахъ, пробудь и въ моей столько же, дабы она освятилась твоимъ присутствіемъ, ибо твоими молитвами и своимъ мечомъ я буду побѣдителемъ надъ врагами моими“. Тогда нашъ учитель замолчалъ и не промолвилъ болѣе ни слова. Царь же, взявъ за руку нашего учителя, подвелъ его къ патріарху Никону, говоря: „вотъ мой намѣстникъ; я поручаю тебя ему: чего пожелаешь, проси у него“. Затѣмъ онъ простился съ нимъ и ушелъ, а мы отправились въ свой монастырь.

Никонъ предупредилъ насъ, чтобы мы вернулись чрезъ два часа проводить царя. Ударили въ большой колоколъ, и всѣ жители города поспѣшили для прощанія съ царемъ. Мы отправились въ соборъ. Оба патріарха облачились въ алтарѣ вмѣстѣ

---

[1] Авторъ разумѣетъ подъ этимъ, вѣроятно, набедренникъ, что довольно странно, такъ какъ архимандриту дается палица, а не набедренникъ.

съ архіереями и архимандритами. Всѣ вышли въ нарѳексъ и стали, по обыкновенію, въ рядъ кругомъ Никона. Колокола гремѣли. Когда царь сошелъ изъ дворца, зазвонили во всѣ колокола, такъ что земля поколебалась и наши уши оглохли. Оба патріарха вышли на встрѣчу царю и благословили его. Онъ былъ облеченъ въ царское одѣяніе изъ чудеснѣйшей венеціанской золотой парчи, ослѣпляющей взоры; кругомъ одѣянія, на ширину въ четыре пальца, какъ мы уже говорили, былъ жемчугъ, драгоцѣнные каменья и золото, согласно тому, какъ обыкновенно одѣвались греческіе цари. Онъ не сталъ на своемъ царскомъ мѣстѣ, а пришелъ и остановился близъ насъ, за правою колонной, покрытой, какъ мы говорили, краснымъ сукномъ. Тогда начали пѣть службу на брань, съ канонархомъ, попеременно на обоихъ клиросахъ, пріятнымъ напѣвомъ. Затѣмъ царь подошелъ къ патріарху Никону, который сошелъ внизъ съ архіерейскаго мѣста, и вручилъ ему письмо, и тотъ прочелъ его. Драгоманъ перевелъ его нашему учителю. Оно было отъ воеводы Могилева и содержаніе его такое: когда ихъ осадилъ проклятый Радзивилъ и завладѣлъ первымъ земляным валомъ города, царскія войска храбро бросились на него и заняли позицію кругомъ всего города. Отъ гетмана Хмеля прибылъ одинъ изъ близкихъ къ нему полковниковъ, извѣстный *Золоторинскосъ* (Золотаренко), и съ нимъ 40000 отборныхъ казаковъ. Напали на Радзивила съ четырехъ сторонъ, а изъ города стрѣляли по нему изъ пушекъ. Когда бѣда окружила его со всѣхъ сторонъ, онъ перемѣнилъ одежду, подобно дьяволамъ, и бѣжалъ съ немногими людьми, покинувъ свое войско, изъ котораго никто не спасся. Мы порадовались этой вѣсти.

Когда наступило время чтенія Евангелія, вышли изъ алтаря три дьякона: у протодьякона въ рукахъ было Евангеліе, а другіе двое несли свѣчи. Архидіаконъ сошелъ, взялъ Евангеліе у протодьякона и открылъ предъ патріархомъ, который, снявъ митру, прочелъ его. По окончаніи службы, оба патріарха пошли къ дверямъ алтаря: царь подошелъ къ нимъ и они его благословили и окропили святою водой; онъ вошелъ въ алтарь, гдѣ прикладывался; также прикладывался ко всѣмъ иконамъ собора и простился съ мощами святыхъ. Точно также подходили всѣ его вельможи, получили благословеніе отъ патріарховъ и Никонъ окропилъ ихъ святою водой до послѣдняго. Царь возвратился, наклонилъ голову, и патріархи прочли надъ нимъ молитвы брани и побѣды надъ врагами заступленіемъ всѣхъ святыхъ, древнихъ и новыхъ, коихъ поименовывали одного за другимъ. Потомъ

они благословили царя, поклонились ему, и онъ поклонился имъ, взяли его за руку и облобызали его, плача. Затѣмъ патріархъ Никонъ сталъ передъ царемъ и возвысилъ свой голосъ, призывая благословеніе Божіе на царя въ прекрасномъ вступленіи, съ примѣрами и изреченіями, взятыми у древнихъ: подобно тому какъ Богъ даровалъ побѣду Моисею надъ фараономъ и пр., и въ новой исторіи: о побѣдѣ Константина надъ Максиминомъ и Максенціемъ и пр., и (говорилъ) многое, подобное этому, въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, послѣдовательно и неспѣшно, уподобляясь текущему источнику. Когда онъ запинался или ошибался, то долго обдумывалъ и молчалъ: некому было порицать его и досадовать, но всѣ молча и внимательно слушали его слова, особливо царь, который стоялъ, сложивъ руки крестомъ и опустивъ голову, смиренно и безмолвно, какъ бѣднякъ и рабъ предъ своимъ господиномъ. Какое это великое чудо мы видѣли! царь стоитъ съ непокрытой головой, а патріархъ въ митрѣ. О, люди! тотъ стоялъ, сложивъ руки крестомъ, а этотъ съ жаромъ ораторствовалъ и жестикулировалъ передъ нимъ: тотъ—съ опущенною головой, въ молчаніи, а этотъ, проповѣдуя, склонялъ къ нему свою голову въ митрѣ; у того голосъ пониженный и тихій, а у этого—толстый и громкій; тотъ—какъ будто невольникъ, а этотъ—словно господинъ. Какое зрѣлище для насъ! Богъ свидѣтель, что у насъ сердце болѣло за царя. Что это за чрезвычайное смиреніе! Благодаримъ Всевышняго Бога и славимъ Его за оказанную намъ милость тѣмъ, что мы видѣли эти чудныя, изумительныя дѣла! Окончивъ свое слово молитвеннымъ благожеланіемъ царю, патріархъ поклонился ему и вторично облобызался съ нимъ. Патріархи проводили царя за южныя врата церкви, гдѣ возвышались царскія знамена въ рукахъ ратниковъ. Царь укрѣпилъ одинъ изъ крестовъ, кои дали ему патріархи, на знамени, на которомъ съ обѣихъ сторонъ изображена Голгоѳа съ лѣстницей, а на Голгоѳѣ крестъ—все изъ листового золота. Другой крестъ онъ укрѣпилъ на знамени соборной церкви, которая въ честь Успенія Владычицы. Затѣмъ патріархи вернулись и вышли чрезъ западныя двери церкви большимъ крестнымъ ходомъ, при чемъ священники и дьяконы несли хоругви и иконы. Мы встрѣтили царя и пошли впереди него по досчатымъ мосткамъ, заранѣе приготовленнымъ. Еще раньше стрѣльцы усыпали ихъ всѣ желтымъ пескомъ до выхода изъ воротъ Кремля. Горѣло множество большихъ свѣчей, такъ какъ время было вечернее; при этомъ звонили во всѣ колокола, такъ что земля дрожала и наши уши оглохли. Наконецъ, мы вышли

изъ кремлевскихъ воротъ на открытую площадь и поднялись на каменный кругъ, назначенный для молебствій. Пѣвчіе во время пути пѣли стихиры молебствія и окончили ихъ здѣсь. Патріархъ Никонъ прочелъ Евангеліе и благословилъ крестомъ на всѣ четыре стороны, затѣмъ, вмѣстѣ съ нашимъ учителемъ, благословилъ имъ царя и окропилъ его святою водой. Прочитавъ надъ нимъ молитвы на брань, они облобызались съ нимъ. Равнымъ образомъ подходили архіереи и архимандриты, кланялись ему, цѣловали его правую руку и подносили ему, по своему обычаю, позолоченныя иконы. Потомъ подходили мы, дьяконы, послѣ священниковъ и цѣловали у него руку. Затѣмъ онъ попрощался съ патріархами и сѣлъ въ сани; дѣти султана Сибирскаго, какъ всегда, находились по правую и лѣвую руку его, и онъ уѣхалъ съ миромъ, сказавъ: „прости!“ то-есть: простите меня [1]. Влахернская икона была поставлена напротивъ него въ саняхъ; вокругъ него зажгли множество свѣчей, ибо наступила темнота. Мы оставались и стояли до тѣхъ поръ, пока не прошли всѣ войска. Съ царемъ отправился Тверской архіепископъ со многими священниками, дьяконами, монахами и иконописцами. Мы со свѣчами возвратились въ соборъ, сняли облаченія и отправились въ свой монастырь. Царь же поѣхалъ ночевать въ одинъ изъ своихъ дворцовъ, отстоящій отъ города въ трехъ верстахъ.

Глава VI.

Москва.—Численность и составъ русскаго войска на мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Союзъ со шведами. О государяхъ вообще и о султанѣ турецкомъ въ особенности.

Нашъ владыка патріархъ спросилъ московскаго патріарха о численности войска, которое отправилось теперь съ царемъ. Тотъ сказалъ: „триста тысячъ собственнаго войска; изъ нихъ сорокъ тысячъ, въ полныхъ желѣзныхъ доспѣхахъ, постоянно находятся при царѣ“. Это кромѣ тѣхъ, которыхъ царь послалъ со своими вельможами впередъ себя, какъ мы сказали раньше. Патріархъ продолжалъ: „я далъ ему десять тысячъ ратниковъ съ конями и оружіемъ. Отъ монастырей, находящихся въ Московіи, и отъ архіереевъ дано столько же, отъ каждаго, сообразно съ его средствами, съ его угодьями и доходами; даже отъ самыхъ малыхъ монастырей царь взялъ по одному человѣку съ вооруженіемъ, лошадью, припасами и деньгами на расходъ,

[1] Авторъ, употребивъ русское слово, прибавляетъ его пояспеніе.

ибо всѣ монастыри пользуются щедротами царя и пожалованными имъ угодьями, пока не наступитъ нужда, какъ нынѣ. Это сверхъ припасовъ, которые царь обязалъ ихъ доставить въ Смоленскъ".

Келарь монастыря св. Троицы сообщилъ намъ, что они отправили съ царемъ 10.000 ратниковъ и послали ему въ Смоленскъ припасовъ: пшеницы, сухарей, муки, ржи, ячменя, овса [1] для лошадей, масла и пр., около двадцати трехъ тысячъ кейлей, [2] именно большихъ шомболей; каждые три кейля съ трудомъ можетъ везти лошадь на телѣгѣ. Сочли, что это стóитъ болѣе двухсотъ тысячъ динаровъ. Также (было взято) и отъ другихъ монастырей, по ихъ степени. Изъ монастыря Кирилла Бѣлозерскаго, въ (подворьѣ) котораго мы остановились, второго послѣ Троицкаго, прислали царю сто ратниковъ и болѣе чѣмъ на 10.000 динаровъ припасовъ, которые были доставлены въ Смоленскъ. Изъ Соловецкаго монастыря прислали ему пять тысячъ динаровъ, по причинѣ дальности разстоянія.

Упомянутыя триста тысячъ составляютъ собственное войско царя; съ боярами онъ послалъ еще около четырехсотъ тысячъ, какъ сказалъ патріархъ нашему учителю, и взялъ съ собой двадцать тысячъ изъ племени Собачелицыхъ, которые своимъ видомъ пугаютъ коней и всадниковъ. Цѣлью его было употреблять ихъ не для войны, а для того, чтобы враги страшились его имени и могущества, когда увидятъ, что Собачелицые ѣдятъ людей. Хмель, какъ мы сказали, прислалъ къ царю полковника Золотаренко съ 40.000 казаковъ, которымъ царь назначилъ ежегодное содержаніе изъ своей казны. Черезъ двѣ недѣли по отъѣздѣ царя, его намѣстники и министры отправили одного изъ высшихъ сановниковъ, по имени Василія Бутурлина, со 120.000 ратниковъ, изъ коихъ 30.000 были пѣшіе, а остальные—конные, и съ ними еще 10.000 собачелицыхъ *Лопани*. Большинство этихъ ратниковъ татары, черемисы, мордва, монголы, башкиры, калмыки и пр. Мы ходили смотрѣть на нихъ; это—народъ съ самыми разнообразными лицами: только по лицамъ и можно отличить, кто къ какому племени принадлежитъ. Каждому народу дано особое оружіе. Большинство ратниковъ, а ратники царя всѣ, снабжены въ изобилія ружьями. Что же ка-

---

[1] Въ подлинникѣ: *фрумъ*; вѣроятно, новогреческое *вроми*, овесъ.

[2] Въ настоящее время 1 кейле—приблизительно 1,3 четверика. Здѣсь въ обѣихъ рукописяхъ прибавлено: „хлѣба, сухарей, ржи, ячменя и овса около 120 000 кейлей".

сается этихъ племенъ, то бо́льшая часть ихъ была одѣта въ красивыя желѣзныя латы и имѣла на головахъ маленькія шапки на подобіе шлемовъ; ихъ руки, плечи и бедра (были покрыты желѣзомъ), даже сапоги изъ желѣза; многіе изъ нихъ съ копьями, сѣкирами и инымъ оружіемъ. Мы ежедневно, въ теченіе этого Великаго поста, ходили смотрѣть на нихъ. Эти племена были посланы, по приказанію царя, къ Хмелю, съ тѣмъ, чтобы, взявъ съ собой еще 90.000 ратниковъ изъ московитовъ, которые стояли охраной въ городѣ Кіевѣ, всѣ отправлялись съ Хмелемъ на войну къ Каменцу, къ Львову и въ ихъ области. Бо́льшую часть своего войска Хмель оставилъ въ своей странѣ, чтобы охранять ее отъ набѣговъ татаръ. У него собралось изъ московскихъ ратниковъ и казаковъ болѣе 300.000, какъ мы достовѣрно узнали потомъ отъ патріарха. Тамъ они завоевали множество городовъ, о чемъ мы скажемъ впослѣдствіи въ своемъ мѣстѣ.

Царь послалъ одного изъ своихъ бояръ со 100.000 войска для охраны границы государства отъ татаръ, кромѣ 60.000 (а говорятъ, 150.000), кои постоянно стоятъ охраной въ тамошнихъ крѣпостяхъ и рвахъ. Потомъ царь послалъ одного изъ своихъ бояръ въ области Казанскую и Астраханскую взять бо́льшую часть тамошнихъ войскъ вмѣстѣ съ племенемъ калмыковъ, враговъ хана и татаръ, дабы при ихъ помощи сдѣлать нападеніе на страну татаръ. Мы потомъ достовѣрно узнали, что ихъ собралось на татаръ болѣе двухсотъ тысячъ.

Царь послалъ также приказъ войскамъ городовъ Новгорода и Пскова и ихъ областей, чтобы они шли къ берегу моря и соединились со шведскими войсками, дабы окружить страну ляховъ съ трехъ сторонъ: съ одной стороны, пограничной съ Молдавіей, Венгріей и частью Австріи, Хмель со своимъ войскомъ; а съ другой стороны земли ляховъ должны придти по берегу моря войска изъ Новгорода и Пскова вмѣстѣ со шведскими войсками. Дѣва, царица шведской страны, о которой мы говорили раньше, не пожелала выйти замужъ, и когда жители возстали противъ нея, она покинула царство и избрала себѣ мѣсто для жительства, поставивъ на мѣсто себя царемъ своего племянника. Этотъ новый *rud* (король) немедленно отправилъ къ царю посла въ знакъ дружбы, говоря: „я помогу тебѣ самъ; ляхи силой завладѣли пятнадцатью городами нашей страны, и мое желаніе—освободить эти города отъ ихъ власти“. Царь согласился. Впослѣдствіи мы слышали отъ царя, что король пришелъ сушей и моремъ, отвоевалъ свои города и совершилъ въ странѣ

ляховъ великія опустошенія. Онъ послалъ моремъ пятьдесятъ большихъ гальоновъ съ 25.000 ратниковъ, и столько же ратниковъ сушей, и прислалъ царю въ настоящее время 24.000 ружей въ ящикахъ, стоющихъ болѣе ста тысячъ динаровъ. Всѣ эти короли, именно: англійскій, голландскій, шведскій и иные, присылаютъ царю ежегодно военное оружіе: ружья, панцыри и холодное оружіе въ изобиліи, а онъ даетъ въ обмѣнъ пшеницу и рожь (нужную) имъ для пропитанія и запасовъ, ибо всѣ суда франковъ, которыя приходятъ въ пристань Архангельска, не берутъ изъ этой страны ничего кромѣ хлѣбныхъ запасовъ для пропитанія: какъ мы удостовѣрились, всѣ жизненные припасы во франкскихъ земляхъ идутъ изъ этой страны, подобно тому какъ жизненные припасы страны ляховъ получались изъ земли казаковъ. По таковой причинѣ всѣ эти короли подносятъ царю великіе дары и постоянно отправляютъ къ нему пословъ ради поддержанія дружбы; иначе, какъ только прекратится подвозъ припасовъ, имъ нечѣмъ будетъ существовать, ибо страна ихъ очень тѣсна и въ ней мало посѣвовъ.

Значеніе слова *рига* въ этой странѣ ниже слова *краль*; оно значитъ: *бей*; въ странѣ ляховъ краль, въ Венгріи краль, въ Англіи краль, а въ Голландіи король, или *рига*, по причинѣ малой величины этого государства; въ Венеціи также *рига*, равно и во всѣхъ герцогствахъ. Что же касается царей, то, какъ мы удостовѣрились, первый (изъ нихъ)—турецкій въ Константинополѣ, второй—царь австрійскій, именуемый кесаремъ, ибо, какъ утверждаютъ, онъ, по смерти Константина, первый изъ царей возложилъ на себя корону и нарекъ себя кесаремъ; третій—царь испанскій, четвертый—французскій, пятый—персидскій, шестой—индійскій, седьмой—китайскій, восьмой—абиссинскій, девятый—Хота и Хатая (Татаріи), десятый—царь той части Грузіи, которая еще остается (независимой), одиннадцатый—московскій, ибо онъ сдѣлался царемъ послѣ всѣхъ, во дни царя Ивана, какъ мы сказали. Считаютъ раньше него также царя сибирскаго и царя Алтунъ-Падишаха, то-есть султана золотой страны. Но надъ всѣми превозносится царь турокъ по тремъ причинамъ: первая, что онъ царствуетъ на мѣстѣ Константина, который владѣлъ въ свое время семью климатами и назывался автократоромъ, то есть самодержцемъ; вторая, что турки убили семерыхъ царей, кромѣ беевъ и иныхъ властителей, и завоевали ихъ земли: первый—царь греческій, второй—египетскій, третій—болгарскій, четвертый—сербскій, пятый—арнаутскій, шестой—требизондскій, седьмой—царь Херсонеса, что есть Кафа

и страна татаръ. Царь турецкій завоевалъ всѣ эти земли и убилъ ихъ царей, и не только царей, но и (другихъ) независимыхъ владѣтелей. Онъ покорилъ государства валаховъ и молдаванъ и часть страны венгровъ и наложилъ на нихъ ежегодную дань: они должны идти, куда онъ позоветъ ихъ, и доселѣ состоятъ въ его подданствѣ и его власть дѣйствуетъ среди нихъ. Онъ также взялъ Бѣлградъ и Виддинъ изъ земель кесаря; покорилъ часть страны персидской до Багдада, Эривань, Ванъ и пр.; овладѣлъ окраинами страны Абиссинской и страной Еменъ, которая была независимымъ государствомъ; завоевалъ большую часть острововъ Бѣлаго (Средиземнаго) моря, какъ-то: Кипръ, Родосъ и двѣнадцать извѣстныхъ острововъ, которые управлялись самостоятельно, и покорилъ часть страны Грузинской. Его власть распространяется надъ всѣмъ государствомъ магребитовъ, надъ большею частью Бѣлаго (Средиземнаго) моря, всѣмъ Краснымъ и Чернымъ морями и нѣкоторыми частями другихъ морей и надъ многими венеціанскими городами на окраинахъ румелійской области, какъ-то: Салоники и иные. Всѣ эти свѣдѣнія мы получили отъ знающихъ людей, которые объѣхали бо́льшую часть свѣта по сушѣ и морю. Третья причина, почему турки превозносятся, та, что они владѣютъ срединой міра, лучшими землей, водой, воздухомъ и продуктами. Главнѣе же всего то, что (въ ихъ обладаніи) гробъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, чѣмъ они похваляются предъ всѣми христіанскими царями, которые для посѣщенія святыхъ мѣстъ должны вступать въ ихъ владѣнія. [1]

Глава VII.

Москва.—Затруднительное положеніе поляковъ. Тщетныя просьбы ихъ о помощи. Еще свѣдѣнія о числѣ русскихъ войскъ. Донскіе казаки. Русская артиллерія.

Возвращаемся (къ прерванному разсказу). Численность войска выступившаго изъ Новгорода, Пскова и той области, которая находится вблизи границъ Швеціи, государства кесаря и страны ляховъ, простиралась всего до 120.000, по точному исчисленію. Они завоевали большую часть страны ляховъ, ближайшую къ нимъ, имѣя во главѣ своей отдѣльнаго воеводу, и не переставали брать на своемъ пути города и крѣпости, грабить, изби-

[1] Послѣдняя фраза передана нами по англійскому переводу, потому что въ нашихъ рукописяхъ это мѣсто, очевидно, искажено.

вать и захватывать въ плѣнъ жителей, пока не пододвинулись къ царю. Это другая часть земли ляховъ, (къ которой примыкаетъ) Швеція со стороны моря. Самъ царь шелъ среднимъ путемъ. Гнѣвъ Божій разразился надъ ляхами съ четырехъ сторонъ, и они неудомѣвали, съ какой имъ воевать; однако, по своей гордости и кичливости, не желали заключить миръ и заплатить дань, но просили помощи у турокъ, докучая имъ многочисленными посольствами, и обѣщали имъ большія суммы, обязываясь платить ежегодно 30.000 динаровъ, быть подъ ихъ властью и помогать имъ, когда тѣ позовутъ ихъ на войну, подобно венграмъ, молдаванамъ и валахамъ, и открыто говорили туркамъ: „вы имѣете больше права занять нашу страну, чѣмъ московскій краль, ибо, если онъ завоюетъ наше государство, то скоро пойдетъ и на васъ, такъ какъ мы противостоимъ ему и отражаемъ его отъ васъ и отъ вашей страны“. Для бо̀льшаго удостовѣренія въ своей дружбѣ къ туркамъ, они оставили у нихъ заложниками двухъ сыновей прежняго краля, въ обезпеченіе обѣщанныхъ суммъ и дани, ибо того краля, который поддерживалъ и подкрѣплялъ Хмеля, ляхи, какъ говорятъ, умертвили отравой и поставили на мѣсто него брата. Что же этотъ сдѣлалъ? Онъ женился на вдовѣ своего брата, съ дозволенія папы,— скверный поступокъ, какого не совершали въ свое время даже идолопоклонники. Племянниковъ своихъ онъ, какъ мы сказали, отправилъ къ туркамъ. Равнымъ образомъ ляхи посылали и къ татарамъ, обѣщая большія суммы за то, чтобы тѣ пришли къ нимъ на помощь. Но турки, люди очень умные, не пожелали имъ помочь, выставляя двѣ причины: первая: „вы христіане и у насъ нѣтъ ничего общаго съ вами“; вторая: „если вы желаете, чтобы мы вамъ помогли и приказали татарскому хану‘ венгерскому королю и беямъ молдавскому и валашскому, чтобы всѣ они шли къ вамъ на помощь противъ вашего врага, то давайте намъ сумму дани, на основаніи которой вы заключили миръ съ вѣчной памяти султаномъ Османомъ: ежегодно 70.000 піастровъ и 30.000 головъ крупнаго и мелкаго скота. Вотъ уже тридцать пять лѣтъ, какъ вы ничего намъ не платите; уплатите намъ все, что слѣдуетъ съ васъ, (если хотите) чтобы мы исполнили вашу просьбу“. Этимъ отвѣтомъ они заставили ляховъ молчать. Турки боялись вступить во враждебныя отношенія съ царемъ: у нихъ было сильное опасеніе со стороны Чернаго моря. Сношенія между ними не прекращались до конца этого лѣта, какъ мы потомъ разскажемъ. Ляхи надѣялись на помощь отъ цесаря, но царь первый отправилъ къ нему посла

для утвержденія взаимной дружбы, и тотъ отказался помогать ляхамъ. Они потеряли надежду на всѣхъ. Да будетъ благоугодно всевышнему Богу Творцу искоренить ихъ въ конецъ, въ возмездіе за то, что они сдѣлали съ бѣдными казаками въ эти три года: за убійства малыхъ дѣтей и беременныхъ женщинъ, которыя не мыслятъ зла; за поджоги и немилосердное избіеніе всѣхъ, въ особенности въ ночи страстей Господа нашего Іисуса Христа!

Возвращаемся къ нашему исчисленію войскъ царя (дѣйствующихъ) въ настоящее время. Какъ мы упомянули, онъ послалъ съ боярами около 400.000, а съ нимъ отправилось въ походъ 300.000; отъ Хмеля явилось къ нему 40.000, а войскъ Новгорода и Пскова было 120.000. Собачелицыхъ было сначала 30.000, а потомъ явилось къ царю лѣтомъ такое-же племя, но еще болѣе дикое, чѣмъ тѣ,—мы видѣли ихъ впослѣдствіи — числомъ 40.000. Изъ ратниковъ Архангельска, называемыхъ казаками, пришли къ нему 1500 юношей, подобныхъ демонамъ,—да будетъ благословенъ Создатель ихъ! Смотря на нихъ, мы уподобляли ихъ юношамъ друзовъ въ нашей странѣ. Когда крестился царевичъ-мусульманинъ, то, взявъ войско, ему принадлежащее, въ числѣ 10.000, онъ, какъ мы сказали, отправился на помощь царю, будучи посланъ патріархомъ. Въ страну казаковъ царь отправилъ около 100.000, не считая войска Хмеля; послалъ также одного изъ бояръ, по имени Шереметева, со 100.000, стеречь границу со стороны татаръ вмѣстѣ съ тѣми 150.000, которые пребываютъ въ башняхъ и укрѣпленіяхъ у рвовъ. У царя всегда имѣется 30.000 нѣмецкихъ солдатъ, искусныхъ въ верховой ѣздѣ и управленіи пушками; они распредѣлены между его войскомъ съ ежегоднымъ жалованьемъ. Издавна царь имѣетъ на жалованьи 1000 опытныхъ солдатъ изъ ляховъ; подъ греческимъ знаменемъ бываетъ въ иные годы по 400 человѣкъ на его жалованьи. Затѣмъ царь послалъ другого князя взять ратниковъ изъ Казани и Астрахани и калмыцкихъ татаръ болѣе 200.000, чтобы сдѣлать съ ними нападеніе на страну татаръ и помѣшать этимъ послѣднимъ идти къ ляхамъ, ибо Крымъ, резиденція хана, находится въ разстояніи пятнадцати дней пути отъ Астрахани. Впослѣдствіи прибылъ на помощь царю одинъ изъ черкесскихъ бековъ, живущихъ близъ Астрахани, съ 20.000 храбрецовъ. Вотъ что мы достовѣрно узнали и что видѣли касательно царскихъ войскъ, коихъ никто не можетъ исчислить кромѣ Всевышняго Бога, ибо, какъ турецкій султанъ величается передъ всѣми царями многочисленностью своихъ подданныхъ, такъ и этотъ царь

еще болѣе превозносится множествомъ своихъ. Удивительнѣе всего то, что всѣ эти ратники вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ и у каждаго не одно, а нѣсколько.

Что касается донскихъ казаковъ, которые ходятъ въ Черное море, числомъ 40.000, то они также стоятъ подъ властью царя. Татары трепещутъ передъ ними, ибо казаки всегда нечаянно нападаютъ на ихъ страну, забираютъ ихъ въ плѣнъ и привозятъ въ страну московитовъ, гдѣ и продаютъ. Такъ какъ татары наказаніе для христіанъ, живущихъ вокругъ нихъ, то Богъ послалъ на нихъ этихъ (казаковъ) въ возмездіе имъ (да увеличитъ Богъ ихъ силу надъ ними!). Также и турки на Черномъ морѣ боятся казаковъ, ибо они весьма выносливы и храбры на войнѣ—мы видали ихъ—и не боятся смерти. Если доживемъ до будущаго года, то разскажемъ о нихъ.

Большую часть этихъ извѣстій мы въ достовѣрности узнали изъ устъ патріарха, который сказалъ еще: „царь взялъ съ собой съ прошлаго года три большія пушки, длиной каждая болѣе 15 локтей; каждую пушку везутъ 1500 лошадей и при каждой 500 стрѣльцовъ. Этими пушками онъ сдѣлалъ проломъ въ стѣнѣ Смоленска, выстроенной изъ плитъ дикаго камня“. Объ этихъ пушкахъ намъ разсказывали греческіе купцы, которые видѣли ихъ здѣсь; и мы видѣли пушки, похожія на банки и бочки, короткія и толстыя; говорятъ, что при стрѣльбѣ изъ нихъ зарядъ поднимается къ небу и падаетъ въ средину города или крѣпости, производя пожаръ и сильное разрушеніе и глубоко взрывая землю. Въ настоящее время доставлены царю изъ франкскихъ земель пушки, стрѣляющія безъ звука: онѣ принадлежатъ къ числу царскихъ сокровищъ.

Глава VIII.

Москва.—Отношенія къ крымскимъ татарамъ. Причины ихъ безнаказанности. Пророческія слова митрополита Исы о татарахъ. Настоящее политическое положеніе.

Быть можетъ, кто-нибудь спроситъ: „если у царя такое множество, сотни тысячъ, войска, то почему онъ не пойдетъ и не истребитъ татаръ съ лица земли, такъ какъ они постоянно переходятъ границу его страны, жгутъ, берутъ въ плѣнъ жителей и совершаютъ всякіе ужасы? Такъ же поступаютъ они съ казаками, молдаванами и валахами; берутъ съ нихъ большія суммы и обманываютъ“. На это мы отвѣтимъ, что много разъ разспрашивали объ этомъ даже высокопоставленныхъ лицъ госу-

дарства и удостовѣрились, что причина этого двоякая: первая—что ляхи, со временъ своего усиленія до сихъ поръ, вовсе не держатъ слова и не соблюдаютъ клятвы: сколько разъ отецъ теперешняго царя и этотъ царь хотѣли идти на татаръ, но опасались, вѣроломнаго нападенія ляховъ на свою страну, ибо, когда эти послѣдніе овладѣли Смоленскомъ и его округомъ, то между ними и городомъ Москвой оставалось только триста верстъ. Цари обладаютъ большимъ умомъ, превосходнѣйшимъ нашего: никто не пойдетъ на врага, оставивъ другого врага позади себя. Это—первое извиненіе. Вторая причина та, что отъ татарской границы до московской разстояніе болѣе мѣсяца хорошей ѣзды, потому что вся дорога идетъ дикими, труднопроходимыми мѣстами, имѣя болота справа и слѣва, и по ней нельзя ѣхать иначе какъ по одиночкѣ. Но скверные татары выступаютъ неожиданно и не берутъ съ собою иной провизіи кромѣ поджаренной муки въ кожаныхъ мѣшкахъ. Каждый, даже бѣднякъ, имѣетъ при себѣ четыре—пять лошадей, и разстояніе въ пять—шесть дней пути они совершаютъ въ одну ночь. Гдѣ находятъ воду, кладутъ муки въ сосудъ, варятъ съ водой и пьютъ, и это замѣняетъ имъ хлѣбъ и питье тамъ, гдѣ вода плоха. Они рѣжутъ лошадей и ѣдятъ не варя и берутъ (мясо) про запасъ подъ сѣдло своихъ лошадей. Что касается корма ихъ лошадей, то татары собираютъ сухую траву въ своей странѣ, крѣпко скручиваютъ ее, какъ веревки, навьючиваютъ на лошадей и этимъ кормятъ ихъ въ мѣру. При такой умѣренности они достигаютъ цѣли (своего похода). Куда бы они ни направлялись, они нападаютъ внезапно, какъ дикіе звѣри, поджигаютъ жилища, ловятъ людей, (выбѣгающихъ) изъ домовъ, и увозятъ ихъ на своихъ лошадяхъ и арбахъ со всѣмъ имуществомъ, захваченнымъ у нихъ въ добычу, и убѣгаютъ съ ними. Плѣнниковъ они кормятъ скудно, лишь по необходимости, лошадинымъ мясомъ, которое сами ѣдятъ; по этой причинѣ многіе плѣнники умираютъ на дорогѣ отъ голода, жажды и усталости. Московиты не въ силахъ выносить такой жизни въ дорогѣ и потому не могутъ пройти этого пути. Но сей благополучный царь, какъ мы сказали, со времени своего воцаренія до сихъ поръ, безпрестанно захватываетъ тѣ дороги и устраиваетъ на нихъ крѣпости, города и рвы, такъ что между его границей и Крымомъ, резиденціей хана, разстояніе составляетъ пять дней пути. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ готовитъ тамъ припасы и военные снаряды, чтобы предпринять походъ въ удобное время. Я утверждаю, что это время близко: если будетъ угодно Всевышнему Богу, (оно наступитъ) при жизни нашей

Можетъ быть, покойный митрополитъ Иса[1] въ своемъ стихотвореніи изрекъ пророчество, говоря о татарахъ, которые ѣдятъ лошадиное мясо: „если бы они, подобно арабамъ, не разсѣивались по пустырямъ въ темныя ночи, то память о нихъ исчезла бы и корень ихъ погибъ; но если угодно будетъ Богу—да возвеличится Его могущество!—ихъ скоро постигнетъ неожиданное мщеніе: Онъ пошлетъ на нихъ агу русскихъ съ войсками ляховъ, съ конницей, подобной бурному вѣтру, снесетъ ихъ какъ зрѣлый посѣвъ на жатвѣ и отдастъ ихъ тѣла въ пищу дикимъ звѣрямъ, и мы воскликнемъ: пдемъ на помощь христіанамъ! да погибнутъ татары! нѣтъ (имъ) пощады!“ Вотъ что сказалъ въ то время Богомъ помилованный. Вѣроятно, это было его желаніемъ, и то, чего онъ желалъ, теперь достигнуто. Доказательства этого ясны. Со временъ Богомъ помилованнаго царя Ивана ни одинъ изъ московскихъ царей не ходилъ ни на кого войной; они спокойно жили сами для себя, довольствуясь своимъ царствомъ и своею страной. Слава имени Божьему! всѣ ожидали прибытія Антіохійскаго патріарха. Когда мы пріѣхали въ Молдавію, весь свѣтъ возсталъ противъ Василія; подобное этому случилось и въ Валахіи. Татары, уже восемь лѣтъ находившіеся въ братскомъ согласіи съ Хмелемъ, отдѣлились отъ него, такъ что онъ былъ принужденъ прибѣгнуть къ царю. Большая дружба, существовавшая между царемъ и ляхами, была разорвана, такъ что, прежде чѣмъ мы прибыли къ царю, онъ уже пошелъ на ляховъ войной, и случилось съ ними то, что случилось. Татары, также бывшіе съ нимъ въ мирѣ, стали врагами московитовъ, потому что нарушили границу земли казаковъ, которая сдѣлалась царскою. Татары жаждутъ получить много денегъ отъ ляховъ и боятся царя. Мы были поражены этими событіями, которыя переплетаются между собой подобно сѣти, и недоумѣвали, радоваться намъ или бояться. Богъ да вынесетъ насъ благополучно изъ этихъ странъ, коп, если охватитъ ихъ мятежъ, никогда не умпротворятся! Не знаемъ, каковъ будетъ конецъ; можетъ быть—но Богъ больше знаетъ – срокъ близокъ и мы находимся на исходѣ времени.

---

[1] Митрополитъ Иса (Іисусъ), о коемъ не разъ упоминаетъ Павелъ Алеппскій, сопровождалъ въ Россію Антіохійскаго патріарха Іоакима Дау, который прибылъ въ Москву въ 1586 г., въ началѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича, (а не въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго, какъ ошибочно сказано въ нашемъ примѣчаніи къ гл. VI, кн. VII). Этотъ митрополитъ составилъ стихотворное описаніе своего путешествія.

Глава IX.

Москва.—Средства для содержанія войска. Выпускъ новой монеты. Бѣглецы изъ войска. Наказанія за разныя преступленія.

Возвращаемся къ тому, о чемъ мы говорили раньше. До сихъ поръ царь совсѣмъ не открывалъ своихъ казнохранилищъ для содержанія войска, но снабдилъ ихъ въ прошломъ году въ достаточномъ количествѣ запасами изъ денегъ, собранныхъ съ домовъ торговыхъ людей и вельможъ царства. Говорятъ, что царь нашелъ въ казнохранилищѣ одной изъ крѣпостей, которую онъ взялъ въ началѣ (войны), шесть милліоновъ динаровъ золотою монетой. Въ нынѣшнемъ году онъ получилъ большія состоянія, вмѣстѣ съ домами и всею недвижимостью, изъ имущества богачей, которые умерли, не оставивъ наслѣдниковъ. Кромѣ того, онъ въ настоящее время выпустилъ новую монету, а именно: онъ раздѣлилъ каждый піастръ-реалъ на четыре части и каждую часть отчеканилъ въ монету со своимъ изображеніемъ верхомъ на конѣ. Эти монеты назвали *четверть*, то-есть четыре (?) части. Такимъ образомъ каждый піастръ онъ обратилъ въ два. Потомъ онъ отчеканилъ высокопробные піастры со своимъ клеймомъ и изображеніемъ, сдѣлавъ каждый изъ нихъ равнымъ двумъ. Также отчеканилъ піастры изъ красной мѣди и выпустилъ вмѣсто (серебряныхъ) піастровъ, объявивъ во всеобщее свѣдѣніе о введеніи ихъ въ обращеніе при сдѣлкахъ, и платилъ ими за содержаніе войска. Вся выгода отъ этого досталась казнѣ, по причинѣ любви всѣхъ московитовъ къ своему царю, равной любви ихъ къ всевышнему Творцу. Мы бывали свидѣтелями, что, когда мы имъ давали піастръ-реалъ, они не брали его, но плевали на него, то-есть на изображеніе франковъ; когда же давали деньги съ отчеканеннымъ изображеніемъ царя, они цѣловали его, говоря: „*сударь*, то-есть принимаемъ: это деньги нашего господина царя, лучше денегъ еретиковъ франковъ“.

Когда царь отправился въ походъ и достигъ Смоленска, нѣкоторые изъ конныхъ ратниковъ, слабые и малоземельные, убѣжали тайкомъ и возвратились въ свои дома безъ спроса, но не могли скрыться: ихъ находили царскіе слуги, разъѣзжавшіе по областямъ, и приводили въ столицу со связанными за спиной руками, въ оковахъ, къ министрамъ и намѣстникамъ царя. Немедленно ихъ обнажали и водили по всему городу, при чемъ позади шелъ палачъ съ кнутомъ изъ длинныхъ сырыхъ бы-

чачьихъ жилъ, провозглашалъ ихъ преступленіе и при каждомъ шагѣ стегалъ кнутомъ: кровь брызгала—отвратительно человѣку смотрѣть на такія дѣла! Бѣдняга кричалъ только: *сударь*, то-есть имя царя, который можетъ его избавить. Такъ продолжали идти съ ними, пока не возвращались въ приказъ, такъ что его плечи и спина принимали видъ, достойный плача: кровь лилась изъ нихъ ручьемъ. Однихъ изъ нихъ бросали въ тюрьму, другихъ вѣшали. Вотъ какимъ образомъ они мучаютъ преступниковъ. Если воръ укралъ золотую или серебряную вещь, то ее вѣшаютъ ему на языкъ, водятъ его по городу, объявляя его преступленіе при ударахъ кнутомъ, и затѣмъ бросаютъ въ тюрьму, (гдѣ онъ остается), пока не отсидитъ свой срокъ. За золотыхъ дѣлъ мастерами существуетъ весьма строгій надзоръ, какого мы не видывали нигдѣ въ другихъ странахъ: они должны продавать только чистое серебро безъ обмана и поддѣлки. Всѣ серебряныя вещи у нихъ изъ каракушей [1], а золотыя—изъ динаровъ. Чтобы ты ни пожелалъ купить себѣ, все найдешь въ отчеканенномъ и готовомъ видѣ. За серебряную вещь кладутъ на противоположную чашку вѣсовъ серебро же, и ты уплачиваешь сообразно съ тѣмъ, сколько мастеръ согласится взять за работу; а если вещь позолочена, то онъ считаетъ и золото. Если откроютъ, что мастеръ совершилъ поддѣлку въ изготовленной имъ вещи, то ее немедленно расплавляютъ и вливаютъ ему въ ротъ. Это хорошо извѣстный, строгій законъ. У нихъ копѣйки цѣнятся гораздо больше, чѣмъ піастры и динары.

Мы замѣтили, что они казнятъ смертью, безъ пощады и помилованія, за четыре преступленія: за измѣну, убійство, святотатство и лишеніе дѣвицы невинности безъ ея согласія. При этомъ непремѣнно оглашаютъ преступленіе (водя преступника) по городу, подъ кнутомъ, отъ чего многіе умираютъ. Мы видали, что нѣкоторымъ отрубали головы сѣкирой на плахѣ, а не мечомъ: это были убійцы своихъ господъ. Видѣли, что одного сожгли въ домѣ, который сдѣлали для него на площади; связали его и, подложивъ соломы, зажгли, и онъ сгорѣлъ: онъ умышленно поджегъ домъ своего господина. Непремѣнно сожигаютъ также содомита. Прелюбодѣю, если царь и патріархъ о немъ не узнаютъ, возможно спасеніе (отъ казни): послѣ того, какъ его обведутъ по городу подъ кнутомъ, какъ мы это описали, заключаютъ въ тюрьму и налагаютъ большой штрафъ. Также, кто

---

[1] Выше (кн. V, гл. X) авторъ называетъ эту монету *каракушъ ріялъ*, то-есть орлиные реалы.

поноситъ царя, никогда не спасется (отъ казни), какъ мы тому были свидѣтелями—Боже избави насъ!—ибо какъ тотъ, кто хулитъ Бога, не можетъ получить у нихъ прощенія, такъ и поносящій царя лишается головы. Если кто обвинитъ въ какомъ-либо преступленіи своего знакомаго, то послѣдняго подвергаютъ всякаго рода пыткамъ, чтобы онъ сознался; если сознается, такъ; а если не сознается и (значитъ) другой обвинилъ его ложно, то этого наказываютъ хуже перваго и присуждаютъ къ уплатѣ ему денегъ на расходъ по лѣченію ранъ, до его выздоровленія. Горе тому, кто совершитъ преступленіе, богатый онъ или бѣдный! Никакое заступничество, никакой подкупъ не принимаются, надъ нимъ совершаютъ судъ справедливо, по Божьему закону, какъ мы часто видали, ибо до такой строгости, какая у нихъ существуетъ, не достигалъ никто изъ царей. Вотъ что мы могли теперь изложить точно и обстоятельно.

Глава X.

Москва.—Порядокъ управленія въ отсутствіе царя. Пріемъ у патріарха Никона. Патріаршій приказъ и тюрьма. Патріаршіе бояре. Доходы патріарха Никона. Его строгость къ духовенству. Ссылка келаря Троицкаго монастыря. Арсеній Сухановъ.

Передъ своимъ отъѣздомъ царь поставилъ на мѣсто себя полномочнаго намѣстника и нѣсколькихъ министровъ. Изъ нихъ на каждаго возложено одно дѣло; высшее же рѣшеніе принадлежитъ намѣстнику. Наблюдателемъ надъ всѣми онъ поставилъ патріарха: ни одно дѣло, важное или незначительное, не дѣлается иначе, какъ съ его совѣта и по докладѣ ему министрами каждое утро. Обыкновенно, ежедневно, рано поутру, министры являлись въ приказъ, то-есть диванъ, для разсмотрѣнія, со всевозможною тщательностью, какъ государственныхъ дѣлъ, такъ и народныхъ, потому что никто, ни въ какомъ случаѣ, не ходитъ по дѣлу къ нимъ на домъ. Такъ, мы видали своими глазами, что самый важный изъ нихъ, царскій намѣстникъ, пріѣзжалъ въ морозные дни въ саняхъ, задокъ которыхъ покрытъ шкурой бѣлаго или чернаго медвѣдя; за нимъ слѣдовали лишь двое—трое слугъ; и онъ, и слуги были одѣты въ простыя платья, ибо они обычно не любятъ дорогихъ платьевъ, а надѣваютъ что придется. Всѣ министры, собравшись въ диванѣ, (оставались тамъ), пока не прозвонитъ колоколъ патріарха: обыкновенно, дверь у патріарха всегда бываетъ заперта, отъ одной службы до другой, и охраняется привратниками, пока не прозвонитъ колоколъ;

тогда патріархъ выходитъ во внѣшній диванъ. Бояре стояли у его дверей на сильномъ холодѣ, пока патріархъ не приказывалъ ихъ впустить. Такъ мы видали ихъ своими глазами, ибо нашъ владыка патріархъ, во все время отсутствія царя, ежедневно отправлялся къ патріарху Никону узнавать отъ него о здоровьи царя и какія получены извѣстія. Когда дозволеніе было испрошено и нашъ владыка входилъ къ нему, то прежде чѣмъ привѣтствовать его, тотъ непремѣнно вставалъ, оборачивался къ иконамъ и пѣлъ *Достойно есть*, а его архидіаконъ—*Господи помилуй* трижды и *Благослови*, при чемъ они дѣлали земной поклонъ; тогда оба патріарха, облобызавшись, садились для бесѣды, и толмачъ переводилъ ихъ рѣчи, пока не кончатъ. А бояре въ это время сидѣли наружѣ, пока патріархъ не позволитъ имъ войти. При входѣ ихъ, онъ опять оборачивался къ иконамъ, читая про себя *Достойно есть*, при чемъ всѣ они дѣлали земной поклонъ и оставались съ непокрытою головой до самаго ухода. Каждый изъ нихъ, приблизившись, кланялся ему до земли, подходилъ подъ благословеніе и въ заключеніе вторично дѣлалъ земной поклонъ. Такъ подходили всѣ подъ благословеніе, даже ихъ маленькія дѣти поступали точно такъ же. Патріархъ разговаривалъ съ ними стоя, при чемъ они докладывали ему всѣ текущія дѣла, на кои онъ давалъ отвѣтъ, приказывая имъ, что̀ должно дѣлать. Какъ намъ случалось видать, государственные вельможи вообще не чувствуютъ особеннаго страха предъ царемъ и не боятся его, а навѣрно патріарха больше боятся. Предшественники патріарха Никона никогда не занимались государственными дѣлами, но этотъ патріархъ, благодаря своему проницательному, острому уму и знаніямъ, искусенъ во всѣхъ отрасляхъ дѣлъ духовныхъ, государственныхъ и мірскихъ, такъ какъ онъ былъ женатъ и на опытѣ ознакомился съ мірскими дѣлами. По окончаніи пріема, патріархъ опять оборачивался къ иконамъ, пѣлъ вторично *Достойно есть* и, обернувшись, благословлялъ бояръ и отпускалъ ихъ. Затѣмъ шелъ впередъ нихъ въ церковь, ибо онъ, обыкновенно, никогда не пропускаетъ службы въ церкви, три раза, днемъ и ночью, присутствуя за обѣдней и вечерней, и въ бо́льшую часть дней совершаетъ литургію. При входѣ и выходѣ многіе подавали ему *чолофитатъ* (челобитныя), то-есть прошенія по своимъ обстоятельствамъ и дѣламъ, ибо никто не можетъ видѣть патріарха въ его келліяхъ, за исключеніемъ бояръ поутру. Но подъ его келліями есть семь приказовъ, то-есть диванов и судовъ, въ коихъ засѣдаютъ семь судей со многими писцами. Каждый диванъ на-

значенъ для своихъ особыхъ дѣлъ: одинъ—для монаховъ и монастырей, и въ немъ они судятся, другой—для священниковъ, и кто является изъ областей, далекихъ или близкихъ, чтобы сдѣлаться священникомъ, имѣя при себѣ свидѣтельство отъ своего города, тотъ представляетъ таковое боярину этого дивана, который состоитъ также патріаршимъ казначеемъ. Монахъ оставляетъ свидѣтельства у себя, пока не наберется ихъ двадцать, тридцать, и тогда докладываетъ ихъ патріарху въ одинъ день. Когда просители явятся къ патріарху, онъ обходитъ ихъ съ какою-нибудь книгой: кто прочтетъ хорошо, на прошеніи того онъ дѣлаетъ помѣту: „достоенъ“, а кто не сумѣетъ прочесть, того онъ прогоняетъ, ибо значеніе патріарха здѣсь равно царскому. Мы много разъ видали такихъ просителей, которые пріѣзжали за тысячи верстъ, изъ областей, прилежащихъ къ Сибири, и иныхъ.

Патріархъ и архіереи не получаютъ годового сбора со своей паствы, а имѣютъ содержаніе отъ пожалованныхъ имѣній и получаютъ ежегодно опредѣленный сборъ съ каждаго священника, смотря по его состоянію.

Есть еще приказъ для наслѣдствъ. Съ каждаго наслѣдства патріархъ получаетъ одну десятую, кромѣ того, что берутъ судья и его люди. Всякому новопоставляемому священнику приходится также дѣлать большія траты при поставленіи. Обо всѣхъ дѣлахъ, происходящихъ ежедневно въ этихъ приказахъ, судьи ходятъ докладывать патріарху и получаютъ отъ него отвѣтъ, какъ ему угодно будетъ (рѣшить). Челобитныя, которыя патріархъ отбираетъ у людей, онъ уноситъ и читаетъ въ своихъ кельяхъ. Всякій, кто получилъ отвѣтъ, удаляется, а чьего имени не было, тотъ знаетъ, что его дѣло не исполнено.

Во всякомъ мѣстѣ (пребыванія архіерея) есть тюрьма, снабженная тяжелыми желѣзными оковами и большими деревянными колодками. Если кто изъ настоятелей монастырей или важныхъ священниковъ совершитъ проступокъ, тотъ, будучи заключенъ въ оковы, долженъ просѣвать муку ночью и днемъ при пекарнѣ, пока не отбудетъ срокъ наказанія: намъ случалось ихъ видать въ такомъ положеніи.

Патріарха окружаетъ множество бояръ, изъ коихъ большую часть онъ дѣлаетъ теперь правителями (областей), каковъ, напримѣръ, воевода Путивля и другіе; изъ нихъ же бываютъ уполномоченные, казначеи и келари для всякихъ дѣлъ: одни (надзираютъ) надъ казнохранилищемъ, другіе надъ патріаршимъ домомъ, иные надъ доходами, иные надъ расходами. Патріархъ

не позволяетъ своимъ дьяконамъ входить во внутреннія его келліи и (вообще) никому, кто умѣетъ читать, дабы не прочли его тайныхъ бумагъ и прочаго, что только у него есть. Онъ имѣетъ своихъ собственныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, портныхъ, кузнецовъ, каменьщиковъ, плотниковъ, живописцевъ, по всякаго рода мастерствамъ. Всѣ они получаютъ ежегодное содержаніе, одежду, подарки и пр. Этотъ патріархъ имѣетъ большое вліяніе на царя, и потому, въ то время какъ прежде было пожаловано отъ царя патріархіи въ угодье 10.000 крестьянскихъ домовъ, Никонъ довелъ ихъ число до 25.000, ибо, всякій разъ, какъ умираетъ кто-либо изъ бояръ, патріархъ является къ царю и выпрашиваетъ себѣ часть крестьянъ и имѣній умершаго. Онъ взялъ также себѣ во владѣніе много озеръ, кои приносятъ ему большой доходъ отъ соли и рыбы. Такъ дѣйствуетъ онъ теперь, по распоряженію царя, получивъ хрисовулъ, (въ силу котораго) всякій разъ какъ умираетъ бояринъ, не имѣющій наслѣдниковъ, ему наслѣдуетъ патріархъ. Такимъ образомъ онъ взялъ себѣ соляныя озера, ежегодно приносящія ему большой доходъ, тогда какъ патріархи, бывшіе до него, рыбу и соль пріобрѣтали покупкой. Онъ также воспретилъ всякому, кто этимъ торгуетъ, платить пошлину—и все это въ силу хрисовула. При продажѣ лошадей въ столицѣ и во всякомъ другомъ городѣ, царь получаетъ двѣ копѣйки съ рубля, а монастырь Св. Троицы одну копѣйку; такой порядокъ во всей странѣ московской: изъ пошлины одинъ архонтъ беретъ для царя двѣ части суммы, а архонтъ [1] монастыря Св. Троицы одну часть. Но патріархъ Никонъ взялъ себѣ половину дохода монаховъ, такъ что его ежедневный [2] доходъ составляетъ, какъ говорятъ, 20.000 рублей. Доходъ его съ церквей этого города и окрестностей составляетъ 14.000 рублей въ годъ; со всякой церкви (взимается), по числу ея прихожанъ, съ самой бѣдной—рубль. Также получаетъ онъ ежегодный сборъ со всѣхъ церквей и священниковъ своей области, который они вносятъ ему и своему архіерею. Доходъ монастыря Св. Троицы равенъ трети царскаго дохода, но патріархъ Никонъ присвоилъ себѣ половину этого дохода, говоря: „патріархъ имѣетъ на это больше права“. Онъ взялъ также бо̀льшую часть царскихъ сокровищъ монастыря (Св. Троицы), какъ мы потомъ

---

[1] Подъ этимъ словомъ, которое часто встрѣчается у Павла, здѣсь разумѣется одинъ изъ служилыхъ людей. Въ другихъ случаяхъ мы переводимъ его словомъ „бояринъ“, которое авторъ не употребилъ ни разу.

[2] Очевидно, ошибочно вмѣсто: ежегодный. Впрочемъ въ англійскомъ переводѣ также: ежедневный (daily).

увидѣли:—изъ нихъ ни одного не было въ патріаршей церкви, они даны въ нее патріархомъ—облаченія, обильно украшенныя драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, сосуды и пр. Монахамъ же осталось немного. Какъ человѣкъ съ острымъ умомъ, Никонъ возвысился надъ положеніемъ іерарха и сталъ вѣдать государственныя дѣла, и всѣ начали его бояться. Тогда какъ (прежде) всякій архимандритъ поставлялся и смѣнялся только по приказанію царя, патріархъ Никонъ уничтожилъ этотъ законъ: сталъ ставить и смѣнять ихъ безъ спроса.

Отъ того Богъ отступился и тотъ навлекъ на себя Его гнѣвъ, кто совершилъ проступокъ и провинился предъ патріархомъ: пьянствовалъ или былъ лѣнивъ въ молитвѣ, ибо таковаго патріархъ немедленно ссылаетъ въ заточеніе. Въ прежнее время сибирскіе монастыри были пусты, но Никонъ, въ свое управленіе, переполнилъ ихъ злополучными настоятелями монастырей священниками и монахами. Если священникъ провинился, патріархъ тотчасъ снимаетъ съ него *колпакъ* [1]: это значитъ, что онъ лишенъ священническаго сана. Бываетъ, что онъ самъ сжалится надъ нимъ и проститъ его, но ходатайства ни за кого не принимаетъ, и, кромѣ царя, никто не осмѣливается явиться передъ нимъ заступникомъ. Разгнѣвавшись на многихъ священниковъ, онъ по справедливости сбрилъ имъ волосы и отправилъ въ ссылку вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, чтобы тамъ они окончили свою жизнь въ злополучіи. Такою строгостью онъ всѣхъ устрашилъ, и его слово стало рѣшающимъ. Въ послѣднее время онъ дошелъ до того, что отставилъ отъ должности келаря монастыря Св. Троицы и заточилъ его въ одинъ монастырь, хотя тотъ, по своему значенію, былъ третьимъ правителемъ, ибо въ этой странѣ считаютъ трехъ правителей: царя, патріарха и келаря Св. Троицы. Намъ случалось видать, что, когда онъ пріѣзжалъ изъ монастыря или отправлялся куда-нибудь, то его сопровождало множество архонтовъ, служителей и ратниковъ, чего нѣтъ и у патріарха. Послѣ такого сана патріархъ сдѣлалъ его мельникомъ въ томъ монастырѣ, куда онъ былъ заточенъ.

Намъ разсказывали о монастырѣ *Сифска* (Сійскій), что онъ находится среди озера, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, и отстоитъ отъ Москвы на 1.500 верстъ. Его обитатели весьма злы и жестоки и нисколько не сострадательны къ людямъ, туда сосланнымъ: не даютъ имъ отдыха, такъ что большинство заточенныхъ въ него умираютъ отъ притѣсненій.

---

[1] Это татарское слово стоитъ въ подлинникѣ.

Причина заточенія келаря была слѣдующая: до свѣдѣнія патріарха дошло, что келарь бралъ взятки съ богатыхъ ратниковъ монастыря, чтобы имъ не идти въ походъ, и посылалъ вмѣсто нихъ бѣдныхъ, у которыхъ не было средствъ (содержать себя), ибо монастырю св. Троицы цари дали въ пользованіе четыре полка ратниковъ, каждый въ 600 человѣкъ [1], дабы они поочереди держали стражу въ немъ и охраняли его интересы. Патріархъ поставилъ на его мѣсто келаремъ архидіакона Арсенія (Суханова), который пріѣзжалъ въ нашу страну съ іерусалимскимъ патріархомъ и изъ Алеппо поѣхалъ въ Грузію. По прибытіи его въ Москву, патріархъ и царь созвали соборъ [2] и послали Арсенія на Св. Гору съ обильною милостыней для монастырей и письмами на имя настоятелей ихъ (съ просьбой) дать Арсенію, сколько они могутъ, древнихъ греческихъ книгъ, такъ какъ этотъ патріархъ и царь, чрезвычайно любя греческіе обряды, съ теченіемъ времени замѣтили, что въ ихъ книгахъ произошли искаженія. Они слышали, что на Св. Горѣ собраны всѣ греческія книги, и послали этого человѣка пріобрѣсти изъ нихъ всѣ рѣдкостныя и замѣчательныя. Онъ отправился и добылъ около пятисотъ важныхъ книгъ разнаго рода. Мы встрѣтили его, когда онъ проѣзжалъ по Валахіи. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Константинополь, гдѣ все разсмотрѣлъ, а оттуда отправился въ обратный путь, захвативъ съ собой, по порученію патріарха, множество кипарисныхъ досокъ для иконъ, ибо кипарисъ очень цѣнится въ этой странѣ. Наконецъ, онъ пріѣхалъ (въ Москву), привезя съ собой всѣ эти вещи. Книги были помѣщены въ особомъ хранилищѣ. У московитовъ есть переводчики изъ грековъ, которые переводятъ книги одну за другой, печатаютъ и выпускаютъ въ свѣтъ. За эти двѣ услуги, оказанныя архидіакономъ Арсеніемъ, именно: что его посылали на Синай, въ Египетъ, Іерусалимъ, въ нашу страну и въ Грузію, чтобы достовѣрно узнать положеніе этихъ странъ, и за эту вторую услугу патріархъ наградилъ его тѣмъ, что поставилъ на самую высшую степень. „Нѣтъ дара, кромѣ какъ отъ Отца свѣтовъ“.

---

[1] Въ англійскомъ переводѣ: въ 300 человѣкъ.

[2] По англійскому переводу; въ обѣихъ же нашихъ рукописяхъ: „онъ созвалъ соборъ для патріарха и царя“.

Глава XI.

Москва.—День тезоименитства царя. Служеніе въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Отпѣваніе монахини въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Описаніе монастыря.

Возвратимся къ нашимъ сообщеніямъ о царѣ. Запасы съѣстного, питья и пр. для людей и животныхъ, военные снаряды и оружіе: мечи, ружья, кольчуги, порохъ и пушки не переставали отправлять къ царю до конца лѣта. Все это мы видѣли постоянно своими глазами. [На этой недѣлѣ прибыло изъ Архангельска болѣе трехсотъ подводъ съ желѣзными латами, сдѣланными въ полную человѣческую фигуру, такъ что, когда ихъ надѣнутъ, ни малѣйшая часть тѣла не видна, а также съ мечами, копьями, ружьями и пр. безъ числа, все изъ страны франковъ, такъ какъ царь заказалъ ихъ еще давно. Мы дивились на нихъ, не видавъ ничего подобнаго въ своей странѣ, ибо, какъ насъ увѣряли европейцы, они никогда не вывозятъ ихъ въ Турцію: такой вывозъ запрещенъ. Царь платитъ за нихъ хлѣбными запасами].

Въ третью субботу поста, которая пришлась 17 марта, была память св. Алексія, человѣка Божія. Такъ какъ благополучный царь родился въ этотъ день—теперь ему исполнилось 27 лѣтъ отъ роду—и былъ нареченъ во имя св. Алексія, то онъ имѣетъ обыкновеніе ежегодно въ этотъ день заказывать литургію и дѣлать трапезу для своихъ приближенныхъ и для народа; бываетъ большая радость. Съ задней стороны дворца [1], близъ второй городской стѣны, онъ построилъ монастырь во имя св. Алексія, человѣка Божія, и помѣстилъ въ него большое число монахинь знатнаго происхожденія [2]. Царь очень любитъ этотъ монастырь и постоянно посѣщаетъ его съ царицей. Если бы онъ въ этотъ день присутствовалъ (въ столицѣ), то устроилъ бы большое торжество. Но патріархъ сдѣлалъ лучше, чѣмъ было бы въ присутствіи царя: онъ пригласилъ нашего владыку патріарха, и всѣ вмѣстѣ поѣхали въ саняхъ въ монастырь. Подъѣхавъ къ нему въ сопровожденіи царскаго намѣстника и государственныхъ сановниковъ, патріархи вышли изъ саней подлѣ воротъ, откуда выступили имъ на встрѣчу священники и дьяконы съ иконами, крестомъ и кадильницей. Патріархъ Никонъ благословилъ имъ

---

[1] Т. е. Кремля. Именемъ дворца авторъ обозначаетъ весь Кремль.

[2] Алексѣевскій монастырь, бывшій на мѣстѣ храма Спасителя и въ 1837 г. переведенный къ Сокольникамъ.

народъ. При этомъ дьяконъ кадилъ ему. Затѣмъ встрѣтили его всѣ монахини. Вошли въ церковь, и патріархи совершили службу вмѣстѣ съ прочими архіереями и архимандритами, кои всегда служатъ съ патріархомъ. По выходѣ ихъ изъ алтаря, игуменья поднесла патріарху, по обычаю, серебряно-вызолоченную икону святого, во имя коего церковь. Патріархъ простился съ нашимъ учителемъ, послѣ того какъ игуменья поднесла имъ два большихъ черныхъ хлѣба и они благословили всѣхъ монахинь. Патріархъ сѣлъ въ свои сани, обитыя бархатомъ, оба митрополита сѣли сзади него, справа и слѣва, а бояре поѣхали позади и впереди. Мы возвратились въ свой монастырь и намъ прислали кушанья со стола царицы.

[Въ третье воскресенье нашъ учитель служилъ обѣдню въ монастырской церкви и посвятилъ іерея и діакона, коихъ прислалъ къ нему патріархъ, потому что ихъ было очень много. Точно такъ же въ четвертую субботу онъ служилъ обѣдню и опять посвятилъ іерея и діакона. Такъ какъ на слѣдующій день приходился праздникъ Благовѣщенія, то царица прислала ему на подводахъ удивительно большихъ и прекрасныхъ рыбъ разнаго рода, какъ у нихъ принято].

Въ четвертое воскресенье поста, въ которое приходился праздникъ Благовѣщенія, рано утромъ ударили въ великій колоколъ ради торжественности праздника. Патріархъ, по обыкновенію, служилъ въ церкви Благовѣщенія, а въ (Успенскомъ) соборѣ одинъ изъ митрополитовъ. Если бы царь присутствовалъ, то было бы великое торжество. Нашъ учитель служилъ въ монастырской церкви и рукоположилъ священника и дьякона.

Въ пятый вторникъ пригласили нашего учителя на отпѣваніе одной княгини въ монастырѣ, отстоящемъ отъ города въ трехъ верстахъ. Его называютъ Дѣвичій монастырь. Онъ во имя Матери Божіей „Тройное (?) Путеводительство“ (Одигитрія). Мы поѣхали туда въ саняхъ вмѣстѣ съ патріархомъ, архіереями и всѣмъ священнымъ чиномъ. Насъ встрѣтили священники и діаконы съ иконой монастыря, съ крестомъ и кадильницей, вмѣстѣ съ игуменьей и всѣми монахинями. Мы поднялись въ церковь и приложились къ ея святынямъ. Это монастырь большой, окруженъ огромною стѣной съ десятью башнями и стоитъ на высокомъ мѣстѣ, господствуя надъ окрестностью; близъ него течетъ рѣка Москва. Онъ имѣетъ двое большихъ воротъ и лежитъ съ западной стороны города. Въ немъ двѣ церкви. Въ великую церковь входишь по очень высокой лѣстницѣ. Это обширная, высокая церковь съ четырьмя колоннами, точь въ точь похожая

на церковь Креста [1]. Она имѣетъ три двери. Ея иконостасъ похожъ на иконостасъ (Успенскаго) собора, съ тремя алтарями Сѣнь надъ престоломъ чудесная, позолоченная, вся состоитъ изъ куполовъ, другъ надъ другомъ, и поддерживается ангелами; кресты, чаши—какъ бы чеканной работы. Что касается иконы Владычицы, которая стоитъ справа отъ алтарныхъ дверей, то она не имѣетъ цѣны по причинѣ обилія золота, алмазовъ, рубиновъ, яхонтовъ, изумрудовъ и жемчуга, коими она осыпана. То же и на прочихъ иконахъ, которыя стоятъ въ ряду съ алтарными дверьми и передъ серебряными подсвѣчниками, а также кругомъ церкви до дверей. Вокругъ колоннъ церкви размѣщены маленькія серебряно-вызолоченныя иконы въ два ряда, одни надъ другими; многія изъ нихъ украшены чистымъ золотомъ и разноцвѣтными каменьями, коимъ нѣтъ цѣны. Даже во всѣхъ окнахъ церкви помѣщены иконы, одна надъ другой, за недостаткомъ мѣста, ибо церковь переполнена иконами: ихъ, можетъ быть, больше трехъ тысячъ. Мы дивились и изумлялись на это, ибо наименѣе цѣнная изъ иконъ въ этой церкви стоитъ пять динаровъ. Даже въ царскихъ церквахъ мы не находили такихъ украшеній, какъ въ этой церкви—патріархъ Никонъ своими устами сказалъ нашему владыкѣ-патріарху: „у насъ нѣтъ монастыря, равнаго этому по богатству“—и это потому, что всѣ монахини, которыя въ него поступаютъ, княгини, жены государственныхъ сановниковъ, вдовы и дочери ихъ, являются со своими богатствами и всѣмъ имуществомъ: драгоцѣнностями, золотомъ и каменьями, и жертвуютъ ихъ на монастырь, и потому онъ называется монастыремъ дѣвицъ. Кругомъ церкви идетъ огромная галлерея.

Затѣмъ патріархи вошли въ алтарь съ архіереями и всѣми служащими и надѣли полное облаченіе, все чернаго и фіолетоваго цвѣта: подризники, поручи, епитрахили, фелони, саккосы, и омофоры; корона патріарха и митры архіереевъ и архимандритовъ были старыя, назначенныя исключительно для отпѣваній. Облачившись, всѣ обратились къ горнему мѣсту, сдѣлали три поклона и вышли въ нарѳексъ, гдѣ были поставлены носилки съ тѣломъ, покрытыя чернымъ бархатомъ съ большимъ крестомъ по срединѣ и съ рядомъ серебряно-вызолоченныхъ иконъ, ибо умершая была монахиней. Потомъ, помолившись трижды на востокъ, стали въ рядъ, по обычаю, кланялись попарно патріархамъ и затѣмъ становились на свои мѣста. Па-

[1] Т. е. на церковь въ монастырѣ св. Креста близъ Іерусалима, за Яффскими воротами.

тріарху поднесли скрученныя втрое свѣчи и онъ роздалъ ихъ всѣмъ служащимъ, которые подходили попарно, кланялись ему до и послѣ (полученія свѣчи) по чину и въ порядкѣ, съ почтеніемъ и уваженіемъ. Онъ роздалъ свѣчи также государственнымъ сановникамъ, родственникамъ покойной, ея дѣтямъ и женамъ бояръ. Затѣмъ архидіаконъ, взявъ кадильницу, окадилъ покойницу, говоря: *благослови владыко*, а патріархъ: *благословенъ*, и архидіаконъ началъ особенную ектенію по усопшимъ, намъ неизвѣстную, состоящую изъ десяти прошеній, подобно большой ектеніи, при чемъ кадилъ покойницѣ безпрерывно до конца, а пѣвчіе при каждомъ прошеніи пѣли *Господи помилуй*. Патріархъ сказалъ возгласъ: *Ты еси воскресеніе*, и анагносты начали канонаршить Блаженны [1] до конца, а пѣвчіе это пѣли. Патріархъ сошелъ, окруженный дьяконами; передъ нимъ несли серебряный подсвѣчникъ. Онъ отдалъ архидіакону свѣчу, которую держалъ въ рукѣ, окадилъ сначала покойницу, все время кланяясь,—а свѣщеносецъ шелъ передъ нимъ—затѣмъ вышелъ (изъ нарѳекса), окадилъ церковь, мѣстныя иконы и предстоящихъ —при этомъ дьяконы поддерживали его все время подъ руки—и окадилъ всѣ иконы. Потомъ архидіаконъ и его товарищъ стали противъ него и онъ окадилъ ихъ трижды, а они кланялись ему. Архидіаконъ взялъ у него кадильницу, а патріархъ, отдавъ ее ему, трижды помолился на востокъ, благословилъ служащихъ обѣими руками и поклонился имъ, а они всѣ сдѣлали ему большой поклонъ. То же сдѣлалъ нашъ учитель и возвратился (на свое мѣсто). Когда пѣвчіе кончили, анагностъ прочелъ Апостолъ, а патріархъ Евангеліе, а потомъ положенную молитву и сошелъ для прощанія. Тогда одинъ изъ священниковъ подошелъ съ иконой Владычицы и сталъ съ нею по правую сторону носилокъ; патріархъ помолился на нее и приложился къ ней, открылъ покровъ съ покойницы и благословилъ ее крестообразно, положилъ ей разрѣшительную грамоту, возлилъ масло и возвратился на свое мѣсто. Стали подходить служанціе по своимъ степенямъ попарно, кланялись ему и сдѣлали то же; подъ конецъ подходили вельможи и родственники покойной [и, приложившись къ образу, кланялись усопшей, проливая слезы]. Затѣмъ священникъ съ иконой, подойдя къ патріарху, сталъ слѣва отъ него, и игуменья съ монахинями, а также родственницы усопшей, жены вельможъ, подходили и прикладывались къ иконѣ. Подошли монахини, подняли носилки и вынесли изъ церкви; оба патріарха и служащіе слѣдовали позади, пока не сошли въ церковное подземелье, гдѣ

[1] Псал. CXVIII.

ее и похоронили, по окончаніи обряда. Патріархъ совершилъ отпустъ и благословилъ ея могилу. Мы вышли и сняли свои облаченія.

При уходѣ нашемъ изъ монастыря, игуменья поднесла патріархамъ каждому по большому черному хлѣбу; они возложили на него руки и благословили ее и сестеръ. Патріархъ Никонъ сѣлъ въ свои сани, обитыя фіолетовымъ бархатомъ; архіереи окружали его. Мы также вернулись въ свой монастырь. По дорогѣ мы осмотрѣли площадку, которую велѣлъ устроить царь для исчисленія своихъ войскъ, при чемъ онъ сидѣлъ въ деревянномъ высокомъ кіоскѣ, покрытомъ жестянымъ куполомъ съ позолоченнымъ крестомъ на верхушкѣ. Теперь онъ забитъ. Говорятъ, патріархъ Пателярій при этомъ присутствовалъ и спросилъ о количествѣ войскъ, исчисленныхъ царемъ; патріархъ Никонъ ему отвѣтилъ: „семьсотъ тысячъ, получающихъ содержаніе“.

Глава XII.

Москва.—Великопостныя служенія. Скудная пища. Синодъ въ Москвѣ. Служеніе патріарха Макарія у грузинской царицы Елены.

Наканунѣ четверга покаянія ударили въ колокола въ четвертомъ часу ночи, и мы пошли въ монастырскую церковь. Начали утреню безъ полунощницы, первую каѳизму изъ псалтыря; при этомъ всѣ поклоны дѣлались земные. Чтецъ закончилъ первое чтеніе, послѣ чего начали канонъ Андрея Критскаго, который состоитъ болѣе чѣмъ изъ 300 стиховъ, и при каждомъ стихѣ чтецъ и всѣ присутствующіе клали по три земныхъ поклона — мы сочли, что они сдѣлали болѣе тысячи большихъ поклоновъ. Послѣ 3-ей пѣсни и 7-ой читали житіе Маріи Египетской. Мы вышли изъ церкви лишь послѣ восьмого часа, умирая отъ усталости и стоянія на холодѣ. Въ этотъ постъ мы переносили вмѣстѣ съ ними большое мученіе, подражая имъ противъ воли, особливо въ ѣдѣ: мы не находили иной пищи, кромѣ *мазари* (размазня?), похожаго на вареный горохъ и бобы, ибо въ этотъ постъ вообще совсѣмъ не ѣдятъ масла. По этой причинѣ мы испытывали великую, неописуемую муку. Мы извинили бы ихъ, если бы они въ этотъ постъ ѣли не только рыбу, но и мясо: не было бы имъ грѣха и запрета, ибо у нихъ, какъ мы сказали, не водятся и потому имъ неизвѣстны ни чечевица, ни овечій горохъ [1]; развѣ въ домахъ франковъ (найдешь ихъ), по цѣнѣ

[1] Cicer arietinum, pois chiche.

дороже перца. Кромѣ этого (*мазари*) они знаютъ только соленую капусту и соленые огурцы. У нихъ есть бобы фіолетовые и бѣлые, но цѣна фунта 3 копейки, т. е. каждыя $5^1/_2$ окъ стоятъ піастръ-реалъ [1]. Помимо рыбы, у нихъ нѣтъ ничего особенно дешеваго, а потому, что ѣсть бѣдному семейному человѣку, если рыба ему запрещена? Кромѣ ратниковъ, бѣдняковъ и крестьянъ, никто не ѣстъ рыбы; богатые никогда ея не ѣдятъ: у нихъ это считается большимъ грѣхомъ. Какъ часто мы вздыхали и горевали по кушаньямъ нашей родины и заклинали великою клятвой, чтобы никто впредь не жаловался на постъ! ибо, Богу извѣстно, нашихъ кушаньевъ, которыя ѣдятъ постомъ здѣсь не бываетъ даже во время Пасхи и мясоѣдовъ: кромѣ рыбы, мяса и кваса, эти люди ничего не знаютъ,—безъ сомнѣнія, они истинно святые. Еще по пріѣздѣ своемъ въ Молдавію и Валахію мы недоумѣвали, что намъ ѣсть по средамъ, пятницамъ и прочимъ постамъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Патріархъ Никонъ служилъ въ этотъ день преждеосвященную литургію и рукоположилъ священника и дьякона, по нуждѣ (въ нихъ). Наканунѣ субботы Похвалы (Богородицы), послѣ третьяго часа, ударили въ колокола, такъ что міръ поколебался, и мы вошли въ церковь. Начали полунощницу, затѣмъ утреню, прочли первую каѳизму изъ псалтыря, потомъ часть изъ житія Богоматери Влахернской о томъ, что̀ Она сдѣлала въ Константинополѣ съ Хаканомъ[2]; затѣмъ прочли вторую каѳизму и вторую часть житія. За симъ нашъ владыка патріархъ прочелъ шесть похвалъ изъ акаѳиста, послѣ чего сѣли. Послѣдовало третье чтеніе изъ житія о другомъ (событіи). Встали, и чередной (священникъ) прочелъ еще шесть похвалъ. Сѣли, и послѣдовало третье (?) чтеніе о чудесахъ св. Дѣвы. Потомъ начали канонъ. При третьей пѣснѣ другой священникъ прочелъ еще шесть похвалъ, затѣмъ чтецъ третье (?) чтеніе. Также при седьмой пѣснѣ прочли еще шесть похвалъ въ докончаніе акаѳиста и сѣли. Прочли синаксарь этого дня. Окончили канонъ и первый часъ и мы вышли изъ церкви въ восьмомъ часу.

Въ этомъ мѣсяцѣ мартѣ ночь и день равны.

---

[1] Око = 3,13 ф. Піастръ-реалъ = 50 коп.

[2] Какъ извѣстно, чтеніе акаѳиста Богоматери на утрени установлено въ память чудеснаго заступленія Ея при осадѣ Константинополя аварами въ 626 г., подъ начальствомъ хакана, т. е. хана. Икона, предъ которой происходило чтеніе акаѳиста въ Константинополѣ, нынѣ находится въ Успенскомъ соборѣ и называется *Влахернской*.

Нашъ владыка патріархъ поѣхалъ въ царскихъ саняхъ къ грузинской царицѣ Еленѣ, вдовѣ Давида, сына Теймуразъ-хана, за которою, какъ мы говорили, царь посылалъ привезти ее съ ея сыномъ Николаемъ, съ цѣлью женить его на своей дочери,— поѣхалъ служить у ней обѣдню. Въ этотъ постъ она нѣсколько разъ приглашала его, но онъ не находилъ свободнаго времени,— такъ какъ во вторую субботу поста служилъ обѣдню по матери царя, въ третью субботу служилъ въ день рожденія царя, какъ мы говорили, въ четвертую субботу съ царицей случилась извинительная причина - до сего дня, пятой субботы. Она постилась первую недѣлю поста и желала пріобщиться св. Таинъ изъ его рукъ, но для этого ей не представилось удобнаго случая до сего дня. Грузины вѣруютъ, что принятіе Таинъ въ день субботній имѣетъ большое преимущество, а потому она желала (пріобщиться) не за воскресною обѣдней, а за субботнею.

На этой недѣлѣ московскій патріархъ созвалъ соборъ вслѣдствіе указаній, которыя сдѣлалъ ему нашъ учитель, и совѣта, который онъ имъ далъ касательно нововведеній и разныхъ погрѣшностей въ дѣлахъ вѣры: во первыхъ, относительно того, что они не служатъ, какъ мы, на антиминсѣ съ изображеніями и съ надписями, освященномъ мощами святыхъ, а на кускѣ бѣлаго полотна; во-вторыхъ, что они, принося священную жертву, вынимаютъ не девять чиновъ (частицъ), а только четыре; въ третьихъ, что они дѣлаютъ въ нѣсколькихъ словахъ ошибки въ „Вѣрую во единаго Бога“; въ четвертыхъ, прикладываются къ иконамъ только разъ или два въ году; въ пятыхъ, не принимаютъ антидора; въ шестыхъ, касательно ихъ крестнаго знаменія при иномъ расположеніи пальцевъ; въ седьмыхъ, относительно крещенія ляховъ, ибо они крестятъ ихъ теперь вторымъ [1] крещеніемъ, и относительно разныхъ дѣлъ и обрядовъ, о коихъ мы уже говорили и будемъ говорить. Патріархъ Никонъ послушался словъ нашего владыки патріарха и перевелъ служебникъ литургіи съ греческаго языка на русскій, изложивъ въ немъ обряды и проскомидію въ ясныхъ выраженіяхъ, доступныхъ пониманію дѣтей, согласно подлинной греческой обрядности. Онъ напечаталъ этотъ служебникъ въ нѣсколькихъ тысячахъ (экземпляровъ) и роздалъ ихъ по церквамъ всей страны; напечаталъ также болѣе пятнадцати тысячъ антиминсовъ съ письменами и изображеніями, освятилъ мощами святыхъ и также роздалъ ихъ по всей странѣ. Исправилъ многія ошибки, по царскому утвержденію и по-

[1] По англійскому переводу; въ обѣихъ же нашихъ рукописяхъ: „третьимъ“.

велѣнію, на основаніи свидѣтельствъ закона и пророковъ. Заключили разсужденія на соборѣ (постановивъ), согласно мнѣнію нашего учителя, что крещеніе ляховъ недозволительно, какъ повелѣвается въ Евхологіи и Законѣ (Номоканонѣ), ибо ляхи вѣруютъ въ Св. Троицу, крещены и не такъ далеки отъ насъ, какъ прочіе еретики и лютеране, какъ-то: шведы, англичане, венгры [1] и иные франкскіе народы, кои не постятся, не поклоняются ни иконамъ, ни кресту и т. п. Патріархъ Никонъ, такъ какъ онъ любитъ грековъ, выразилъ согласіе (на исправленія) и сказалъ, обращаясь къ архіереямъ и прочимъ присутствующимъ архимандритамъ и священникамъ: „я русскій, сынъ русскаго, но мои убѣжденія и моя вѣра греческія“. Нѣкоторые изъ архіереевъ отвѣтили повиновеніемъ, говоря: „свѣтъ вѣры во Христа и всѣ обряды религіи и ея таинства возсіяли намъ изъ странъ Востока“; а нѣкоторые изъ нихъ—ибо во всякомъ народѣ непремѣнно есть люди грубаго нрава и тупого ума—внутренно возроптали, говоря про себя: „мы не перемѣнимъ своихъ книгъ и обрядовъ, кои мы приняли издревле“. Однако, они не смѣютъ говорить открыто, ибо гнѣвъ патріарха неукротимъ: (доказательство) какъ онъ поступилъ съ епископомъ Коломенскимъ, ссылая его. Патріархъ утвердилъ рѣшеніе, что крещеніе ляховъ недозволительно. Онъ передалъ нашему владыкѣ патріарху шестерыхъ священниковъ изъ ляховъ, рукоположенныхъ кардиналомъ папскимъ и проживавшихъ въ Вильнѣ. Говорятъ, что они—священники русскихъ, нашей вѣры. Одежда тамошнихъ священниковъ похожа на нашу, но они помнятъ папу; даже ихъ служебникъ литургійный подобенъ нашему. Когда одинъ изъ царскихъ бояръ, овладѣвъ какимъ-то городомъ, разрушалъ церкви ляховъ и избивалъ ихъ священниковъ, эти умоляли его (о пощадѣ), говоря, что они православные. Онъ послалъ ихъ къ патріарху Никону, чтобы тотъ разсмотрѣлъ ихъ дѣло. Пріѣхавъ (въ Москву), они прожили одиннадцать недѣль, причемъ, по причинѣ множества занятій у патріарха, никто до сихъ поръ не занялся ихъ дѣломъ, пока Богъ не послалъ имъ утѣшеніе чрезъ нашего учителя. Они готовились къ службѣ съ вечера и всю ночь пѣли молитвы.

Въ этотъ день мы взяли ихъ съ собой въ царицыну церковь. Когда нашъ владыка патріархъ подъѣхалъ къ ней, его встрѣтили бояре царицы и уполномоченные царя, состоящіе у нея на службѣ, и повели его вверхъ, гдѣ она находилась. Войдя къ

---

[1] Авторъ уже во второй разъ называетъ венгровъ лютеранами.

царицѣ, онъ благословилъ ее и ея сына, утѣшалъ (въ ея горѣ) и успокоивалъ. Она была одѣта въ черномъ, по обычаю вдовъ этой страны, даже подушка и коверъ были изъ чернаго шелка. Сынъ сидѣлъ подлѣ нея на позолоченномъ креслѣ, покрытомъ краснымъ бархатомъ, и былъ одѣтъ въ парчевое царское платье съ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Затѣмъ мы встали и сошли въ церковь, что во имя Св. Евангелиста Іоанна. Царица пришла съ сыномъ и со всѣми состоящими при ней людьми. Мы облачили нашего владыку патріарха, и онъ совершилъ водосвятіе и окропилъ церковь, царицу, сына ея и всѣхъ предстоящихъ. Затѣмъ мы подвели къ нему двоихъ изъ тѣхъ священниковъ, снявъ съ нихъ рясы, пояса и колпаки. Они сдѣлали ему три земныхъ поклона и стали передъ нимъ съ непокрытыми головами, а подлѣ нихъ сталъ драгоманъ. Нашъ владыка патріархъ началъ излагать имъ тайны нашей религіи по порядку и исповѣданію семи соборовъ. Они благословили то, что благословили соборы, и прокляли то, что они проклинали; прокляли затѣмъ всѣхъ еретиковъ и восьмой соборъ. Потомъ заставилъ ихъ прочесть „Вѣрую во единаго Бога“ слово въ слово и далъ приложиться къ иконамъ и кресту; они преклонились до земли, и онъ прочелъ надъ ними положенныя въ Евхологіи молитвы, затѣмъ молитву муропомазанія, и помазалъ ихъ крестообразно только на головѣ. Тогда они, по нашему приказанію, поклонились ему трижды во второй разъ. Мы повели ихъ къ царскимъ вратамъ, и здѣсь они трижды поклонились, равно предъ иконами Господа и Владычицы, (какъ бываетъ) при рукоположеніи. Мы взяли ихъ подъ руки, по обычаю, произнося: „κέλευσον, κελευσάτω, κέλευσον, δέσποτα ἅγιε!“ Владыка благословилъ ихъ и надѣлъ на нихъ стихари и орари только, какъ на дьяконовъ, безъ прочтенія молитвы, и сказалъ каждому изъ нихъ: „да возрадуется душа твоя о Господѣ, ибо Онъ облекъ тебя въ одежду спасенія“ и т. д. до конца. Затѣмъ благословилъ ихъ вторично, и они стали вмѣстѣ съ нами. Кромѣ нихъ, онъ рукоположилъ въ этотъ день дьякона и священника. [Прочтя Евангеліе, я пошелъ и далъ имъ приложиться къ нему, по обыкновенію. Мы также поминали ихъ имена послѣ поминовенія царя, царицы, ихъ сына, дочерей и сестеръ (царя)]. Послѣ великаго выхода, нашъ учитель вышелъ съ крестомъ, они подошли къ нему, и онъ благословилъ ихъ крестомъ, по обыкновенію. Затѣмъ мы привели тѣхъ двухъ іереевъ, и они положили три земныхъ поклона предъ престоломъ. Владыка благословилъ ихъ и надѣлъ на нихъ епитрахили и фелони, произнося при этомъ только стихи, для того

положенные, вручилъ имъ служебникъ литургійный и велѣлъ облобызаться со священниками, по обычаю, и они стали вмѣстѣ съ ними. При выносѣ Даровъ, подошла царица для принятія Св. Таинъ изъ рукъ владыки. Сначала мы вышли съ иконой, и она къ ней приложилась, затѣмъ сдѣлала три земныхъ поклона, а два дьякона держали воздухъ чаши раскрытымъ. По принятіи Св. Таинъ, дали ей антидоръ. По окончаніи службы, мы совершили поминовеніе по ея мужѣ Давидѣ надъ сосудомъ съ кутьей и сосудомъ вина. Потомъ владыка благословилъ ихъ, и мы вышли изъ церкви и вернулись въ свой монастырь. Вслѣдъ за нами царица послала своихъ бояръ съ трапезой, съ царскимъ золоченымъ кубкомъ вина и кувшинами меда и прочаго.

Въ этотъ канунъ воскресенья мы совершили блѣніе съ большимъ торжествомъ, по случаю празднованія памяти Маріи Египетской.

Въ пятое воскресенье, рано поутру, ударили въ большой колоколъ, и было совершено великое торжество, по случаю именинъ царицы, ибо она родилась 1 апрѣля и названа Маріей. Она имѣетъ обыкновеніе устраивать въ этотъ день ежегодно большой праздникъ и трапезу для вельможъ и ихъ женъ. Такъ было и теперь. Еслибы царь присутствовалъ, то пригласилъ бы весь священный чинъ. Нашъ владыка патріархъ служилъ въ этотъ день обѣдню въ монастырской церкви и рукоположилъ священника и дьякона.

Глава XIII.

Москва.—Лазарева суббота. Вербное воскресенье. Шествіе на ослятѣ.

Въ Лазареву субботу ударили въ колокола съ ранняго утра къ литургіи для тѣхъ, кто постился со вчерашняго дня до сихъ поръ ради причащенія. Московскій патріархъ служилъ обѣдню у царицы въ церкви во имя Лазаря, которая, какъ говорятъ, изъ желѣза. Въ этотъ день крестьяне привезли на саняхъ вѣтви дерева, похожаго на египетскую иву, которое дало почки безъ листьевъ. Его продавали на рынкахъ, и священники покупали его для всѣхъ церквей, чтобы раздавать вечеромъ народу. Обрати вниманіе на промыслъ Создателя и Его заботу о своемъ народѣ въ этой странѣ, ибо, видя, что у нихъ нѣтъ не только маслины, но что даже лѣсныя деревья еще не распускаются, Онъ произрастилъ для нихъ это благословенное дерево съ вѣтвями, какъ будто у настоящей египетской ивы, дабы не было у нихъ недостатка ни въ чемъ въ сравненіи со всѣми прочими христіанами міра.

Вечеромъ ударили въ великій колоколъ къ вечернѣ и звонили въ него вмѣстѣ съ прочими, равно какъ и въ полночь къ утренѣ. Мы встали къ службѣ, въ то время какъ земля дрожала отъ звона въ колокола вечеромъ. Послѣ чтенія Евангелія принесли большіе пуки упомянутыхъ вѣтвей, которыя они называютъ, подобно грекамъ, *вайи*, и утвердили на нихъ свѣчи. Нашъ владыка-патріархъ окадилъ ихъ кругомъ по обычаю, прочелъ положенную молитву, благословилъ и взялъ въ руку одну вѣтвь, послѣ чего священники и кандиловозжигатель начали рѣзать для него вѣтви и къ каждой прикрѣпляли зажженную свѣчу; онъ раздавалъ ихъ всѣмъ присутствующимъ, и они держали вѣтви съ горящими свѣчами непрерывно до третьей пѣсни. Когда чтецъ началъ положенное чтеніе, сѣли и потушили свѣчи, а когда онъ кончилъ, встали и зажгли—до седьмой пѣсни; также зажгли ихъ при девятой. Затѣмъ погасили и вышли изъ церкви, при чемъ каждый несъ вѣтвь въ рукѣ до дому, какъ большое благословеніе. Они хранятъ ихъ отъ года до года. Если бы царь присутствовалъ, то патріархъ вручилъ бы ему пальмовую вѣтвь: въ этой странѣ никто, кромѣ царя, не смѣетъ въ сей день держать пальмовую вѣтвь.

Рано утромъ въ Великое Вербное воскресенье зазвонили во всѣ колокола по порядку, ударяя въ каждый поочередно, по обыкновенію, для сбора священниковъ города и всѣхъ горожанъ, ибо праздникъ этого дня у нихъ очень почитается, все равно какъ праздникъ Крещенія. Они съ великою торжественностью празднуютъ эти дни, даже съ бо̀льшею, чѣмъ Пасху и Пятидесятницу, какъ мы это видѣли.

Наканунѣ патріархъ (Никонъ) пригласилъ нашего владыку Макарія для совмѣстной съ нимъ службы, а также и на обѣдъ, ибо въ этотъ день у него бываетъ трапеза.

Мы отправились къ нему. За недѣлю предъ тѣмъ стрѣльцы стали исправлять путь отъ Великой церкви (Успенскаго собора) до мѣста (церковь Василія Блаженнаго), находящагося внѣ воротъ Кремля. Они сколачивали доски гвоздями, осушали пескомъ грязь, такъ какъ на этой недѣлѣ снѣгъ началъ таять и шелъ дождь.

Когда пробило три часа, патріархъ вышелъ изъ своихъ покоевъ, облаченный въ мантію изъ зеленаго бархата; на ея скрижаляхъ были вышиты херувимъ и серафимъ изъ золота, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Двѣ крайнія бѣлыя полосы (струи) были изъ бѣлаго мелкаго, чистаго и превосходнаго жемчуга, а средняя, красная, была изъ драгоцѣнныхъ бусъ. На его головѣ

былъ бѣлый клобукъ, подобно митрѣ украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями. На клобукѣ крестъ, а спущенные концы его покрыты также золотомъ и драгоцѣнными каменьями.

Еще раньше всѣ діаконы, анагносты и иподіаконы, надѣвъ свои стихари въ патріаршихъ покояхъ, вышли предъ Никономъ со свѣчами и пѣли стихиры въ честь св. Лазаря, направляясь въ церковь, іеродіаконы же окружали его. Войдя въ церковь, патріархъ поднялся на архіерейское мѣсто и помолился, при чемъ всѣ діаконы вмѣстѣ съ пѣвчими пѣли „Достойно есть“, а затѣмъ „Многая лѣта“. Никонъ благословилъ народъ трикиріемъ, сошелъ и приложился, вмѣстѣ съ нашимъ патріархомъ и архіереями, по обычаю, къ образамъ, престолу, Евангелію, кресту и жертвеннику. Затѣмъ они вышли въ нарѳексъ, и всѣ здѣсь облачились.

Послѣ этого патріарху поднесли вѣтвь отъ упомянутаго дерева, онъ взялъ только одну вѣточку, то же сдѣлалъ и нашъ учитель. Затѣмъ онъ роздалъ ихъ всѣмъ служащимъ, а потомъ и всѣмъ вельможамъ царскимъ, которые, по случаю торжества праздника, были въ этотъ день одѣты въ одежды изъ золотой парчи. Затѣмъ, сойдя, патріархъ вошелъ въ алтарь и началъ чинъ крестнаго хода. Онъ прочелъ положенную молитву, а архидіаконъ предъ царскими вратами произнесъ большую ектенію, послѣ которой патріархъ сказалъ возгласъ; затѣмъ патріархъ взялъ кадильницу, окадилъ крестъ на престолѣ и, приложившись къ нему, положилъ его на серебряный подносъ, носимый однимъ изъ діаконовъ; онъ кадилъ предъ маленькимъ вызолоченнымъ Евангеліемъ и взялъ его самъ.

Всѣ мы вышли изъ западныхъ дверей храма, сначала хоругви, а потомъ священники, игумены монастырей, числу которыхъ нѣтъ счета.

Передъ всѣмъ этимъ крестнымъ ходомъ везли большое дерево, котораго вѣтви украшали съ ранняго утра до настоящаго времени. Къ нимъ привязывали кисти изъ изюма, леденцовъ и множество яблокъ. Потомъ поставили дерево въ сани и крѣпко привязали.[1]

Вокругъ него прикрѣпили доски, на которыя стали въ стихаряхъ шесть маленькихъ анагностовъ, поя очень высокимъ голо-

---

[1] По словамъ нашего почтеннаго ученаго Ивана Егоровича Забѣлина, извѣстнаго знатока русской исторіи и древностей, экипажъ, на которомъ устраивалась верба, назывался санями, хотя и былъ на колесахъ. См. его *Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіи*, часть 1. Москва, 1872 года, стр. 351.

сомъ стихиры [1] въ честь св. Лазаря. Всѣхъ ихъ везла пара лошадей скорымъ шагомъ.

Съ ранняго утра снарядили 100 отроковъ [2] изъ дѣтей стрѣльцовъ, дали имъ, какъ это у нихъ принято ежегодно, изъ царской казны сто кафтановъ изъ сукна разныхъ цвѣтовъ: зеленаго, краснаго, голубого, желтаго и иныхъ; каждый изъ нихъ надѣлъ кафтанъ и приготовились къ церемоніи. Учить ихъ и руководить ими было поручено особому сотнику.

Потомъ подвели къ патріарху лошадь, всю покрытую бѣлымъ холстомъ, облегавшимъ корпусъ ея подобно рубахѣ, такъ что одни только глаза ея и были видны. Лошадь эта была дрессированная, умная и послушливая, и ее отъ года до года держали наготовѣ для этого дня. На лошади, взамѣнъ сѣдла, было устроено бархатное сѣдалище въ родѣ кресла, обращенное на одну сторону.

Патріархъ Никонъ предложилъ нашему владыкѣ сѣсть на приготовленную лошадь вмѣсто него, но онъ не пожелалъ, дабы, въ качествѣ зрителя, свободнѣе наблюдать удивительный обрядъ, который совершается у русскихъ въ этотъ день и отъ котораго мы пришли въ восхищеніе.

Тогда патріарху подали стулъ, покрытый чернымъ сукномъ, и онъ, при помощи его, сѣлъ на лошадь въ упомянутое сѣдалище [3], свѣсивъ ноги съ одной стороны, и прислонился къ его

---

[1] Въ подлинникѣ, вмѣсто слова „стихиры“, стоитъ „гимнъ, восхваленіе“; мы перевели его „стихиры“, потому что въ только-что цитированной нами книгѣ И. Е. Забѣлина оно встрѣчается въ параллельномъ описаніи.

Вотъ это мѣсто: „На санях подъ деревомъ за перилами стояли и пѣли *стихиры* цвѣтоносью патріаршіе пѣвчіе, поддъяки меньшихъ станицъ— мальчики лѣтъ двѣнадцати, въ бѣлыхъ одеждахъ“.

[2] Число отроковъ, по словамъ почтеннаго автора книги *Домашній бытъ русскихъ царей XVI и XVII ст.* Ив. Ег. Забѣлина, измѣнялось. Онъ говоритъ: „Число стрѣлецкихъ дѣтей, участвовавшихъ въ обрядѣ (шествія къ церкви Василія Блаженнаго), не всегда было одинаково и увеличивалось или уменьшалось, смотря по обстоятельствамъ. Разумѣется, великолѣпіе въ обстановкѣ обряда болѣе всего зависѣло отъ состоянія погоды. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда вообще въ обрядахъ было менѣе пышности, число дѣтей простиралось отъ 50 до 100; при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ оно доходило до 800, а при царѣ Ѳеодорѣ до 1.000 человѣкъ, изъ которыхъ 800 стлали сукна, а 200 кафтаны“.

[3] Константинъ Никольскій, авторъ книги „О службахъ Русской Церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ“ (С.-Петербургъ, 1885 г.), увѣряетъ, что въ это время, то-есть во второй половинѣ XVII столѣтія, и даже раньше, обрядъ шествія на осляти былъ воз-

спинкѣ; въ правой рукѣ онъ держалъ крестъ, а въ лѣвой Евангеліе.

Вельможи и высшіе государственные чины оказывали ему знаки должнаго почтенія, и всѣ они были одѣты въ парчевое платье съ дорогими каймами, украшенными жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.

Затѣмъ подошелъ царскій намѣстникъ и, взявъ лошадь за длинную узду, повелъ ее, идя передъ патріархомъ медленнымъ шагомъ. Если бы въ это время находился въ Москвѣ царь, то онъ бы самъ правою рукой повелъ патріаршую лошадь, какъ онъ обыкновенно это дѣлалъ. Мы направились по упомянутымъ выше длиннымъ и удобнымъ мосткамъ. Съ обѣихъ сторонъ были выстроены стрѣльцы со своими шестисотенными начальниками.

Упомянутые отроки, по пяти человѣкъ съ каждой стороны пути, спѣшили взапуски разстилать свои кафтаны, одинъ рядомъ съ другимъ, подъ ноги патріаршей лошади, и когда лошадь проходила по нимъ, они быстро поднимали и, забѣжавъ впередъ, снова разстилали ихъ. Это было зрѣлище, смотрѣть которое мы пожелали бы всякому другу [1]. Въ это время всѣ колокола неумолчно гудѣли, такъ что казалось, какъ будто дрожала земля. Патріархъ осѣнялъ крестомъ народъ направо и налѣво, а нашъ владыка шелъ позади Никона, а за нимъ архіерей; высшіе же сановники и патріаршіе бояре, вмѣстѣ со стрѣлецкими начальниками, замыкали шествіе, а также и окружали его съ обѣихъ сторонъ и шли впереди. Что наиболѣе привело насъ въ восторгъ, такъ это многочисленные отроки съ разноцвѣтными кафтанами и поспѣшность, съ которою они разстилали ихъ, что они продолжали дѣлать, пока мы не вышли изъ воротъ Кремля и не спустились на площадь.

Архидіаконъ съ другимъ діакономъ поодаль кадили патріарху, въ то время когда онъ ѣхалъ и благословлялъ народъ. Такимъ

становленъ въ надлежащемъ видѣ, то-есть патріархъ въ это время ѣздилъ не отъ Успенскаго собора къ церкви Василія Блаженнаго и обратно, а только возвращался верхомъ отъ послѣдней церкви къ собору.

[1] Вотъ какъ описываетъ это же самое И. Е. Забѣлинъ въ цитированномъ нами выше его трудѣ: „По всему пути во время этого шествія дѣти стрѣльцовъ, мальчики отъ 10 до 15 лѣтъ, постилали передъ государемъ и патріархомъ сукна разныхъ цвѣтовъ, преимущественно красныя и зеленыя. Сукна были сшиты кусками по 6 арш. въ длину и по 4 арш. въ ширину; у каждаго куска дѣтей было по шести человѣкъ, по три съ каждой стороны. Когда одни изъ нихъ разстилали эти сукна, другіе по сукну стлали суконные же однорядки и кафтаны, также яркихъ цвѣтовъ, красные, зеленые, голубые и т. п.“

образомъ крестный ходъ достигъ большого храма, единственнаго въ мірѣ зданія по красотѣ постройки и его архитектурѣ и разноцвѣтной окраскѣ его куполовъ.

Это зданіе составляетъ не одинъ храмъ, а какъ бы нѣсколько соединенныхъ вмѣстѣ. Этотъ храмъ извѣстенъ подъ именемъ церкви Пресвятой Троицы [1]. Приблизившись къ этому храму, шествіе остановилось и упомянутое дерево и хоругви остались внизу передъ входомъ. Патріарху опять подали стулъ, покрытый сукномъ, и онъ сошелъ съ лошади у ступеней лѣстницы и поднялся въ одинъ изъ придѣловъ этого храма, во имя Входа Господня въ Іерусалимъ, ибо всѣ эти придѣлы уподобляются Виѳаніи, а Кремль—Іерусалиму.

Здѣсь былъ совершенъ чинъ крестнаго хода. Патріархъ прочелъ Евангеліе, послѣ чего взялъ крестъ обѣими руками и, держа его прямо, трижды осѣнилъ имъ восточную сторону, при чемъ архидіаконъ окадилъ его трижды, возглашая: „Господу помолимся. Рцемъ всѣ“. Затѣмъ патріархъ обратился съ крестомъ къ тремъ другимъ сторонамъ и также осѣнилъ ихъ, а архидіаконъ также кадилъ ему трижды и повторялъ тѣ же самыя слова. Никонъ, приложившись ко кресту, положилъ его на подносъ и, вмѣстѣ съ нашимъ учителемъ, приложился къ иконѣ Входа Господня въ Іерусалимъ, послѣ чего прочтенъ былъ отпустъ.

Мы вышли изъ церкви, патріархъ снова сѣлъ на лошадь, и сани съ „древомъ“ и діаконы пошли впередъ; и каждый изъ нихъ занялъ свое мѣсто. Отроки опять постилали свои платья, пока мы не возвратились въ соборный храмъ, сопровождаемые колокольнымъ трезвономъ. Мы вошли въ храмъ, а съ древомъ остановились передъ южными вратами церкви. Патріархъ взошелъ на архіерейское мѣсто, прочіе же заняли мѣста вокругъ него; начались часы, и обѣдня была окончена рукоположеніемъ священника и діакона.

Затѣмъ взошли на амвонъ, и патріархъ прочелъ поученіе на этотъ день, совершилъ отпустъ и, сойдя, вышелъ изъ южныхъ вратъ храма, и мы съ нимъ. Подойдя къ древу, Никонъ окадилъ и благословилъ его. Двѣ вѣтви, по его приказанію, были отру-

---

[1] Въ древности, до Іоанна Грознаго, на мѣстѣ собора Покрова Пресвятой Богородицы, извѣстнаго болѣе подъ именемъ церкви Василія Блаженнаго, стоялъ деревянный храмъ во имя Пресвятой Троицы Этотъ храмъ замѣненъ былъ, при постройкѣ собора, особымъ придѣломъ также во имя Пресвятой Троицы, который сохраняется и донынѣ въ числѣ верхнихъ придѣловъ.

блены топоромъ однимъ стрѣльцомъ и внесены въ церковь. Здѣсь ихъ разрѣзали на мелкія части и положили на серебряные полносы, вмѣстѣ съ изюмомъ, сахаромъ и яблоками, и патріархъ послалъ это царицѣ, ея сыну, дочерямъ и сестрамъ царя. Остальныя части „древа“ раздѣлилъ между собой народъ.

Русскіе имѣютъ большую вѣру въ означенное „древо“ и берутъ части его съ большимъ благоговѣніемъ. Намъ передавали, что оно приноситъ пользу во всѣхъ болѣзняхъ, въ особенности при зубной боли; если положить кусочекъ его на больной зубъ, то боль проходитъ.

Разоблачившись, мы всѣ пошли съ патріархомъ въ его покои на трапезу, такъ какъ угощеніе въ этотъ день идетъ отъ патріарха.

Прежде всего Никонъ послалъ яства и напитки царицѣ и всему царскому семейству [1], и только послѣ этого онъ сѣлъ за столъ вмѣстѣ съ нашимъ владыкой, архіереями и всѣми архимандритами, а мы сѣли за трапезу, по правую его руку. Всѣ высшіе государственные чины заняли трапезу налѣво отъ Никона.

Если бы царь былъ въ Москвѣ, то онъ занялъ бы первое мѣсто за столомъ. При уходѣ царь обыкновенно получаетъ 100 золотыхъ динаровъ въ даръ, какъ бы вознагражденіе за свой трудъ, именно за хожденіе въ крестномъ ходу и за то, что онъ велъ поодаль своимъ мизинцемъ за поводъ патріаршую лошадь.

Намъ передавали, что ежегодно эти сто динаровъ царь кладетъ въ свою казну на храненіе на издержки своего погребенія, такъ какъ деньги эти заработаны его собственнымъ потомъ и трудомъ.

Посмотрите на эти обычаи, какъ они прекрасны! Патріархъ даетъ ему также три сорока соболей, два куска бархата и два куска атласа за его хожденіе, въ то время какъ патріархъ ѣхалъ верхомъ.

Затѣмъ въ столовую привели нищихъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ, безногихъ и поставили для нихъ столъ близъ патріарха; онъ

---

[1] По словамъ И. Е. Забѣлина, кушанья государю и его семейству въ этотъ день посылались патріархомъ не передъ началомъ трапезы, какъ разсказываетъ Павелъ, а по окончаніи ея. Вотъ это мѣсто: „Послѣ стола патріархъ посылалъ къ царю и ко всему царскому семейству со столами, то-есть съ полнымъ количествомъ кушаній, составляющихъ обѣдъ“.

подзывалъ каждаго изъ нихъ, кормилъ и поилъ ихъ съ полнымъ уваженіемъ. При видѣ всего этого, мы почувствовали тошноту.

Наконецъ патріархъ поднялся, ему поднесли тазъ и кувшинъ, и онъ обошелъ нищихъ, умывая, вытирая и лобзая ихъ ноги, всѣмъ по порядку, при чемъ раздавалъ имъ милостыню до послѣдняго. Мы дивились чрезвычайно, глядя на это, и были тронуты до слезъ. Говорили намъ, что таковъ постоянно обычай ихъ царей во время обѣдовъ. За столомъ оставались вплоть до вечера; мы возвратились въ свой монастырь весьма удивленные всѣмъ видѣннымъ.

Что же касается до упомянутыхъ отроковъ, то, когда возвратились и патріархъ вошелъ въ соборъ служить обѣдню, они въ это время ходили къ рѣкѣ, отмыли грязь на своихъ кафтанахъ и, надѣвъ ихъ, стали на дорогѣ, дожидаясь выхода патріарха. Когда онъ, по окончаніи, вышелъ изъ собора, всѣ они громкимъ голосомъ выразили ему свои благопожеланія. Онъ приказалъ, по обыкновенію, дать имъ обѣдать, послѣ чего роздалъ каждому по піастру. [1] Они не переставали цѣлый день до самого вечера, стоя предъ домомъ патріарха, пѣть хвалебные гимны. Такая имъ бываетъ радость изъ года въ годъ—получить кафтанъ и піастръ. Кромѣ дѣтей стрѣльцовъ и чаушей, никто изъ отроковъ не смѣетъ принять участіе въ крестномъ ходу, и каждый годъ они исполняютъ свои обязанности поочередно.

Вотъ описаніе того, что мы видѣли изъ удивительныхъ вещей, о братія христіане, въ странѣ московитовъ въ Вербное воскресенье. Да увѣковѣчитъ Господь ихъ царство во вѣки вѣковъ! Аминь.

Глава XIV.

Москва.—Служенія въ среду и четвергъ Страстной недѣли въ Успенскомъ соборѣ.

Въ Великую середу, послѣ чтенія часовъ, патріархъ Никонъ далъ прощеніе и просилъ его у присутствующихъ, взялъ въ руки крестъ и всѣ стали подходить прикладываться ко кресту и просили у него прощенія.

Вечеромъ во всѣхъ церквахъ было отслужено великое повечеріе, ибо русскіе всегда его совершаютъ до кануна Пасхи,

---

[1] Объ этомъ И. Е. Забѣлинъ говоритъ такъ: „Всѣхъ стрѣлецкихъ дѣтей, которые стлали путь, патріархъ приказывалъ также поить и кормить до воли и жаловалъ имъ изъ своей казны по двѣ гривны каждому“.

какъ мы это замѣтили. На этой недѣлѣ у нихъ не бываетъ торговли иной какъ съѣстными припасами. Всѣ они, въ теченіе всѣхъ часовъ службы, предаются молитвѣ съ великою набожностью и благоговѣніемъ, со многими поясными и земными поклонами.

Рано утромъ въ Великій четвергъ ударили въ колокола. Нашъ владыка патріархъ отправился къ Никону, по его приглашенію. Послѣ третьяго часа всѣ изъ патріаршихъ покоевъ направились въ соборъ, гдѣ оба патріарха облачились, по обыкновенію, въ нарѳексѣ Архіереи, настоятели монастырей и прочіе священники въ своихъ облаченіяхъ вышли къ патріархамъ и стали вокругъ Никона въ обыкновенномъ порядкѣ. Еще раньше въ срединѣ храма екклесіархъ поставилъ столъ въ видѣ стольца [1] изъ разноцвѣтнаго франкскаго мрамора о четырехъ деревянныхъ ножкахъ, и покрылъ его парчой съ затѣйливою каймой. На четырехъ его углахъ онъ поставилъ по серебряному вызолоченному подсвѣчнику, а на срединѣ стола—большой серебряный вызолоченный сосудъ, наполненный масломъ, съ гранями и кольцами, за которыя его носятъ,—на подобіе большой чаши или мраморнаго резервуара [2]. Возлѣ него поставилъ серебряный кувшинъ съ виномъ и высокую съ отваломъ чашу, наполненную пшеницей; въ нее было вставлено, по обыкновенію, семь зажженныхъ свѣчей и семь стручцевъ, обернутыхъ ватой. Все это было поставлено съ лѣвой стороны, а съ правой положили св. Евангеліе.

Когда патріархъ Никонъ спросилъ у нашего владыки, все-ли въ этомъ обрядѣ слѣлано какъ слѣдуетъ, тотъ отвѣтилъ: „да, но одного только не хватаетъ“, при этихъ словахъ онъ взялъ кувшинъ съ виномъ и налилъ на масло, какъ велитъ Ветхій Завѣтъ и Святое Евангеліе, гдѣ говорится, что Господь—да будетъ возвеличено имя Его!—излилъ на раны человѣка, впавшаго въ руки разбойниковъ, вино вмѣстѣ съ масломъ. Никонъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ и остался доволенъ.

Затѣмъ они начали службу „кандила“, то-есть чинъ елеосвященія. По обыкновенію, пропѣли первые положеные тропари предъ возглашеніемъ ектеніи, патріархъ сошелъ и прочелъ положенную молитву надъ елеемъ, какъ это дѣлается у грековъ; послѣ этого архидіаконъ, взявъ кадильницу, окадилъ елей, говоря: „бла-

---

[1] Такъ въ уставѣ называется квадратный маленькій столикъ, употребляемый въ церкви при нѣкоторыхъ службахъ.

[2] Этотъ сосудъ въ уставѣ имѣетъ особое названіе „кандило“.

гослови, владыко", а патріархъ произнесъ „благословенно"; затѣмъ архидіаконъ возгласилъ положенную ектенію, а патріархъ взошелъ на свое мѣсто. Предъ чтеніемъ Апостола анагностъ произнесъ трижды прокименъ, который былъ пропѣтъ на обоихъ клиросахъ, какъ это у нихъ принято. Прочитавъ Апостолъ, онъ возгласилъ прокименъ Евангелія его гласомъ: это также пропѣли въ сопровожденіи „аллилуія". Таковъ постоянный обычай ихъ, какъ мы объ этомъ говорили, что они не читаютъ ни Апостола, ни Евангелія безъ прокимена, какъ это слѣдуетъ и по уставу. Затѣмъ діаконы поднесли патріарху Евангеліе и архидіаконъ, совершивъ кажденіе, остановился предъ патріархомъ и возгласилъ: „премудрость прости" до конца. Тогда съ патріарха сняли митру, также съ нашего учителя, архіереевъ и архимандритовъ, и онъ прочелъ Евангеліе. Послѣ этого Никонъ сошелъ съ облачальнаго мѣста, ему надѣли митру и онъ прочелъ первую молитву надъ елеемъ. Архидіаконъ въ ектеніи поминалъ имя царя, царицы, ихъ сына, дочерей и сестеръ царя и всѣхъ православныхъ христіанъ. Когда патріархъ окончилъ молитву, въ которой также назвалъ упомянутыя имена, онъ взялъ изъ сосуда съ пшеницей одинъ стручецъ и, благословивъ имъ крестообразно елей, зажегъ его и поставилъ опять на свое мѣсто; затѣмъ, взявъ одну свѣчу, онъ погасилъ ее въ елеѣ и возвратился на свое мѣсто. Нашъ учитель также прочелъ Евангеліе, а я сказалъ ектенію съ именами царствующаго дома, послѣ чего онъ произнесъ молитву надъ елеемъ и, изобразивъ другимъ стручцемъ крестное знаменіе, зажегъ его, потушилъ вторую свѣчу и возвратился на свое мѣсто; то же сдѣлалъ сербскій архіепископъ и другіе архіереи, до седьмого. Послѣ зажженія семи стручцевъ и погашенія семи свѣчей, патріархъ Никонъ сошелъ, имѣя подлѣ себя нашего учителя. Архіереи раскрыли надъ ихъ головами Евангеліе у самаго елея. Затѣмъ онъ взялъ изящную серебряную ложку и мѣшалъ ею елей сверху до низу, чтобы, какъ они думаютъ, благословеніе проникло во всю массу. Потомъ онъ наполнилъ три стеклянные сосуда и одинъ, затѣйливый, серебряный вызолоченный, который приказалъ принести изъ казны, чтобы послать его царю. Благословивъ сосудъ, онъ прочелъ надъ нимъ молитву за здравіе царя и проспилъ то же сдѣлать и нашего владыку, который благословилъ сосудъ и прочелъ надъ нимъ молитву. Затѣмъ Никонъ запечаталъ сосудъ и вручилъ его царскому намѣстнику. Позвали сотника, чтобы съ нимъ послать его къ царю Здѣсь же, находясь на своемъ мѣстѣ, Никонъ написалъ царю письмо; запечатавъ его, онъ благословилъ

посланнаго, преклоняясь предъ нимъ, что означало желаніе патріарха, чтобы тотъ также поклонился за него царю. Отпустивъ посланнаго, Никонъ обратился къ нашему учителю и оба патріарха взаимно помазали другъ друга елеемъ. Затѣмъ они оба стали съ архіепископомъ сербскимъ, а діаконы предъ ними держали вышеупомянутые три сосуда, и они начали помазывать елеемъ всѣхъ присутствующихъ, отъ архіереевъ и священниковъ до высшихъ чиновъ государства и народа, съ соблюденіемъ полнаго спокойствія и тишины.

Когда окончили, они сѣли на короткое время на свои сѣдалища, пока не убрали стольца и стоявшихъ на немъ сосудовъ. У нихъ раньше былъ обычай, въ присутствіи царя, по окончаніи этой службы, удаляться (на время) изъ церкви и затѣмъ опять приходить, но теперь, къ нашему счастью, Богъ внушилъ патріарху, чтобы всѣ вошли въ алтарь для омовенія престола.

Всѣ стали по порядку вокругъ престола и сняли съ него верхнюю парчевую одежду.

Вслѣдствіе сильной любви къ греческимъ обрядамъ, патріархъ Никонъ постоянно просилъ нашего владыку патріарха, чтобы онъ, всякій разъ когда найдетъ какія-нибудь неточности въ исполненіи обрядовъ, указывалъ на нихъ и сдѣлалъ, какъ считаетъ правильнымъ. У нихъ въ обычаѣ, при омовеніи престола, снимать только его верхнюю шелковую одежду и вытирать сверху мокрою губкой нижнюю льняную, такъ какъ всѣ престолы у нихъ деревянные. Но нашъ владыка патріархъ приказалъ снять также и нижнюю бѣлую срачицу. Затѣмъ они омыли престолъ губкой, какъ принято. При этомъ Никонъ держалъ въ рукахъ Типиконъ (уставъ) и постоянно въ него заглядывалъ, провѣряя по порядку обрядъ, какъ онъ у нихъ принятъ. Послѣ того какъ вытерли и одѣли престолъ, вышли изъ алтаря и начали часы. Обѣдня была окончена рукоположеніемъ священника и діакона.

Послѣ этого мы вышли въ нарѳексъ для совершенія обряда омовенія ногъ. Здѣсь уже раньше была поставлена длинная скамейка на лѣвой сторонѣ хороса, покрытая большимъ ковромъ, для священнослужителей, представлявшихъ учениковъ Господа. На первомъ мѣстѣ было приготовлено высокое сѣдалище, покрытое также ковромъ; на него посадили нашего владыку на мѣстѣ св. Петра, основателя его престола. Замѣть это совпаденіе— да благословенъ будетъ Творецъ! Ниже, по лѣвую руку, былъ поставленъ стулъ, на который посадили архіепископа сербскаго. Архидіаконъ и другой діаконъ вошли въ алтарь, вывели пер-

вымъ лицо, изображавшее Іуду, и посадили его на высокое сѣдалище подлѣ подсвѣчника, затѣмъ входили и выходили изъ алтаря, ведя попарно архіереевъ и настоятелей монастырей. Начиная отъ царскихъ вратъ, діаконы, держа ихъ подъ руки, дѣлали вмѣстѣ съ ними легкій поклонъ патріархамъ; пройдя шагъ, они наклоняли имъ голову во второй, а пройдя еще, въ третій разъ. Затѣмъ они сажали ихъ на приготовленную скамью. Поставленъ былъ аналой для архидіакона противъ патріарха, внизу, на который тотъ положилъ Евангеліе. Затѣмъ архидіаконъ кадилъ кругомъ, а другой діаконъ произнесъ: „премудрость прости“ и т. д. Архидіаконъ началъ читать Евангеліе и дочелъ до мѣста: „Поставъ съ вечери и положи ризы“. Тогда съ Никона сняли митру и саккосъ, а когда діаконъ дошелъ до мѣста: „И пріемъ лентіонъ, препоясася“, подали ему полотняный передникъ, съ длинными завязками, и привязали ему ихъ крѣпко подъ мышками, крестообразно спереди и сзади Затѣмъ надѣли ему поручи изъ бѣлаго льна, также съ завязками. Далѣе, при словахъ: „потомъ влія воду въ умывальницу“, поднесли патріарху большой серебряный кувшинъ, взявъ который, онъ отлилъ воды въ другой маленькій прекрасный кувшинъ. Предъ нимъ понесли тазъ и онъ началъ умывать ноги сначала лицу, которое изображало Іуду; кончивъ, облобызалъ его ноги и благословилъ его; то же сдѣлалъ съ остальными: омылъ и облобызалъ имъ ноги, и благословилъ ихъ самихъ, пока не дошелъ до нашего владыки патріарха; при этомъ онъ произнесъ извѣстныя слова къ Петру, а переводчикъ переводилъ ихъ слова. Затѣмъ патріархъ взошелъ на свое мѣсто, а архидіаконъ докончилъ чтеніе Евангелія, которое поднесъ патріарху, по обыкновенію. Затѣмъ патріархъ прочелъ другое Евангеліе съ непокрытою головой. Окончивъ чтеніе, онъ сошелъ на средину церкви и сталъ той водой (которой омывалъ ноги) кропить всѣхъ, вмѣстѣ съ нашимъ учителемъ, кропиломъ изъ свиной щетины, начиная съ архіереевъ и прочихъ священнослужителей, а также бояръ и всѣхъ присутствующихъ.

Народъ толпился около патріарховъ и они окропили издали всѣхъ до послѣдняго.

Послѣ этого патріархъ, взойдя на амвонъ, прочелъ поученіе, положенное на этотъ день, до того пространное, что мы не чувствовали подъ собой ногъ отъ усталости, потому что и безъ того съ ранней зари до сихъ поръ мы все время были на ногахъ. Затѣмъ онъ совершилъ отпустъ, и пѣвчіе пропѣли „многая лѣта“ сначала ему, а потомъ царю, какъ это принято.

Тогда вошли въ алтарь, разоблачились и поздравили другъ друга. Итакъ, мы могли выйти изъ церкви лишь послѣ того, какъ часы пробили одиннадцать. Мы не въ состояніи были придти въ себя отъ усталости и наши ноги подкашивались. Да поможетъ намъ Богъ докончить эту недѣлю! Повидимому, ноги у нихъ изъ желѣза, однако въ этой странѣ нѣтъ иной замѣтной болѣзни, какъ только подагра и неизлѣчимая боль въ ногахъ, начиная съ царей и кончая бѣдняками,—все это пропсходитъ отъ ихъ продолжительнаго стоянія въ церквахъ.

Большинство мірянъ, мужчинъ и женщинъ, исповѣдуются въ этотъ день въ своихъ приходахъ, гдѣ для нихъ совершается и чинъ освященія елея. Намъ разсказывали, что священникъ кладетъ на аналоѣ предъ исповѣдующимся крестъ, Евангеліе и образъ, чтобы устрашить его и заставить разсказывать по порядку всѣ свои грѣхи. У нихъ не дозволяется исповѣдоваться внѣ храма.

На этой недѣлѣ не открываютъ базаровъ, какъ мы говорили, потому что русскіе заняты исключительно говѣніемъ, безпрерывною молитвой и поклонами. Вечеромъ зазвонили въ колокола и народъ пошелъ слушать повечеріе.

Глава XV.

Москва.—Чинъ омовенія мощей въ Великую пятницу. Чинъ плащаницы въ Великую субботу.

Въ канунъ Великой пятницы, во второмъ часу ночи, ударили во всѣ колокола и встали къ великому бдѣнію. Когда мы вошли въ церковь, всѣмъ присутствующимъ были розданы свѣчи, которыя зажигали при каждомъ Евангеліи. Дьяконъ кадилъ при каждомъ же Евангеліи и возглашалъ: *Премудрость прости* и пр При третьей пѣснѣ прочли поученіе, равно и при седьмой другое поученіе съ синаксаремъ, но не читали перваго часа. Мы вышли позднею ночью. У нихъ существуетъ обычай, что канонъ не поется, какъ у насъ постоянно, во всѣ дни года, но читается внѣ (алтаря), а поютъ только ирмосы.

Въ Великую пятницу раннимъ утромъ, въ третьемъ часу, ударили въ колокола и мы отправились въ Великую церковь (Успенскій соборъ)

Еще раньше на *хорост* былъ поставленъ огромный столъ, весь покрытый парчевою матеріей. Предъ нимъ стоялъ другой, упомянутый нами вчера, мраморный столъ, покрытый покровомъ, также расшитымъ золотомъ. Между этими двумя столами былъ

оставленъ проходъ. Предъ послѣднимъ изъ нихъ поставлены были три высокіе покрытые аналоя, одинъ возлѣ другого. Затѣмъ на мраморный столъ поставили большіе водосвятные сосуды, изъ которыхъ два были серебряные, съ гранями, на подобіе бассейновъ въ баняхъ [1], съ принадлежащими къ нимъ кувшинами, чашками и другою утварью. На сѣверномъ (лѣвомъ) аналоѣ положенъ былъ кіотъ съ иконами годовыхъ праздниковъ, на которомъ было изображено Распятіе. На правомъ аналоѣ находились Евангеліе и Крестъ.

Когда оба патріарха облачились съ другими архіереями, архимандритами, іереями и діаконами, которымъ не было числа, Никонъ сошелъ (съ облачальнаго мѣста) и мы съ нимъ вышли изъ собора южными дверями храма въ предшествіи хоругвей и свѣчей вмѣстѣ со священниками, которые шли попарно впереди. Архидіаконъ съ другимъ діакономъ кадили ему двумя кадильницами, чрезъ минуту смѣняемые другими двумя, на мѣсто которыхъ они снова являлись. Такъ это продолжалось, пока мы не поднялись въ церковь Благовѣщенія, въ которой находятся мощи всѣхъ святыхъ. При этомъ звонили во всѣ колокола, такъ что дрожала земля. Стрѣльцы стояли въ рядъ по обѣимъ сторонамъ. Здѣсь же присутствовали царскій намѣстникъ и всѣ министры. Когда мы вошли въ храмъ, оба патріарха, по обыкновенію, приложились къ мѣстнымъ иконамъ.

Предъ царскими вратами на длинномъ столѣ, покрытомъ парчой, лежали въ порядкѣ небольшіе продолговатые ковчежцы, серебряные вызолоченные. Только по изображеніямъ на нихъ съ надписями можно опредѣлить, какихъ именно святыхъ мощи находятся въ нихъ. Такихъ ковчежцевъ было тридцать пять. Во многихъ изъ нихъ заключаются мощи нѣсколькихъ святыхъ, иконы и имена которыхъ изображены на нихъ съ большимъ искусствомъ Здѣсь же на пятнадцати большихъ фарфоровыхъ блюдахъ находились маленькія иконы, крестики, круглые образки съ сіяніемъ и привѣски, въ которыя также были вложены частицы св. мощей. Далѣе поставлены были десять большихъ

---

[1] На Востокѣ повсемѣстно въ баняхъ употребляются для мытья довольно большіе каменные бассейны, съ которыми Павелъ сравниваетъ видѣнные имъ сосуды. Эти бассейны высѣкаются изъ цѣльнаго куска крѣпкаго гранита или мрамора и имѣютъ видъ большихъ кубковъ вышиною приблизительно въ 1 метръ, съ круглымъ водовмѣстилищемъ внутри. Съ наружной стороны они бываютъ или совершенно гладки или имѣютъ четыре граненые угла въ видѣ столбиковъ, высѣченныхъ съ бассейномъ изъ одного куска.

иконъ съ отверстіями, гдѣ находились части Св. Животворящаго Креста и животочивое муро, а также и мощи святыхъ. Вотъ сокровища, находящіяся въ ризницѣ этой церкви. Что же касается драгоцѣнныхъ святынь, которыя заключаются въ сокровищницѣ царя, какъ объ этомъ Никонъ теперь передавалъ нашему учителю, то имъ счету нѣтъ.

Никонъ, взявъ кадильницу, окадилъ вокругъ св. мощей и съ непокрытою головой сталъ прикладываться по порядку къ каждымъ изъ нихъ. То же сдѣлалъ и нашъ учитель, и я, грѣшный, съ нимъ, благодаря Всемогущаго Бога, который сподобилъ насъ удостоиться столь великихъ милостей—воочію узрѣть эти сокровища и честные останки и приложиться къ нимъ въ этотъ день Великой пятницы, ибо никто не удостоивается этой великой чести, кромѣ патріарха и присвоеннаго ему архидіакона, который всегда находится у него по правую руку.

Совершивъ кажденіе предъ святынями, патріархъ взялъ себѣ одну икону, другую вручилъ нашему учителю, а третью—архіепископу сербскому; затѣмъ онъ сталъ раздавать остальное архіереямъ, архимандритамъ и прочимъ священникамъ, пока не роздалъ все.

Оба патріарха, открывая шествіе, вышли изъ церкви съ обнаженными головами, неся на нихъ иконы, а мы съ ихъ митрами шли около нихъ. Предъ патріархами, смѣняясь, кадили діаконы. Архіереи вмѣстѣ съ прочими настоятелями монастырей и священниками слѣдовали позади по два въ ряду; при этомъ звонили во всѣ колокола.

Толпы народа, обращаясь лицомъ къ святынямъ, палали ницъ во все время продолженія шествія, пока мы не вошли въ Успенскій соборъ, гдѣ патріархъ Никонъ остановился предъ большимъ столомъ, а нашъ учитель возлѣ него.

Прежде всего они поставили въ рядъ иконы на противоположной отъ себя сторонѣ стола, а потомъ, принявъ ковчеги со св. мощами, разставили ихъ кругомъ на столѣ, а посрединѣ его—вышеупомянутыя блюда. Когда все это было уставлено, Никонъ сталъ кадить кругомъ святынь. Снявъ свою митру, онъ пошелъ, въ сопровожденіи всѣхъ священнослужителей, туда, гдѣ находится сокровищница собора и чудесный мѣдный куполъ, гдѣ помѣщается многоцѣнное сокровище.

И въ самомъ дѣлѣ, что̀ это за сокровище! это риза Господня, хитонъ Господа Христа—да будетъ прославлено имя Его!—съ которымъ ничто не можетъ сравниться цѣной. Всѣ цари земные

томятся страстнымъ желаніемъ узрѣть эту святыню и облобызать ее.

Екклесіархъ далъ знать звонарямъ и они ударили во всѣ колокола изъ уваженія и почтенія къ этой святынѣ.

Патріархъ съ нашимъ учителемъ помолились предъ позлащеннымъ ковчегомъ, послѣ чего Никонъ окадилъ и понесъ его на головѣ медленнымъ шагомъ. Колокола продолжали звонить, церковь колебалась какъ отъ этого гула, такъ и отъ земныхъ поклоновъ всѣхъ присутствующихъ, ихъ плача и восклицаній: „Господи помилуй“. Дойдя до нарѳекса, Никонъ снялъ съ головы ковчегъ (поставилъ на столъ) и вскрылъ наложенную на него печать царя; отомкнувъ замокъ, онъ вынулъ оттуда нѣчто въ родѣ маленькой и тоненькой золотой книжечки, украшенной многоцѣнными каменьями, и положилъ съ большимъ благоговѣніемъ и трепетомъ на среднемъ аналоѣ, покрытомъ великолѣпными покровами. Такъ какъ эта книжечка была на самомъ дѣлѣ ящичкомъ, то онъ пріоткрылъ немного крышку и оттуда показалась подлинная риза Господня. Онъ окадилъ ее, помолился и, снявъ митру, приложился къ ней. То же сдѣлалъ и нашъ учитель и я, грѣшный, убогій, недостойный коснуться ея устами своими, ни даже взглянуть на нее издалека своими очами. Риза была изъ льняной тонкой матеріи темнаго цвѣта, поражала всѣхъ своимъ блескомъ и святостію, приближавшіеся къ ней трепетали отъ благоговѣйнаго уваженія и страха. Мы благодаримъ Бога,—да будетъ возвеличено имя Его!—Который удостоилъ насъ, недостойныхъ, по Своей благости и по богатству Своей милости и щедротъ, облобызать и узрѣть ее именно въ этотъ день, въ подобный которому Онъ былъ распятъ на крестѣ и воины раздѣляли по жребію его ризы. Грузины утверждаютъ, что воины, которымъ по жребію достался несшитый хитонъ Спасителя, были родомъ грузины. Когда грузины увидѣли чудеса, происходившія въ то время, то они увѣровали и принесли его въ свою страну, проповѣдуя съ нимъ (о Спасителѣ), какъ поступили волхвы. И хитонъ хранился до сихъ поръ въ ихъ ризницахъ. Мы повѣрили имъ, ибо (въ противномъ случаѣ) царица Елена [1] имѣла бы больше правъ на обладаніе ризой Спасителя, также какъ и другіе государи Европы.

Намъ грузины передавали еще, что у нихъ также находится зарытый плащъ Господа въ ризницѣ подъ одною изъ церквей.

---

[1] Рѣчь идетъ, конечно, о царицѣ Еленѣ, матери императора Константина.

Никто не осмѣливается достать его, чтобы посмотрѣть, ибо говорятъ, что огонь, сопровождаемый землетрясеніемъ, выходитъ изъ земли, наводя ужасъ, и сожигаетъ всякаго, кто пытается посмотрѣть на него, какъ это случалось уже много разъ. У грузинъ также сохраняется и хитонъ Божіей Матери. Эти прекрасныя сокровища находились у грузинъ и до сихъ поръ находятся по милости Создателя къ нимъ.

Возвращаемся къ нашему разсказу.

Патріархъ взошелъ на архіерейское мѣсто и всѣ заняли свои мѣста вокругъ него. Начали читать первый часъ,—Никонъ прочелъ Евангеліе, находясь на своемъ мѣстѣ съ открытою головой, по ихъ постоянному обыкновенію, произнося отчетливо каждое слово, при полной тишинѣ Горе тому, кто кашлянетъ, высморкается или плюнетъ въ это время, ибо патріархъ съ тѣмъ круто поступаетъ, а потому народъ держитъ себя замѣчательно спокойно и тихо, несмотря на то, что храмъ постоянно бываетъ переполненъ молящимися обоего пола и дѣтьми. Затѣмъ выступилъ протопопъ и прочелъ поученіе Іоанна Златоуста, положенное на первый часъ.

Когда кончилъ протопопъ, начали третій часъ, нашъ владыка патріархъ прочелъ назначенное на этотъ часъ Евангеліе, а я при этомъ кадилъ.

Послѣ этого вышелъ архидіаконъ и прочелъ поученіе третьяго часа. Начали шестой часъ. Сербскій (архіепископъ) прочелъ положенное Евангеліе, послѣ котораго было прочтено также поученіе. Стали читать девятый часъ, его Евангеліе прочелъ митрополитъ Новгородскій, который, сойдя со своего мѣста, поднесъ Евангеліе патріархамъ для облобызанія, преклонивъ предъ ними голову, послѣ чего было прочтено поученіе этого часа; слѣдовавшій за этимъ отпустъ произнесенъ былъ протопопомъ. Приступили къ чину водосвятія. Начали пѣть канонъ, послѣ чего архидіаконъ произнесъ: „благослови владыко“, а патріархъ: „благословенъ“ и т. д. Начали, по обыкновенію, пѣть канонъ и стихиры. Послѣ Евангелія Никонъ сошелъ и, ставъ предъ приготовленною водой, погрузилъ крестъ въ оба сосуда трижды при пѣніи „Во Іорданѣ“ При пѣніи третьяго тропаря [1] поми-

---

[1] Въ подлинникѣ сказано „при пѣніи третьяго отрывка“. Что̀ именно разумѣлъ Павелъ подъ этими словами, трудно опредѣлить. Изъ дальнѣйшихъ его словъ, что въ этомъ отрывкѣ было упомянуто имя царя, нужно думать, что идетъ рѣчь о тропарѣ Св. Животворящему Кресту. На это мы находимъ указаніе въ приведенномъ въ книгѣ „О службахъ Русской

нали имя царя, послѣ чего патріархъ положилъ крестъ на блюдо.

Протопопъ съ двумя чередными священниками этой церкви стали подносить упомянутые иконы и фарфоровыя блюда патріарху Никону, который погружалъ въ воду святыни и выдающіяся части святыхъ мощей. Затѣмъ подносили ему одинъ за другимъ упомянутые ковчежцы, онъ читалъ имя святого, котораго мощи заключались въ каждомъ изъ нихъ, пѣвчіе же пѣли соотвѣтствующій тропарь, въ то время какъ патріархъ погружалъ въ оба сосуда видимыя части святыхъ мощей и лобызалъ ихъ, потомъ давалъ цѣловать нашему учителю, при чемъ къ нимъ прикладывался и я. Мы разсматривали ихъ и передавали другимъ, которые обтирали ихъ и вкладывали въ ковчеги.

Такимъ образомъ подносили патріарху второй, третій ковчежцы, пока не поднесли всѣ.

Вотъ названія мощей тѣхъ святыхъ, которыя мы могли удержать въ памяти: лопата [1] Іоанна Крестителя; правая длань Евангелиста Марка и пять его перстовъ, которыми онъ начерталъ св. Евангеліе, длань апостола Андрея, локтевая часть руки св. Стефана перводіакона, части мощей апостола Прохора, правая рука Іоанна Златоуста, правая рука царя Константина Великаго, правая рука мученика Ѳеодора Тирона, глава Ѳеодора Стратилата, глава Григорія Богослова, глава мученика Евгенія, глава мученика Христофора съ лицомъ точь-въ-точь какъ у собаки, съ длиннымъ ртомъ; она тверда какъ кремень—нашъ умъ былъ пораженъ изумленіемъ: тутъ нѣтъ мѣста сомнѣнію!—правая рука Ѳеодосія Великаго, нога отца нашего Пимена, частицы мощей свв. Кипріана и Іустины, частицы мощей св. Лукіана, пресвитера великой Антіохійской церкви, частицы мощей муче-

---

церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ", К. Никольскаго, на стр. 284: „чинѣ иже омыти мощи святыхъ или крестъ мочити", изъ Потребника 1625 года, гдѣ говорится: „Таже іерей омываетъ мощи святыхъ или крестъ, влагая въ воду, глаголетъ тропарь крещенію, гласъ I. *Во Іордани крещающуся Тебѣ Господи* весь до конца. Таже тропарь Кресту, гласъ I. *Спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое*".

[1] Здѣсь очевидно ошибка; въ числѣ частицъ святыхъ мощей, находящихся въ Благовѣщенскомъ соборѣ, дѣйствительно, имѣется частица мощей Іоанна Крестителя. Что же касается до лопаты Іоанна Крестителя, то она не можетъ существовать на самомъ дѣлѣ. Только иносказательно, въ примѣненіи къ Іисусу Христу, это слово упоминается у Евангелиста Луки, въ проповѣди Іоанна Крестителя (Луки III, 17).

ницы Евгеніи,—вотъ св. мощи, названія которыхъ мы могли съ трудомъ сохранить въ памяти и записать. Я имѣлъ большое желаніе записать имена всѣхъ святыхъ (мощи которыхъ мы видѣли здѣсь), но это не удалось мнѣ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, я боялся, чтобы кто-нибудь здѣсь не узналъ о томъ, что я записываю все, что вижу: это дѣло очень не легкое и опасное, такъ какъ русскіе очень осторожны въ подобныхъ случаяхъ: никто изъ нихъ никогда не открываетъ намъ своихъ тайнъ, такъ какъ мы для нихъ чужеземцы и обитаемъ между разными (иновѣрными) народами; во-вторыхъ, вслѣдствіе тѣсноты, бывшей въ это время; притомъ, кто же имѣетъ возможность удержать въ своей памяти тысячи именъ мощей и святыхъ? Вотъ что удалось намъ запомнить. Но, по моему побужденію, нашъ владыка патріархъ спросилъ патріарха Никона, говоря: „есть-ли у васъ списокъ всѣхъ этихъ святынь?“—„Да, отвѣтилъ Никонъ, но онъ находится въ казнѣ царя“.

Возвратимся снова къ нашему разсказу. Что касается частицъ Животворящаго Креста, вставленныхъ въ иконы и висячіе образки, которые находились на тарелкахъ, то число ихъ было значительно.

Погрузивъ частицы въ оба сосуда съ водой, патріархъ, при помощи губки, бывшей у него въ рукахъ, отиралъ съ нихъ пыль и копоть, послѣ чего выжималъ губку въ эту же воду; особенно старательно онъ вытиралъ иконы и висячіе образки. Взявъ въ руки ковчежецъ, въ которомъ находилась Риза Господня, Никонъ пріоткрылъ его на половину и погрузилъ въ оба сосуда, послѣ чего отеръ его губкой, закрылъ и положилъ на прежнее мѣсто. Затѣмъ, взявъ серебряную кружку, патріархъ сталъ мѣшать воду въ обоихъ сосудахъ, отъ верха до низу, полагая, что только чрезъ это благодать сообщится всей водѣ.

Послѣ этого подошелъ къ патріарху царицынъ управитель съ фарфоровымъ блюдомъ, на которомъ были круглые образки царицы съ лучами [1], кресты и привѣски изъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, принадлежащіе царю и царицѣ, ихъ дочерямъ и сестрамъ царя. Никонъ погружалъ ихъ въ воду поодиночкѣ, во-первыхъ для того, чтобы вода ими освятилась, во-вторыхъ, чтобы омыть и очистить отъ пыли частицы Животворящаго Древа, которыя были въ большинствѣ этихъ крестовъ и образковъ. Омывъ ихъ такимъ образомъ, патріархъ снова положилъ ихъ на блюдо, которое управитель унесъ обратно.

---

[1] Въ подлинникѣ: солнца.

Затѣмъ ему поднесены были серебряные сосуды малые и большіе, и онъ наполнилъ ихъ этою святою водой и послалъ царицѣ, ея дочерямъ и сестрамъ царя и всѣмъ ихъ приближеннымъ. Но прежде всего Никонъ наполнилъ серебряный сосудъ прекрасной работы, запечаталъ его и отдалъ царскому намѣстнику, а этотъ подозвалъ одного изъ сотниковъ, передалъ ему письмо вмѣстѣ съ сосудомъ, съ которымъ тотъ немедленно отправился къ царю Патріархъ наполнилъ также одинъ сосудъ и для нашего владыки патріарха, который мы сохранили съ большою радостью. Затѣмъ онъ налилъ святой воды въ особые сосуды для высшихъ государственныхъ сановниковъ.

Послѣ этого онъ пошелъ въ нарѳексъ и сталъ вмѣстѣ съ нашимъ патріархомъ, держа въ рукахъ крестъ. Къ нему начали подходить сперва архіереи и архимандриты, потомъ высшіе сановники. Онъ давалъ имъ лобызать крестъ, а нашъ патріархъ окроплялъ ихъ святою водой. Потомъ всѣ подходили съ полнымъ благоговѣніемъ и смиреніемъ къ ковчегамъ со святыми мощами, которыя находились кругомъ на столѣ, и прикладывались къ нимъ.

Послѣ этого подходили іереи, діаконы, монахи и всѣ присутствующіе въ храмѣ. Затѣмъ Никонъ обнажилъ голову, также какъ и нашъ учитель и прочіе архіереи и архимандриты; окадивъ ковчегъ съ Ризой Спасителя, онъ понесъ его на головѣ, при чемъ данъ былъ знакъ звонарямъ, которые звонили во всѣ колокола, пока Никонъ, идя медленнымъ шагомъ, не донесъ Ризы до ея прежняго мѣста, при пѣніи *Святый Боже*. Здѣсь онъ запечаталъ внутренній ковчегъ и, положивъ его въ другой вызолоченный, заперъ на замокъ, запечаталъ снаружи и поставилъ его [1]. Онъ окадилъ ковчегъ и помолился на него вмѣстѣ съ нашимъ владыкой патріархомъ, затѣмъ они вошли, взяли поставленный здѣсь покрытый столъ, предварительно окадивъ его. На этомъ столѣ постоянно находится упомянутый ковчегъ, предъ которымъ горятъ лампады и который уподобляется Гробу Господню въ настоящемъ храмѣ Воскресенія.

Никонъ съ нашимъ патріархомъ понесли этотъ столъ спереди, а архіереи сзади и съ боковъ, пока не дошли до мѣста предъ царскими вратами, гдѣ и поставили его вдоль отъ вратъ алтаря

---

[1] Въ подлинникѣ сказано „на его мѣсто“, но это очевидно ошибка, ибо изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что столъ, на которомъ постоянно находился ковчегъ съ Ризой Господней, былъ тотчасъ же отнесенъ на средину церкви для возложенія на него плащаницы.

къ срединѣ церкви предъ столомъ, на которомъ находились ковчеги со св. мощами. На этотъ столъ возлагается плащаница. Послѣ этого они вошли въ алтарь и взяли съ престола плащаницу, на которой золотомъ вышито было: снятіе Господа со Креста, Іосифъ, Никодимъ, Пресвятая Дѣва и жены. Они понесли ее на головахъ. Выйдя изъ алтаря, плащаницу положили на упомянутомъ столѣ, главою къ западу, а ногами къ востоку. Патріархъ (Никонъ), взявъ кадильницу, снова окадилъ ее и приложился къ ней вмѣстѣ съ нашимъ учителемъ и прочими священнослужителями. Послѣ этого онъ взошелъ на архіерейское мѣсто, а остальные стали вокругъ него и началась вечерня. Четыре діакона, держа въ рукахъ большія серебряныя рипиды на такихъ же длинныхъ древкахъ, стали возлѣ стола по-двое съ каждой стороны. Они искусно производили надъ плащаницей крестъ-на-крестъ вѣяніе рипидами, подобно ангельскимъ крыльямъ. Когда двое первыхъ діаконовъ останавливались, другіе два вѣяли у ногъ; этимъ они уподобляются ангеламъ, вѣющимъ своими крыльями. Мы пришли въ удивленіе, поразились и заплакали, смотря на всѣ эти обычаи. Кругомъ въ рядъ стояли съ хоругвями, крестами и свѣчами. Предъ Входомъ священники по-парно брали кіронъ [1] и принимали участіе во Входѣ. Войдя въ алтарь, оба патріарха вмѣстѣ со всѣми ними пропѣли *Свѣте тихій* [2]. Чтецъ прочелъ пареміи, а патріархъ Евангеліе на праздникъ, послѣ чего была совершена остальная часть вечерни, въ концѣ которой патріархъ вышелъ изъ алтаря и прочелъ отпустъ. Пѣвчіе пропѣли многолѣтіе. Патріархъ, взявъ кадильницу, кадилъ вокругъ ковчеговъ со св. мощами и роздалъ ихъ всѣ до послѣдняго архіереямъ и священникамъ. Никонъ съ нашимъ учителемъ съ обнаженными

---

[1] На Востокѣ всѣ священники, находящіеся въ церкви во время службы, наканунѣ воскресенья и большихъ праздниковъ, предъ малымъ Входомъ дѣлаютъ земные поклоны предъ царскими вратами, и если въ храмѣ присутствуетъ архіерей или патріархъ, то они подходятъ къ нему подъ благословеніе и затѣмъ, облачившись въ алтарѣ только въ епитрахиль и фелонь, принимаютъ участіе въ маломъ Входѣ и въ пѣніи *Свѣте тихій*. Эти земные поклоны предъ царскими вратами и подхожденіе подъ благословеніе къ архіерею называется „киронъ“. Кстати замѣтимъ, что когда при этомъ въ храмѣ отсутствуетъ патріархъ или архіерей, то духовенство, послѣ поклона иконамъ, кланяется архіерейскому мѣсту, которое по большей части бываетъ у послѣдней правой колонны предъ алтаремъ.

[2] На Востокѣ, когда въ маломъ Входѣ участвуетъ не одинъ только священникъ, а нѣсколько, то пѣніе *Свѣте тихій* начинается всѣми среди церкви (на „хоросѣ“) и продолжается священнослужителями при шествіи въ алтарь, гдѣ и оканчивается.

головами открыли шествіе, неся тѣ же самыя иконы, которыя они вносили сюда, и мы направились въ церковь Благовѣщенія, при чемъ былъ звонъ во всѣ колокола

Войдя въ церковь, все принесенное положили опять на томъ же столѣ, откуда взяли. Никонъ окадилъ святыни, и всѣ мы помолились предъ ними, послѣ чего вышли изъ церкви и возвратились въ соборъ, гдѣ мы сняли свои облаченія.

Мы вышли изъ церкви только въ двѣнадцатомъ часу [1].

Мы умирали отъ усталости, ноги наши подламывались отъ безпрерывнаго стоянія съ ранняго утра до вечера. Но миръ Божій да почіетъ на мірянахъ, мужчинахъ, женщинахъ, лѣтяхъ и дѣвушкахъ за ихъ терпѣніе, стояніе, и твердость съ ранняго утра до сихъ поръ!

Когда мы возвращались въ свой монастырь, священники, выйдя изъ собора, отправились по своимъ приходамъ. Мало имъ было (сегодняшняго стоянія). Заблаговѣстили къ вечернѣ, и они пошли въ храмы со своими прихожанами. Въ Успенскомъ соборѣ также ударили въ колоколъ къ повечерію.

Вещи достойныя изумленія! Какихъ удивительныхъ обычаевъ и поразительныхъ подвиговъ мы были свидѣтелями среди этого народа! Что за крѣпость въ ихъ тѣлахъ и какія у нихъ *желѣзныя* ноги! Они не устаютъ и не утомляются. Всевышній Богъ да продлитъ ихъ существованіе!

На зарѣ въ субботу свѣта [2] ударили въ колокола, и мы пошли въ соборъ. Патріархъ Никонъ, прочтя молитвы утрени, вошелъ въ алтарь, и мы съ нимъ, и всѣ облачились. Прочіе служащіе окружили его. Затѣмъ ему подали зажженныя тройныя свѣчи; онъ взялъ одну изъ нихъ себѣ, а другую передалъ нашему владыкѣ патріарху, потомъ роздалъ свѣчи архіереямъ и архимандритамъ, которые, подходя попарно, вмѣстѣ кланялись до и послѣ врученія имъ (свѣчей); а также роздалъ свѣчи намѣстнику царя и всѣмъ государственнымъ сановникамъ.

Послѣ этого архидіаконъ передалъ ему кадильницу. и онъ сошелъ и кадилъ вокругъ иконы праздника, положенной посреднѣ (церкви) на аналоѣ; на ней было изображено распятіе, а также снятіе со креста. Затѣмъ онъ кадилъ вокругъ плащаницы. При этомъ передъ нимъ шелъ архидіаконъ со свѣчей и анагносты

---

[1] По восточному счисленію, т. е. за часъ до заката солнца.

[2] Авторъ называетъ Великую субботу субботой свѣта, потому что въ этотъ день въ храмѣ Воскресенія въ Іерусалимѣ, какъ извѣстно, сходитъ небесный огонь.

со свѣчами въ серебряныхъ подсвѣчникахъ; большіе же (діаконы) поддерживали его подъ руки и еще анагностъ несъ за нимъ серебряный сосудъ съ ладаномъ. Потомъ онъ вошелъ въ алтарь, окадилъ престолъ и же твенникъ и, выйдя, окадилъ патріарха, архіереевъ и прочихъ предстоящихъ на обѣ стороны, до послѣдняго, взошелъ на архіерейское мѣсто и кадилъ всѣмъ присутствующимъ сверху, при чемъ они кланялись ему, а также окадилъ анагностовъ.

Тогда вышелъ нашъ учитель и сдѣлалъ то же вполнѣ по *ихъ* чину; я же шелъ передъ нимъ со свѣчей, пока онъ не возвратился. Намъ было очень трудно, прежде чѣмъ мы ознакомились съ ихъ чиномъ, особливо при незнаніи ихъ языка. Потомъ онъ окадилъ плащаницу, образъ и патріарха вторично и сталъ на своемъ мѣстѣ. Послѣ этого вышелъ архіепископъ сербскій, сдѣлалъ то же и возвратился.

Затѣмъ вышли два митрополита съ двумя кадильницами и кадили вмѣстѣ вокругъ образа и плащаницы, одинъ противъ другого; они раздѣлили церковь: одинъ (взялъ) всю правую сторону, а другой всю лѣвую. Кончивъ, они окадили другъ друга крестообразно. Это сладостное зрѣлище привело насъ въ умиленіе. То же сдѣлали прочіе.

Затѣмъ патріархъ Никонъ сошелъ и приложился къ иконѣ и плащаницѣ вмѣстѣ съ другими. Вошли въ алтарь, сняли облачелія, надѣли мантіи и, выйдя, стали внѣ (алтаря): патріархъ Никонъ на своемъ (патріаршемъ) мѣстѣ, а нашъ учитель вмѣстѣ съ архіереями у столба, гдѣ обыкновенно становился царь, ибо въ этой странѣ въ церквахъ совершенно не бываетъ хороса со стасидіями; но священники стоятъ на ногахъ рядами, лицомъ къ востоку; нѣтъ ни сидѣній, ни чего-либо, на что̀ можно бы облокотиться, а стоятъ свободно. Въ это время дьяконы вѣяли рипидами надъ плащаницей.

Затѣмъ прочли четыре чтенія, положенныя на этотъ день, и совершили остальную часть утрени до *Святый Боже* Оба патріарха вошли въ алтарь со всѣми священниками и облачились вторично. Патріархъ Никонъ сталъ кадить вокругъ престола, вторично роздалъ свѣчи присутствующимъ и, выйдя (изъ алтаря), окадилъ плащаницу и понесъ ее вмѣстѣ съ нашимъ владыкой патріархомъ, идя впереди, а архіереи шли вокругъ него. Внесли ее въ алтарь и положили на престолъ. Патріархъ окадилъ ее вторично, взялъ въ одну руку Евангеліе и понесъ съ нашимъ учителемъ плащаницу, держа ее другою рукой. Они обошли съ

ней кругомъ престола и вышли изъ дверей сѣвернаго алтаря, гдѣ жертвенникъ.

Дьяконы шли впереди съ хоругвями и свѣчами, мы же несли короны (митры) патріарховъ, вмѣстѣ съ дьяконами митрополитовъ, которые несли ихъ митры, и съ настоятелями монастырей. Мы вышли изъ западныхъ дверей церкви и обошли кругомъ нея только одинъ разъ по деревяннымъ мосткамъ, кои были сдѣланы нарочно для этого случая. При этомъ всѣ пѣли *Святый Боже.*

Мы вошли въ тѣ же двери, при чемъ восемь діаконовъ имѣли каждый по кадильницѣ, и четверо изъ нихъ кадили обоимъ патріархамъ и плащаницѣ впереди, перемѣняясь [1], а другіе четверо кадили также сзади. Затѣмъ положили плащаницу на свое мѣсто предъ алтаремъ. Патріархъ опять окадилъ ее и взошелъ на свое мѣсто, а служащіе стали передъ нимъ кругомъ, по обыкновенію. Потомъ, сойдя, онъ опять окадилъ ее, а также церковь, служащихъ и всѣхъ предстоящихъ. То же было сдѣлано нашимъ учителемъ и архіепископомъ сербскимъ въ точности, по примѣру Никона.

Затѣмъ вышли архіереи и кадили по два вмѣстѣ, какъ прежде. Патріархъ сошелъ, приложился вмѣстѣ со всѣми къ плащаницѣ и вошелъ въ алтарь. Послѣ этого стали подходить государственные сановники и прочіе люди и прикладывались къ плащаницѣ, по обыкновенію. Послѣ чтенія паремій и апостола, патріархъ прочелъ Евангеліе на престолѣ, благословилъ народъ и совершилъ отпустъ. Сняли облаченія; мы вышли изъ церкви и вернулись въ свой монастырь при восходѣ солнца.

Патріархъ сообщилъ въ этотъ день нашему учителю о царѣ, что онъ проведетъ праздникъ въ Смоленскѣ, что онъ намѣренъ идти оттуда противъ ляховъ 9 мая и что теперь собралось у него 600 тысячъ войска.

Возвращаемся (къ разсказу). Въ этотъ день вышли отъ обѣдни только къ вечеру. Мы не ходили къ нимъ по причинѣ сильной усталости, ибо, Богъ свидѣтель, мы вернулись сегодня больными, будучи не въ состояніи двигаться, въ особенности я, бѣдный, былъ боленъ нѣсколько дней. Но мы не избавились отъ обѣдни, такъ какъ патріархъ прислалъ къ нашему учителю двухъ (ставленниковъ); онъ отслужилъ литургію въ монастырской церкви и рукоположилъ одного въ іерея, другого—во діакона. Вечеромъ ударили въ колокола къ молитвѣ на сонъ грядущимъ.

---

[1] По тексту неясно, какимъ образомъ происходила эта перемѣна или чередованіе.

Глава XVI.

Москва. — Свѣтлое Воскресеніе. Обычай христосоваться. Закрытіе питейныхъ домовъ.

Въ полночь подъ Великое Воскресенье Пасхи, которая была пятнадцатаго апрѣля, раздался по городу колокольный трезвонъ во всѣхъ церквахъ, такъ что земля задрожала и поколебалась. Народъ, по обыкновенію, повалилъ въ свои приходскіе храмы слушать пасхальную службу, которая была окончена задолго до разсвѣта.

Что же касается Великой церкви (Успенскаго собора), то въ ней ударили въ колокола только за три часа до зари. Мы отправились туда.

Пришелъ патріархъ и всѣ вошли въ алтарь облачаться. Никонъ роздалъ свѣчи всѣмъ священнослужителямъ, послѣ чего духовенство, обойдя престолъ крестнымъ ходомъ, вышло изъ двери алтаря, гдѣ жертвенникъ, и чрезъ сѣверныя двери храма направилось къ западной каѳолической (главной), гдѣ и остановилось. Здѣсь былъ совершенъ, по обыкновенію, чинъ Воскресенія. Затѣмъ патріархъ отворилъ двери и всѣ вошли въ храмъ. Никонъ взошелъ на архіерейское мѣсто, а остальные заняли свои мѣста въ хоросѣ и стали пѣть пасхальный канонъ.

Однако есть большая разница между этою службой и службой грековъ, и тѣмъ блескомъ, шумомъ, радостью и ликованіемъ, которые бываютъ при этомъ въ нашей странѣ [1]. Сойдя съ архіерейскаго мѣста, патріархъ, имѣя въ рукѣ крестъ, окадилъ Евангеліе и икону Воскресенія, положенныя на двухъ аналояхъ посреди церкви. Затѣмъ онъ кадилъ въ алтарѣ, а потомъ предъ мѣстными иконами, а также окадилъ весь храмъ и всѣхъ присутствовавшихъ. Когда онъ возвратился на свое мѣсто, нашъ учитель сдѣлалъ то же самое. При этомъ я шелъ предъ нимъ со свѣчей. То же дѣлалъ и сербскій (архіепископъ), послѣ котораго кадили также другіе архіереи по-двое, держа кресты въ рукахъ. Предъ пѣніемъ седьмой пѣсни канона, протопопъ прочелъ синаксарь. При эксапостиларіи всѣ анагносты взошли на

---

[1] На Востокѣ и до сихъ поръ на первый день Пасхи предъ началомъ утрени, когда въ первый разъ раздается пѣніе: „Христосъ Воскресе“ и отворятся западныя двери, выходящія обыкновенно на паперть съ однимъ только навѣсомъ, въ толпѣ происходитъ шумъ и радостные клики и нерѣдко слышатся среди нея ружейные и пистолетные выстрѣлы.

амвонъ и пропѣли его торжественнымъ напѣвомъ, а при девятой пѣснѣ патріархъ опять кадилъ.

Затѣмъ всѣ вошли въ алтарь. Никонъ снялъ свой саккосъ, который очень трудно было носить вслѣдствіе его тяжести. Онъ сдѣлалъ его недавно изъ чисто-золотой парчи желто-орѣховаго цвѣта. Аршинъ ея стóитъ болѣе 50 динаровъ (рублей). Кругомъ подола, рукавовъ и боковъ на этомъ саккосѣ шла кайма шириной въ четыре пальца изъ крупнаго жемчуга, величиною съ горохъ, въ перемежку съ кистями и драгоцѣнными каменьями. Такое же украшеніе было и на груди саккоса въ видѣ эпитрахили сверху до низу. Никонъ предложилъ намъ поднять его и мы не могли этого сдѣлать. Разсказываютъ, что въ немъ пудъ жемчуга, то-есть тринадцать стамбульскихъ окъ. Говорятъ, этотъ саккосъ обошелся въ 30.000 динаровъ.

У Никона не одинъ такой саккосъ, но болѣе ста, перешедшихъ къ нему съ древнѣйшаго времени, и онъ заказываетъ еще новые, какъ мы скажемъ объ этомъ впослѣдствіи.

Затѣмъ патріархъ надѣлъ другой легкій саккосъ, чтобы немного отдохнуть. Взявъ въ правую руку одинъ крестъ, онъ далъ другой нашему учителю, сербскому же архіепископу вручилъ Евангеліе. Всѣ они стали въ рядъ лицомъ къ западу. Московскій патріархъ началъ обходить всѣхъ. Онъ приложился ко кр сту, который держалъ нашъ учитель, и облобызалъ его самого въ уста, говоря: „Христосъ воскресе“. Въ это время архимандриты, имѣя въ рукахъ иконы, стояли въ одномъ ряду съ архіереями.

Облобызавшись со всѣми, Никонъ сталъ во главѣ. То же самое сдѣлалъ нашъ учитель, цѣлуя въ уста всѣхъ и говоря: „Христосъ воскресе“, послѣ чего онъ возвратился и сталъ около Никона. То же дѣлали архіереи, а послѣ нихъ архимандриты.

Затѣмъ вышли и стали въ обычномъ порядкѣ въ нарѳексѣ. Патріарху поднесли въ коробахъ красныя яйца. Первому Никонъ далъ нашему учителю три яйца когда съ нимъ похристосовался, затѣмъ далъ архіереямъ по два и архимандритамъ съ іереями каждому по одному яйцу, когда ихъ обходилъ.

Затѣмъ стали подходить къ патріарху высшіе сановники и, цѣлуя крестъ и его правую руку, говорили. „Христосъ воскресе“. За ними подходили монахи и всѣ присутствовавшіе въ церкви. Нѣкоторые подносили патріархамъ при этомъ яйца, а другимъ, бѣднымъ, патріархи давали сами. Разсказываютъ, что когда царь здѣсь присутствуетъ, то онъ самъ изъ своихъ рукъ

раздаетъ всѣмъ яйца, и всякій, кто получаетъ отъ него яйцо, хранитъ его въ своемъ домѣ какъ святыню, полученную изъ царскихъ рукъ. Въ теченіе всей жизни они сохраняютъ въ цѣлости эти получаемыя ежегодно яйца.

Послѣ христосованія патріархи вошли въ алтарь съ прочими служащими, и когда діаконъ произнесъ ектенію *Помилуй насъ, Боже* и т. д., патріархъ прочелъ на престолѣ Евангеліе, назначенное читать въ пасхальную заутреню [1]. Затѣмъ, выйдя на амвонъ, онъ прочелъ поученіе и совершилъ отпустъ.

Послѣ этого всѣ вошли въ алтарь и сняли свои облаченія.

Мы вышли изъ церкви при восходѣ солнца. Намъ пришлось здѣсь быть свидѣтелями явленій, которыя приводили насъ въ изумленіе. Русскіе не прекращаютъ класть земные поклоны во все время до Пятидесятницы, хотя это не дозволяется, но таковъ ихъ обычай.

Полезная замѣтка. Пріѣхалъ сюда одинъ изъ греческихъ архіереевъ, философъ, извѣстный своими познаніями и діалектикой. Есть обычай у московитовъ предлагать трудно разрѣшимые вопросы такимъ лицамъ и всячески испытывать ихъ, а потому и вышеупомянутаго архіерея они спросили, почему употребляются красныя яйца во время Пасхи и есть-ли на это указаніе въ священномъ писаніи. Онъ привелъ въ отвѣтъ свидѣтельство пророка глаголющаго: „Кто сей, пришедый отъ Эдома, червлены ризы его отъ Восора“ [2]. Услышавъ этотъ прекрасный отвѣтъ они замолчали.

Философъ Лигаридъ, митрополитъ Газскій, ученый изъ Рима [3], спрошенный нами о томъ же, сказалъ: это потому, что Марія

---

[1] Я нигдѣ не могъ найти указанія на то, что въ то время въ пасхальную заутреню читалось Евангеліе. Въ „Русской Исторической Библіотекѣ, издаваемой археографическою комиссіей“ и въ книгѣ К. Никольскаго „О службахъ русской церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ“ ничего объ этомъ не говорится. На Востокѣ, какъ извѣстно, Евангеліе читается въ пасхальную заутреню предъ пѣніемъ пасхальнаго канона на паперти, предъ неоткрытыми еще западными дверями.

[2] Исаія, гл. LXIII, стихъ 1.

[3] Слова „ученый изъ Рима“ есть дословный переводъ арабскаго подлинника, но по данному ниже Лигаридомъ отвѣту и по сложившемуся общему мнѣнію относительно его убѣжденій, которое, повидимому, раздѣлялъ и Павелъ, намъ кажется, можно придать этому мѣсту значеніе: „придерживающійся римскихъ или западныхъ воззрѣній“.

Магдалина пріѣхала въ Римъ жаловаться Кесарю на Пилата въ платьѣ, обрызганномъ кровью Христа.

Къ нынѣшней Пасхѣ повѣсили въ соборѣ десять люстръ, или поліелеевъ, изъ желтой мѣди, нѣмецкой работы, рѣдкостныхъ по своей рѣзьбѣ и другимъ украшеніямъ. Подсвѣчники каждой люстры особаго фасона и лучшіе изъ нихъ имѣютъ форму морскихъ раковинъ. Люстры большія, съ гранями, и каждая изъ нихъ будетъ больше шатра. Всѣ онѣ приводятъ въ удивленіе умъ смотрящихъ на нихъ. Стоимость каждой изъ этихъ люстръ 500 динаровъ. Четыре изъ нихъ были повѣшены предъ дверями алтарей, но не на срединѣ, куда предназначалась особая серебряная люстра, и четыре подъ каждой изъ четырехъ арокъ нарѳекса. Каждая люстра имѣетъ четыре красивыхъ яруса свѣчей. Остальныя двѣ люстры изъ десяти привѣшены въ двухъ куполахъ.

Въ день Пасхи, послѣ третьяго часа, заблаговѣстили въ Успенскомъ соборѣ. Нашъ владыка патріархъ отправился въ палаты патріарха Никона и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ царицѣ для принесенія ей поздравленія. Они взяли съ собою крестъ и святую воду. Дойдя до дверей царицы, попросили дозволенія и вошли. Патріархъ Никонъ прочелъ молитву *Спаси Господи люди твоя*, въ которой упомянулъ имена всѣхъ святыхъ вмѣстѣ съ безсребренниками и молился за царя, царицу, ея сына, дочерей, сестеръ царя, за весь царствующій домъ и состоящихъ при нихъ, затѣмъ онъ окропилъ святою водой покои и царицу и далъ ей приложиться ко кресту, благословилъ ее и поцѣловалъ у нея правую руку, окропилъ ея сына, дочерей и сестеръ царя и благословилъ ихъ. То же самое сдѣлалъ и нашъ владыка патріархъ.

Затѣмъ она пригласила архіереевъ, стоявшихъ внѣ (въ сѣняхъ). Войдя, они земно кланялись ей, цѣловали ея правую руку и благословляли. То же дѣлали и архимандриты, какъ объ этомъ разсказалъ намъ послѣ нашъ учитель.

Отъ царицы патріархи пошли въ соборъ, гдѣ приложились, по обыкновенію, къ (мѣстнымъ) иконамъ. Ударили во всѣ колокола къ обѣднѣ.

Въ этотъ день патріархъ былъ одѣтъ въ одежду изъ рытаго краснаго бархата, длинную, до земли, съ узкими рукавами, по принятому у нихъ покрою. Сверхъ этой одежды на немъ была надѣта мантія зеленаго бархата, а (на головѣ) клобукъ, о которыхъ мы упоминали раньше. На ногахъ у него была зеленая

обувь. Во все это время мы часто видѣли на немъ обувь или сапоги зеленаго, голубого или краснаго цвѣта. Подобную обувь носитъ не одинъ онъ, но и большинство монаховъ, священниковъ и монахинь, которые щеголяютъ башмаками и сапогами зеленаго цвѣта, ибо большая часть обуви, привозимой сюда персидскими купцами, бываетъ зеленаго цвѣта. Такую же обувь носятъ и многіе изъ свѣтскихъ людей. Какая это прекрасная обувь!

При облаченіи обоихъ патріарховъ, Никонъ надѣлъ саккосъ св. Сергія, патріарха Константинопольскаго, и далъ надѣть нашему владыкѣ патріарху саккосъ св. Фотія, также патріарха Константинопольскаго. Говорятъ, что эти саккосы были присланы впослѣдствіи, какъ благословеніе русскимъ, греческими императорами и патріархами того времени. Они изъ голубого атласа, снаружи и снутри всѣ расшиты золотомъ; спереди и сзади на нихъ вышиты иконы Господскихъ праздниковъ и изображенія многихъ святыхъ. Всѣ надписи именъ сдѣланы по-гречески. На каждомъ саккосѣ кругомъ, по краямъ боковъ и на подолахъ, вышитъ золотомъ весь Символъ Вѣры большими буквами. Поэтому и на всѣхъ саккосахъ Никона имѣются надписи, вышитыя золотомъ или низаныя крупнымъ жемчугомъ [1].

Стихари у нихъ имѣютъ четыре надставки изъ иной матеріи, чѣмъ та, изъ которой они сдѣланы, именно: рукава, четыреугольное оплечье и подолъ внизу. Стихари, такъ сшитые, очень красивы. Фелони у русскихъ священниковъ дѣлаются очень широкія, большія, низъ ихъ назади закругленъ какъ бы по циркулю, и онѣ имѣютъ оплечья изъ особой матеріи и непремѣнно широкую надбавку въ видѣ каймы внизу кругомъ края подола.

У стихарей, надѣваемыхъ въ большіе праздники, рукава и заплечья, обыкновенно, бываютъ или унизанные жемчугомъ или густо вышитые золотомъ. Такимъ же образомъ украшаются и надставки на праздничныхъ фелоняхъ. Они щеголяютъ шитьемъ, украшеніями изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ каменьевъ и малень-

---

[1] Въ „Указателѣ для обозрѣнія Московской патріаршей ризницы и библіотеки“ архим. Саввы (Москва, 1858) не упоминается о саккосахъ константинопольскихъ патріарховъ свв. Сергія и Фотія ни между тѣми, которые теперь находятся здѣсь на лицо, ни въ числѣ тѣхъ, которые въ разное время были розданы или утратились.

Изъ находящихся въ ризницѣ указывается на два саккоса митрополита Фотія, кои по описанію сходны съ названными Павломъ. О нихъ въ описи 1686 года говорится, что Фотій митрополитъ, поставленный въ Константинополѣ на Россійскій престолъ, оттуда „привезъ съ собою сія два саккоса... въ лѣто 6970 (1408) отъ сотворенія міра“.

кими образками среди шитья на этихъ надставкахъ, приводящихъ умъ въ удивленіе. Точно также и саккосы патріарха непремѣнно должны имѣть надставки къ рукавамъ изъ другой матеріи или иконы, шитыя золотомъ или низаныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, также бока и подолы должны быть изъ тяжелой матеріи съ письменами, шитыми золотомъ или съ крупными буквами изъ жемчуга.

Таковы облаченія не только въ землѣ московитовъ, но и во всей странѣ казаковъ. На всѣхъ облаченіяхъ обязательно имѣется сзади крестъ изъ жемчуга или изъ массивной парчи, а потому и мы здѣсь сдѣлали также на всѣхъ своихъ облаченіяхъ кресты, чтобы не смѣялись надъ нами и надъ нашими обычаями.

Прекрасная предусмотрительность! Какъ часто остаются у насъ обрѣзки матеріи и готовые кафтаны, которыхъ не хватаетъ на цѣлый стихарь, фелонь или саккосъ. Еслибы сшить изъ нихъ по упомянутому образцу, какъ я поступилъ со своими стихарями, и надставить рукава, оплечья и подолы изъ другой матеріи, то хватило бы и было бы красивѣе, какъ вы это увидите, если доживемъ.

Возвращаемся (къ разсказу). Затѣмъ они начали обѣдню, во время которой происходило рукоположеніе священника и діакона. Для чтенія Евангелія архидіаконъ вышелъ на амвонъ, а патріархъ сталъ у престола. Читали по-очередно стихъ за стихомъ съ протяжнымъ распѣвомъ. Началъ патріархъ. По прочтеніи каждаго стиха въ семь, восемь или не больше, какъ въ десять словъ, ударяли въ большой колоколъ одинъ разъ. Вотъ какъ это происходило. Пономарь становился у выходныхъ дверей противъ читающихъ, держа въ рукахъ деревянное било и всякій разъ, какъ онъ слышалъ окончаніе стиха патріархомъ, ударялъ въ било одинъ разъ. Его слышали съ колокольни и отвѣчали также однимъ ударомъ въ колоколъ.

По прочтеніи Евангелія звонили во всѣ колокола. То же происходило и при великомъ выходѣ. Такъ дѣлается только одинъ разъ въ годъ, въ этотъ день, какъ мы видѣли.

Во время великаго выхода дьяконы несли впереди всѣхъ модель города Іерусалима, въ срединѣ которой находились храмъ Воскресенія и Гробъ Господень со всѣми куполами и съ крестами на верху, какъ они есть на самомъ дѣлѣ, но все это было изъ серебра. Мы шли за ними съ митрами патріарховъ, наши товарищи несли омофоры за нами, а за ними дьяконы архіереевъ и архимандритовъ съ ихъ митрами. Предъ дискосомъ шли два дьякона съ кадилами, также и предъ священникомъ

(несшимъ потиръ). За дарами шли съ четырьмя рипидами, которыми вѣяли надъ ними.

Въ концѣ обѣдни патріархъ вышелъ на амвонъ, прочелъ поученіе Іоанна Златоустаго и совершилъ отпустъ, держа въ правой рукѣ крестъ, а нашъ патріархъ имѣлъ другой, ибо таковъ ихъ обычай держать крестъ въ теченіе всей этой недѣли; даже и священники не читаютъ отпуста безъ креста въ рукѣ.

До сихъ поръ у нихъ вовсе не было въ обычаѣ раздавать (послѣ обѣдни) антидоръ, но въ этотъ день нашъ учитель уговорилъ патріарха раздать, и его роздали народу, когда прикладывались ко кресту. И вотъ съ этого-то именно дня раздача антидора вошла въ обычай.

Потомъ принесли отъ царицы подносы съ очищенными крашеными яйцами и ломти хлѣба, испеченнаго съ шафраномъ. Никонъ прочелъ надъ ними установленную молитву, благословилъ ихъ и отослалъ царицѣ, а затѣмъ началъ раздавать и боярамъ такіе ломти и яйца.

Затѣмъ мы вошли (въ алтарь) и сняли свои облаченія. Мы вышли изъ церкви лишь въ девятомъ часу.

Въ приходскихъ церквахъ обѣдня была окончена рано утромъ.

Выйдя изъ собора, мы отправились съ патріархомъ къ нему на трапезу, которую онъ предложилъ у себя вмѣсто царя.

Когда мы выходили изъ церкви, ударили во всѣ колокола. Первое поданное за столомъ кушанье была черная и красная икра, а послѣ этого подавалась разная рыба. Таковъ ихъ уставъ, и къ этому они привыкли. Какой дурной порядокъ! Намъ казалось, какъ будто мы еще постимся и не разговлялись [1].

За столомъ пробыли болѣе двухъ часовъ и послѣ трапезы отправились опять въ церковь, чтобы воздать благодареніе Богу. При шествіи обоихъ патріарховъ туда и обратно звонили во всѣ колокола.

Совершивъ молитвы Панагіи и вознеся благодареніе, всѣ простились, и мы отправились въ свой монастырь. Мы не могли придти въ себя отъ усталости, испытанной нами во всю эту недѣлю. Послѣ этого мы нѣсколько дней прохворали отъ боли въ спинѣ и ногахъ.

На чужбинѣ для иностранца не бываетъ праздниковъ ни для кого, будь онъ хоть Александромъ (Македонскимъ).

---

[1] Какъ извѣстно, на Востокѣ безбрачное высшее духовенство, состоящее, за рѣдкими исключеніями, изъ непринявшихъ полнаго монашескаго постриженія, употребляетъ въ скоромные дни мясную пищу.

Въ продолженіе всей этой недѣли, послѣ обѣда ходятъ въ церковь воздавать благодареніе при (поднятіи) Панагіи [1].

Во всѣ дни этой недѣли мальчики и маленькія дѣти во всѣхъ приходахъ съ большою радостью звонятъ въ колокола безпрерывно днемъ и ночью, что̀ представляетъ для нихъ большую забаву и удовольствіе. Да будетъ вѣдомо тебѣ, читатель, что Пасха у нихъ продолжается до четверга Вознесенія.

Всякій, встрѣчаясь здѣсь съ друзьями и знакомыми, даетъ имъ красное яйцо и цѣлуетъ въ уста, говоря: „Христосъ воскресе“, точно также цѣлуются при встрѣчѣ и съ тѣмъ, кто возвратился изъ поѣздки.

Винныя лавки и питейные дома съ самаго начала поста до Новаго воскресенья (Ѳомина) оставались запечатанными, содержателямъ ихъ никоимъ образомъ не разрѣшается на Святой недѣлѣ открывать свои заведенія, ибо въ продолженіе ея за этимъ наблюдаютъ гораздо строже, чѣмъ во время Великаго поста. Равнымъ образомъ и въ теченіе всего года питейные дома, обыкновенно, остаются закрытыми отъ кануна воскресенья до утра понедѣльника, такъ же дѣлается и во время большихъ праздниковъ [2].

На этой недѣлѣ стрѣльцы рыскали по городу, какъ огонь, и если гдѣ находили пьянаго, производящаго безпорядокъ, то тащили его въ приказъ и засаживали подъ арестъ на нѣсколько дней, послѣ нанесенія многихъ ударовъ; это мы видѣли сплошь и рядомъ.

Что же касается патріарха Никона, то онъ на Страстной и на этой недѣлѣ ходилъ по тюрьмамъ и раздавалъ щедрою рукой милостыню заключеннымъ. За сидѣвшихъ должниковъ онъ уплачивалъ долги и освобождалъ ихъ. Еслибы царь находился въ Москвѣ, то, по своему обычаю, дѣлалъ бы то же самое.

Патріархъ (при посѣщеніи нашего владыки) обошелъ насъ и одѣлилъ праздничными подарками. Также анагносты и пѣвчіе приходили гурьбами поздравлять нашего владыку патріарха и пѣли ему *Христосъ Воскресе* и многолѣтіе. Онъ одѣлялъ ихъ деньгами и они уходили. Такъ это принято у нихъ.

Также приходили архіерейскіе анагносты и пѣвчіе и дѣлали то же.

---

[1] Очевидно, здѣсь, какъ и нѣсколько выше, Павелъ смѣшалъ обрядъ поднятія Панагіи съ обрядомъ употребленія артоса. См. объ этомъ „Русск. Истор. Библіот., изд. Археограф. Коммиссіею“, Т. III, Спб., стр. 131 и 132.

[2] Къ сожалѣнію, теперь совсѣмъ наоборотъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ переводчика..... III—IV

КНИГА VII.

Москва.

Глава I. Москва.—Въѣздъ патріарха въ столицу. Остановка и пребываніе его въ монастырѣ свв. Аѳанасія и Кирилла въ Кремлѣ 1

Глава II. Москва.—Возвращеніе патріарха Никона. Торжественный въѣздъ царя 3

Глава III. Москва. — Сборъ войска. Вторженіе въ Украйну поляковъ и подвигъ Хмельницкаго. Ратники изъ кочевыхъ племенъ..... 6

Глава IV. Москва.—Перепись подарковъ, привезенныхъ патріархомъ Макаріемъ 9

Глава V. Москва — Торжественный пріемъ патріарха Макарія царемъ. Свиданіе его съ патріархомъ Никономъ..... 14

Глава VI. Москва.—Архіепископъ сербскій. Угощеніе патріарха Макарія за царскимъ столомъ 24

Глава VII. Москва.— Подарки Макарія патріарху Никону и московскимъ боярамъ. Боярскія палаты. Постройки въ Москвѣ. Обычаи бояръ. Церковь московскаго богача..... 30

Глава VIII. Москва. — Царская милостыня патріарху Макарію и его спутникамъ. Пріѣзжіе греки и ихъ хитрости..... 37

Глава IX. Москва.—Торжество въ недѣлю мясопустную 40

Глава X. Москва.—Служеніе патріарховъ въ дворцовой церкви. Царская трапеза. Патріархъ Никонъ и перенесеніе имъ мощей св. Филиппа митрополита. 44

Глава XI. Москва. — Заупокойное служеніе въ Успенскомъ соборѣ 48

Глава XII. Москва. — Обѣдъ у патріарха Никона. Появленіе на обѣдѣ людоѣдовъ. Ихъ обычаи. Разговоръ съ ними Никона и угощеніе ихъ. 52

КНИГА VIII.

Москва.

Глава I. Москва.—О царѣ Іоаннѣ Грозномъ и завоеваніи имъ Казани, Астрахани и Сибири 58
Глава II. Москва.—О сибирскихъ мѣхахъ..... 63
Глава III. Москва.—О завоеваніи восточной Сибири, о тамошнихъ народахъ и произведеніяхъ. 67
Глава IV. Москва.—Завоеванія казаковъ въ восточной Сибири. Москва подъ владычествомъ татаръ и митрополитъ Петръ. Дань татарамъ. Укрѣпленія на южной границѣ..... 73
Глава V. Москва.—Татарскіе послы въ Москвѣ. Отношеніе русскихъ къ иностраннымъ посламъ и вообще къ иностранцамъ. Патріархъ Никонъ и богатый армянинъ. Торговля англичанъ 77
Глава VI. Москва.—Извѣстія о Грузіи, о царѣ Теймуразѣ и царицѣ Еленѣ..... 81
Глава VII. Москва.—Крещеніе иновѣрцевъ. Касимовскій царевичъ и польскій панъ. Окончаніе обѣда у патріарха Никона 87
Глава VIII. Москва.—Содержаніе духовенства Набожность царя. Алексѣй Михайловичъ и бояре 93
Глава IX. Москва.—Описаніе Успенскаго собора 97
Глава X. Москва —Архангельскій и Благовѣщенскій соборы ... 106
Глава XI. Москва.—Описаніе Ивановской и другихъ кремлевскихъ колоколенъ. Порядокъ звона въ колокола. Приготовленія къ отливкѣ колокола въ 12.000 пудовъ 109
Глава XII. Москва.—Служеніе въ воскресенье Сыропуста. Извѣстія съ театра войны. Назначеніе воеводъ. 117

КНИГА IX.

Москва.

Глава I. Москва. — Первая недѣля Великаго поста. Строгость поста. Жестокія наказанія за его нарушеніе. Монастырскіе подарки 121
Глава II. Москва.—Подарки отъ патріарха Макарія митрополитамъ Новгородскому и Ростовскому. О епархіяхъ и монастыряхъ. О слюдѣ..... ... 124

Глава III. Москва. — Торжественное служеніе патріарховъ въ Недѣлю Православія. Осужденіе иконъ новаго письма и двуперстія 127
Глава IV. Москва. — Огорченіе по поводу рѣшеннаго отъѣзда царя. Заупокойное служеніе патріарховъ въ Вознесенскомъ монастырѣ..... 139
Глава V. Москва. — Служеніе патріарховъ въ Успенскомъ соборѣ. Подарокъ отъ царя патріарху Макарію. Просьба его отпустить ихъ на родину. Проводы царя и отъѣздъ его. 141
Глава VI. Москва. — Численность и составъ русскаго войска на мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Союзъ со шведами. О государяхъ вообще и о султанѣ турецкомъ въ особенности... 146
Глава VII. Москва.—Затруднительное положеніе поляковъ. Тщетныя просьбы ихъ о помощи. Еще свѣдѣнія о числѣ русскихъ войскъ. Донскіе казаки. Русская артиллерія..... 150
Глава VIII. Москва.—Отношенія къ крымскимъ татарамъ. Причины ихъ безнаказанности. Пророческія слова митрополита Исы о татарахъ. Настоящее политическое положеніе 153
Глава IX. Москва. — Средства для содержанія войска. Выпускъ новой монеты. Бѣглецы изъ войска. Наказанія за разныя преступленія 156
Глава X. Москва. — Порядокъ управленія въ отсутствіе царя. Пріемъ у патріарха Никона. Патріаршій приказъ и тюрьма. Патріаршіе бояре. Доходы патріарха Никона. Его строгость къ духовенству. Ссылка келаря Троицкаго монастыря. Арсеній Сухановъ..... 158
Глава XI. Москва.—День тезоименитства царя. Служеніе въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Отпѣваніе монахини въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Описаніе монастыря 163
Глава XII. Москва. — Великопостныя служенія. Скудная пища. Соборъ въ Москвѣ. Служеніе патріарха Макарія у грузинской царицы Елены 168
Глава XIII. Москва. — Лазарева суббота. Вербное воскресенье. Шествіе на осляти 173
Глава XIV. Москва.— Служенія въ среду и четвергъ Страстной недѣли въ Успенскомъ соборѣ 180
Глава XV. Москва. — Чинъ омовенія мощей въ Великую пятницу. Чинъ плащаницы въ Великую субботу..... 185
Глава XVI. Москва. — Свѣтлое воскресенье. Обычай христосоваться. Закрытіе питейныхъ домовъ. 197

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ и НЕДОСМОТРЫ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
8	7 сн.	*Кумуки*	Кумыки.
30	4 сн.	въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго	въ началѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича.
33, 34, 35, 36, 37	въ заглавіи	кн. VI	кн. VII
42	1 св.	на обоихъ клиросахъ	обоими хорами
123	16 сн.	*боршъ*	*боршъ* (борщъ?)
126	13 сн.	камня	камня (слюды).
135	8 сн.	амвомъ	амвонъ
148	20 св.	рвахъ	окопахъ
156	5 св.	ихъ	его
167	13 св.	Блаженны	*Блажени* (*непорочніи*)
168	17 св.	Синодъ	Соборъ

2007051400